

Ирина Успенская

Практическая психология. Конт

Горячие авторские благодарности:

Ольге Макаревой — за самоотверженную вычитку и любовь к картошке,

Александре Таран — за ночные бдения в поисках компромиссов,

Татьяне Тутовой — за неизменную моральную поддержку,

моей семье — за то, что не вмешивались.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ — направление в психологической науке, изучающее на основе обобщенной теории индивидуальность, неповторимость человека в конкретных обстоятельствах его жизни, способы воздействия на него с целью оказания ему помощи и проявления возможностей.

Пролог

Там встретились ангел — мздоимец и демон — хранитель...

Они встретились под старым деревянным мостом, переброшенным через обмелевшую речушку без названия. Белокурый ангел в строгом черном костюме, похожий в своей скорби на служащего похоронного бюро, и босой кудрявый черт, одетый в «майку — алкоголичку» и узкие голубые джинсы.

— Ангел?

— Черт?

— Люди называют это косплей. Поиграем?

Некоторое время они оценивающе рассматривали друг друга, а затем, словно нехотя, обменялись легкими поклонами.

— На что играем? — Черт потряс стаканчиком для костей.

— Вавилова Виктория Викторовна, — скучающим голосом произнес ангел.

— На эту склочную бабу играть не буду! — Черт размашисто перекрестился и поплевал через левое плечо. — На сегодняшнем суде наше ведомство признало ее святой.

— А наше объявило, что для Небес она слишком грешна и ее место в Геенне Огненной, — сложив руки на груди, твердо заявил ангел.

Они несколько минут играли в гляделки. Первым не выдержал черт, он достал из кармана перочинный ножик и начал выцарапывать на деревянных опорах похабные словечки, старательно отворачиваясь от собеседника.

— Вась, ну что тебе стоит, а? Засунь ее куда — нибудь в пекло подальше, — с просящей улыбкой произнес ангел. — Мой шеф после разговора с ней три часа медитировал на водопад.

— А мой успокоительную настойку пил ведрами, — пробормотал черт Вася. — Не могу, Ксю, даже не проси! Я всего лишь куратор небольшого мирка, вот если бы...

Тут он замолчал и на секунду задумался, глядя на многозначительно кивающего ангела.

— Есть крепостная весчанка, которая вот — вот помрет от родильной горячки. Только твою протезе в ее теле через день на костре сожгут, и она вновь окажется у нас, но уже как мученица...

— Нет! — испуганно воскликнул Ксю. — Виктория Викторовна не заслужила такого посмертия. Ее жизнь не отличалась праведностью, но она никогда не шла наперекор совести, — строго произнес ангел, пролистывая золоченые страницы небольшого блокнота.

— Но тогда остается всего одно подходящее тело, и оно мужское, — вкрадчиво сообщил черт, хитро поблескивая глазами цвета раскаленной лавы. А то, что это тело слегка потрепано, сообщать совершенно не обязательно.

— Она за двое суток успела построить наших стражей, заставить их маршировать и распевать «Катюшу»! Думаешь, не справится с каким — то мужским телом? — И вообще, его это не касается, хоть в тело собаки, только бы избавиться от этой деятельной души. — Другие души, попадая в чистилище, пугаются, молятся, стараются вести себя вежливо и незаметно, а эта!.. Эта сунула свой несуществующий нос во все закутки нашего мира!

— А у нас она заставила босса подписать приказ о дополнительном ежемесячном выходном суккубам на основании того, что они женщины! — в голосе черта звучали искреннее недоумение и обида.

— А у нас заявила, что мужчинам в жизни намного легче! — перебил его ангел.

— А у нас сказала, что если бы она была мужиком, то стала бы президентом и «во, где бы вы все оказались!», — черт сжал кулак и в запале потряс им перед отшатнувшимся ангелом.

— А у нас... Так по рукам? — с надеждой спросил тот.

— А если узнают? — прищурился черт.

— Вась! Ты меня сколько веков знаешь? Зуб даю! Ни одной живой душе! Ты мне веришь?

— Верю, Ксю, но документы на тебе!

— Заметано! Переноси! Дадим ей в награду второй шанс, — пафосно заявил ангел. Пусть попробует стать президентом.

Он кротно улыбнулся, потирая руки, в то время как черт сложным пассом что — то начертал в воздухе, плюнул, свистнул и замер, закрутив хвост спиралью.

— Эй! Не забудь сознание изменить на мужское и память о прошлой жизни убрать! — вспомнил ангел, незаметно перебирая пальцами левой руки.

— Поздно, — хитро улыбнувшись, покаялся черт. — Я уже отправил.

— Специально?

— Сам понимаешь, облик обязывает. Делать пакости мне по статусу положено, — с довольной физиономией развел руки Вася. — Мы с тобой дети одного Отца, но благостность досталась лишь тебе. — Он в притворном смущении опустил глаза вниз, чтобы скрыть смех.

— Об этом твоём некрасивом поступке совершенно не обязательно упоминать в отчете, — решительно кивнул ангел. — По нектару? Я угощаю. И наконец — то снимем эти оболочки!

Он обнял черта за плечи, и они испарились, оставив после себя запах серы и ночных фиалок.

Ни один из них не признался, что привязал к себе возроденную душу связующей нитью бытия. Иметь своего адепта в новом мире мечтали оба.

ГЛАВА 1

Ступил тогда Создатель Ирий на поле пустынное,
и на том месте, где коснулся он земли,
выросла лоза благословенная. Зацвела она и дала плоды.
Возрадовались люди, рвали плоды и давили сок сладкий.
Увидел это брат его — Вадий Злокозненный и плюнул в сок,
забродил сок, и получилось вино, умы дурмнящее и веселящее сердца.

...Пятьдесят лет. Это много или мало? Для именинницы — мало, а для ее годовалого внука — много. Цветы, поздравления, шумная компания, смех и тосты. Не сходящая с лица улыбка, танцы, караоке.

— Созвонимся!

А когда дверь закрывается и в квартире наступает оглушающая тишина, улыбка сходит с лица. Пятьдесят. Это немало. Тебе кажется, что можно еще все поменять, наверстать, отыграть, но ежедневные звонки сыновей и их заботливое «Мама, как ты себя чувствуешь?» каждый раз напоминают, что в глазах окружающих ты уже солидная женщина, перешагнувшая черту, за которой жизнь начинает стремительно догонять уходящее за горизонт солнце. Банально, но факт. И совершать безумные поступки уже не по статусу. Не солидно, как говорит твоя подруга Леночка...

Виктории Викторовне Вавиловой — россиянке, матери троих взрослых сыновей — активной, любознательной, ироничной и уверенной в себе — впервые в жизни снился цветной сон. Словно она сидит на лавочке в парке и одновременно находится где — то еще. Вокруг ее тела снуют люди, верный пес, поскуливая, пытается запрыгнуть на колени, но его постоянно отгоняют две женщины в форменных куртках сотрудников «скорой», а дух Виктории Викторовны сидит на ветке старой липы и с любопытством следит за суетой внизу. Тривиальный сюжет, множество раз описываемый в книгах и проигранный в кинопостановках...

...Оказалось — не сон.

Бывает и так: живешь, учишься, работаешь, выходишь замуж, рождаешь детей, они вырастают, разъезжаются, заводят свои семьи, рожают тебе внуков, а ты все ждешь того момента, когда жизнь начнется. А жизнь имеет такое сволочное свойство — заканчиваться. И однажды, гуляя с собакой по осеннему парку, ты вдруг чувствуешь резкий укол в сердце, садишься на лавочку и тихо умираешь.

И вот тут начинается все самое интересное. Оказывается, после смерти ты никому не нужна. Ни богу, ни дьяволу. Конечно, они же оба мужчины! Зачем им прислушиваться к советам какой — то тетки? Хотя у тетки за плечами служба, заслуженная пенсия, еще десять лет работы руководителем в одной частной организации и четверо выращенных мужиков — трое сыновей и муж. Но... мир принадлежит мужчинам, и загробный мир тоже. Скука, короче, смертная....

...Пятьдесят лет. Это много или мало? Алан Валлид по кличке Бешенный считал, что это много, и что его папаша — конт Валлид — задержался на этом свете. Поэтому он и приказал своему верному слуге Берту приготовить ловушку. Простенькую и незатейливую. Ловчую яму с острыми кольями на дне. На большой поляне, где лесники заметили группу молодых оленей. О том, чтобы конт остался с сыном наедине, позаботился тот же Берт, уверенно направивший егерей в другую сторону. А так как все знали, что парень — доверенное лицо молодого хозяина, спорить с ним не осмелились. Слугу мучила совесть: старый хозяин хорошо относился к матери Берта, кормилице его единственного сына Алана, но ослушаться господина он не посмел. Уж очень скор был на расправу виконт.

Оставалось лишь молиться коварному богу Вадю, благосклонно относящемуся к убийцам, чтобы конт, увлеченный погоней, не свернул на соседнюю просеку. Заодно

свечу поставили и в честь светлого Ирия, сразу же прося прощения за неподобающий любящего сына поступок. То ли Вадий в своем коварстве решил потрепать молодому мужчине нервы, то ли Ирий в тот день взял выходной, но все прошло не так гладко, как рассчитывал виконт. Старый конт получил тяжелые ранения, но выжил, пришлось Алану осторожно спускаться в яму, чтобы добить папашу коротким ударом в сердце. Но прежде чем он успел занести нож, раненый открыл глаза.

— А ты вырос, ублюдок, — через силу улыбнулся конт, — но проклятая кровь мозгов тебе не добавила. Берт! — сипло крикнул он. Над ямой появилось бледное лицо Берта. — Скажи Нанни, чтобы рассказала новому конту Валлид о его рожде... — Умиравший ухватился окровавленной ладонью за рукав сына, закашлялся и испустил дух, но виконт на всякий случай загнал узкий клинок между шейными позвонками. Рисковать он не собирался.

— Создатель милостивый, прими душу грешную, — обмахнулся щепотью Ирия Алан, когда слуга помог ему выбраться из ямы.

Виконт внимательно оглядел себя. Сапоги и рукава рубахи были безнадежно испачканы в лошадиной крови. Заводную кобылу было жалко, ее за огромные деньги специально купили у горцев, чтобы скрестить с волоканским жеребцом Алана, но животное, в отличие от живучего папаша виконта, умерло почти мгновенно, напоровшись горлом на острый кол. А ведь он предлагал ему взять сегодня другого коня! Упрямый старикан! Даже сдохнув умудрился нагадить!

— Прими душу, Создатель, — проговорил Берт, отвлекая мужчину от размышлений.

Алан пристально всмотрелся в лицо слуги, покручивая между пальцами длинный охотничий нож, больше смахивающий на кинжал. Берт застыл, понимая, что сейчас решается его судьба. Жить или умереть. Свидетели конту были не нужны. Он рухнул на колени, низко опустив голову.

— Кир Алан конт Валлид, примите мои соболезнования в связи с кончиной вашего отца. Я счастлив и дальше служить вам.

Алан довольно улыбнулся и вдруг резко, с замахом, ударил ногой коленопреклоненного слугу по лицу. Берт не попытался уклониться, хотя мог бы, но тогда господин взбесился бы еще больше, и только Вадий знает, чем бы это закончилось.

Новый конт Валлид славился бешеным темпераментом и непредсказуемым жестоким характером. Высокий, широкоплечий, со смуглой обветренной кожей, темно — серыми, почти черными глазами и такими же черными волосами, с прямым носом и резко очерченными скулами, он мог бы быть симпатичным, если бы не презрительный взгляд и постоянное высокомерное выражение недовольства на породистом лице. Будучи виконтом, он вызывал ужас у весчан, живущих на территории графства. Безжалостный, эгоистичный, вспыльчивый — вот те эпитеты, которые сопровождали его имя. А еще он очень любил женщин и, хотя был женат, никогда не брал «подати девственности», а всегда использовал право первой ночи. Сколько раз Берту приходилось выводить из замка заплаканных, а иногда и избитых весчанок, он даже не считал. А уж теперь, став полновластным хозяином этих земель...

Берт так и застыл на месте, не поднимая головы. Тяжелые капли крови падали на вытопанную траву, но слуга боялся вспышки гнева господина и не рискнул зажать нос пальцами. Не впервые. Главное, чтобы перелома не было.

— Если проболтаешься, серв, я заставлю тебя сожрать собственный язык. И не посмотрю на то, что мы сосали одну титьку, — конт поставил ногу в стремя, собираясь сесть на лошадь.

В этот момент произошло несколько событий. Жеребец взвился на дыбы, молотя перед собой передними ногами, Алан не удержался и опрокинулся на спину, конь, по — собачьи взвизгнув, сделал огромный прыжок вперед и скрылся в чаще. Зарычал и попятился назад пятнистый тау, до сих пор мирно дремлющий в тени деревьев. Из кустов вышел самый жуткий хищник здешних лесов — короткомордый ведмедь. Стремительный, агрессивный, злобный и упрямый, как сто мулов. Бешено поводя налитыми кровью глазами, он метнулся к поднимающемуся конту.

Алан выхватил нож и полоснул зверя по морде, пытаясь поразить глаза. Хищник проворно отскочил, и Берт заметил короткую стрелу, которая как большая заноза торчала из спины животного. Странная стрела — короткая, черная с красным оперением, никто на фронтире не пользовался такими стрелами. Вот и причина чрезмерной агрессии. Берт закричал, подхватил с земли сук и начал сильно колотить по дереву. Егеря говорили, что ведмедя можно отогнать громким звуком, заодно и внимание других охотников привлечет. Тау с утробным рычанием закружил вокруг, но зверь обращал на него внимание не более чем на назойливую пчелу, а когда тот прыгнул, стремительным движением когтистой лапы разорвал кобелю живот. Но это отвлекло зверюгу от человека, и конт смог подняться на ноги. Берт заметил, что кожаный доспех, без которого кир Алан не выходил из замка, с левой стороны разорван, и поддоспешник стремительно наливается кровью. Господин был ранен. Берт кричал и стучал, жалея о том, что слугам нельзя носить оружие, а его хозяин пытался отбиться от раненного ведмедя...

...Приснится же такой бред. Но как реалистично! И чем это так воняет? Виктория Викторовна сморщила нос, пригнувшись. Страх закрался в мозг незваным гостем и затаился на периферии сознания. Воняло псиной, мочой, грязным телом, кровью, рвотой и... ладаном? Нет, что — то другое, но очень похоже. Именно этот запах исключил нелепую мысль, что она в плену. Значит, больница. И, судя по ароматам, не из лучших.

Мысли скакали, словно резиновые мячики: разбегались, запрыгивали друг на друга, разлетались, и она никак не могла сосредоточиться на одной, самой главной — что произошло? Болела голова и нестерпимо жгло в левом боку. Виктория попыталась открыть глаза, но веки словно кто — то склеил. Ну что же, раз нельзя открыть глаза, значит нужно попробовать открыть рот.

— Эй, кто — нибудь!

Из рта вырвался сиплый низкий голос. Ого! Это она так орала, что повредила голосовые связки? Даже когда болела ангиной, так не басила. Что же случилось? Собраться и попытаться мыслить логически. Если она парализованная, то и говорить не должна. А раз разговаривает, значит, может шевелиться. Виктория Викторовна попыталась пошевелить рукой. Ура, у нее получилось! Она подняла руку, чтобы ощупать глаза, ладонь зацепилась за что — то колючее, скользнула по подбородку и щекам. Это что? Борода? Тактильные ощущения говорили, что это ее лицо, но разум не мог поверить в то, что это реальность. Паника начала потихоньку овладевать рассудком. Но Виктория Викторовна гнала ее от себя. Мало ли, что с нею приключилось: может, болезнь, может, кормят гормонами. Не стоит сразу истерить!

Она осторожно дотронулась до шеи, коснулась рукой груди. Обнаженный торс. Волосатый! Плоский! Рука судорожно скользнула вниз и, если бы спазмы страха не сжали горло, не давая возможности крикнуть, Виктория Викторовна заорала бы громче звона корабельной рынды! Она была мужчиной! Рука дернулась, словно обожженная и безвольно упала вдоль тела. Сон? Но отчего так болит в боку и печет спина? И зуба нет верхнего, глазного... А у нее были все зубы.

Раздались голоса, стукнула дверь, по полу зацокали когти. На кровать запрыгнул кто — то большой и тяжелый, сильнее запахло псиной. Кожу обдало горячее дыхание, и шершавый язык, судя по ощущениям, величиной с лопух, облизывал лицо. Сердце предательски запрыгало между ребрами в попытке вырваться и сбежать в пятки.

— Ату, Кусь! Ату!

Приятный мужской баритон. Собака еще раз лизнула полуобморочную женщину и тяжело спрыгнула на пол.

— Кир Алан, жак си сатите? Иц ту Берт.

— Ничего не понимаю, — прохрипела Виктория низким голосом. Ни одного знакомого слова. Такого языка она никогда не слышала, поняла лишь, что имя говорившего Берт.

— Кусь, атарчи!

Мужчина что — то быстро говорил приглушенным голосом, затем раздался глухой удар

и звон разлетающихся черепков.

— Кир Алар, жак си сатите? — испуганно голос незнакомца раздался совсем близко.

— Ни черта не понимаю, — повторила с тоской Виктория Викторовна. — Воды. Дай воды умыться.

Мужчина вновь бегло заговорил, и она услышала в его голосе панику. Да что он там возится? Виктории просто необходимо было увидеть, где она находится, и понять, что ее окружает — реальность или галлюцинация. А быть может, ее накачали наркотиками, и все это просто плоды воображения затуманенного мозга?

Гость чем — то гремел, продолжая говорить. Виктория внимательно прислушивалась, старательно запоминая незнакомые слова. Раздался звук льющейся воды, и лицо промокнули холодной мокрой тряпкой. Особое внимание незнакомец уделил глазам. Наконец — то она смогла их раскрыть и тут же зажмурилась. Мама дорогая! Лучше бы не раскрывала. Значит, это был не сон. Ну, погодите у меня! Она ведь еще вернется и тогда... тогда вашему загробному миру мало не покажется!

Вот это влипла! Виктория Викторовна осторожно приоткрыла один глаза, затем второй. Взгляд сразу уткнулся в высоченный сводчатый потолок, явно сделанный не из гипсокартона, его поддерживали четыре колонны, вдоль одной стены расположился большой закопченный камин, в который при желании можно было засунуть поросенка. Тусклый свет проходил сквозь два узких высоких окна. Вместо прозрачного стекла — цветной витраж. Красиво, но света маловато. Одно окно было раскрыто, и она увидела синее — синее небо без единого облака. В поле зрения попал громоздкий стол, заставленный тарелками с остатками еды, кубками и глиняными кувшинами. В углу на трехногом табурете возвышались неровной стопкой листы желтоватой бумаги, придавленные большим кувшином. Посуда, похоже, была медная и серебряная. Над столом вились мухи. Полная антисанитария. На том кусочке пола, который был доступен ее взгляду, рассыпана солома. А в ней, наверное, мыши и насекомые. Мрак! Это какой же век?

— Кир Алан!

Виктория перевела взгляд на стены, сложенные из серого обработанного камня. Напротив кровати висела изумительно выполненная вышивка, украшенная бисером. Двое мужчин, похожие между собой, как могут быть похожи лишь братья — близнецы, стояли спина к спине, держа в руках опущенные вниз мечи. Только вот выражение лиц у них были разные. Один смотрел внимательно и строго, словно знал, какие неприличные слова вертятся в голове у лежащей на кровати женщины, и осуждал ее за это. А второй просто весело скалился, его глаза были вышиты черным, поэтому казалось, что на лице мужчины вместо глаз два бездонных тоннеля. Вышивальщица обладала незаурядным талантом, сумев передать при помощи ниток и бисера совершенно разные характеры. Обрамляла вышивку виноградная лоза. Интересно, кто это?

— Кир Алан!

Виктория медленно повернула голову. Вот и первый абориген. Судя по всему — это и есть Берт. Светловолосый парень. Симпатичный, но какой — то взъерошенный. Не старше двадцати двух лет. Грязная серая льняная рубаша, подпоясанная бело — синим тканым поясом, такие же серые штаны, широкие и бесформенные. Он стоял возле кровати и смотрел, как ей показалось, с плохо скрываемым злорадством. Раздался стук, и рядом кто — то громко засопел. Японский городской! Это что, местная собачка? Огромный пятнистый зверь с длинной пастью, полной острых зубов, с торчащими на загривке острыми иглами, мало походил на домашнего питомца. Зверюга сидела на полу, а ее голова возвышалась над кроватью на полметра. «Адская гончая» преданно смотрела на Викторию желтыми круглыми глазами. Равномерный глухой стук издавал толстый хвост, напоминающий полено, которым милый «песик» радостно барабанил по полу.

— Кир Алан! — блондин наклонился, и она почувствовала резкий запах лука.

— Привет, — попыталась улыбнуться Виктория Викторовна. Был у нее еще в прошлой жизни такой небольшой пунктик — она не выносила, когда кто — то дышал ей в лицо. Сразу начинала задыхаться, словно у нее воровали воздух. Вот и сейчас Виктория

подняла руку и отпихнула от себя склонившегося к ней парня.

— Арста, конт. Тас киндо взвар, — забубнил Берт, одной рукой приподнимая ей голову, а второй прижимая к губам чашку с отваром.

Виктория Викторовна принялась. Травяной сбор. В горле пересохло, и она с удовольствием выпила горькую жидкость. Парень довольно улыбнулся, промокнул ей губы мокрой тряпкой, а затем, что — то говоря, скинул одеяло и помог повернуться на бок. Он осторожно смазал раны на боку и спине зеленой мазью, пахнувшей болотом, а затем прикрыл их чистыми белыми тряпками. Судя по тому, как подрагивали его руки, Берт боялся причинить боль, но Виктория спокойно дала обработать раны, только несколько раз процедила сквозь зубы неприличные слова, когда слуга слишком сильно надавил на рану в боку.

То, что он сделал дальше, вызвало у Виктории Викторовны шок и едва не привело к полноценной истерике. Берт, что — то тихо проговорил, привычным жестом протянул руку и застыл на месте, увидев ошалелый взгляд.

— Ты куда руки тянешь, ...! — она едва не рычала от возмущения. Мало того что заперли в мужском теле, так еще всякие извращенцы пытаются облапать!

— Пис, пис, — пролепетал парень, показывая на пол.

— Что? На пол? А горшки здесь еще не изобрели? — заорала Виктория, наконец — то поняв, что от нее хотят.

Парень испуганно упал на колени и склонил голову.

Черт! Да что же это такое?! Лежать нагишом перед незнакомым мужчиной было неприятно и холодно, поэтому она попыталась успокоиться. Глубокое дыхание и медленный счет до десяти помогли справиться с дрожью в руках и желанием что — нибудь разбить. Нужно срочно вставать и изучать местный язык. То, что она здесь не простой человек, Виктория поняла сразу, увидев, с каким почтением к ней обращается слуга. Но очень бы хотелось знать, насколько непростой?

— Берт! — позвала она. Парень подполз ближе, она ткнула рукой в большой глиняный горшок, который стоял на столе, и вопросительно посмотрела в глаза Берта.

Слава богу, он оказался не идиотом. После нескольких минут пантомимы и рычания слуга наконец — то догадался, что от него требуется. Но, прежде чем отдать горшок хозяину, который почему — то сегодня наотрез отказывался от его помощи, он громко и четко произнес название предмета.

— Джбан, — старательно повторила Виктория несколько раз подряд. На память она никогда не жаловалась и надеялась, что вместе с душой это тело получило и ее мозги.

Дальше стало легче. Берт, тщательно проговаривая, называл каждый предмет в комнате, а она повторяла. Некоторые слова произносила сразу правильно, а некоторые переспрашивала и старательно повторяла по много раз. А затем ткнула пальцем в пачку бумаг, давая понять, что собирается не только учить речь заново, но и учиться писать. Судя по удивлению, проскользнувшему на лице слуги, для него это было странно и неожиданно. Похоже, реципиент никогда не стремился к знаниям. Может быть, он считал, что искусство мечника более важно, чем искусство писаря? Пока Берт чинил перо и ходил за плошкой с чернилами, Виктория провела ревизию организма. Множество синяков, поджившая рана на затылке, вывих ноги, на спине несколько неглубоких ран и нехорошая болезненная рана на боку. Рассмотреть ее она не смогла, было тяжело сгибаться — судя по всему, ребрам тоже досталось. Интересно, кто это так обработал не хилого, в общем — то, мужчину?

Вернулся Берт в сопровождении двух парней, одетых в такие же, как у него, замызганные серые холщовые штаны и рубахи. Только поясов у них не было. Они принесли несколько дополнительных подушек и устроили при их помощи вполне сносное кресло. Следом еще один мужчина — русобородый и могучий — притащил маленький столик, который удобно ставить на кровати поперек тела. Он что — то спросил, но Виктория его не поняла. Богатырь только головой покачал.

Виктория с энтузиазмом принялась за изучение языка. Ей просто необходимо было занять мозг, чтобы не свихнуться. Язык оказался на удивление легкий, очень похож на чешский, который она неплохо знала. К вечеру Виктория уже могла назвать все предметы в комнате. Узнала, что местная «собачка» называется тау, и что сука, которая лежит у ее кровати, носит гордую кличку Кусь. Еще она выяснила, что ее имя Алан Валлид, и что она — точнее, он — конт. Конт — это тот же граф. Неплохо, неплохо. Берт оказался Альбертом, он был молочным братом ее реципиенту. Это удалось выяснить не столько при помощи слов, сколько при помощи долгого махания руками, имитации детского плача и подсунутыми под рубашку на груди тряпками.

Берт несколько раз пытался её накормить, но Виктория только нетерпеливо отмахивалась и пила травяной отвар, отказываясь от еды. К вечеру слуга заметно устал, и она с сожалением решила остановиться. Жестами приказала навести в комнате порядок, что тоже вызвало удивление. Но Берт не посмел ослушаться. Те же молчаливые мужчины, что приносили подушки, заменили в железном подсвечнике свечи, смели старую солому и застелили новую, убрали со стола и внесли в комнату два деревянных стула с высокими спинками.

Виктория сразу заметила перемену в настроение слуги. Парень засуетился, как только принесли стулья. Он с виноватым лицом что — то неразборчиво прошептал, убирая столик с кровати и быстро пряча исписанные бумаги в стол. Затем раскидал подушки и уложил хозяина, накрыв его одеялом до подбородка.

— Берт, кто идти? — спросила она у слуги.

— Манжелика и ксен, — парень указал пальцем на правую руку конта.

Виктория поднесла к лицу ладонь и только сейчас обратила внимание на толстое золотое кольцо, виноградной лозой обвивающее средний палец. Обручальное? Жена? У нее есть жена? Виктория Викторовна едва не задыхнулась от возмущения. Она открыла рот, чтобы выдать в воздух все, что думает о тех, кто её так осчастливил, но не успела. Дверь открылась, и в комнату величаво зашел худой мужчина в серой сутане, но не на него с ужасом смотрел конт Валлид. Следом за ним в дверьплыло бледно — голубое облако с темно — русой косой. Розовые губы растянулись в скорбной улыбке, от этого щеки стали казаться еще больше. Дама поднесла к узким щелкам заплывших жиром глазок платочек и всхлипнула, отчего оба ее подбородки затряслись.

— Ах, Алан... — проронила она приятным голосом.

Виктория судорожно вздохнула и потеряла сознание.

ГЛАВА 2

У великого духа Неба родились два сына.

И назвал он их — Ирий и Вадий.

Оба были статны и красивы.

Любили они друг друга,

несмотря на то, что всегда соперничали,

И тогда Отец Небо создал для них мир.

«Владейте», — сказал он им.

На замковой кухне царила предутренняя суета. Старшая кухарка зычным голосом, которому завидовал даже Рэй Молчун капитан стражи, раздавала приказы. Двое рослых рабов тягали воду от колодца, еще двое носили дрова, складывая их у большой печи, не успевшей остыть с вечера. Там, за заслонкой, в глиняном горлаче томилось молоко. Госпожа контесса любила утром, сразу после сна, выпить чашечку теплого напитка со свежими булочками. Опару кухарка поставила еще с ночи и теперь ожесточенно вымешивала тесто, словно оно было виновно во всех ее бедах. При этом она не переставала следить за тремя своими помощницами, чтобы не болтали попусту, а делом занимались. Скоро рассветет, рабы отправятся в поле, а перед этим их надо накормить да с собой дать «на перекус», а там и воины придут завтракать. В замке жило много народу, и есть хотели все.

В кухню, смачно зевая, вошел Берт, на ходу подпоясывая рубаху. Он уселся за стол напротив кухарки и, протянув руку, отщепил кусочек теста от кругляша, который женщина как раз опускала в большую глиняную миску.

— Как был дитем, так дитем и остался, — вздохнула кухарка, ставя миску на теплый припечной залавок и покрывая ее чистым холстом.

— Тетка Райка, кур скока сёдня бить? — спросил заглянувший в кухню мальчонка.

— Двух цыпят трехнедельных господину на бульон да пяток взрослых, — прикинула кухарка, вытирая руки о передник, и повернулась к Берту. — Снедать будешь?

Парень кивнул. Райка поставила перед ним тарелку вчерашней пшенной каши, а сама уселась напротив, подперев голову рукой.

— Красавчик, может тебе молочка свежего плеснуть? С вечерней дойки, — подлетела к столу круглолицая молодка со жбаном в руках.

Берт тотчас подставил кружку под тягучую, густую струю, кухарка только головой покачала. Все сливки слила, негодница, да только зря. Берт на сеновал — то с тобой сходит, а вот жениться его сам Вадий не заставит. Если только господин прикажет. Дурные девки, очевидного не видят. Сколько глупых не гоняй, а им словно намазано!

— Ну, рассказывай. Что там конт? Может, пора и по нему готовить поминальный пир? — с легкой надеждой в голосе поинтересовалась она.

— Вчера пришел в себя, — хмуро сообщил Берт, помешивая деревянной ложкой кашу, в которую щедро плеснул молока. — Все были уверены, что не встанет. Ксен даже красные свечи приготовил, что после погребения старого господина остались.

Кухарки переглянулись и разочарованно вздохнули.

— Жалко старого конта. Неплохой господин был. — Райка осенила себя щепотью Ирия. — Ежели конт Алан помрет, кто хозяином будет?

— Госпожа Храму все отпишет, вот посмотрите, — прошептала одна из женщин. — Она на нашего ксена как на Ирия смотрит. Как господин этого не замечает?

— А может и замечает, да не вмешивается, — заговорщицки подмигнула та молодка, что налила Берту молока. — Господин наш мужчина видный да силой не обделен, но, говорят, к госпоже только в сильном подпитии ходит.

— Ты не болтай глупостей! — прикрикнула на нее Райка. — Не наше это дело. Берт, расскажи про кира Алана.

— Речь забыл, вообще забыл, — поделился новостями Берт. — Говорить заново учиться. Лекарка сказала, что такое бывает, когда кровь дурная в голову ударяет. Как очнулся — долго смотрел по сторонам, словно соображая, где находится. А как жену свою увидел, так сознание и потерял.

— Небось от счастья, — хихикнула одна из кухарок, озорно блеснув глазами. — А ксен что говорит? Не вселился ли в нашего господина дух анчуты? — И она осенила себя щепотью Вадия. Солнце только — только из — за моря подниматься начало, а значит, Темный может еще и нашкодить. В тесто плюнуть али молоко закислить. Лучше и его умаслить. — Неужто ксен ничего не сказал?

— Кусь признала хозяина, — коротко сообщил Берт. Кухарки понятливо кивнули, тау чуяли человека и если он становился одержимым, всегда могли распознать. — Господин от еды вчера отказался. Вы бы сегодня приготовили его любимое. Станный он какой — то, как бы беды не было, — пробормотал Берт, и они с Райкой многозначительно переглянулись.

Виктория в это время тоже не спала. Она пыталась справиться с начинающейся депрессией, зная, стоит поддаться хандре и остановиться будет сложно. Лучший способ борьбы с угнетенным состоянием — это злость. Но разозлиться никак не получалось. А вот выть хотелось, и поводов для этого было предостаточно. Во — первых, она почувствовала всю прелесть утренней эрекции, что вызвало у нее когнитивный диссонанс. Сходить в туалет получилось с большим трудом и, что самое ужасное, — она совершенно не знала, что с этим делать! Да и делать ничего не хотелось! Ей было противно дотрагиваться до себя, новое тело вызывало отвращение. А ведь с ним придется жить долгие годы!

Конт Валлид заскрипел зубами и со злостью стукнул кулаками по кровати. Как можно с этим смириться?

Во — вторых, хотелось в туалет по большому, но она представить себе не могла, как это происходит в этих условиях. Может быть, тоже на соломку?

На бледном лице лежащего на подушках мужчины появилась гримаса отвращения.

Лучше потерпеть, а там ведро потребовать. Ведра у них есть?

В-третьих, жутко чесалась грязная голова, а еще она обнаружила на себе блоху, и это усугубило и без того отвратительное настроение. Ну и, в-четвертых, бок был горячим, рана пульсировала и болела. Все это и множество других «мелочей» — незнание языка, грязная постель, волосатое мужское тело, отсутствие элементарных удобств и жена в придачу — не располагало к веселью. Виктория Викторовна попыталась иронизировать, но вся её ирония сводилась к банальной матерщине. Чем она с наслаждением и занималась последние полчаса, мечась между подушками.

Курить хотелось невыносимо. А говорят, это привычка организма. Да ничего подобного! Этот организм никогда не знал никотина, но память услужливо подбрасывала воспоминания, отчего легкие словно наполнялись дымом. Черт! Она ведь бросила курить лет пять назад, когда увидела у младшего пачку сигарет. Тогда они и бросали, вместе. Как там ее мальчишки? Хорошо, что все уже взрослые, самостоятельные люди. Грустят, наверное. И она никогда не увидит, как растут ее внуки. Мужа жалко. За двадцать семь лет совместной жизни они научились понимать друг друга без слов и, хотя любовь уже перешла на совершенно другой уровень, ему будет труднее всех. На первых порах, конечно, поможет Леночка, она крестная их детей и близкий друг семьи. Было бы здорово, если бы они сошлись, тогда за мужа можно было бы не волноваться.

Мужчина на мгновение замер, из темно — серых глаз покатились слезинка, он поднял руку и резким движением смахнул ее с лица.

Не время! Если об этом думать, она вообще расклеится. Не сейчас! Все у ее мальчиков хорошо! Они с мужем вырастили настоящих мужчин. Не пропадут!

Конт Валлид осторожно сел, опираясь спиной на большую подушку, прижатую к шершавой стене. Стало жарко, мужчина резким движением откинул меховое одеяло.

Лучше бы она этого не делала! Глаза тут же нашли неоспоримое доказательство принадлежности к другому полу!

Из горла конта вырвался свистящий звук, похожий на шипение испорченного радио. Рука непроизвольно дернулась в поисках тяжелого предмета, которым можно было бы запустить в стену. Хотелось орать, бить посуду и искать виновных. В голове крутилась единственная мрачная мысль. Плюнуть на все, отказаться от еды, дать ране воспалиться, получить заражение крови и умереть второй раз. А уж там... в загробном мире отыграться за то унижение, которому ее подвергли высшие силы! Это было заманчиво, но где гарантия, что в отместку ее не засунут в тело какого — нибудь хорька? Да и вернуться хотелось «со щитом», чтобы утереть нос всем этим бессмертным существам. Виктория протянула руку к лежащим на табурете листам плотной бумаги. Тут же стоял стаканчик с новыми перьями и плошка с чернилами. Она макнула перо в синюю жидкость и задумалась. Было немного страшновато, вдруг эта подаренная жизнь последняя? Вдруг больше она никогда не ощутит тяжести рук, боли в боку, холода и жара? Она вздохнула. Летящие округлые буквы русского алфавита мягко легли на плотную бумагу. «Лучше жить, чем просто сдохнуть. Дышать, совершать безумные поступки, не боясь умереть, потому что теперь я точно знаю, что смерть — это еще не конец. Но как же там скучно!»

Но... Когда Виктория вспоминала о контессе Литине — своей жене, у нее начинал дергаться глаз. Тут позавидуешь настоящему конту Алану. Умер мужик и теперь ему совершенно не нужно заботиться о продолжении славного рода Валлид.

Конт скривился и с ненавистью посмотрел на висящую напротив кровати вышивку. Картина была ни в чем не виновата, но больше претензии предъявить было некому. Виктория еще вчера поняла, что это местные боги. Берт постоянно оглядывался на картину, когда обмахивался сложенными в щепоть пальцами. Круг справа налево, когда поминал Ирия, и слева направо, когда из его уст звучало имя Вадия.

Нет, ну как этого конта Алана угораздило жениться на этой девице? Бедняга. Мужчина покачал головой и тут же застонал, сжав кулаки. Женщина в нем зашла в бессильной злобе. Бедняга? Гад он, а не бедняга! Гад! Как посмел подохнуть и оставить на неё эту тушу голубого кита! Ему теперь хорошо, а ей здесь отдувайся! Не мог найти себе молоденькую, хрупкую, опрятную и красивую девушку? А может, у контессы душа прекрасна? Ха — ха — ха!

Конт разразился хриплым истерическим хохотом. За дверью что — то грохнуло, кто — то испуганно вскрикнул, и это помогло ей взять себя в руки. Зажав рот ладонью, изредка икая и всхлипывая, он постепенно успокоился. Но все равно прошло не менее четверти часа, пока мужчине с трудом удалось прекратить истерику. Однако стоило прикрыть глаза, как перед внутренним взором вновь возникло круглое лицо контессы. Ну что за наваждение! По телу словно озноб пронесся, и конт натянул на себя мех. Мысль о том, что придется взять за руку эту чужую женщину, вызывала тошноту. Это неприемлемо! Даже будь контесса Литина мисс Вселенная, никогда Виктория Викторовна Вавилова не ляжет в одну постель с женщиной! Никогда! Да ни за какие блага! Лучше смерть!

Мужское тело резко повернулось на бок и замерло в неудобной позе. Боль в ранах и ребрах помогла справиться с отчаянием.

Она ощущает себя стопроцентной женщиной, несмотря на то, что между ног у нее теперь болтаются яйца!

К потолку полетел короткий хриплый вопль.

Забрали тело, отчего не забрали память? Сволочи! Все же нашли средство отомстить. И кто же она теперь? Транссексуал? Этого только не хватало! Виктория зарычала, колотя ногами по постели. Будь она здорова, уже металась бы по комнате, снимая стресс набеганными метрами.

А если ей понравится мужчина? Как это будет выглядеть со стороны? Возможны ли в этом мире такие отношения? Черт, о чем только она думает! Даже если ей понравится мужчина... Перед глазами встали кадры Берлинского гей — парада, и Викторину передернуло. Нет! Нет и еще раз — нет! Она схватила чернильницу и со всей силы запустила в стену. Удар оказался сильным, плошка разлетелась на множество осколков, оставив после себя мокрое синее пятно на серой стене и резкую боль в ребрах. Дверь тотчас распахнулась, и в комнату заглянула перепуганная рыжая девица. Виктория запрокинула голову и заорала в бессильной ярости. Девица пискнула и захлопнула дверь.

Безумный взгляд запавших глаз переместился на вышивку, и Виктории Викторовне показалось, что боги глумливо усмеваются, глядя на ее мытарства. Веселитесь? Смотрите сверху и делаете ставки? Думаете, загнали в угол? Так вот, дорогие, — фиг угадали! Она придумает, как выбраться из того дерьма, в которое её засунули! Она докажет! Не на ту напали! Найдет общий язык с новым телом, подомнет его под себя, справится с гормонами, если, не приведет Господь, они попытаются диктовать свои условия. Виктория хрипло засмеялась, ощущая себя сумасшедшей. Она общается с телом, словно оно не её, воспринимает разум, как нечто совершенно отдельное, не первый ли это признак шизофрении?

Прокричавшись, Виктория с удивлением заметила, что ей стало легче, и она может мыслить разумно. Тело конта расслабленно опустилось на подушки. А собственно, чего она психует? В каждой гадости нужно искать хорошее. Разве не это всегда было её жизненным кредо? Что страшного в нынешней ситуации? Всегда немного завидовала сослуживцам. И с карьерой им легче, и физически они более защищены, и домашние дела их касаются меньше, и футбол — святое. Короче, быть мужчиной не так уж и плохо. Особенно в это время. Насколько было бы хуже, попади она в тело служанки, бесправной и смазливой, которая не имеет права отказать господину. А вдруг случилась бы беременность? Она живо себе это представила. Ужас! Нет, все же хорошо, что она мужчина! А с женой что —нибудь придумаем. Вот узнает больше о мире и придумает. Да и болеть можно долго, очень долго... и всегда можно свалить на болезнь свою мужскую несостоятельность. Немножко хитрости и лицедейства никому не повредят.

Виктория Викторовна оскалилась, глядя в окно на виднеющийся кусочек предрассветного неба. Значит, мужчина? Ну что же, она принимает вызов.

— Берт! — заорал конт Валлид.

Перепуганная служанка бежала так быстро, что не успела вовремя затормозить и с разбегу налетела на ксена, выходящего из своей комнаты.

— Простите, брат Взывающий! — дрожащим голосом произнесла девушка, низко кланяясь. — Там хозяин проснулся. Кричит на непонятном языке, требует Берта, — не дожидаясь ответа ксена, затараторила она со страхом в голосе. — Жуть, как страшно.

— На незнакомом языке, говоришь? — заинтересовался ксен.

— Ирием клянусь! — девушка прижала к груди руки. — Неужто конт после удара по голове совсем рассудка лишился?

— Много болтаешь. А может, твоим языком Вадий нечестивый вещает? — жестко произнес ксен, пристально вглядываясь в конопатое лицо. Страшненькая, да и грудь маленькая, но припугнуть стоит. Под его взглядом девушка словно уменьшилась в размере. — Иди за Бертом и держи язык за зубами, если не хочешь, чтобы тебя отправили чистить нужники. — Он осенил служанку знаком Ирия и решительно направился в покои конта.

Через несколько минут его догнал запыхавшийся Берт, пытающийся пятерней расчесать лохматые волосы, в которых застряли золотистые соломинки.

— Благословите светлым Ирием, брат Взывающий. — Слуга склонил белокурую голову. — Меня кир Алан вызывает, — доверительно сообщил он после того как ксен возложил ему на макушку ладонь.

— Что — то я тебя давно на исповеди не видел, Берт, — ксен решительно шагал по

коридору. — Плохо, когда человек забывает о боге, так и до скверны недалеко.

— Так недосуг было. То похороны, то хозяин без памяти лежал, а я при нем день и ночь.

— Для Создателя время должно находиться всегда, — строго произнес Взывающий. — Взывать не забываешь? — Берт замотал головой. — Верность твоя хозяину будет вознаграждена. Как кир Алан? Память к нему вернулась? — словно между прочим поинтересовался мужчина, одергивая сутану.

— Все понимает, но сказать не может. Мычит и пальцем в вещи тычет. А как услышит название, так словно вспоминает. Лекарка говорит, что так бывает, когда по голове сильно бьют.

— Больше ничего странного? Слов незнакомых не произносит?

— Орет, кубками бросается, — пожал плечами Берт, не поднимая глаз от пола. — Все, как и раньше, просто ослаб очень. Но госпожа контесса выгнала лекарку, сказала, молитва Ирию лучшее лекарство.

Берт не стал уточнять, что друида, уходя, обвинила контессу в желании мужу смерти. Ворожея была лучшей травницей и лекаркой в этой части фронта, поэтому хозяйка сделала вид, что не слышит шепота женщины. Даже если это правда, кто посмеет ее за это осудить? Смерти виконта хотели многие, но мало кто осмеливался говорить об этом вслух.

— Пока кир Алан болеет, слово кирены закон, — рассеянно ответил ксен, думая о чем — то своем.

Берт бросил на него быстрый, внимательный взгляд и вновь опустил глаза вниз. Отчего он не рассказал ксену правду, парень даже сам себе объяснить не смог бы.

— Берт, вода! — едва открылась дверь, скомандовал конт Валлид и осекся, увидев, как в комнату входит давешний священник.

Виктория бросила на мужчину в сутане внимательный взгляд и тут же прикрыла глаза, словно силы покинули израненное тело. Ей хватило одного беглого взгляда, чтобы понять — перед нею стоит либо религиозный фанатик, либо человек, очень хотящий оным казаться. Старая, вытертая на локтях и по вороту сутана из грубой шерсти, подпоясанная обыкновенной зеленой веревкой, висела на ксене, словно на палке с перекладной. Из — под нее выглядывали некогда черные, а теперь изрядно потертые кожаные мягкие тапочки, напоминающие чешки на веревочках. Судя по тому, что держался ксен немного скованно и излишне прямо, под сутаной надета либо непривычная ему кольчуга, либо вериги. Высокий, худой, гладко выбрит, со впалыми щеками и светлыми, почти прозрачными голубыми глазами. Взгляд из — под капюшона — цепкий, внимательный, недоверчивый. Неужели что — то заподозрил? Опасный тип. Такого нужно держать либо рядом, либо как можно дальше. Интересно, что его привело в такую рань? Вчера раненый слишком быстро потерял сознание, чтобы ксен успел рассмотреть что — то во взгляде лже — конта. Проверяет?

Ксен тем временем подошел к кровати и, положив прохладную руку на лоб конта, начал петь речитативом. Ну прям рэпер. Виктория чуть приоткрыла один глаз. Берт стоял за спиной священника и пристально смотрел в лицо киру Алану. Увидев, что хозяин на него смотрит, он приложил палец к губам. Конт понимающе скривился. Слуга предупреждает, чтобы она не ляпнула ничего на неизвестном здесь языке. Лучше сделать вид, что от удара возникли проблемы с головой. Видела она в своей жизни людей с расстройством речи, поэтому симитировать это состояние труда не составит. А вот что делать с Бертом? О чем он догадался? И если понял слишком много, то кем станет — врагом или другом? Что их связывало с реципиентом, кроме кормилицы?

Ксен перестал молиться, осенил конта священным кругом, что — то буркнул кланяющемуся Берту и, бросив на больного еще один внимательный взгляд, быстро вышел из помещения. Сложно понять, что у него на уме. Но с этим святошей будут проблемы. В этом женщина была уверена. Ладно, о том, что с ним делать, она подумает позже, когда будет больше информации. А сейчас — мыться и учиться, учиться, учиться. Чем быстрее она освоит местный язык, тем быстрее поймет, как ей себя вести дальше. И

еще нужно обязательно посмотреть, что там за рана на боку. Уж очень болезненная и горячая, как бы действительно заражение не получить. Конт криво усмехнулся, представив свое появление в одном известном мире. Эта его ухмылка отчего — то перепугала слугу до испарины на лбу. Нужно бы в зеркало глянуть, может, реципиент страшен до такой степени, что любая его гримаса вызывает у окружающих произвольный ужас? Это будет весело. Чего скрывать, Виктория любила красивых людей и надеялась, что мужчина, которым она ныне представлена, будет симпатичным. Ей казалось, что это поможет смириться с неизбежным злом.

— Берт, — конт поманил слугу к себе сложенными пальцами. — Вода. Много. Мыть.

— Нельзя вам мыться, господин. Раны еще не зажили, — попробовал сопротивляться Берт, но конт ухватил его за воротник рубашки и подтянул к самому лицу. Откуда только силы взялись в исхудалом теле. — Быстро! — прошипел он, и Берт не посмел перечить, услышав в голосе мужчины знакомые рычащие нотки.

Виктория, сидя в подушках, с интересом следила за приготовлениями, подмечая мелочи. Например, отчего тканый пояс был лишь у Берта, и почему ему тоже кланяются «беспояные» слуги? Не так низко, как конту, но все же. Может, пояс — это знак отличия, показатель более высокого статуса?

Сначала двое парней притащили большое глубокое деревянное корыто, похожее на челн. Его поставили посреди комнаты. Затем четверо мужчин принесли по два ведра воды. Семь ведер вылили в корыто, а одно оставили стоять рядом, накрыв сложенной в несколько раз тряпкой, как оказалось — полотенцем.

Конт протянул руку, и Берт тотчас подставил под нее плечо. Стоило встать, как мужчину повело в сторону, и он повис на парне всей своей массой, с удивлением замечая, что реципиент выше слуги, хотя тот был немаленького роста.

Черт! Ходить тоже придется учиться заново, привыкая к новому телу! Она про себя выматерилась.

Вода! Теплая вода! Какое это удовольствие! Подумаешь, раны и ссадины начали пощипывать. Ну и что, что колени выпирают, зато можно облокотиться на высокий борт и расслабиться. Как мало нужно для счастья! По лицу конт разлилось блаженство, в уголках глаз блеснула влага.

В комнату тихонько зашли две испуганные молоденькие девушки, лет по пятнадцать, не старше. Обе в бесформенных серых платьях и белых косынках, повязанных назад под длинными косами. Одна несла перед собой таз с водой, вторая тащила низкий табурет, на котором стояла глубокая миска с мыльной пеной и лежала мочалка из люфы!

Увидев мочалку, Виктория чуть не всхлипнула. Таким родным показался ей этот предмет. Как же мы не ценим то, что нам кажется обыденностью! Сейчас этот кусок люфы казался ей самой дорогой вещью на свете, которую она не променяла бы ни на какие сокровища этого мира. Пока конт любовно гладил мочалку, кривя губы в совершенно безумной улыбке, девушки перестелили постель, вытряхнули одеяло и замерли за спиной господина.

Берт громко и отчетливо продолжал называть новые предметы и действия, а Виктория тщательно запоминала слова. Все же хорошо, что в свое время ей пришлось выучить чешский язык, иначе сейчас было бы намного тяжелее. А так она чувствовала себя собакой. Понимала почти все, но сказать не могла.

За окошком взошло солнце, его первые веселые лучи протянули свои щупальца в комнату, отражаясь неровными оранжевыми всполохами в воде. Девушки, стараясь не сталкиваться с контом взглядом, тщательно вымыли ему голову, ополоснули волосы настойкой трав, отмыли тело и, дождавшись кивка Берта, так же бесшумно, исчезли из комнаты. Как заметила Виктория — с огромным облегчением. Она тоже почувствовала себя свободнее. Все же это неприятно, когда твоего тела касаются чужими руками. Пусть даже эти руки умелые и осторожные. Был один напряженный момент, когда одна из девчушек протянула дрожащую руку к паху мужчины, но Виктория так на нее гаркнула, что несчастная испуганно отпрыгнула в сторону. Не хватало еще, чтобы организм отозвался на прикосновения. Разум не воспринимал женщин как сексуальный

объект, но кто знает, как на это отреагирует мужское тело? Экспериментировать не хотелось совершенно. Не привыкла она еще к этой мысли, да и вряд ли когда — нибудь привыкнет. А девчушек, видать, специально выбирали посимпатичнее, чтобы угодить хозяину. Неужели этот кобель мог позариться на таких молодых?

Но самым познавательным оказался процесс бритья. Берт умело орудовал остро заточенным ножом, но Виктория все равно постоянно вздрагивала, когда нож оказывался в опасной близости от шеи. Кошмар! Вот уж не думала, что это такое опасное и неприятное занятие. Может, бороду носить? Но она чешется! И в ней будет оставаться еда. Она тяжело вздохнула, проводя рукой по гладкому подбородку. Бриться придется научиться. А пока... Если Берт и удивился требованию конта побрить подмышками, то не подал виду. Виктория Викторовна подумала, что не мешало бы избавиться и от остальных волос на теле, но решила не шокировать слугу. Неизвестно, до какой степени распространяется порог его толерантности. Еще нажалуется ксену на ненормальное поведение хозяина. Мужчина, бреющий ноги, пожалуй, и у нее вызвал бы оторопь. Женщина про себя хихикнула.

Чистый, выбритый конт задумчиво рассматривал отражение в немного вогнутом зеркале, которое держал перед ним Берт. Смотрел, словно никогда до этого себя не видел. Кривил губы и сжимал кулаки.

В голове у Виктории крутились лишь два слова — маленький юркий и безумно красивый северный зверек и падшая женщина. Что тут еще можно сказать? Будь она жеребцом, наверное, гордилась бы собой. А может, это зеркало все увеличивает? Она скосила глаза. Пришлось со вздохом констатировать — если и увеличивает, то незначительно.

Рану на боку придется вскрывать. Пять толстых кривых стежка соединяли неровные воспаленные края. Шов посинел, опух и вонял. Такое она уже видела. Рана загноилась и воспалилась. Удивительно, что еще нет жара. Черт! Черт! Черт! Без антибиотиков, без обезболивающего, без антисептиков... Интересно, лекари здесь есть?

Резать рану Берт отказался наотрез. Пришлось самой. Нож прокалила над свечой, долго принаравливалась, крутясь перед зеркалом и не обращая внимания на бледного слугу. А потом решительно подцепила первый шов. Боль оказалась вполне терпимой. Конт криво усмехнулся. Тому, к кому три раза навещался в гости аист, гнойная рана может показаться прыщиком. Выдавить и забыть. Больше неудобство доставляли ребра, начинающие болеть при каждом неловком движении. Все же интересно, кто нанес Валлид эти многочисленные раны?

Пока Виктория, кривясь от вони и боли, осторожно промачивала рану смоченной в травяном чае тряпицей, в комнате появились еще два действующих лица. Пожилая женщина в черном платье, украшенном тканым поясом со сложным узором, несла пахнущий травами узелок и кувшин. Следом за нею в дверь, наклонив голову, вошел огромный бородатый мужик с мечом на поясе. Виктория несколько раз моргнула, почувствовав себя хилым длинноногим котенком. И это при ее росте под два метра! Она никогда еще не видела таких здоровяков. Наверное, такими были былинные богатыри. На вид мужчине было лет сорок — сорок пять. Под рубашкой перекачивались могучие мускулы, светлая грива курчавых волос лежала на плечах такого размаха, что на них при желании уместилось бы четверо детей, да еще бы и место осталось! Лоб пересекал кожаный хайратник. Жилистую мощную шею украшала красная тесьма с искусно вырезанным из дерева символом — четырехлучевой звездой. С ума сойти! Вот бы встретить такого в прошлой жизни, ни за что не прошла бы мимо.

Пока Виктория заморожено глазела на богатыря, женщина что — то сердито прошипела и решительно отобрала у нее тряпку. Запахло травой, на рану полилась прохладная вода. Конт облегченно вздохнул. В голове зашумело, потемнело в глазах, ноги подкосились. Пришел откат. Здоровяк едва успел подхватить на руки падающего мужчину.

Очнулась Виктория очень не вовремя. Да что же это за напасть такая?! Неужели не могла подольше в обмороке повалиться! У, как же больно! Они что, соли туда насыпали?

Она заорала. Тотчас в рот сунули деревяшку, воняющую псиной. Это они ей Куськину игрушку в рот суют? Идиоты!

В рану словно воткнули раскаленный штырь и проворачивали его там. Женщина чистит

и зашивает, поняла Виктория, сильнее сжимая зубами деревяшку. Хотя бы догадалась дренаж оставить.

Лекарка ворчала на непонятном языке, перемеживая свою речь короткими командами. Виктория поняла, что это местная травница, которую Берт называл уважительно — друида.

Конт дернулся, но не смог даже пошевелиться. Воин держал его за плечи, Берт сидел на ногах. За что ей это? Они хоть иголку с ниткой продезинфицировали?

«Боже, я же знаю, что ты есть, сделай так, чтобы эти муки были не напрасны!»

Тени в углу за колонной сгустились, распались на множество островков мрака, и ей показалось, что из них соткался ангел. Он подошел, положил руку на лоб стонущему конту и улыбнулся. Разве ангелы выходят из тьмы?

Красивая галлюцинация с огненными глазами...

— «... посмотрели братья на дело рук своих и присели под раскидистым деревом отдохнуть. Устали они и проголодались, но некому было подать им яства и питье. И тогда Ирий сотворил слугу для себя по своему подобию. И назвал он его мужчиной. И дал он ему лук и стрелы, и научил добывать пищу и огонь, строить дома и возделывать поля, чтобы мог он служить ему. Глядя на это, Вадий создал для себя рабыню — ликом прекрасную и для глаз приятную — и назвал ее женщиной. И научил он ее хитрости и коварству, и велел он ей соблазнить мужчину, чтобы забыл он о служении своему Создателю...» Приближенный Верикс, знаменитый своими трактатами о жизни сподвижников и святых, так говорит в своих проповедях: женщина создана была Вадием для ублажения мужчины и для продолжения рода человеческого. А тело ее служит оружием Вадия, чтобы мужи достойные отвлекались от служения Создателю. Поэтому служителям божиим он рекомендует усмирять плоть и не поддаваться на зовущие взгляды соблазнительниц. Но если слаб ты духом, то следует обзавестись женою законной, воспитать ее в почитании и жить с нею до дня своего последнего, прославляя Ирия светлого. И подбирать женщину для себя надобно тщательно, дабы не пришлось затем всю жизнь провести в ругани и склоках, от которых грехи жены тяжким грузом ложатся на спину мужа. А чтобы не сломался хребет от грехов бабских, надобно учить супругу свою уму разуму...

Ничего нового. И в этом мире женщина — «сосуд греховный».

Хорошо поставленный голос Взывающего эхом отражался от стен комнаты и рассыпался вокруг лежащего на кровати мужчины. Контесса Литина, приоткрыв рот, внимала, забыв о вышивке, лежащей у нее на коленях. Вот она слегка повернула голову и бросила на мужа внимательный взгляд, словно оценивая его реакцию. Да нет, наверное, показалось. Откуда у этой туши может быть умный оценивающий взгляд?

Виктория про себя взывала. Эта религиозная пытка длилась на протяжении всех дней, которые конт был вынужден провести в постели, изображая из себя смертельно больного. Каждое утро в комнату приходил ксен, читал над контом молитву светлomu Ирию, при этом смотрел так, словно ожидал, что мужчина от его слов рассыплется прахом. Но кир Алан не доставил ему такого удовольствия. Он тщательно обмахивался сложенными щепотью пальцами и не собирался ни гореть синим пламенем, ни корчиться от святого слова, ни, тем более, умирать. Да что там говорить! Даже аллергии на молитвы не появилось. Виктории казалось, что сей факт жутко расстраивает ксена. Но здесь она ему ничем помочь не могла. Одержимость нужно еще доказать, а голословные обвинения одного из потомков древнего рода могли закончиться для ксена виселицей. Потом, конечно, прибыли бы представители Храма, но мертвецу это уже не поможет. Оба это знали и мило улыбались друг другу, в душе желая оппоненту долгой и мучительной смерти.

А вечером приходила «любимая» женушка с вышивкой или толстой книгой и начинала вслух читать жизнеописания богов. Часто к ней присоединялся ксен. И тогда теологические диспуты затягивались на часы. Ксен начинал размахивать руками, брызгать слюной, с фанатичным блеском в глазах неся всякую чушь. Контесса смотрела на него с восторгом, ловя каждое слово. А конт, который не понимал половины слов, наблюдал за этими двумя сквозь щелки глаз и делал выводы.

То, что Литина влюблена в ксена, было видно невооруженным взглядом. А вот он? Если и он к ней неровно дышит — это подарок небес! Уличить жену в неверности и потребовать развода. Но... это было бы слишком легко. К сожалению, ксен если и был влюблен, то очень умело это скрывал. Тогда что он здесь делает? Духовник госпожи... Ну — ну. Так мы вам и поверили, господин Взывающий. Берт рассказывал, что ксен появился в замке на следующий день после прибытия юной Литины. Он же и проводил обряд бракосочетания. Да так и остался в замке, заменив местного ксена, которого срочно отозвали в столицу. Мужчина слыл аскетом и каждый вечер усмирял плоть часовыми молитвами, при этом отказывался от услуг рабынь, предпочитая, чтобы ему прислуживали мальчики. Надо приставить к нему человека. Хотелось бы знать, где он бывает, с кем общается, что делает.

Черт бы побрал эту жену! Сидит, выкатив глаза, на массивном широком деревянном стуле, который под нею кажется хрупким и изящным. В руках надкусанное яблоко, на коленях вышивка. Очередное покрывало для местного храма. А ведь молодая женщина. Виктория как — то попыталась с ней поговорить. О делах замка, о хозяйстве, о мироустройстве, об интересах контессы. Ведь должно же ее интересовать что — либо кроме булочек, вышивки и молитв? Но Литина пугалась, заливалась румянцем и начинала нести такой бред, что конт вежливо просил ее заткнуться. Чтоб тебя дьявол прибрал! Вместо того чтобы проводить время с пользой, приходится притворяться умирающим бревном. Дело в том, что конт уже вставал и ходил по комнате, но Викторцию дико пугала перспектива оказаться в спальне контессы, и она продолжала разыгрывать из себя жутко больного.

Но все когда — нибудь заканчивается, и терпение конта Валлид закончилось тоже. Сегодня он приказал не пускать к нему вечером никого, кроме Берта и Рэя — так звали поразившего Викторцию богатыря. Как оказалось, он был нянькой молодого виконта и находился при нем с его рождения. Фактически Алана вырастила Нанни — кормилица — и Рэй — капитан замковой стражи, преданный и верный воин, разделивший с хозяином все тяготы ссылки на фронт. Рэй, пожалуй, был единственным человеком, который не боялся сумасбродного и жестокого Алана Валлид и, похоже, искренне его любил.

— А помните, господин, как я вас отговаривал от женитьбы? Вам только пятнадцать сравнялось, когда батюшка ваш покойный оженить вас решил.

— Почему не отговорил? — недовольно спрашивал конт.

— Вам же весчанок и рабынь мало было, дворянку подавай! Вы же думали, что у благородных все по — другому, — с хитринкой в молодых не по годам глазах посмеивался Рэй. — Вот ваш батюшка и сосватал госпожу Литину. Хотел, конечно, виконтессу Маричку, да Наместник не позволил, пришлось брать местную баронеску. Правда, она не из потомственных. Титул ее дед получил, когда одолжил прежнему королю золота в трудный год.

— Так она из купчих? — поинтересовался конт, внимательно слушая своего няньку.

— А то вы не помните, — щурился воин, баюкая в огромных ладонях толстую оранжевую морковку.

— Рэй, ты же знаешь, после удара по голове у меня провалы в памяти. Тут помню, тут не помню. Расскажи.

— А что рассказывать? Вам было пятнадцать, вы были у нас уже мужчина хоть куда, всех девок перещупали, а кирене Литине было четырнадцать. Вам она сразу не понравилась. Вы изволили еще ее портрет порезать.

— Подозреваю, на портрете красавица была изображена, — хмыкнул конт.

— Госпожа и сейчас красивая, — произнес Берт из угла, где затачивал перья для письма.

Виктория с удивлением на него посмотрела.

— Ты это серьезно?

— Конечно, господин. Ваша жена одна из самых красивых женщин. Жаль, что наследника она вам еще не принесла.

Конт Валлид похлопал глазами и промолчал. Может быть, здесь каноны красоты такие, как были на Земле во времена Ренессанса? Но в уме у него возник план. Пожалуй, он сможет отделаться от супружеских обязанностей.

— Сколько лет мы женаты? — уточнил он у Рэя.

— Почти десяток, господин конт.

— Ага. Отлично. Берт, пригласи ко мне ксена.

Когда Берт вышел из комнаты, конт поманил к себе капитана.

— Рэй, я хочу знать, где бывает ксен, с кем общается, с кем спит, что ест, кому пишет и что пишет. Ты меня понял?

— Неужто госпожу контессу в неверности заподозрили? — ахнул здоровяк.

— А что, есть повод? — прищурился теперь конт.

— Бабы всегда поймут, когда другая баба влюбится, — уклончиво ответил воин, не желая быть тем, кто внесет раздор в семью.

Виктория про себя хмыкнула. Это точно. Она ведь поняла. Ах, как было бы замечательно, если бы это оказалось правдой! Но даже если этот вариант не пройдет, у нее в голове появился еще один. Странно, но мысль устранить Литину физически ни разу не посетила голову нового конт Валлид. Контесса ничего плохого ему не сделала. Она просто вносила определенный дискомфорт в существование, и без того весьма неопределенное. Если бы ксен не намекал при каждом удобном случае, что замку нужен наследник, Виктория вообще бы не беспокоилась на эту тему.

— Рэй, зачем мне жена?

— Как зачем? Чтоб наследника родила! Нельзя земли без наследника оставлять. Хоть и негодные они, и ссылка вечная, но ваши по праву.

Слух Виктории моментально вычленил нужное слово. Ссылка?

— Что за ссылка?

— Ээээээ....

— Рэй!

— Ну, коли вы теперь конт, то можно рассказать. Да только это разговор длинный и тайный. И Нанни надо звать. Она больше меня знает, — Рэй задумчиво поднес ко рту морковку и, откусив сразу половину, начал с треском ее жевать. — Да, господин мой, без Нанни никак.

В комнату вошел недовольный ксен. Сразу с порога он начал возмущенно говорить:

— Кир Алан, сейчас время исповеди, а вы меня отвлекаете. Вам известно, что...

— Молчать! — чуть слышно произнес конт, и ксен поперхнулся зародившимися в горле словами. — Ты, может быть, забыл, кто тебя кормит, ксен? На чьей земле стоит храм? Кто жертвует на его содержание? Или я уже не хозяин в своих землях?

Взывающий сердито засопел, но промолчал. Виктория тоже молчала, глядя на ксена пристальным тяжелым взглядом. Посмотрим, кто кого! Она знала, что если сейчас не укажет ксену его место, то потом очень сильно об этом пожалеет. В борьбе взглядов победил конт Валлид. Взывающий отвел глаза и спокойно спросил:

— Зачем вы хотели меня видеть, кир Алан?

Победа! Пусть маленькая, но победа. А о капле пота, стекшей по спине, никто и не догадается.

— Я хочу развестись с контессой Литиной Валлид, — спокойно сообщил черноволосый

мужчина. — На основании того, что она не может родить мне детей. За десять лет нашего брака она ни разу не понесла, а мне нужен наследник.

Ксен этого не ожидал. Как не ожидали и Берт с Рэем. Все трое вылупились на хозяина. Но первым не выдержал Взывающий.

— Но это надо доказать. Может быть, причина не в кирене Литине, а в вас.

— У господина с этим делом все нормально, — улыбаясь во весь рот, сообщил Рэй, взмахивая огрызком морковки. — По деревням его ублюдков с десятков наберется.

Виктория при этих словах поежилась, однако в памяти отложила. Это тоже был вариант.

— Но для развода необходимо согласие Приближенного, — сделал еще одну попытку ксен.

— Вот ты ему и напиши. Сегодня же. Больше я тебя не задерживаю.

Ксен поклонился и с неестественно прямой спиной направился к двери. Как — то легко он согласился...

«А сейчас последний штрих. Я видела, голубчик, как в твоих глазах мелькнула ненависть. Может быть, и нападение ведмедя, о котором рассказал мне Берт, было твоих рук делом? Я пока не поняла, какие интересы ты преследуешь, но то, что ты здесь неспроста — догадалась. Для этого не нужно быть семи пядей во лбу. И еще я слышала, ты предпочитаешь мальчишек — рабов. Плоть ты усмиряешь, рассказываешь о коварных соблазнительницах, сторонись женщины? Ну — ну... Насмотрелась я на таких в своем мире. Ну а если ошибаюсь, то ты намека не поймешь».

— Взывающий, — окликнул конт ксена, когда тот открыл дверь. — А как в Храме относятся к мужеложству?

— К чему этот вопрос, кир Алан? Вам мало рабынь? — не оборачиваясь, съязвил мужчина.

— Да вот, хочу оскотить одного насильника, да не хочу вызвать недовольство храмовников, — серьезно произнес конт, пропуская мимо ушей грубый намек.

— Официально осуждают, — буркнул ксен и вышел, громко хлопнув дверью.

А неофициально, значит, закрывают глаза. Мир другой, а нравы те же.

На следующий день Виктория вызвала к себе Берта. Рисковать она не собиралась. Ксен написал официальный запрос на развод и отправил его в канцелярию главы Взывающих с проходящим мимо обозом, как и обещал, изложив в нем причину такого решения конт Валлид. Но, кроме этого письма, была еще записка в три слова: «Объект начинает беспокоиться». Пора было узнать, что за ссылка и кому может мешать опальный конт. А пока подстрахуемся.

— Берт, я хочу, чтобы ты ухаживал за моей женой.

Берт упал на колени.

— Пощадите.

— Тебе ведь нравится кирена Литина, — Виктория внимательно следила за парнем. Интересно, как далеко простирается его верность? — Я не хочу убивать контессу, но если Приближенный откажет мне в разводе, у меня не останется выхода. Из этого замка у нее две дороги. В монастырь или на погребальный костер.

— Но это опорочит ее в глазах других аристократов, — тихо произнес Берт.

Наверное, она ему действительно нравится. Если даже сейчас он в первую очередь думает не о себе.

— А какое наказание предусмотрено простолюдину, позарившемуся на жену хозяина?

— Плети или закапывание заживо, — прошептал Берт.

Да... О времена, о нравы. Убить Литину она не сможет. Пока не за что. Не убивать же женщину за то, что она глупа. Да и не факт, что это так. Может быть, она просто боится своего «милого» муженька — отморозка и от страха глупеет? Если Приближенный откажет в разводе — придется либо договариваться полюбовно, либо использовать одну из заготовок. Неплохо было бы остаться супругами для людей, но избежать исполнения супружеского долга. В этом тоже есть свои плюсы. Можно будет спокойно жить, не остерегаясь наплыва невест. Это хороший вариант и, пожалуй, даже лучший, чем развод. Только вот как к этому отнесется ксен? Ведь Литина на исповеди не будет врать. Необходимо выяснить, как далеко распространяется власть храма в этом мире. Ладно, время покажет, каким путем пойдет конт Алан Валлид.

Виктория задумчиво смотрела на преклоненного слугу. Они попробуют провернуть эту аферу. А там, если контесса не устоит, то можно будет надавить... Кто, в конце концов, хозяин этих земель? И, кстати.

— Берт, как умер мой отец?

ГЛАВА 3

Пришли братья в новый мир,

оглянулись и принялись за дело.

Ирий создал луга и поля,

а Вадий сотворил горы неприступные и болота топкие.

Видя это, создал Ирий моря,

а Вадий бросил в них горсть соли,

и стала вода непригодна для питья.

Виктория не спала. Она сидела на кровати и пялилась на мерцающий огонек единственной свечи, горящей в железном канделябре. Голова буквально пухла от мыслей. Хотелось сжать виски ладонями и завывать.

Каким же законченным негодяем нужно быть, чтобы вот так хладнокровно убить своего отца? Чтобы систематически избивать слуг, издеваться над рабами, насиловать крестьянок? Теперь ей понятен страх, который периодически мелькает в глазах Берта. Конт Алан приказал повесить раба только за то, что в птичник забралась ласка и утащила одну курицу. Псих. Недаром его боится собственная жена.

Неприятное ощущение. Словно тебя обвиняют в преступлении, которое ты не совершала. И ей теперь с этим жить.

— Где бы ты сейчас не находился, Алан Валлид, я желаю тебе гореть в аду, и чтобы черти отрывали от тебя по маленькому кусочку раскаленными щипцами! — прошептала Виктория.

Только вот есть ли он, этот ад? Виктория нахмурилась. Она прекрасно помнила свою прежнюю жизнь, но что случилось после смерти — исчезло из ее памяти. Осталось лишь несколько слов на желтом листе бумаги. «Лучше жить, чем просто сдохнуть. Дышать, совершать безумные поступки, не боясь умереть, потому что теперь я точно знаю, что смерть — это еще не конец. Но как же там скучно!». Когда она это написала, она тоже не помнила, но не доверять себе повода у неё не было.

Да уж, посмертие врагу не пожелаешь. Самоуверенный, жестокий, эгоистичный, себялюбивый отморозок. Один плюс — имидж создавать не надо. Зато все остальное — минусы.

Рэй и Нанни все же рассказали новому конту правду. И теперь Виктория мучительно соображала, что ей с этой правдой делать. Она все же вскочила на ноги и заковыляла по комнате, разгоняя мышей, шуршащих в соломе. Так думать было легче.

Страна Галендас, куда её занесло после смерти, состояла из разрозненных самостоятельных территорий с постоянно меняющимися очертаниями. Границы между владениями были весьма зыбки, особенно в условиях гор и лесов. Земли, как сервов и рабов, можно было продавать, дарить, менять, отбирать и завоевывать. Верховным сюзереном для всех являлся король. В стране существовали единые системы меры, длины и расчетов. Золотые монеты печатал только королевский монетный двор, серебро и медь — монастыри храма. На большей территории мира поклонялись двум богам — светлому Ирию и темному Вадию. И только горцы и островитяне придерживались древней религии и веровали в духов предков, да друиды общались с духами природы.

Жена конта Валлид — старшего, судя по рассказам Рэя, была красивой женщиной. Очень красивой. Странно распорядилась судьба. У конта не было детей, и король был молодым бездетным вдовцом, для которого подыскивали очередную подходящую невесту среди соседских принцесс. В то время земли конта находились в нескольких часах езды от столицы. Балы, охоты, пиры... Король слыл бабником и, естественно, не смог пройти мимо красавицы контессы. Их роман длился почти год, когда женщина поняла, что беременна. Когда она была в начале срока, король погиб — банально утонул в реке на

радость врагам.

От гражданской войны страну спас Наместник Храма. Его Искореняющие за одну ночь арестовали всех смутьянов, избавились от недовольных, а на трон посадили регента — дальнего родственника короля, трехлетнего мальчишку, страдающего скудоумием. Несколько лет назад был заключен договор с соседним государством о браке регента с младшей принцессой. Теперь ждали, когда невесте исполнится шестнадцать лет, потому что по законам ее страны девочка становилась совершеннолетней именно в шестнадцать, а не в четырнадцать, как в Галендасе.

Фактически с тех пор страной правит Наместник.

В один из дней конта Валлид вызвали во дворец. Что там произошло — никто не знает, но в течение суток конт собрал верных ему людей, рабов, погрузил на телеги скарб, в карету — беременную бастардом короля жену, и длинный обоз направился в сторону моря. Новые земли конта Валлид были больше предыдущих владений, и многие восприняли это как милость регента. Но конт всегда говорил верному Рэю, что это ссылка. Фронтир никогда не был местом, куда отправлялись добровольно.

В положенный срок контесса родила здорового крепкого мальчика, обладающего отличительной чертой королевского рода — редкими для этого континента черными как смоль волосами и темно — серыми, почти черными глазами. Те, кто видел короля, сразу замечали несомненное сходство. Но конт Валлид позаботился, чтобы таких осталось как можно меньше. Двое. Верная нянька виконта Рэй Молчун и кормилица Нанни, ставшая впоследствии любовницей конта. Мать Алана умерла при загадочных обстоятельствах, когда ему было полгода. Говорили, что она отравилась, но Нанни в это не верила. Слишком контесса любила жизнь. Теперь, после смерти старого конта, о тайне рождения Алана знали трое — Виктория, Рэй и Нанни.

— Черт! Я имею все права на королевский трон. А оно мне надо?

Виктория задумалась. Власть — огромная ответственность и огромное испытание. И свобода, которую она дает — лишь иллюзия. А поэтому, забудем. До поры до времени. Потому что что — то подсказывает ей, что забыть об этом полностью ей не позволят. Нет, надо же... бастард последнего короля. Никак боги решили пошутить. Виктория остановилась напротив белеющей во мраке комнаты вышивки.

— Интересно, кто из вас пишет литорею моей жизни? Это ведь твоя работа? — Она ткнула пальцем в изображение Вадия.

Бог промолчал. Лишь мерцал в неровном свете бисер на рукояти его меча.

Сегодня она впервые покинет комнату. Страшновато. Она непроизвольно оттягивала этот момент до последнего. Эта комната стала своего рода убежищем, берлогой, куда Виктория спряталась от новой жизни. Спряталась, как испуганный кролик в норку. Но вечно прятаться нельзя. Нужно жить. Больше оттягивать выход в мир невозможно. И так слухи по замку ходят об одержимости молодого хозяина. Придется держать ухо востро и следить за собой, чтобы не выдать свою некомпетентность.

Конт, обхватив себя за плечи, сел на кровать, невидяще уставившись в окно. Там за окном лежал новый мир. Как он встретит чуждую ему душу? Примет ли?

— Обоз! Вижу обоз! Всадники и телеги! — раздался приглушенный толстыми стенами крик.

Наступила тишина, чтобы спустя мгновение наполниться множеством звуков. Низкий завывающий лай — плач тау, ржание лошадей, крики и топот подкованных сапог по коридору за стеной. Виктория вскочила на ноги и остановилась в нерешительности. Сердце громко стучало о ребра, руки тряслись, во рту пересохло, а воздух вдруг стал вязким. Она бросилась к двери, но протянутая рука застыла над массивной кованой ручкой. Что делать? А если это нападение? Что она сможет? Она ведь никогда... А может быть, лучше переждать?

Отставить! Это твой замок! Это твои земли и твои люди! Ты никогда не была трусом! Что ты теряешь? Всего лишь жизнь, а умирать теперь не страшно, потому что ты знаешь,

после смерти тоже есть бытие. Так что тебя пугает, капитан запаса Вавилова? Скажи себе честно. Ты боишься не справиться, недоверия и ненависти людей, одиночества. Боишься поддаться мужскому телу и потерять свою сущность, забыть, кем ты была раньше, раствориться в конте Алане Валлид, стать таким, каким был он. Какие нелепые страхи! Пошли их подальше и живи! Ты никогда не узнаешь, на что способна, пока не попробуешь. В конце концов, смерть — это тоже своего рода приключение.

Конт оскалился, в дверь забарабанили, и она распахнулась, впуская внутрь Берта, нагруженного кучей одежды, и рыжую девушку с тазиком и кувшином. Виктория вспомнила, что на ней надет только черный шелковый халат на голое тело и обрадовалась догадливости Берта.

— Доброе утро, кир Алан, — поклонился слуга. — Я помогу вам одеться. Там у ворот купеческий обоз. Идут от Большого Пальца. Товар привезли на обмен и продажу. Рэй ждет вас.

Ну вот. Началось.

— Сколько человек? Какой товар? — отрывисто спросила Виктория, ополаскиваясь над тазом холодной водой, которую лила ей на ладони рыжая служанка.

— Кир Алан, не гневайтесь! Я сразу к вам поспешил. — Берт бухнулся на колени и склонил голову.

Да что это такое? Виктория как раз набрала в рот густую горьковатую настойку, которая заменяла здесь зубную пасту. Она отлично отбеливала зубы, снимая налет и уничтожая запах изо рта. Но держать ее во рту нужно было долго, поэтому, пока она тщательно полоскала рот, считая до шестидесяти, слуга так и стоял на коленях, склонив голову.

— Берт! — зарычал конт, сплевывая в таз. — Еще раз рухнешь на колени, когда я тут стою перед тобой почти голый и мерзну, будешь... — Виктория задумалась, она не знала, как звучит на местном языке слово «отжиматься», — ... будешь упираться руками в пол, пока не рухнешь! А ты, брысь отсюда, — повернулась она к испуганно всхлипнувшей девушке.

Рыжая служанка пискнула и, подхватив тазик, выбежала из комнаты. Ну и что такого она опять сказала? Виктория подняла глаза к потолку, а затем грозно посмотрела на слугу.

Берт внял и начал споро натягивать на мужчину местную одежду. Рубаха и узкие нижние штаны из тонкого беленого сукна, чулки, которые крепились к штанам завязками, шерстяная приталенная рубашка на шнуровке, черные брюки со штрипками, сверху кожаный доспех, состоящий из панциря и юбки, высокие сапоги.

Картину довершала перевязь с мечом.

— Ну и зачем мне меч? Опираюсь на него вместо трости? — пробурчал конт по-русски. — Хватит кинжала. Да и доспех лишний, от стрелы не уберезет, только вес на ребра. Снимай!

Берт попытался возражать, но конт был непреклонен. Так и пошел на улицу в черной куртке из плотной, напоминающей брезент ткани и с одним кинжалом на поясе.

— Рэй будет ругаться, — выдвинул Берт последний довод, открывая перед контом дверь.

Виктория про себя усмехнулась. «Знал бы ты, мальчик, что для меня меч — это просто железная палка». А вот кинжалом она пользоваться умеет. Умела, точнее... Лук или арбалет тоже знакомые предметы, но меч... А ведь придется как — то объяснять Рэю, отчего конт вдруг забыл, с какой стороны братья за оружие. Вся надежда на память тела.

Они вышли в коридор, моментально признанный Викторией шедевром минимализма — голые каменные стены, все украшение которых состояло из редких факелов и застывших у дверей воинов. Один из них распахнул перед контом дверь, ведущую в маленькую комнату, из которой слуга с господином попали на каменную винтовую лестницу. Виктория обратила внимание на массивную дверь, её при необходимости можно было

укрепить толстым дубовым брусом и запереть на железные засовы, перекрывая доступ с лестницы в жилые помещения. В случае нападения на донжон это давало преимущество обороняющимся. Потому что выбить такую дверь, находясь в помещении три на три метра, было весьма проблематично. Правда, и защитники попадали в ловушку.

— Берт, напомни, сколько этажей в донжоне? — поинтересовалась Виктория, когда они спускались вниз.

Половину слов пришлось показывать знаками, все же ее словарный запас был пока невелик. Хорошо, что часть слов звучала схоже с чешскими словами, чем Виктория беззастенчиво и пользовалась, таким образом выясняя у Берта значение того или иного слова.

— Подвал с колодцем и тюрьмой, потом хозяйственный этаж, там располагается и казарма стражи, на втором хозяйские спальни, на третьем гостевые комнаты, а выше никто не живет, — начал загибать пальцы Берт. — Туда в случае нападения Рэй лучников ставит.

Они вышли на улицу. Конт с удовольствием втянул по ночному прохладный, пахнущий солью воздух. Небо только начало светлеть, везде лежали тени, слегка разгоняемые неровным светом факелов. Через распахнутые ворота во двор въезжали груженные телеги. Со всех сторон раздавались крики, ржание, вой тау, свистели кнуты, скрипели колеса, и над всей этой какофонией летел чистый голос петуха, поющего гимн новому дню.

— Телеги на задний двор! Лошадей в загон! Рабов запереть в сарае! Да пошевеливайтесь, духовское отродье, чтоб вас Вадий прибрал!

— Кто видел братьев Искореняющих? Их наш ксен разыскивает!

— Куда прешь?

— Разворачивай, разворачивай!

— Поторапливайтесь, выскребыши темного!

— Где капитан? Сколько подати брать с купцов за проезд?

Да уж. Весело. Виктория с любопытством осмотрелась. Ого! Да это целая деревня за высокими стенами. Большая территория была загорожена массивной крепостной стеной, упирающейся в нависающие над замком отвесные скалы. Сам замок представлял собой квадратный донжон, возле которого они сейчас стояли, и пристроенное к нему двухэтажное здание. Над крепостной стеной, недалеко от ворот, возносилась ввысь темная сторожевая башня, на десятки метров возвышаясь над остальными строениями. Выложенный камнями двор сейчас напоминал суетливую базарную площадь. Вдоль скал располагались хозяйственные постройки, загоны для скота, каменные дома различной высоты, покрытые рыжей черепицей. От одного из них плыл щекочущий ноздри запах свежего хлеба. Все добротное, без излишков, построено основательно и надолго. Чуть в стороне, в окружении роскошного цветника, видного даже в предрассветном полумраке, гордо сверкал остроконечной крышей небольшой круглый дом. Храм. Интересно, Взывающий там и спит?

— Доброе утро, кир Алан, — раздался за спиной вкрадчивый голос ксена.

«Помяни черта», — подумала Виктория, медленно поворачиваясь к улыбающемуся мужчине. Что — то он сегодня слишком добр, это явно неспроста.

— Доброе утро, брат Взывающий. Как спалось, кошмары не беспокоили?

— Вы не снились, — не удержался от шпильки и ксен. — С обозом следуют Искореняющие, я взял на себя смелость пригласить братьев к утренней трапезе.

У Виктории неприятно кольнуло под ложечкой. Что здесь делает местная инквизиция? Но она взяла себя в руки.

— С удовольствием с ними пообщаюсь.

— Я в этом не сомневаюсь. Думаю, ни один из братьев не откажется принять у вас тайну исповеди, — злорадно добавил ксен. — А затем мы с великой радостью отслужим совместную мессу за ваше счастливое выздоровление. — Либо за упокой твоей души, читалось в глазах Взывающего. — Вы ведь придете сегодня к службе?

— Несомненно. Но впредь, ксен, не проявляй... — Виктория хотела сказать «инициативы», но этого слова в ее словарном запасе пока не было, — спешки, она наказуема, — с угрозой в голосе закончил конт.

— Кир Алан! — раскатистый голос Рэя предотвратил начинающийся скандал. — Брат Взывающий, благослови на день счастливый. — Гигант низко склонился перед ксеном, и Виктория еще раз подивилась его росту. — Ты бы, Турид, чем без дела стоять, братьев Искореняющих в мыльню отвел. У них телеги в грязи завязли у Большого Пальца, всем тянуть пришлось, так ксены нынче как духи Вадия чумазые, — хохотнул он. — Берт, проводи, а мы пока с киром Аланом наедине дела порешаем.

Взывающий бросил на него сердитый взгляд, но промолчал, развернулся и стремительно направился следом за Бертом.

— Как у тебя получается им командовать? — с уважением в голосе поинтересовалась Виктория у Рэя.

— Да кто в своем уме будет спорить с тем, кому подчиняются воины? — искренне удивился Рэй, запрыгивая на большой валун. — А вот объясните мне, господин мой, какого... вы без меча? Меч — это символ дворянина, это честь на кончике клинка, это ваша доблесть и отвага... — Конт закатил вверх глаза, и Рэй понял, что бесполезно взывать к человеку с таким выражением лица. Капитан покачал укоризненно головой, прижал ладони рупором ко рту и заорал. Да так, что Алан отшатнулся. Низкий бас Рэя рикошетом ударился в скалы, отразился от них и вернулся стократ усиленным. — Всем собраться и приветствовать нового конта Валлид, нашего хозяина и защитника!

— Да что же ты так орешь, — затряс пальцем в ухе конт. — Так и до обвала докричаться можно.

— Не, — беззаботно махнул рукой великан. — Нечему тут обваливаться. С окружающих скал все камни на постройку замка снесли.

Он протянул Виктории толстую золотую цепь, на которой висел большой, размером с пачку сигарет, пятиугольник с изображением двух скрещенных ключей.

— Вот, наденьте, чтобы люди видели, кто теперь в Крови хозяин.

Она взвесила цепь на ладони. Тяжелая. Виктория улыбнулась и надела символ власти на шею, поверх куртки. Выглядело смешно, такая дорогая вещь украшает стеганую телогрейку, но Рэй не смеялся, и Виктория тоже смолчала, проникаясь торжественностью момента.

Во дворе перед донжоном начали собираться люди. Воины — Виктория насчитала двадцать девять человек — выстроились неровной шеренгой, рядом с ними угрюмой толпой стояли слуги. Среди них выделялась высокая крепкая женщина с большой грудью, вызывающе торчащей из глубокого полукруглого выреза. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на конта с открытой неприязнью. Поверх платья на ней был надет белый передник с множеством кармашков. К ней жались три молодых женщины в таких же передниках и белых платках, надвинутых на глаза. Возле них крутился Берт. Отдельно от всех стояла друида. От ее внимательного взгляда конту стало не по себе. Рабы под охраной двоих воинов стояли позади всех. Их было много. Больше, чем слуг. Мужчины, женщины, дети. Не было только стариков. У всех одинаковые серые одежды без поясов и одинаковое выражение глаз. Страх.

— Конт Сани Валлид погиб, да здравствует конт Алан Валлид! — гаркнул Рэй.

— Здравия! Здравия! Здравия! — прокричали в ответ, как показалось Виктории — без особого энтузиазма.

— Замок Кровь приветствует нового хозяина и клянется служить ему до последней капли крови!

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!

— Слово конта! — крикнул кто — то из воинов.

Рэй легко подтолкнул конта к камню. В первый момент Виктория стушеввалась под взглядами множества глаз, но быстро сумела взять себя в руки.

— Я принимаю вашу клятву и со своей стороны обещаю заботиться о замке и о своих людях.

Судя по довольному лицу Рэя, ей удалось не напортачить. На том и разошлись. Тем временем начало светать, рабы затушили факелы, и теперь весь двор тонул в легкой дымке, придающей ему некую летучесть. Исчезли резкие и грубые очертания массивных строений, казалось, все вокруг на мгновение замерло в ожидании первых лучей солнца, вот — вот готового появиться из — за гор.

— Рэй, а откуда у замка такое название? — поинтересовалась Виктория, когда народ вернулся к своим делам.

— Ваш батюшка говаривал, что враги умоются кровью, пытаясь взять этот замок.

— И зальются слезами, — кивнул конт.

— Вы помните? Именно так и говорил старый конт. Он хотел назвать замок «Кровавые Слезы», но контесса его отговорила. Но есть еще одна причина. Неужели вы не помните?

Конт отрицательно покачал головой.

— Тогда нужно немного подождать.

Виктория смотрела на группу бородатых мужиков в сопровождении троих детей, неторопливо направляющихся в их сторону. Рэй свистнул. Спустя несколько минут к ним присоединился воин, приведший двух мальчишек — рабов лет по двенадцать, вся одежда которых состояла из драных штанов и широких кожаных ошейников с петлями для цепей. Виктория с удивлением на них посмотрела.

— Что вы здесь делаете?

— Так там дети, — ответил за рабов воин. — А вы терпеть не можете детей, господин.

— Это мальчишки для битья, кир, — напомнил ему Рэй. — Вы же не будете лупить детей торговых партнеров.

— А я должна их лупить? — растерялась Виктория, не сразу понимая, о чем вообще речь.

Рэй посмотрел на конта с подозрением. О, черт! Она сказала о себе в женском роде? Как не повезло ксену, что он это не услышал! Вот и был бы у святоши повод обвинить конта в одержимости. Нет, надо прекращать думать о себе как о женщине. Сейчас она мужчина и вести себя должна соответственно.

— Обычно вы так и делаете, кир, — усмехнулся Рэй, протягивая плетку с утяжеленным концом. Виктория машинально ее взяла.

Мать вашу! Да этим можно спину рассечь взрослому человеку, не говоря о худом подростке. Она повернулась к мальчишкам, под её взглядом дети сжались, а у конта душа зашлась в немом крике. Один из них был так похож на её среднего сына в детстве, что горло перехватило. Такие же непослушные вихры на макушке, льняные волосы, конопатый нос. И такой же колющий взгляд голубых глаз из — под белых выгоревших бровей. Даже пальцы на ногах были точно такие же, как у её Саньки. Сама не понимая, что делает, она уронила плетку, упала перед пареньком на колени и прижала его к себе. Ребенок испуганно дернулся, а по щеке конта потекла слеза. Как там ее мальчишки?

— Кир Алан, — взволнованный голос Рэя подействовал словно ведро ледяной воды, вылитой за шиворот. — Вам плохо? Вина!

Плохо! Как же ей плохо! Это невозможно вытравить из сердца, как невозможно не

помнить, не любить. Она бы сошла с ума, если бы ее сыновья сейчас были детьми. А так они взрослые, самостоятельные люди, они не пропадут. С ними рядом любящие женщины. Мужчины у нее дружные, не оставят друг друга и отца. Нужно взять себя в руки. Нужно жить здесь и сейчас и спасти хотя бы этих мальчишек от таких, каким был покойный виконт Валлид.

Конт медленно отстранился от перепуганного ребенка, тяжело поднялся на ноги.

— Все в порядке, Рэй. Просто слабость.

— Интересно, какого рода эта слабость? — раздался ехидный голос ксена, и он гордо прошествовал мимо в сопровождении двух молчаливых монахов с низко надвинутыми на лица капюшонами. — В храм нужно чаще ходить, тогда и ТАКОЙ слабости не будет.

Виктория хотела ответить, но ксены уже скрылись за углом сарая, и последнее слово осталось за Взывающим.

— Головокружение видать у вас, господин мой, от свежего воздуха. Столько лежал в духоте без движения на одном бульоне, откуда тут силам взяться. Мясо надо есть и хлеб, и вино пить, чтобы кровь обновлялась, — бубнил Рэй, делая вслед ксенам осторожный знак Вадия, — а вместо этого бегаєте по улице почти голый. Вот уж получит у меня этот разгильдяй Берт... А вам еще наследника делать, а вдруг что важное застудите...

— Рэй, не начинай, — простонал конт, едва сдерживая смех. — Нормально все со мной. Не суетись.

Старый нянька не поверил и развил бурную деятельность. Послал мальчишек за табуретом и водой, заставил конту сесть, выпить кислого вина из глиняной фляжки, которая висела у него на поясе, и сам к ней щедро приложился. Зачем — то пощупал лоб, покачал головой. Затем окинул подозрительным взглядом перепуганных рабов, задержавшись на их лицах, и, лукаво поглядывая из — под кустистых светлых бровей, поинтересовался:

— Господин мой, а чем это перед вами Берт провинился, что вы его пообещали поставить раком и драть, пока он сознание не потеряет?

— Что? Кто тебе такую чушь сказал? — взвился конт.

— Рыжая Эльса на кухне рассказывала. Мол, сама слышала, как хозяин сказал, что поставит Берта руками в пол, ну и заставит...

— Идиотка! — зарычал конт, в то время как Рэй громогласно расхохотался. — Тьфу на тебя! — Не удивительно, что ксен грязные намеки делает, видать тоже наслушался этой балаболки. — Прикажи ввалить дуре по заднице, чтобы сплетни не разносила. Вот так и сделают голубым, — едва слышно пробормотал он себе под нос.

Купцы почтительно ждали в сторонке, пока конт соизволит обратить на них внимание. Виктория глянула в их сторону и задала давно мучающий её вопрос.

— Рэй, кто заведует замковым хозяйством, казной, слугами?

— До сих пор ваш батюшка сам этим занимался. А пока вы лежали в беспомощности, Нанни, Райка да я делами ворочали.

— А контесса Литина?

— Что вы, кир Алан! — Рэй достал откуда — то морковку, отер ее о штаны и протянул конту. — Как можно обременять госпожу такими вопросами?

— А разве это не главная забота хозяйки — следить за порядком в своем доме? — Конт отрицательно помотал головой, отказываясь от угощения. Рэй философски пожал плечами и засунул источник каротина в рот. — Ладно, с женой я сам поговорю, — вздохнул Алан, — а ты разберись с купцами, и жду вас с отчетами. И еще... Золото у нас есть?

Виктория замерла. Вот сейчас и окажется, что Кровь перезаложена десять раз,

кредиторы стоят у порога, а сегодня утром зарезали последнего петуха. Однако Рэй беспечно махнул рукой.

— И золото, и серебро, и медь. Пока хватает. Тратить их здесь, на фронтире, все равно некуда.

Ну, это она быстро исправит. Были бы деньги, а куда их потратить всегда найдется. Про себя Виктория довольно улыбнулась. Рэй махнул рукой купцам и, подозвав свистом тау пегого окраса, дремлющую у порога, направился к телегам.

Конт повернулся к мальчишкам.

— Как вас звать?

— Я Ольт, а это Тур, он немой, — ответил один из них.

Значит, Тур. Вихрастый голубоглазый паренек. Хоть бы не назвать его Санькой. Смотрит внимательно, без страха, но с какой — то обреченной тоской.

— Он слышит? — поинтересовался конт.

— Слышит, — буркнул Ольт, глядя в землю. — Он нормальный родился, это хозяин ему язык отрезал.

— Я? — с ужасом прошептала Виктория. Она бы совершенно этому не удивилась, столько сегодня узнала «интересного» о реципиенте, что, попадись он ей в руки, разорвала бы на мелкие клочки.

— Не, предыдущий, — хмуро сообщил паренек. — Его сюда уже без языка купили.

Честно говоря, Виктория почувствовала огромное облегчение. Как бы она смогла жить среди этих людей, окажись причастной к этому ужасному поступку, она даже не представляла. Нужно проверить тюрьму, мелькнула в голове мысль. Обязательно. Сегодня же.

— Хозяин изверг был, — помолчав мгновение, словно собираясь с духом, выпалил Ольт.

— Ты как разговариваешь? — воин шагнул вперед и влепил мальчишке звонкую затрещину, от которой тот свалился на землю.

В то же мгновение мужчина отлетел в сторону, буквально снесенный мощным ударом в челюсть. Виктория с удивлением посмотрела на свой кулак. Нифигасе, как говорит ее младшенький. Ну и силища! Пожалуй, ей начинает нравиться это тело!

— Не смей бить детей! — рявкнула она воину, на скуле которого наливалось синевой красное пятно. — А ты не дерзи! — повернулась к мальчишке, с восторгом и злорадством смотрящему на стражника. — Иначе будешь вместе с Бертом упираться руками в пол, — угрожающе добавила Виктория.

Виктория знала, что баловать детей нельзя, они сразу чуют слабинку и сядут на шею моментально, а этого нам не надо. Но и издеваться над детьми она не позволит.

— Тур, приведи ко мне Берта. А ты, Ольт, собери всех детей. Да оденьтесь и снимите эти... украшения.

Рэй, услышав шум, повернул голову, готовый бежать спасать своего воина от гнева воспитанника, но увидев, что конт не собирается сдирать с чем — то его расстроившего стражника шкуру, расслабился. Станный какой — то Алан. Словно подменили. Как очнулся, ни разу девок не потребовал, в пыточную не спускался, вина хмельного почти не пьет. Грамоту освоил, хотя раньше его было не заставить. И сам сдержанный стал, внимательный. Неужто так на него ответственность повлияла? Раньше ведь кем он был? Вторым после папашки. Как старый конт скажет, так и будет. Вот и бесился, подчиняться — то с детства не любит. А сейчас все принадлежит ему. Он полноправный хозяин Крови, да еще узнал, что может на трон претендовать. Наверное, это изменило парня. Обязательства перед людьми и богами, они заставляют думать. Это Рэй по себе знал. Еще бы наследника рода Валлид дожидаться, и можно помирать спокойно. «Выполнил я

твой наказ, кирена Ксана. Вырастил твоего сына. Ты уж прости, если что не так. При встрече выскажешь, госпожа моя драгоценная».

Детей оказалось немного. Всего восемь человек. Две девочки, остальные мальчишки. Ольт и Тур были старшими. Четырнадцатилетние уже считались взрослыми, и Ольт их не приглашал. Еще двое пареньков погнали лошадей в ночное. Дети выстроились перед сидящим на камне у скалы контом, испуганно поглядывая на воина, стоящего рядом. Одна девочка едва сдерживала рыдания, крепко ухватившись за рубашку Ольта. Тур стоял чуть в сторонке от всех. Честно говоря, Виктория ожидала худшего. Она видела рабов в своей жизни. Приходилось. И очень боялась встретить изможденных, забитых детей с мертвыми глазами. Этих еще можно было спасти.

— Привет. Я вот тут подумал, что мне нужны будут в будущем образованные слуги. Хочу, чтобы вас учили грамоте.

Конт замолчал. Дети испуганно переглядывались, лишь Ольт, который, судя по всему, был заводилой, несмело спросил:

— Это чтобы продать нас дороже?

— Нет. Это чтобы меня окружали умные люди. Я обещаю, что никого из вас продавать не буду, если и вы мне пообещаете.

Тут девочка, которая до сих пор едва сдерживала всхлипы, не выдержала и разрыдалась в голос, захлебываясь слезами и воздухом, подвывая и зажимая рот ладошками.

— Ее мать была духами Вадия одержима. Искореняющие ее забрали, — буркнул Ольт, прижимая девочку к себе. — Сожгли ее. За то, что читать умела, — совсем тихо прошептал он, глядя подругу по голове.

И что сказать этим детям? Кто вернет маленькой рабыне мать? Кто вернет им веру в людей? Как они могут поверить конту Валлид, олицетворяющему в их глазах все худшее, что есть в людях? Это будет сложнее всего, завоевать доверие этих детей. Взрослые могут приспособиться, схитрить, соврать, притвориться, но дети чисты изначально, они чувствуют фальшь. И если они поверят, их нельзя будет подвести. Дети никогда не простят и не поймут. Конт Валлид протянул руки.

— Иди ко мне, малышка. Иди, не бойся.

Девочка вцепилась в Ольта и замотала головой. И тогда Тур, до сих пор внимательно, без тени улыбки наблюдающий за контом, сделал то, что никто от него не ожидал. Он подошел к девочке, взял ее за руку и подвел к сидящему мужчине. Твердо посмотрел в глаза конту. Викторию словно молнией пронзило, настолько недетским был этот строгий взгляд. Паренек долго вглядывался в серые глаза, а потом чуть — чуть улыбнулся и вложил маленькую ручку заплаканной девочки в большую ладонь хмурого мужчины. Конт кивнул ему, Тур тихонько отошел и вновь встал в сторонке от остальных детей.

— Малышка, смотри на меня, — тихонько произнес Алан, поглаживая девочку по голове. — Все то, что с тобой случилось, было в прошлом. Я не могу вернуть твою маму, но сейчас она смотрит на тебя с небес и гордится своей девочкой. Помни ее, и она, где бы ни была, будет помнить тебя. — Девочка всхлипнула и затихла, уткнувшись взглядом в землю, лишь изредка вздрагивая худенькими плечиками. Совсем малышка, лет семь, не старше.

— Крамольные речи говорите, кир Алан, — раздался тихий голос, и один из братьев Искореняющих вышел из — за угла сарая. — Одержимая гниет в нижнем мире и никак не может смотреть с небес. Черви пожирают ее плоть, злобные птицы выклевают глаза, и мука сия длится вечно на радость Вадия.

— Не слушай его, — шепнул на ухо девочке конт, — он все перепутал. Я клянусь, — возвысил он голос, — что никто в замке Кровь больше не будет продан, если он сам этого не захочет. Вы принадлежите мне — конту Алану Валлид, а я своих не бросаю. А вы подумайте над моим предложением, завтра мы вновь соберемся, и вы расскажите, что решили. А теперь — кыш! — Дети исчезли моментально, только Тур на секунду задержался, бросив на конту странный взгляд. Виктории показалось, что в нем

мелькнула надежда, мелькнула и погасла.

А кто говорил, что будет просто? Никто.

— Когда вы были на исповеди, кир Алан? — мягко произнес ксен.

— Не помню, брат Искореняющий. После удара по голове у меня сплошные провалы в памяти.

— Откуда вам известно, куда попадают после смерти души?

— А разве это тайна? Мне отец рассказывал. — Прости, старый конт, но ты умер, а нам еще пожить охота.

— А он откуда об этом узнал?

— А что, это секрет?

— Для служителей Ирия — нет, но обычно дворяне не интересуются такими вопросами.

— Как же вам удается держать людей в повиновении?

— Храм должен нести в массы веру, а не запугивать прихожан.

— Ой, не рассказывайте мне сказки, брат Взывающий, — усмехнулся конт Валлид, опираясь спиной о камень. Солнце как раз появилось из — за гор и теперь отражалось от красной скалы, наполняя двор бликами рубинового цвета, казалось, что замок залит кровью. Вот о чем говорил Рэй. Красиво. — Если народ не пугать муками мира Вадия и не обещать блага мира Ирия, то чем их можно удержать в рамках заповедей божиих?

— А в уважение и любовь к богу вы уже не верите? — ксену было явно интересно общаться с контом.

— Не верю, брат Искореняющий. Вот такой я... неверующий. — Интересно, как звучит на местном языке «скептик»? Словарного запаса не хватало катастрофически. — Люди должны заблуждаться и бояться, тогда есть шанс заставить их делать то, что вам нужно.

— У вас интересный взгляд на веру, кир Алан. Я бы с удовольствием продолжил нашу беседу в более располагающей обстановке.

— Надеюсь, не в моей пыточной? — двояко пошутил конт.

— О, нет. Пока нет, — кротко улыбнулся ксен. Капюшон скрывал его лицо, и конт видел лишь губы и овал выбритого подбородка.

Риторику Виктория Викторовна изучала в университете и могла часами беседовать ни о чем. Очень полезная привычка, между прочим. Не раз выручала в жизни. Так что поговорим. Языком молоть — не мешки ворочать. Да и что жители этого мира могут противопоставить знаниями землянки двадцать первого века? Неужели не отрешется? Да запросто! Нравы здесь просты, люди незамысловаты, и вряд ли кого — то всерьез удивит поведение конты. Особенно после ранения. Какой спрос с больного на голову человека? Не сожгут же ее на костре за небольшие отклонения от нормы?

Виктория про себя самодовольно усмехнулась, еще не зная, как же сильно она ошибается.

Раздался скрип и шум катящейся по склону гальки. Конт поднял голову. Прямо на него летел камень. Большой. Очень большой. Огромный. И кто утверждал, что здесь нет обвалов? Виктория метнулась в сторону, но не рассчитала размеров нынешнего тела, камень слегка задел плечо, и конт упал, зацепившись о неровность на земле. Вздохнув с облегчением, мужчина начал подниматься, не подумав, что камень может быть не один. По пути булыжник прихватил с собой в полет несколько гольшей поменьше, они с легким шорохом рассыпью слетели со скалы, и один из них хорошенько приложил конту по многотрадной голове. Дьявол!

— Убили! Убили! Искореняющий убил господина! — еще услышала она вопль рыжей Эльсы. Голос девицы звучал подозрительно радостно, и Виктории захотелось треснуть

эту шумную занозу чем — нибудь тяжелым, но день исчез, наступила беззвездная ночь.

ГЛАВА 4

...Тогда создал Ирий реки и родники,

а Вадий превратил часть суши в песчаную пустыню.

Ирий вырастил из песчинок животных полезных,

а Вадий из глины слепил хищников и гадов летающих и ползучих.

— А я вам говорю, это дух Старка мстит конту, — шептала одна из кухарок, рассыпая по столу пригоршню крупы. Проворные пальцы ловко выхватывали черные зернышки, откидывая их в отдельную кучку. — Когда конт приказал его четвертовать, он его проклял! — Она смахнула чистое зерно в глиняную миску с отколотым краешком и потянулась за следующей порцией.

— Глупости, — Райка деловито шинковала овощи, изредка поглядывая на большой закопченный котел, висящий над открытым огнем. В нем закипал бульон, и стряпуха боялась прозевать момент, когда вверх пойдет серая пена. — Я была на казни. Старка не мог проклясть хозяина. Ему язык первым делом вырвали.

— А я говорю, проклял! Он когда на дыбе висел, тогда и проклял! Зверем обещал обернуться и прийти за киром Аланом! Мне Нюха говорила, а ей Леона сказала, а ей Жека рассказал, он — то врать не будет! — не унималась кухарка.

— Это безухий? — с любопытством повернулась в их сторону еще одна женщина. — А я все думаю, что это Нюха к нему на стену бежит в его дежурства, — хихикнула она. — А может и правда, а, тетка Райка? Господина — то ведмедь подрал. А день, помните, какой был? Тарании Воительницы! В этот день все проклятия сбываются!

Старшая кухарка только хмыкнула, но говорить ничего не стала. Сняла пену с бульона, засыпала в него овощи и только после этого ответила:

— Не часто братья Искореняющие с обозами ходят. Сам Создатель их к нам направил, если это происки Вадия, они узнают. — Женщина осенила себя щепотью Ирия. — А вы болтайте меньше...

— Ой, бабоньки, что расскажу!

В кухню влетела возбужденная служанка, воинственно неся перед собой корзину, полную маленьких красных яблок. Она поставила ее на низкий табурет и, поправив платок, из — под которого выбились рыжие пряди, заговорщицки подмигнула Райке. Девушку распирало от желания вывалить все новости сразу. Она набрала полную грудь воздуха и...

— А тама Рэй Молчун пришлого ксена в тюрьму посадил! И Берта тоже! А контесса над господином рыдает. Помер, наверное! А наш ксен кричит на Рэя. А капитан и его грозит в камере запереть, коли не успокоится! А купцы коней напоили, сторговались и уже дальше поехали, солнце — то высоко. А может это кто из купцов каменюку в хозяина запустил? А с ними один из Искореняющих уехал. А... — Она на секунду остановилась, чтобы набрать воздуха и выдать следующую тираду, но тут в кухню вошел кто — то из рабов, и девушка замолчала.

— Ох, горе, какое... — пробормотала Райка, растерянно переглядываясь со своими помощницами.

«Интересно, здесь уже изобрели каски? — было первой мыслью Виктории, когда она пришла в себя. — Если нет, значит впору изобретать. Какое счастье, что у конта оказался такой крепкий череп!» — «И такие маленькие мозги», — ехидно закончил внутренний голос. И не поспоришь.

Виктория прислушалась, не открывая глаз. Рядом кто — то тихо молился. Супруга любезная. Бормочет что — то себе под нос, и не разобрать — Ирию светлому возносит молитву или Вадия злокозненному. Кто — то громко орет, судя по раскатистому басу — Рэй. Конту стало интересно, на кого это он так?

Голоса приближались, и вскоре Виктория с трудом, но смогла различать слова. Похоже, спорщики остановились недалеко от открытого окна.

— Здесь фронтир! — зло басил Рэй. — Кто придет к тебе на помощь, ксен, если на Кровь нападут игуши? Кто поведет людей в бой? Король? Наместник? Храмовники? До столицы три десятицы пути, даже если регент решит нам помочь, к тому моменту от тебя не останется и горсти пепла!

— Ты призовешь на нас гнев Наместника, капитан! — чуть громче, чем обычно отвечал ему голос Взывающего.

— Плевать! Никто не видел, что произошло с контом. Они были вдвоем с Искореняющим. Теперь кир Алан лежит с пробитой головой, а ксен только руками разводит!

— А я давно говорил, что на скале надо пост оборудовать! А ты мне что отвечал? Что со сторожевой башни скалы просматриваются как на ладони! И что же ты увидел?

Ксен сведущ в военном деле? А вот это уже любопытно.

— Сглупил! — резко ответил капитан. — Кто же знал? Но теперь сделаю там заставу.

— А тебе не кажется поведение кира странным? — елеинным голосом спросил Взывающий.

— Не кажется, — буркнул Рэй, но как — то неуверенно.

— Он не помнит о прошлом, но знает о душах. Когда это кир Алан интересовался такими вещами? Он слишком трепетно стал относиться к детям, которых терпеть никогда не мог. Он перестал обращать внимание на женщин, зато дни напролет проводит в обществе своего слуги, которого раньше через день приказывал пороть на конюшне. Он ведет крамольные речи! И ни разу не был на исповеди с тех пор как пришел в себя. А говорит, как ребенок! Странный он. Странный!

— Друида сказала, что речь восстановится! А то, что он слова странно произносит, то такое тоже бывает. Дети вон много чего выговорить не могут. Он стал контом, и ответственность за людей его изменила, — попытался Рэй защитить хозяина. Правда Виктория услышала в его голосе некоторую задумчивость, словно воин пытался убедить в первую очередь себя. — Ты хочешь сказать, что он сам себе голову размозжил?

— А кто знает? Я не удивлюсь, если его обуревают духи Вадия! — запальчиво заявил ксен. — Не ссорься с Храмом, иначе здесь будет отряд братьев Искореняющих уже через три десятицы.

— Отобьемся! Я не отдам хозяина на растерзание этим...

— Молчи, несчастный! Даже у камней есть уши!

— Турид, — прорычал воин, — уйди! Не вводи в искушение.

Раздался топот, стук двери, и спорщики вошли в комнату.

— Кирена Литина! Прикажите капитану выпустить брата Искореняющего из тюрьмы! — Прямо от порога ксен предпринял последнюю попытку.

— Капитан, — раздался испуганный голос контессы. — Немедленно выпустите ксена из тюрьмы и попросите у него прощения!

— Простите, кирена, но, пока жив мой господин, только его слово является законом. Как он? Не пришел в себя?

— Нет, — коротко ответил голос друиды, и на лоб конта легла холодная мокрая тряпка. — Шли бы вы орать в другое место, и контессу заберите. Нечего ей на это смотреть. Сомлеет вот — вот.

Раздалось сопение, пыхтение, тяжелые шаги, и наступила тишина. Если лекарка и оставалась в комнате, то дышала она совершенно беззвучно.

«Спасибо, Рэй. За верность и за веру в конта. Неспроста ты у окна остановился. Ох, неспроста. Но я! Какая беспечная идиотка! — Замелькал в голове ледяной калейдоскоп из мыслей — снежинок, перебегая на спину, стекая холодным ознобом прозрения по позвоночнику. Только сейчас Виктория посмотрела на свои поступки со стороны. Глазами местных. И застонала про себя. — Самоуверенная дура! А ксен — молодец, сразу тебя раскусил, моментально заметив все несоответствия. Умный мужик, в отличие от некоторых глупых баб! Расслабилась? В сказку попала? А в этой сказке тоже умирают. И умирают тяжело — с болью, с муками, захлебываясь собственной кровью и дерьмом. И близкие гибнут, и детей убивают, и рабство, и храмовники, и какие — то игуши. Тебе дали шанс, так воспользуйся им! Попробуй улучшить жизнь этих людей. Выживи сама. Докажи всем, что ты чего — то стоишь и в этой жизни».

Несколько минут она костерила себя на все лады, выбирая самые обидные и нелицеприятные эпитеты. Но, в конце концов, успокоилась, собралась и занялась анализом.

Во — первых, нужно запомнить раз и навсегда, что теперь она — мужчина! И думать должна, как мужчина. Долой эмоции. Сложно? Да, сложно. Но нужно привыкать. Больше никаких мыслей о себе в женском роде. Хватит одного прокола. Она — конт! У нее власть, поэтому некоторую эксцентричность ей простят. Простят даже восторженные взгляды на широкие плечи Рэя, главное — чтобы она с таким же восторгом не начала смотреть на симпатичную попку Берта.

Во — вторых, нужно налаживать отношения с Храмом. И обязательно выяснить, с какой целью здесь находится ксен Турид. Не хочется кормить шпиона и врага. Значит — постоянная слежка. Для этого целесообразно использовать детей. Кто обратит внимания на спящего по замку ребенка?

В-третьих, срочно придумать оправдание глупому поведению во дворе. Падение на колени перед мальчишкой — рабом, слезы, мягкость. Лучше бы она озаботилась их одеждой и питанием. «Выдержка, конт Валлид, и еще раз — выдержка! Считай, что это очередное задание и его нужно выполнить, оставшись при этом живым».

В-четвертых, забраться на скалу и все там осмотреть. Сам валун упал или ему помогли? И организовать там пост, как советовал Рэю ксен.

В-пятых — жена...

— Хватит валяться, — раздался голос друиды. — Я же вижу, что ты давно очнулся.

— А отчего тогда промолчала?

Конт сел, кривясь, выпил горькую настойку, подsunутую ему пожилой лекаркой. Зато мозг моментально вышел из тумана и заявил о своей работоспособности.

— Хотела, чтобы ты послушал, — без улыбки сообщила друида, присаживаясь на край топчана, на котором лежал конт.

— Ну, послушал, — буркнул конт, рассматривая женщину, посмеившуюся разговаривать с ним, словно он не конт, а конюх.

Вблизи она оказалась не такой уж и старой. Невысокая, худенькая, с россыпью мелких и тонких морщинок в уголках глаз и над губами. Седина, почти не заметная на светлых волосах, и небольшие пигментные пятна на щеках выдавали возраст. И с чуть уставшими светло — зелеными глазами. Ведьма.

— Тебя служкой Вадия не обзывают? — хмыкнул конт, поправляя подушку, чтобы удобнее было сидеть.

— Искореняющие считают, что в некоторых ворожеях живет анчута, — спокойно ответила лекарка. — Анчута занимает тело, изгоняя его хозяина. Злой, темный дух. Из тех, которых победил светлый Ирий да запер на горе в пещере, а Вадий выпустил.

— Зачем? — с любопытством спросил конт.

— А из вредности, — лукаво усмехнулась друида. — Здесь, на фронтире, кличут таких,

как я, друидами, а сами мы себя называем травницами — ворожеями. Знания передаются от ворожей к ворожее только по женской линии.

— У тебя есть, кому передать?

— Есть, конт, не бойся, — чуть улыбнулась друида.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Ты знаешь, что каждый пояс — это описание жизни свободного человека? — игнорируя его вопрос, спросила травница. — Основной цвет — цвет рода. На твоих землях — это голубой. По нему пускают цветной орнамент. Каждая нить что — то значит. Белая — единственный ребенок в семье, желтая — старший, розовая скажет знающему, что дева готова к замужеству, а синяя подскажет, кто из парней ищет жену.

Конт бросил взгляд на широкий пояс травницы. Черный, коричневый, красный, зеленый, и ни одной голубой нити.

— И что означает твой пояс, ворожея?

— Черная — глава рода, красная — вдовство, зеленая нить говорит, что я достигла наивысшего мастерства в своем ремесле, а коричневая — что у меня есть ученики.

— А твой род?

— Ворожей не принадлежат никому. Мы приходим и уходим по собственному желанию.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — повторил конт, нахмутив лоб.

— Пояс — это еще и оберег. Очень сильный оберег, конт. Поэтому их отбирают у рабов.

— И? — конт начинал злиться. Надоели до чертиков эти загадки.

— Где твой пояс, конт? — наклонилась к нему друида.

— Не знаю, — растерялась Виктория, лихорадочно соображая, видела ли она в комнате пояс. Выходило, что нет.

— Знаешь, отчего твоя рана на боку воспалилась и чуть тебя не убила? — ворожея подвинулась ближе. От нее пахло сухими травами и дымом. — В мазь, что я для тебя сделала, кто — то добавил яд горной гадюки. От него нет противоядия. Как только яд попадает в рану и смешивается с кровью, он начинает убивать. Три дня, конт, и ты мертв. Тебе мазали бок почти десятицу, и ты смог сам вскрыть рану, будучи вполне здоров телесно.

Наверное оттого, что она из другого мира? У неё иммунитет? Но как это возможно? Виктория растерянно смотрела на травницу. А та наклонилась к самому лицу конт, так близко, что он увидел собственное бледное отражение в ее зрачках, и прошептала:

— Тебя хотят убить, конт. И я бы промолчала, если бы ты оставался прежним.

— Зачем ты мне это говоришь? — едва слышно третий раз спросил конт.

— Потому что ты изменился.

— Не боишься?

— Что такое смерть, конт? Всего лишь шаг к свободе. Тебе ли не знать?

С этими словами она встала и, бросив тряпку в миску с водой, пошла к выходу, придерживая подол черного платья.

— Как твое имя?

— Друида.

И как это понимать? Как намек или как предостережение? Сначала ведмедь, затем яд,

сегодня камнепад... Если быть откровенной, Виктория не удивилась. Она бы тоже попыталась убить реципиента, встретиться он ей раньше. Но теперь эта жизнь принадлежит ей, и терять ее не хочется. Так кто же этот таинственный убийца? Тот, кто имел доступ к лекарству. Ксен? Берт? Нанни? Рэй? Литина? Это может быть любой из слуг. Пока конт валялся в отключке, кто угодно мог зайти в его покои.

Мужчина встал и задумчиво вышел следом за травницей на улицу. Оказывается, он лежал в светелке, на первом этаже пристройки, примыкающей к донжону. Тут же к нему подбежала Кусь и уткнулась мордой в опущенную ладонь.

— Рэй! — заорал конт.

Но вместо Рэя из кустов, словно он там сидел в засаде, выскочил ксен и чуть ли не бегом направился к Алану. С другой стороны от конюшни бежал Рэй. Говорить они начали одновременно, не доходя до господина по несколько метров.

— Кир Алан, прикажите немедленно освободить брата Искореняющего!

— Господин мой, зачем вы встали? Да еще и без куртки!

— Кир Алан, вы не имеете права...

— Сейчас прикажу приготовить вам завтрак...

— Молчать! — гаркнул конт, которому надоело слушать этот галдеж. — Рэй, немедленно освободи ксена и пришли ко мне Берта.

— Но Эльса видела, как брат Искореняющий подбрасывал в руке камень, которым ударил вас по голове! — пробасил гигант, бросая на ксена неприязненные взгляды.

— Глупости! Камень свалился на меня сверху. — Конт потер большую шишку на макушке, стоящий рядом ксен поджал губы, но промолчал, только метал в сторону капитана бледно — голубые взгляды — молнии. — И пришли ко мне Эльсу!

С этой сплетницей надо что — то делать. Но пороть ее Виктории не хотелось. Зато она придумала кое — что другое. Подозвав пробегающего мимо раба, выдала короткое распоряжение.

Когда Эльса, с заплаканными глазами, на дне которых плескалась скорбь и негодование целой вселенной, вернулась на кухню, ее встретил дружный хохот. В зубах девушка держала толстую деревяшку с дырками по краям, через которые была продета веревка, туго завязанная на затылке.

— До вечера! — раздался со двора зычный голос контя. — А в следующий раз в кожу одену!

Райка покачала головой, поставила перед друидой чашку с похлебкой и сама тяжело опустилась на скамью напротив.

— Давно нужно было этой трещотке язык укоротить. Ты не знаешь, что это за пытка «одеть в кожу»?

Травница только усмехнулась и отрицательно покачала головой.

Разобравшись с рыжей служанкой, Виктория прошла к тому месту, где поймала камешек своей многострадальной черепушкой. Рядом с нею неслышной тенью скользила Кусь, а позади громко топали два воина. Оба бородатые, в кожаных доспехах, с короткими мечами на поясах. У одного за спиной висел лук. Виктория тщательно осмотрела валун, затем, задрав голову, попыталась рассмотреть что там, на вершине, но ничего не увидела. Она бросила взгляд назад, с крепостной стены тоже вряд ли что — то можно будет рассмотреть. В этом месте обзор закрывал донжон. Придется подниматься. В принципе, ничего сложного. Скала была покрыта небольшими трещинами и углублениями, и при должной сноровке подняться наверх не составит труда. Тем более, скалолазание было одной из дисциплин, которые ей пришлось изучать в свое время. Да и новое тело не мешало бы проверить в работе.

К ним подошел Берт. Конт бросил на него внимательный взгляд.

— Рэй? — он указал на синяк, ярким пятном украсивший левую половину лица парня. Слуга кивнул. — За что?

— Что оставил вас одного.

— За дело, — усмехнулся конт. — Три кинжала, веревки и мальчишку. Ольта позови, — коротко приказал он, прикидывая маршрут.

У Берта перед глазами встала страшная картина, как конт припиливает раба к скале кинжалами, но, глянув на безмятежное лицо господина, он отогнал от себя это видение. Кир последние дни непривычно спокоен, может, и в этот раз обойдется? Берт развернулся бежать выполнять приказ, но остановился, прислушиваясь.

— Кир Алан, — подал голос один из воинов. — Так сменял капитан утром мальчишек на взрослых рабынь. Немого и...

— Р — э-й! — Воплю конта позавидовал бы Терминатор. — Убью!

Когда успел? Зачем? Неужели решил таким образом оградить воспитанника от дурных поступков? Он что, подумал, что конт на мальчиков позарился? «А что ему еще думать, когда ты их тискал на виду у всех?» — съехидничал внутренний голос. В груди закипала горячая обжигающая лава из бешенства, злости, страха за детей и дурного предчувствия. А еще стыд и горечь. Стыд за несдержанное слово. Ведь она пообещала этим детям, что их не продадут. Она дала им надежду! Что же ты за владетель, если слово свое не держишь? Нужно исправлять, пока не поздно.

Приказы сами слетали с губ без участия мозга:

— Коня! Провожатого! Быстро! Вы, двое, со мной! Берт, ты тоже! Передайте Рэю, чтобы на глаза мне не попадался!

Да, правильнее было бы отправить за обозом кого —нибудь другого, но кого? Рэю она больше не доверяла. Берт не пользовался авторитетом среди воинов, а больше Виктория никого и не знала. Её принцип «хочешь, чтобы сделали хорошо, сделай это сам» еще ни разу не подводил. Не привыкла она пока перекладывать решение своих проблем на чужие плечи. Да и не на кого было.

Только сейчас Виктория поняла, что такое абсолютная власть. Ее приказания исполнялись моментально. Никто не переспрашивал зачем, куда, почему? Странно, но Рэй так и не появился. Видно воспринял приказ буквально и спрятался от гнева конта. Ничего, им еще предстоит разговор.

Спустя четверть часа замковые ворота начали медленно раскрываться, а к конту подвели огромного вороного жеребца. Ужас! Это конь? Этот мир явно страдал гигантоманией. Высокие люди, огромные собаки и гигантские кони. Да уж... Ездить верхом Виктория умела, а конт с детства пользовался этим средством передвижения, поэтому проблем не возникло. Память тела — великолепная штука. Самым трудным оказалось залезть на эту гору. Но тут один из рабов встал на четвереньки. Виктория на секунду замерла, прежде чем поставить ногу на спину мужчине, но затем все же воспользовалась этой импровизированной ступенькой и наконец — то воцарилась на спине жеребца, дав себе зарок научиться забираться в седло самостоятельно.

Когда они отъехали от ворот с километр, раздался свист и их нагнал отряд из десяти воинов под предводительством Рэя. Старый воин был зол, но при этом чувствовал себя виноватым и старательно прятал взгляд.

— Куда? Без кольчуги, без меча!

Пришлось спешиться, облачиться в тяжелую кольчугу, сунуть меч в специальную петлю на сбруе и выслушать оправдания ставшего на одно колено Рэя.

— Кир Алан, простите меня, дурака старого! Я же для вас старался. Девоч взял молодых. Зачем вам эти дети? Толку от них никакого... да и контесса осерчала...

— Рэй, слишком много ты стал себе позволять. Я благодарен тебе за то, что присмотрел за Кровью, пока я валялся раненым, но теперь я на ногах. Я уже не лежу без памяти. Никогда впредь не смей принимать за меня решения, — перебил его конт со сталью в голосе. — Никогда. Я этого не потерплю. Об остальном поговорим, когда вернемся в замок. — Виктория почувствовала непреодолимое желание ударить преклоненного мужчину. Она едва сдержалась.

Воин поклонился, помог конту сесть в седло, и они продолжили путь.

Скачка была бешенная, и это оказалось совсем не так приятно, как на конной прогулке по паркам родного города. Но больше, чем физические неудобства, ее мучили душевные страдания. Виктория гнала от себя дурные мысли, но отчего — то перед глазами вставали картины истерзанных детских тел. Она не смотрела по сторонам, хотя в другое время обязательно бы полюбовалась окрестностями. Не сейчас. Потом, все потом, когда дети будут с ними. А еще в мозгу жужжала назойливой мухой мысль: «Опаздываем».

— Быстрее, быстрее, — хрипел конт, прижимаясь к шее жеребца. — Опаздываем, безнадежно опаздываем...

Они нагнали обоз в большой деревне, над центром которой вверх поднимался тяжелый дым, толстым клубящимся столбом уходящий в небо.

— Это Высели, — крикнул Берт. — В Выселях что — то горит!

— Перестроиться! — заорал Рэй и покрутил над головой кулаком с оттопыренными тремя пальцами.

Виктория вновь поразилась силе его голоса. Ему бы в опере петь.

Воины слаженно выполнили команду. Трое арбалетчиков выехали вперед, у одного из них на тонком древке, закрепленном за спиной, развевался голубой вымпел с изображением двух скрещенных ключей. Еще двое воинов заняли места по бокам от конта. Алан придержал коня, заставляя его перейти с галопа на рысь. Берт верхом на пятнистой кобыле перестроился в конец отряда. Он был единственным безоружным, слугам в этом мире оружие носить запрещалось. Виктория про себя усмехнулась. Для нее меч тоже оружием не являлся. Если только огреть им кого —нибудь плашмя по голове.

К деревенским воротам подъезжали уже шагом. Виктория с благодарностью похлопала коня по крутой шее. Умница, доставил в целости и сохранности. Жеребец в ответ фыркнул и мотнул головой. Расстояние между Кровью и Выселями он преодолел играючи. Он — да, а вот конт еще раз почувствовал, что он не девочка. Оказывается, «это» тоже нужно уметь правильно укладывать, а Виктория сей момент упустила. Пришлось на ходу лезть в штаны. Как же она ненавидит это тело!

Деревня была обнесена высоким каменным забором с крепкими деревянными воротами, которые спешно растворяли два подростка лет пятнадцати. Рэй притормозил у одного из пареньков, и Виктория Викторвна наострила уши.

— Обоз из Большого Пальца здесь?

— Тута, дядька Рэй. Ужо даже расторговались.

— А что горит?

— Так энто, Искореняющий анчуту поймал в Эльке. Теперича жгут. — Мальчишка шмыгнул носом, с сожалением поглядывая в сторону дыма. Там такое развлечение, а они у ворот прозябают.

— Это вдова Старка? — Рэй как — то странно покосился на конта.

— Кто такая Элька? — тут же поинтересовался конт.

— Вы, конечно, не помните. Но так звали вашу первую эээ... подружку по сеновалу.

Анчута, анчута... Что — то знакомое. Сегодня она уже слышала это слово... Точно!

Друида говорила, что это злой дух. Мать вашу! Конт, не дожидаясь конца разговора, дал жеребцу шенкелей.

Вёска ничем ни отличалась от множества подобных деревушек на юге Украины. Мазанки под соломенными крышами и более зажиточные каменные дома под черепицей стояли строгими рядами вдоль единственной улицы, пронизывающей деревню от ворот до ворот. Заборов не было, только низкие изгороди либо кустарники отделяли участки друг от друга. За домами виднелись аккуратные прямоугольники огородов. Мычали коровы, копошились в земле глупые куры, молчаливые тау провожали кавалькаду всадников ленивыми взглядами.

Жеребец вынес конта на небольшую площадь. Здесь, в тени длинного сарая, стояли телеги обоза с запряженными в них флегматичными тягловыми лошадьми. Сопровождающие обоз наемники, расположившись прямо на земле, неспешно перекусывали, разложив немудреную закуску на тряпицах. Кто — то спал, зарывшись в сено. Для них происходящее на площади интереса не представляло. Рабов видно не было. Наверное, как и в замке, их заперли в сарае.

Жители вески, молчаливой толпой стоящие вокруг костра, не обратили на отряд никакого внимания.

— Разойдись! — прокричал Рэй.

Толпа испуганно раздалась в стороны, и Виктория увидела большие горшки, аккуратно стоящие вдоль тропинки, ведущей к месту казни. Из — под масла? Чтобы вспыхнуло быстро, не давая шанса задохнуться от дыма. Взор цеплялся за всякие мелочи, типа затоптанных цветов или оброненный кем — то лоскут ткани, постоянно скользя вдаль, туда, где виднелись горы на фоне чистого синего неба.

Смотреть не хотелось, но взгляд словно магнитом притягивало к костру. А еще специфический дух...

Однажды познав этот запах, его невозможно забыть. Не вытравить из воспоминаний, не перебить никакими духами, он въедается в память, словно пиявка, навечно оставаясь с тобой. Запах страха, ненависти, боли и горящей плоти.

...Первыми вспыхивают брови, ресницы, волосы, ногти — они сгорают моментально, превращая белокурую красавицу в уродливое существо, затем загорается одежда, оголяя прекрасное стройное тело, чернеют ноги, которые еще вчера весело отстукивали в такт незатейливой мелодии, ожоги покрывают кожу, вытекают глаза, с шипением плавится внутренний жир, а кожа все еще держится. И тело еще живет, продолжая дергаться в оковах...

Виктория с силой сжала веки, отгоняя воспоминания.

— Убейте ее.

Короткий приказ был выполнен молниеносно. Два арбалетных болта вонзились в грудь несчастной.

Тишина стояла такая, что слышно было лишь потрескивание дров да тихий плач где — то вдали.

— Берт, найди детей.

Конт перекинул ногу через голову жеребца и прыгнул на землю. Возле него встал хмурый Рэй с мечом в руке. Виктория словно плыла в вязком тумане сна — видения. Разум отказывался верить, что это повторилось. Дежавю. Такое уже было в ее жизни.

...Она была в составе отряда, который ловил серийного поджигателя. Тогда они тоже не успели, и виновник ушел от возмездия. Отделался сроком условно, за неосторожное обращение с огнем. Ни один из эпизодов доказать не удалось. Исчезали свидетели, потерпевшие вдруг забирали заявления, полностью сменили следственную бригаду. Тогда, в том мире, где закон слишком гуманен, а судьи слишком лицемерны, сволочь, погубивший целую семью, остался жить. Но здесь нет продажных полицейских и подкупленных судей. Здесь он — конт Алан Валлид — закон, судья, адвокат и палач. А он

свой приговор уже вынес.

Виктория была абсолютно спокойна. Разум просчитывал всевозможные варианты развития событий, а глаза пробегались по лицам стоящих в молчании людей. Высокие бородатые мужики с большими руками, привыкшими и соху держать, и размяться в шальной драке, опускали глаза, не выдерживая внимательного взгляда. Купцы, стоящие в отдалении, издали поклонились и суетливо направились к подводам. К ним подбегал Берт. Женщины оказались более эмоциональны, некоторые плакали, некоторые смотрели на конта с плохо скрываемой враждой. Но были и такие, кто откровенно строил глазки, словно ненароком перебрасывая за спину косы, поправляя вырезы на платьях, привлекая внимание к аппетитным округлостям. Виктория замечала все, отстраненно фиксируя в памяти детали. Как и то, что детей на площади не было, только подростки. А вот это правильно, негоже такое видеть детям. Да и стариков было немного. Видно, пришли лишь самые любопытные.

Наконец взгляд наткнулся на ксена. Его конт заприметил сразу, как въехал на площадь, но не спешил привечать, пристально рассматривая брата Искореняющего. Массивный мужчина стоял, скрестив руки на груди, со скорбным выражением лица, но в его серых глазах конт увидел презрительную усмешку высшего существа, имеющего власть решать — кому жить, а кому умирать. Эта усмешка все и решила.

— Брат Искореняющий, — обратился к нему Валлид, едва сдерживая гневную дрожь в голосе. — Какая неожиданная встреча! Как тебе удалось так быстро обнаружить анчуту, провести...

— Расследование, — подсказал Рэй.

— Да, расследование, вынести приговор и привести его в исполнение? С тех пор как ты покинул Кровь прошло всего...

— Не более четырех рысок, — вновь подсказал Рэй.

Конт и капитан уставились на ксена в ожидании ответа.

— Опытному взгляду легко увидеть тень на свету, — осторожно ответил ксен.

— Вот как... Пришел, увидел, победил?

— Добрые люди указали мне на несчастную.

— Отлично! — довольно воскликнул конт. — Значит, ты действовал по закону? В таком случае, дай мне бумагу.

Ксен удивленно смотрел на мужчину.

— Бумагу, — властно произнес конт, протягивая руку.

— О чем вы, кир Алан? — непонимающе спросил ксен, все еще улыбаясь.

— Бумагу, подписанную Наместником, по которой тебе дано право казнить моих людей на моей земле, — гаркнул конт, уже не сдерживая злость.

С какой радостью она бы засадила кулаком в эту довольную рожу! И не один раз!

Виктория с удовольствием, граничащим со злорадством следила, как тускнеет самоуверенный взгляд ксена.

— Но...

— Откуда я знаю, что ты настоящий Искореняющий? Может быть, ты убил ксена и украл его одежду? — вкрадчиво поинтересовался конт, предвкушая скорую расправу.

— Но меня знают...

— Нет бумаги, нет человека.

«Не знаете, что такое бюрократия? Так я вас просвещу», — подумала про себя Виктория,

клокоча от ярости. С каждой минутой ей все труднее было сдерживать гнев, да еще треск лопающихся костей за спиной не давал успокоиться. Рэй махнул рукой, и возмущенного ксена моментально окружили воины дружины. Народ начал перешептываться. Из толпы вынырнула шустрая старуха и засемила в сторону ворот. Конт кивнул на нее головой, и один из воинов последовал за женщиной.

— Ты пришел на мои земли, в мою деревню, взял мою женщину и сжег ее на костре из моих дров. Просто так! Не имея на то моего дозволения, но что самое главное — не имея разрешения Наместника! Любой, кто устроит самосуд в моих владениях, будет уничтожен. Лишь я могу карать и миловать! Всем ясно? — Последние слова конт уже орал, держась за кинжал.

— Но... кир Алан, — начал шептать Рэй.

— Рэй! Этот человек посмел не подчиниться закону, установленному самим Наместником. Мудрым и справедливым человеком, который заботится о... — «имидже»? — лице Храма, а такие, как этот самозванец, своими поступками оскорбляют его... честь, потакая прихотям Вадия.

Виктория покосилась в сторону купцов. Отлично, они все слышали. А так как лучше всего запоминаются последние слова, то она надеялась, что болтать будут лишь о том, что конт Валлид самоотверженно защищает честь Наместника.

«Какой бред я несу, но люди слушают внимательно, и некоторые даже одобрительно кивают», — подумала она. Черт! Как ей хотелось просто растерзать этого зарвавшегося святошу на мелкие кусочки! Как хотелось увидеть его кровь, услышать вопли и мольбы о пощаде! Никогда на ее землях не будет инквизиции! Пусть даже для этого ей придется идти войной на столицу.

Виктория сжала кулаки. Нельзя! Нельзя просто так, без объяснения убивать человека. Даже такую дрянь. Люди должны знать, что закон для всех один. А посему нужно разъяснить, разъяснить понятным для крестьян языком.

— Я, конт Алан Валлид, владетель и хозяин этих земель, властью, данной мне регентом и Наместником, за убийство моей весчанки приговариваю этого человека к смерти! Повесить самозванца!

— Так может... — сделал еще одну попытку Рэй.

— Капитан, еще одно слово, и на суку будут висеть два тела.

Она не шутила. Сейчас в ней говорил конт Алан Валлид, двадцатичетырехлетний отморозок с фронта, готовый украсить дерево кучей живописных трупов. Рэй замолчал.

Ксен, конечно, орал, плевался и угрожал всеми карами, от отлучения до прямой дороги к Вадю, но спустя десять минут его упитанное тело висело на ближайшем дереве. Виктория почувствовала огромное удовлетворение, когда ноги ксена перестали дергаться. Там, в прошлой жизни, преступник ушел от наказания, но здесь этого не повторится. На ее землях убийцы будут кормить ворон. Она даже не подозревала, что способна получать моральное удовольствие, наблюдая за смертью себе подобных. «Только за смертью тех, кто это заслужил», — поправил внутренний голос. Самообман? А кто его знает...

Крестьяне тихо переговаривались, но их голоса слились в единый гул, и Виктория не могла понять — одобряют ее или нет. Но ее это мало сегодня заботило, ей еще предстояло разобраться с местными.

Подошел Берт со стулом и пятеркой детишек. Он поставил детей так, чтобы они не видели догорающего костра, но от запаха деваться было некуда. Ольт позеленел и едва сдерживал тошноту, а вот Тур казался спокоен, даже едва заметно улыбнулся конту. Но его выдавали чуть подрагивающие кончики пальцев опущенных вдоль тела рук, и дышал мальчишка ртом. Остальные дети были конту незнакомы. Три девочки. Они жались к Ольту, испуганно глядя на нового хозяина. Малышня. Интересно, где их родители? Виктория ободряюще улыбнулась.

— Кир Алан, купцы всех детей продали по цене троих. Им этих мелких в какой — то деревне отдали за долги. Ну, я и не стал отказываться. — Берт протянул конту тугой красный кошелек на завязках. — Брату Искореняющему он уже не нужен. Я из него рассчитался, мне Рэй велел, — тут же уточнил он, переводя стрелки хозяйского гнева на капитана.

Конт только хмыкнул, подбрасывая кошель в руке. Тяжеленький. Мелочь, а приятно.

Появился Рэй в сопровождении крепкого еще старика. Виктория заметила, что народ с площади так и не уходит, кучкуется в сторонке, прислушиваясь к разговорам, хотя обоз уже выстроился на дороге, собираясь покинуть веску.

— Староста, — буркнул Рэй, старательно отводя взгляд. Обиделся. — Бабу его тоже поймали. Это она ксену на Эльку наговорила. Из — за того, что игуша прилюдного та приняла в мужья. Вот дура старая и решила, что накликает он беду на веску. Говорит, хотела только припугнуть, чтобы сошел мужик пришлый со двора, а оно вон как вышло... Запер я бабу в хлеву общественном. Воеет, как корова на сносях.

— Как допустил такое? — тихо спросил конт у старосты. — Как позволил молодую бабу такой лютой смерти придать?

Староста молчал, низко опустив голову. По его морщинистым щекам текли слезы.

— Виноват. Любое наказание приму.

Виктория окинула взглядом толпу.

— А вы, весчане? Спокойны ваши души?

— Так анчута же! — выкрикнул кто — то из толпы.

— Почему поверили пришлому ксену, а не поверили женщине, которая жила с вами рядом с рождения? Отчего не привезли в замок к нашему брату Взывающему? Кто, как не он, лучше всех знает своих прихожан?

Ответом был дружный одновременный галдеж:

— А про брата Взывающего мы и не подумали! Да анчута она была, к другой игуш бы не пошел! Господин точно говорит! А если Искореняющий ошибся? А все из — за мужика ейного! Надо было его сразу прикопать у стены! Он во всем и виноват!

— В следующий раз виновного повязать и привезти ко мне на суд. На справедливый суд! Это ясно? — повысил голос конт.

— Ясно, чего уж неясного... — загомонили со всех сторон. Кто одобрительно, кто скептически, не веря в справедливость конта. Но Искореняющий пришел и ушел, а конт — вот он, под боком, и на расправу бывает скор. — А как понять, анчута это или нет?

— А вам глаза зачем? Что, сильно Элька изменилась?

— Счастливая ходила, словно летала, — всхлипнула одна из женщин. — Что же мы натворили, а? А если бы мою кровинушку на смерть такую отправили? Ой, горе — то какое, — И тут словно прорвало плотину, со всех сторон раздался женский вой, подхваченный тау.

Дурдом на выезде. Полный. Как к этому можно привыкнуть? Виктория устало покачала головой. Незнакомую Эльку было жалко до слез, не зря предчувствие гнало ее следом за обозом, не зря кричало, что опаздываем.

Так, сделать зарубку на памяти — нужно растить своих ксенов и расселять по деревням. Нечего чужих кормить. А свои и присмотрят, и сообщат, если что.

— Похороните самозванца и то, что осталось от... Эльки.

Рэй уже подводил жеребца. Опять в седло. Виктория потеряла зад. Приехать, поесть и помыться. Запах горячей плоти словно въелся под кожу, смешиваясь с запахом конского пота. Аромат еще тот. Духи, что ли, изобрести? Под носом мазать. Эмоции как — то

разом отступили, оставив после себя полное опустошение. Она знала, что поступила верно, но каковы будут последствия этого поступка, предсказать было сложно. Конт уже забрался на стул, чтобы с него перебраться в седло, когда староста спросил:

— А с мужиком ейным что делать? И с пацаном. Не стоит ему в веске оставаться. Как бы мстить не решил...

— С каким мужиком? — не поняла Виктория.

— С игушем этим проклятым.

— Где он?

— Ксен его в погребе у Эльки запер, вместе с малым. Одежку забрал, чтоб не сбегли, сказал, после казни разберется.

— Веди. Одни пойдем! — пресекла Виктория попытку местных увязаться следом. Надоели ей крестьяне до чертиков.

Деревня только на первый взгляд показалась большой, на самом деле — домов тридцать. Мазанка Эльки стояла в сторонке от главной дороги, возле самой стены, окруженная садом. Совсем недавно домик ремонтировали, были видны свежие слои глины и солома местами выделялась более ярким цветом. Чисто выметенное крылечко вело к двери, на которой были нарисованы красные птицы. Во дворе прямо перед крыльцом в пыли валялась довольная жизнью свинья.

У Виктории сжался в тугой горький ком желудок и слева заныли едва сросшиеся ребра. Она не удержалась, ступила на крыльцо, легонько толкнула дверь и зашла в полутемные сени, а оттуда в комнату. Остановилась на пороге, не решаясь идти дальше, словно боясь потревожить дух этого дома. Пахло перестоявшим тестом и сушеными травами. Чуть колыхались от сквозняка расшитые незамысловатым узором занавески. Круглый плетеный соломенный коврик на чистом полу, деревянные лари, глиняные кружки, висящие на вбитых в стену гвоздях. Во всем чувствовалась женская хозяйственная рука. Посреди кухни солидно возвышалась большая выбеленная печь, наверное, еще теплая. За отдернутой цветастой ширмой приютилась узкая кровать, покрытая лоскутным пестрым одеялом. На выскобленном добела столе стояли три тарелки с остатками засохшей каши. Опрокинутая кружка, из которой под стол налилась лужица молока, сиротливо лежала с краю.

Конт постоял в дверях, словно впитывая в себя полумрак кухни, и решительно вышел на свет.

Прощай, Элька, и прости мое опоздание.

Дома как люди. Этот теперь сирота. Так и будет стоять пустым, напоминая вещам о совершенном ими преступлении. Да нет, не будет, быстро найдутся на него желающие, вон как староста внимательно все осматривает.

— С собой заберем, — кивнул конт Рэю, указывая на свинью. — Всю живность собери. Ничего не оставляй. — Не хотелось, чтобы вещане, погубившие первую любовь реципиента, богатели за ее счет. — Сироты в веске есть? — спросил Алан у старосты.

— Есть. Две сестры Михсины одни остались.

— Дом со всем, что в нем есть, младшей отдашь. Как приданное. Старшая пусть в родительском остается.

Земляной погреб был заперт на железный колышек. Рэй открыл дверь, из темного нутра пахнуло кислым холодом. Капитан просунул внутрь голову и заорал:

— Эй, малец, выходи! Здесь конт Валлид!

— Дядька Рэй? — раздался дрожащий голосок. И что — то в этом голосе было не то. Испуганный, осипший, словно сорванный от долгого крика, с тонкой болезненной ноткой.

Рэй тоже это услышал. Он кивнул одному из воинов, тот споро высек огонь приспособлением из железной палочки и камня — вот еще головная боль! — поджег длинную лучину, и они по очереди исчезли в глубине погребка. Вскоре по ругани Рэя конт понял, что пленников они нашли. Он поднял глаза на старосту, и тот испуганно попятился.

— Что я сейчас увижу, старик? — ледяным голосом спросил Алан.

— Так игуш в драку полез, как ксен за Элькой пришел. Вот мужики его оглоблями и приложили... ну и пацану пару раз перепало.

— Вы хуже зверей, — вздохнул конт. Стадное чувство сильная штука. По одному эти весчане милые, отзывчивые люди, но толпа... Толпа в умелых руках — страшное оружие. Она будет рукоплескать твоей щедрости и так же рукоплескать твоей смерти. Толпа любит зрелища. — Соберешь с вески тридцать серебрушек в наказание за дурость.

— Помилуйте! Это же...

— Или деньгами, или продуктами, мне все равно. Десятница. Потом приду с отрядом, возьму в два раза больше.

Спорить староста не осмелился, тем более что спор мог бы запросто закончиться его скоропалительной кончиной, потому что из погреба поднялся воин и началась суeta. Кто — то нес одеяло, чтобы закутать голого, окоченевшего мальчугана лет десяти с черными вьющимися волосами. Первый черноволосый ребенок, которого увидела в этом мире Виктория.

Конт нахмурил лоб. Элька была его первой, значит... этот ребенок может быть его сыном? Рэй же говорил, что по вескам куча его ублюдков бегают. Надо обязательно капитана об этом расспросить. Мальчишку уже закутали в одеяло, дали выпить вина, и один из воинов посадил его впереди себя на лошадь. Ребенок тихонько плакал, уткнувшись носом в плечо мужчине. Тот хмурился, но молчал, неуклюже обнимая паренька, и Виктория была благодарна воину за это.

Слышался визг и куриное кудахтанье — это ловили живность. Один из прибывших с контом мужчин вывел из сарая тонконогую каурую лошадку. Невысокую и всю очень изящную, словно статуэтка из обожженной глины. Вороной жеребец тут же игриво выгнул шею, гарцую на месте, всем своим массивным телом выражая страстный интерес к симпатичной кобылке.

— Это игуша коняга, — сообщил староста, держась на расстоянии недостижимости контовского кулака. Уже был научен. Потому что когда Алан увидел замерзшего избитого мальчика, он не удержался. Теперь староста и Берт могли бы работать зеркальным отражением друг друга. Сразу было заметно, кто ставил конту правосторонний хук.

Рэя что — то долго не было. Конт присел на колоду, стоящую у погреба, и рассеянно смотрел на жука, деловито шествующего через траву. В голове медленно текли ленивые мысли.

Искореняющий подозрительно шустро сработал, словно специально готовился к аутодафе. Зря она приказала его повесить, допросить надо было сначала, а не идти на поводу эмоций. Плохо, конт Алан, очень плохо, непрофессионально. Надо было эту тварь не прилюдно казнить, а по — тихому устранить. Волки, разбойники, приступ сердечный... А теперь нужно ожидать проблем.

Конт вздохнул, оглядываясь по сторонам. Больше всего Виктории хотелось есть, мыться и спать. Или наоборот — мыться, спать и есть. Но дома ждал разговор с ксеном, встреча с женой и подъем на скалу. Интересно, а можно забраться наверх как — то по — другому?

Наконец, из погреба появился Рэй с голым окровавленным телом на руках.

— Не жилец, — буркнул он. — Сам помрет или дорезать, чтоб не мучился?

Конт молчал. Даже избитый, окровавленный, замерзший мужчина был чертовски

привлекателен. Рэй нес его, словно девушку, прижимая к груди. Темно — каштановые волосы, слипшиеся от крови, обрамляли узкое лицо. Глаза игуша были открыты. Алан подошел ближе. Зеленые. Не такие блеклые, как у друиды, а насыщенный изумрудный цвет, так редко встречающийся на Земле. Он смотрел спокойно, словно уже распрощался с жизнью и был готов встретиться со своими предками. А может, уже наступала агония и душа готовилась отлететь? Сердце в груди конта сделало кульбит, остановилось и застучало с удвоенной силой. Да что с нею такое? Она уже лет десять, как перестала обращать внимание на симпатичных мужчин, и вдруг такая реакция. Наверное, это жалость и нервы. Виктория хмыкнула на свои глупые мысли и коротко скомандовала:

— Возьмем с собой. Если выдержит дорогу — ворожея его посмотрит. По коням! — нарочито грубо сказала она, скрывая обуревавшее смущение. И тут, вспомнив еще кое — что, подозвала к себе старосту. — А бабу свою выпори. На площади, там, где был костер. При всех выпори, и учти, в следующий раз за такое буду резать языки! Так всем и передай.

Однако ее приказ так и остался невыполненным. Когда они уже подъезжали к воротам, конт услышал, как кто — то кричит, что женка старосты повесилась в хлеву.

Не выдержала пресса собственной совести? Или нашлись те, кто отомстил за смерть Эльки? Правду знать не хотелось. Собаке — собачья смерть.

Всю обратную дорогу конт пытался анализировать свое поведение, но взгляд постоянно искал телегу, на которой везли раненого и собранную на подворье Эльки живность. И все же... Холодное спокойствие при аутодафе, сменившиеся едва обузданной яростью, неконтролируемые приступы гнева, жесткость, безразличие. Неужели она такая? Никогда раньше за собой не замечала. Виктория обычно гордилась своей выдержкой и спокойствием. А тут... сплошные эмоции, и это странное чувство, которое пронеслось, словно отголосок забытых наслаждений, когда она увидела зеленые глаза игуша. Неужели душа молодеет, подстраиваясь под молодое тело? Ведь не может быть, чтобы с телом достались и привычки реципиента? Или может? Астральное, ментальное, эфирное тело... Как жаль, что в свое время она со смехом встретила увлечение Леночки эзотерикой.

Да ну! Глупости это все! Она в это не верит. А вот в то, что у тела осталась память на клеточном уровне — верит. Недаром люди с пересаженными органами весьма часто получают и привычки донора. А ведь здесь не идет речь о душе. Клетки этого тела привыкли резонировать на определенной частоте мыслям и поступкам бывшего владельца, но его новая хозяйка имеет иные вибрации, поэтому и не проявляется то, что свойственно виконту. Выходит, тело имеет память, и, когда желания Виктории совпадают с памятью тела, проявляются наиболее яркие привычки предыдущего жильца. Как — то так...

Как же все сложно и запутанно! Ничего, она над этим поработает, подгонит тело под себя, как подгоняла слишком длинные брюки. Виконт Алан умер окончательно и бесповоротно!

Виктория окинула взглядом отряд. Детей Рэй распределил среди воинов, и теперь они тихонько сидели впереди угрюмых бородачей, с интересом глаза по сторонам. Раненого мужчину замотали в одеяло, он лежал в соломе, безжизненно болтая головой, когда колесо телеги насакивало на кочку, и признаков жизни не подавал. Его каурую лошадь вел в поводу один из воинов.

Виктория бросала на него украдкой взгляды: «Жаль, если умрет. Ведь не в пьяной драке пострадал, а бросился защищать любимую. Пошел против всех, не побоялся. Видно, действительно любил Эльку... Даже завидно».

Рэй ехал рядом с телегой, скептически кривя губы. В зубах у него торчала очередная морковка. Конту стало любопытно, где он умудряется их находить?

Виктория оглянулась по сторонам и едва не задохнулась от восторга. Расстилающийся вокруг пейзаж просился на холст. Виднеющийся вдали замок Кровь на фоне красных скал, к которым он прижимался, казался собранным из «лего». Все остальное пространство до самого горизонта занимали невысокие поросшие густым лесом горы.

Словно громадные животные с зеленой шкурой улеглись у ног исполинских великанов в белых шапках. Это они истинные хозяева здешних мест. Вечные и древние, как сама планета, хранители ледников с кристально чистой замерзшей водой. Вершины громоздились одна за другой и конца им не было. А сбоку равнина уходила в широкое ущелье, и там, на горизонте, небо сливалось с землей или... Неужели море?

— Игуши! — крикнул кто — то из воинов.

Где? Конт натянул поводья, оглядываясь. К ним несся отряд всадников. Она бросила быстрый взгляд на Рэя, но капитан вел себя спокойно, и Виктория тоже расслабилась. Хотя в желудке и екнуло от страха, но она постаралась ничем не показать своего удивления и любопытства.

Ей никогда еще не приходилось видеть со стороны, как движется конница. Это было завораживающе красиво. Рыжие лошади, казалось, едва касались земли, словно летя над зеленой травой, к их шеям прижимались наездники, практически сливаясь цветом волос с конскими гривами. Они стремительно приближались, а конт любовался всадником, вырвавшимся вперед. Во всей его фигуре было столько мужественности, столько грации и изящества, что взгляд было не оторвать. Ей никогда не сумеет так держаться в седле, словно ты с лошастью единое целое, но при этом сидеть спокойно и непринужденно.

Тем временем конта окружило плотное кольцо воинов. Но игуши не собирались нападать. Они закружили вокруг ощерившегося арбалетами и мечами отряда, свистя и гортанно покрикивая. За спинами большинства виднелись короткие, сильно изогнутые луки, у седел крепились ножны с двойным изгибом. Ятаганы, квалифицировала для себя Виктория оружие. К счастью, всадники не спешили его обнажать.

— Говорить хочу! — Вперед выехал пожилой мужчина.

Сбруя его коня сияла и переливалась от обилия серебряной чеканки и ярких камней. Грива и хвост были заплетены во множество косичек, украшенных цветными лентами. На уздечке висели маленькие серебряные колокольчики. Богатая чеканка украшала ножны и рукоять меча. Сам он был одет в распахнутую на груди черную рубашку и кожаные штаны, заправленные в сапоги. Широкий тканый пояс пестрел всевозможными цветами, и Виктория поняла только, что перед нею глава рода. Темно- каштановые волосы мужчины тронула седина, но зеленые глаза ярко сияли на смуглом лице.

— Сарх Гривастый Волк, что тебя привело в земли моего господина? — громогласно поинтересовался Рэй.

— Бешеный Алан теперь говорит твоими устами? — презрительно сплюнул игуш.

Конт тронул пятками жеребца, посылая его вперед.

— Что ты хочешь? — спросил он, с интересом рассматривая мужчину с таким экзотическим именем. Красив, чертяка.

— У тебя кобыла моего сына, верни!

— Нет. Сына могу вернуть. Похоронишь с почестями.

Сарх прищурился, глядя на телегу.

— Это ты его ранил? — нахмурился он.

— Нет.

— Я буду мстить. Мои воины сожгут твою деревню и продадут в рабство ее жителей.

— Тогда я приду и убью тебя, детей продам, женщин возьму для потехи, а мужчин брошу на растерзание диким зверям, — спокойно сообщил конт. Он уже играл в такие игры и знал правила.

Игуш оскалился.

— Ты попробуешь. Это будет славная драка.

— А если я скажу тебе, что уже отомстил за твоего сына? Что повесил виновного и любовался на его смерть?

— Это правда?

Тут Рэй, до сих пор молча слушающий разговор, не выдержал и в сердцах плюнул на землю.

— Да ты, ..., сын ..., — Виктория с восторгом выслушала длинное и витиеватое ругательство, не сомневаясь, что никогда в жизни не сможет его повторить, — сомневаешься в словах кира Алана? — зарычал капитан, хватаясь за меч.

— Не шуми, Молчун, — поднял руку предводитель игушей и повернулся в сторону конта. — Когда мой сын сможет сесть в седло, привози его, я дам хороший.... — Слово, которое он сказал, Виктория перевела как «калым», «выкуп».

Всадники засвистели и с гиканьем и криками унеслись прочь.

— И что это было? — растеряно спросила Виктория Рэя.

— Его сын — ваша добыча. За мертвеца горцы драться не будут, но если он выживет, Волк даст богатый выкуп. Хорошая сделка.

— Дикие люди, что с них взять, — философски пожал плечами Берт, потрепав по голове сидящего с ним Ольта. Тот серьезно кивнул, чем вызвал смех среди воинов.

«А мне кажется, что я могу приобрести союзника, — подумала про себя Виктория, поглядывая в сторону раненого мужчины. — Ты только выживи, парень».

Замок их встретил деловитой суетой. Набежавшие рабы подхватили лошадей, Берт повел детей на кухню кормить и заодно передать Райке пожелания конта насчет обеда. Мясо, мясо и еще раз мясо. Спасенных понесли в мыльню, и Виктория собиралась к ним присоединиться, потому что от запаха лошадиного и собственного пота ее уже начинало подташнивать. А еще потому, что ей хотелось убедиться, что игуш все еще жив, ну и просто... Ох, какие глупости лезут в голову! И только она собралась приказать Берту приготовить ей чистую одежду, как увидела брата Искореняющего, спешащего навстречу. Выражение его лица очень не понравилось конту. Но, пока не забыла...

— Рэй! Скольких моих детей ты знаешь?

— Пацанов? Девки — то не наследуют. Трое точно ваши, кир. Все черноголовые. От Эльки и еще двое в Корчах.

— А говорил о десятке, — возмутилась Виктория, чувствуя иррациональное разочарование.

— Да кто их знает? Белобрых же считать не будешь.

— Логично. Пошли воинов, пусть привезут в Кровь и этих двоих.

— Не стоит, — Искореняющий подошел неслышно. Что за манера подкрадываться? — Один из мальчиков утонул десятицу назад, а второго придавило бревном. Три дня пролежал и ушел к Светлому Ирию.

Оба — на! И третьего едва не прибили. Не пустись конт в погоню за рабами, кто знает, что случилось бы с ребенком. Но откуда это все известно ксену? Однако подумать об этом Виктория не успела.

— Кир Алан, у меня еще плохие новости. Вашу жену отравили.

— Насмерть?

Но это замечательно! Сердце замерло, и Виктория тут же устыдилась своих мыслей. Литине всего двадцать три года, она глупое пухлое создание, но она не виновата, что ей так не повезло с мужьями. Первый — сволочь, садист, грубиян, а второй и вовсе — женщина!

— Ирий спас, контесса успела отпить всего глоток отравленного вина. Сейчас с нею ее духовник и ваша травница, — слегка улыбнулся ксен. Выражение его глаз видно не было, мужчина так и не снял капюшон.

— Я зайду к ней позже. Негоже идти к жене в таком виде.

— Конечно. Но пока не уделите ли вы мне некоторое время для разговора? — мягко, но настойчиво произнес ксен.

Конт вздохнул. В животе громко заурчало, и Виктория смутилась.

— Брат Искореняющий, может, поговорим за обедом? — с надеждой спросила она.

Ксен тихо рассмеялся и наконец — то откинул капюшон.

А вот это было любопытно. На Алана смотрели живые карие глаза из — под черной длинной челки. Вряд ли Искореняющий был намного старше контя.

— Максимум лет двадцать восемь, — незаметно для себя конт закончил свои мысли вслух.

— Тридцать. Мне тридцать лет, и мои родители выходцы из Мирии, а там черный цвет волос никого не удивляет. Впрочем, у вас в предках тоже были мирийцы?

— Прадед, — кивнул конт. — Я умоюсь и мы поговорим.

ГЛАВА 5

Посмотрел Ирий, как слуги его работают от зари до зари,
и наградил их, дав надежду и силу духа, справедливость
и смелость, гордость, добродетель, любовь.

Отвернулся он довольный,
а Вадий злокозненный тут же добавил от себя
похоть и алчность, зависть и жадность,
прелюбодеяние и ненависть.

А с другой стороны, какого черта она должна подстраиваться под этого ксена? Подождет! В душе нарастало раздражение. Она — конт, он — простой святоша. Много чести. А будет докучать, так ведь и прикопать можно под камешком. Здесь не столица, и никто не поинтересуется, куда пропал брат Искореняющий. Хищники съели или горцы прибили, поди найди тело на просторах фронта. А конт чуть что — только руками разведет. Не сидел, не привлекался, не имею.

С этими мыслями Виктория направилась в мыльню, выловив предварительно раба, чтобы показал дорогу и прислал Берта. Вот еще головная боль — рабство. Как же мало она знает, катастрофически мало. И получить знания не от кого, можно списать забывчивость на провалы в памяти, но нельзя на это списать незнание устоев и реалий этого мира, которые впитываются с молоком кормилицы. А еще плохое знание языка добавляло проблем. О смысле многих слов она догадывалась, вечером тщательно записывая их в словарик, многие вещи называла чешскими словами, хорошо хоть языки были схожи и ее худо — бедно понимали.

Мыльня оказалась просторной общественной баней, в которой одновременно могли мыться до двадцати человек. И даже парилка была. Почти как дома, с ностальгией вспомнила Виктория, стягивая запыленные сапоги. «Где же вы, мои любимые кроссовочки... Эх...» — с тоской подумала она. В пристройке стояли деревянные лавы, на которых валялась одежда и лежали окровавленные тряпки и одеяла. Значит, Рэй с игушем уже внутри. Появился запыхавшийся Берт с охапкой одежды. Вместе с ним пришли и Ольт с Туром, нагруженные полотенцами. Ольт был зол и каждые три секунды бросал на Берта ненавидящий взгляд.

— Что случилось? — поинтересовался конт, когда слуга помог ему раздеться.

— Да успели завшиветь! — воскликнул в сердцах Берт, давая Ольту легкий подзатыльник. — Всего полдня прошло, а они уже подхватили. Не хватало еще, чтоб разнесли эту заразу среди наших рабов. Надо обрить да голову настоящим жиримиhi смазать.

— Хозяин, а может, не надо? — заканючил Ольт. — Мы вычешем. Там, может, и было по одной вше, а он...

— Прикажи проверить всех. Если найдешь еще у кого — обрить и обработать, несмотря на пол и возраст, а одежду прокипятить, — скомандовал конт, ныряя в распахнутую дверь моечной, откуда тянуло теплым паром и слышался раскатистый бас Рэя. Вши — это такая зараза...

За ним следом прошмыгнули и голые мальчишки. Тур тотчас начал таскать воду для конта, наливая ее в большую деревянную лохань, а Ольт, прихватив мочалку, поплелся следом за хозяином, шмыгая носом. Волос ему жалко! Явно какой — то девчонке показаться на глаза будет стыдно. Кавалер!

Рэй и еще несколько мужчин возились с игушем. Рядом на широкой лаве лежал отмытый от крови худенький черноволосый сын Эльки. Через живот и бок мальчика тянулся черный синяк. Правая рука опухла, похоже, он ее подставил под удар, чтобы защитить голову. А какой худой! Ольт, который был рабом и явно не шиковал, на его фоне казался

упитанным толстячком. Надо откармливать наследника. Мальчик не мигая смотрел в потолок и по его щекам текли слезы. Виктория кивнула Ольту, указывая на паренька. Раб понял ее с полуслова, и спустя секунду уже что — то тихо рассказывал маленькому весчанину, присев перед ним на корточки.

Честно говоря, Виктории ничего не мешало приказать наносить воды в комнату и помыться в корыте вдали от любопытных глаз, но... ее толкало вперед неистребимое, сродни кошачьему женское любопытство. Интересно же посмотреть. А посмотреть было на что, Виктория даже хотела отпустить грубую казарменную шуточку на эту тему, но ее опередил непосредственный Ольт. Он подошел к раненному игушу, с которого Рэй осторожно смывал кровь, и вылупился на капитана с неподдельным восторгом, затем его взгляд переместился на свой живот и ниже, и по лицу разлилось такое разочарование, что Виктория не сдержала смех.

— Не грусти, Ольт, ты еще вырастешь, — смеясь, утешил конт зардевшегося паренька.

Вокруг раздался дружный гогот, со всех сторон посыпались похабные советы. Вояки — простые и незатейливые мужики, и шуточки у них такие же.

Голый Рэй действительно выглядел сногшибательно и очень внушительно. Настоящий варвар. Массивное мускулистое тело без капли жира могло бы украсить обложку любого журнала. Идеальные пропорции бодибилдера безо всяких анаболиков. Только то, что дала природа, и ежедневные тренировки. Ах, как хорош! Наверное, от баб отбоя нет. Взгляд переместился на игуша, и захотелось вернуться в Высели и спалить там все дотла. Да уж... полная противоположность капитану. Худощавый, но не худой, весь словно сотканный из мышц. Изящество и сила. Тело горца пестрело ссадинами и кровоподтеками. Руки черные от синяков, правая лодыжка вывернута под неестественным углом. Что там у него внутри творится, даже подумать страшно. Странно будет, если он выживет. Как жаль... Виктория так и не могла понять, какие чувства овладевали ею. Ей безумно хотелось провести рукой по каштановым волосам, по заострившимся скулам, по резкому разлету бровей, дотронуться до губ, заглянуть в глаза... Но вместо этого она спросила:

— Друиду предупредили?

— Предупредили, — проскрипел недовольный голос ворожей, и она, совершенно не обращая внимания на голых мужчин, вошла в мыльню в сопровождении Берта. — Рэй, неси его в...

— Комнату рядом с моей. Он сын вождя, нужно оказать ему уважение, — быстро произнес конт и тут же прикусил язык. Не слишком ли быстро? Но вроде бы никто не обратил на поспешность внимания. — Какие у него шансы?

— Ты, конт, похуже выглядел после встречи с ведмедем, — неопределенно ответила травница.

«Так конт и умер», — подумала про себя Виктория, но вслух этого, естественно, не произнесла.

— Мальчишку разместите вместе с ним.

Вот и повод будет почаще заглядывать в гости к раненым. Никто не удивится, что конт интересуется здоровьем своего сына. Еще бы имя этого сына узнать.

Помылась она быстро. Берт помог облачиться в чистую одежду, заплел мокрые волосы в короткую косу.

— Где обед прикажете накрывать?

— Я на кухне поем. Туда и ксена приведи.

Берт испугался, испугался по — настоящему, но перечить не осмелился. Виктория знала, что нарушает этикет, но не давал ей покоя взгляд главной кухарки. Открытый, полный ненависти и презрения. А ведь через кухню проходит вся едаонта. И всыпать яд легче всего именно здесь. Хотелось бы разобраться, пока проблема не стала фатальной.

Большая кухня встретила конта полумраком, тишиной и жаром. Виктория остановилась на пороге, оглядываясь. За длинным деревянным столом в одиночестве сидел брат Искореняющий. Странно, что один. Виктория была уверена, что брат Турид обязательно прибежит следом: как это, такой важный разговор, и без него? Неужели не хочет оставлять контессу одну? С чего бы это? На столе стояли блюда с мясом, каравай и две глубокие тарелки, наполненные до краев густым грибным супом. Аромат еды достиг ноздрей и вызвал у конта неконтролируемое бурчание в животе. Мужчина вступил в жаркий полумрак, и тотчас навстречу ему шагнула высокая женщина в белом фартуке. Конт от неожиданности отпрыгнул назад и ухватился за кинжал. Меч Виктория «традиционно» забыла у седла, да ну его, таскать такую орясину, только по ногам бьет. Райка, а это была именно она, степенно опустилась на колени и глубоким грудным голосом произнесла:

— Перед братом Искореняющим признаться хочу.

Виктория на секунду задумалась. А затем махнула рукой на условности. Уж очень есть хотелось.

— В том, что еда отравлена?

— Нет, что вы, кир Алан! — с легким возмущением в голосе произнесла кухарка.

И она, и ксен смотрели на конта с удивлением. А он присел за стол, отломал кусок еще теплого, пахнущего кислинкой каравая, с удовольствием понюхал его и, не удержавшись, откусил. Неплохо. Затем придирчиво выбрал из кучи стоящих в глиняной подставке деревянных ложек самую новую и с жадностью принялся за суп. Все разговоры — после еды, когда Виктория станет доброй.

Как же вкусно, а ведь в той жизни она терпеть не могла грибы. А сейчас ела с удовольствием, наслаждаясь каждым глотком. Тоже память тела? Когда ложка черпнула по дну, Виктория подняла глаза. Кухарка так и стояла на коленях, а ксен задумчиво смотрел на конта.

— Как твое имя? — повернулся конт к женщине.

— Райка, хозяин, — чуть удивленно ответила она.

— Можно мне еще супа?

Повариха перевела ошарашенный взгляд на ксена, но тяжело поднялась с колен и, взяв миску, направилась к печи, в которой стоял чугунок.

— А ты отчего не обедаешь? — поинтересовался конт у ксена. — Суп великолепен. Все равно разговаривать не буду, пока не наемся.

Виктория наблюдала. Ей спешить некуда, а как вести себя с Искореняющим она еще не решила. Слишком темная лошадка. Ксен улыбнулся и взялся за ложку, похоже, он тоже еще не сделал насчет конта никаких выводов. Вторую тарелку Виктория ела не спеша, вылавливая грибы и кусочки темного мяса. Оленина? Райка стояла рядом, не зная, что ей делать дальше. Падать вновь на колени вроде было глупо, а уйти без позволения она не решалась. Виктория все это понимала, но выдерживала паузу. Наконец она отодвинула от себя тарелку и потянулась к блюду с мясом. Нож на столе не обнаружилось, и конт достал кинжал. Боковым зрением Виктория заметила, как напрягся ксен и как побледнела кухарка. Странно. Не мог же реципиент кидаться кинжалами во время обеда? Или мог?

— Садись, Райка, и поведай мне, в чем ты так хотела покаяться?

Женщина с надеждой посмотрела на ксена, словно ища в нем поддержки, но тот, откинувшись на спинку лавки, с любопытством наблюдал за контом, не вмешиваясь в разговор. Виктория видела, как в его глазах мелькает удивление, задумчивость и недоверие. В конце концов кухарка решила и присела на краешек скамьи.

— Это я принесла в замок яд горной гадюки.

— Зачем? — спросил конт.

— Для кого? — одновременно с ним поинтересовался ксен.

Вот она, разность в мышлении. Женщине интересны предпосылки и причины, а мужчиной движет лаконичность и прагматизм. Этак и проколоться можно. Но Райка ответила конту первому.

— Хотела в еду подсыпать, — открыто глядя в глаза Алану, сказала она. — За жизнь дочери загубленную отомстить хотела. А отчего так долго выжидала? Не решалась, да и яд достать трудно. А тут случай такой. Старый хозяин помер, а молодой в беспамятстве лежит, — и добавила с грустью, видя недоумение на лицах мужчин. — Вы, брат Искореняющий, не в курсе. Дочь моя приглянулась господину, да только замужем она уже была на тот момент и отказала хозяину. Муж за нее заступился. Старому конту нажаловался. Тогда Старку подбросили перстень кира Алана, а его обвинили в воровстве. Ну и... четвертовали его, а дочь мою на следующую же ночь привели в спальню к кире Алану. А как она понесла, ее вышвырнули вон.

И что сказать? Оправдываться? Так нет этому оправдания, ей придется с этим жить. И помнить. Чтобы никогда больше не допускать такого подлого, неоправданного ничем поступка.

— И отчего не отравила? — глухо поинтересовался конт, отодвигая от себя тарелку. Есть резко перехотелось.

— Друида не дала. Отговорила. Сказала, что вы стояли на берегу реки, за которой владения Злокозненного начинаются. Сказала, что увидев, как Вадий мучает души темные, вы можете понять и измениться. А еще сказала, что придет момент, и вы признаете сына. Как в воду глядела, — тихо добавила Райка, не замечая, как по щекам катятся слезы.

— Так Элька была твоя дочь? — словно током пронзило Викторию. Она отвела взгляд, не в силах смотреть на беззвучно плачущую женщину. И хоть это не она изнасиловала десять лет назад неизвестную ей девушку, стыдно и горько было ей.

— Никто не знает, — прошептала кухарка. — Был у меня, — она запнулась, — один мужик по молодости. Ну, от него и понесла, да только не сложилось у нас. Девочку в веску к матери отправила, она ее и вырастила как свою дочь.

— И куда ты яд дела? — подал голос ксен, которого в отличие от Виктории совершенно не волновали события недавнего прошлого.

— Нашему ксену отдала. На исповеди покаялась да и отдала, пока Вадий в уши страшного не нашептал. Он сказал, ему для какой — то мази надо.

Конт решительно поднялся и направился к выходу. «Ну, теперь ты у меня не отвертишься, господин святая невинность! И мальчиков тебе припомню, и яд в мази, и длительные беседы на религиозные темы, от которых у меня была бессонница. Сейчас ты у меня получишь по полной программе», — злобно думала Виктория, направляясь к донжону. Она понимала, что за злостью пытается скрыть горечь и боль, но так было легче, и она малодушно спряталась за разливающейся в душе яростью. Ксен сейчас, должно быть, у женушки. Конт оглянулся, Райка стояла в двери, ведущей в кухню, и что — то шептала. Видно, молится.

— Не держи на меня зла, Райка. Я сожалею.

А что еще она могла сказать?

Ксен догнал конту посреди двора.

— Что вы собираетесь делать? Нельзя обвинить служителя Ирия на основании косвенных доказательств.

— Что?

— На основании косвенных доказательств. Это означает — ничем не подтвержденные заявления служанки, — со снисходительной улыбкой повторил ксен.

— Скажи медленно.

Ксен повторил, с удивлением слушая, как конт несколько раз тщательно проговаривает незнакомые ему слова.

— Косвенные доказательства, говоришь? Слушай, брат Искореняющий, тебе какое дело до моих дел?

Ксен вдруг стал серьезен.

— Именно об этом я и хотел с вами поговорить, кир Алан. И я уже отправил сегодня птицу с просьбой к Приближенному прислать бумаги, подтверждающие мои полномочия.

Уел! Значит, знает. Когда успел расспросить воинов? Но, похоже, спокоен, и лезть в бутылку не намерен. А значит, она была в своем праве и храмовник никаких претензий пока предъявлять не собирается. Неизвестная величина этот ксен. Слишком шустрый. И что самое обидное, он, похоже, знает о конте Валлид намного больше, чем о себе знает сам конт Валлид.

— Как мне к тебе обращаться?

— Брат Алвис.

— Ты ведь не простой Искореняющий?

Ксен развел руки в сторону и слегка склонил голову, не опровергая и не подтверждая заявление контя. Алан пристально смотрел на мужчину, соображая, что с ним делать? Может быть, удавить втихую? Нет человека — нет проблем... Видно, кровожадность его мыслей отразилась на лице, потому что ксен очень серьезно произнес:

— Я вам не враг, кир Алан. Я здесь для того, чтобы разобраться, кто желает смерти вашему роду.

Оказывается, за последний год так или иначе, но отбыли в нижний мир все родственники контя. Храм всегда отслеживал такие странные случаи, поэтому и направили несколько человек проверить, все ли в порядке с последним из рода Валлид? И не причастен ли конт к смерти своей родни? Но пока проверяющие добивались до Крови, старый конт ушел к Вадию, а в замке воцарился его наследник. Алвис не скрывал, что перед тем как отправиться в дорогу, он получил подробнейшее досье на всех обитателей фронта. Кто и зачем собирал эти сведения, ксен сказать не захотел.

Все это Виктория выслушала с каменным лицом, не поверив ксену ни в одном слове. Странно. Насколько она знала, фронт — это место ссылок, и никому нет дела до его обитателей, пока они не высовывают носа из своего медвежьего угла. Почти двадцать пять лет не вспоминать о бастарде последнего короля и вдруг озаботиться его безопасностью. Как раз тогда, когда регента решили женить на принцессе соседнего королевства, тем самым давая его детям законные права на наследование трона.

Но от помощи ксена отказываться нецелесообразно. А вот слежку за ним установим. А пока проверим тебя на вшивость, дружок.

— Что ты можешь сказать о брате Туриде?

— Тридцать четыре года. Фанатик. Сирота. Воспитывался в монастыре Храма. Убежден, что власть должна принадлежать храмовникам. Мечтает перейти в орден Искореняющих и достигнуть ранга Приближенного. Лично предан главе Взывающих — брату Питару. Дал обед чистоты. Девственник.

— Поэтому каждый вечер в его покои отправляются мальчики — рабы? — ехидно поинтересовался конт, скрывая свое замешательство. Ксен этой откровенностью хочет показать свое расположение и открытость? Думает, она начнет ему доверять? Возможно прежний, недалекий конт и начал бы, но не она. Не на ту напал! Да и не сообщил он ничего особо ценного и секретного.

— Вы ошибаетесь, кир Алан. Я лично принимал исповеди у рабов. Брат Турид укрощает

плоть, и раны, которые иногда остаются после экзекуции, необходимо смазывать, чтобы они не загноились. А так как брат не позволяет женщинам дотрагиваться до себя, ему в этом помогают мальчики, — мягко, но с укором сообщил Алвис.

Виктория скептически хмыкнула, но спорить не стала. Даже если это так, она все равно не доверяла обоим мужчинам.

В покоях контессы ксена не оказалось. К счастью, жена спала, до подбородков накрытая меховым одеялом. В комнате было невозможно дышать от запахов пота, кошек, еды и дыма благовоний, и конт постарался как можно быстрее ретироваться. Кир Алан велел служанке предать своей любимой супруге, что он заходил справиться о ее здоровье и вручить ей вот этот «прекрасный, как она сама» цветок. Цветок Виктория выдрала из клумбы у храма. Что — то похожее на астру. На этом свой супружеский долг конт посчитал исполненным и сбежал из душной спальни, приказав служанке навести в помещении порядок.

Ксена они нашли в храме. Он взывал светлому Ирию, но свечи горели у обоих портретов. Вид у ксена был неважный. Покрасневшие, припухшие веки, зеленоватые круги под глазами и плотно сжатые губы.

— Кир Алан, мне рассказали, что вы сделали в Выселях, — не успел конт войти в храм, как гневно начал ксен. — Как вы посмели придать смерти одного из служителей Ирия, не...

— Ах ты, сукин сын! — отчетливо произнес конт по — русски, не давая ненавистному ксену закончить фразу. — Значит, смерть матери моего сына, твоей прихожанки, тебя не взволновала? Тебя не возмутило то, что моего наследника едва не убили? Или ты только рад будешь? Не удалось меня отравить, так ты решил детей моих извести? Рассчитываешь прибрать к рукам Кровь? Думаешь, я не вижу, как на тебя Литина смотрит?

Как она оказалась возле ксена, Виктория не помнила, очнулась лишь когда кончик кинжала уперся в кадык брата Взывающего. И ее словно ледяной водой окатило. Во взгляде ксена не было ни капли страха или вины, только недоумение, растерянность и обида. Конт медленно опустил кинжал.

— У тебя есть мгновение между жизнью и смертью, чтобы рассказать, зачем ты пытался меня отравить.

Турид возмущенно повернулся в сторону Искореняющего, и тот моментально пришел коллеге на помощь.

— Брат Турид, нам стало известно, что у тебя имеется яд горной гадюки, а именно этим ядом сегодня пытались отравить контессу, и этот же яд был добавлен в мазь кира Алана. И лишь по случайности супруги остались живы, — мягко произнес брат Алвис.

— И вы решили, что это я отравил свою подопечную? — тихо, с горечью произнес ксен. — Брат Алвис, вы ведь знаете, я вам исповедовался...

— Я тебе верю, брат мой, но конт Валлид весьма расстроен покушением на свою супругу и хочет убедиться. Прошу тебя.

Виктория закатила глаза вверх. Ну прямо классическая сцена из детективного романа. Плохой и хороший полицейский.

Ксен провел их в небольшую комнату в пристройке. Сразу было видно, что здесь живет аскет. Ничего лишнего. Узкая кровать без подушки, застеленная серым сукном, одежный шкаф, стол, стул и много книг. Вот куда конт придет, как только выдастся свободная минутка. Ксен поставил к стене стул, залез на него и протянул руку, шаря пальцами в щели между потолком и стеной. Виктория сразу поняла, что искомого предмета на месте нет. Понял это и Алвис. Однако ксен Турин не верил своим рукам, он не уgomонился, пока не обшарил щель по всей длине, с грохотом тягая стул по комнате. Затем он стал на колени и заглянул под шкаф и кровать.

— Она пропала, — удивленно констатировал ксен очевидное.

— Я в этом даже не сомневался — с издевкой произнес конт, покручивая в руках кинжал. — Сам пойдешь в темницу, или приказать тебя отвести?

Виктория не собиралась сажать ксена в камеру, как и не собиралась предъявлять ему обвинения. Удивительно, но она ему верила и от этого злилась еще больше. Нельзя так врать глазами. Ксен действительно был ошарашен обвинениями конты. Но как было приятно стереть ухмылку с его лица! Чисто девчачье желание — мелкое и недостойное, но такое приятное, что Виктория не удержалась.

— Кир Алан, клянусь покровителем моим Ирием Создателем, я не замышлял против вашей семьи, а уж отравить кирену Литину я никогда бы не смог, — голос его чуть дрогнул. — Я держал яд здесь, вдали от любопытных взглядов, и изредка пользовался им для натираний. Это очень редкая вещь, и выкидывать ее было глупо. Если каплю яда добавить в растопленный жир, он помогает при болях в коленях. Ваша жена страдает от...

— Моя жена пусть меньше жрет и больше двигается, тогда колени болеть не будут, — буркнул конт, выходя из комнаты. На прощание он со злостью так хлопнул дверью, что она отлетела в обратную сторону и только затем медленно поползла назад, оставив между косяком и дверным полотном узкую щель.

— Берт! — раздался на улице зычный голос конты.

Ксены переглянулись.

— Брат, составь список всех тех, кто мог проникнуть к тебе в помещение и взять яд, — властно приказал Алвис. Сейчас Виктория не узнала бы спокойного, улыбчивого ксена с мягким голосом. Весь его облик изменился, исчезла легкая рассеянность во взгляде, плавность движений. Карие глаза смотрели жестко и пронизательно. — Брат Сворж оказался идиотом, он решил устранить мальчишку, обвинив его мать в одержимости. Какая жалость, что я не успел расспросить брата о его покровителях. Жизнь конту нужно сохранить во что бы то ни стало. Ты уже отправил отчет?

Турид отрицательно покачал головой.

— Напиши, что все сыновья конты убиты.

— А о брате Сворже?

Искореняющий задумался.

— Пожалуй, не упоминай. Мы не знаем, как глубоко проникли щупальца заговора и кому на самом деле служил этот поклонник Вадия. А я пока попытаюсь найти нашего отравителя.

— Брат, а что будем делать с контом? Станный он. Словно другой человек очнулся после беспамятства. Не верю я ему. Ты слышал когда — нибудь тот язык, на котором он сегодня ругался? Да и в разговоре у него проскальзывают слова похожие на наши, но чужие.

— Ворожея говорит, что конт побывал на берегу реки Забвения, а после такого мало кто возвращается прежним. Ты ведь знаешь, эти прислужницы Вадия умеют считывать сокровенное. Но мы за контом наблюдаем. Отправь сегодня к нему Олику. Пусть попытается его разговорить. Пьяные мужчины так болтливы. И поговори с мальчишкой. Если не получится... — Алвис многозначительно посмотрел на брата Взывающего, — то придется его использовать.

Виктория бесшумно отошла от двери. Она услышала достаточно, чтобы понять — пока храмовники ей не угроза. А там видно будет. Зато друида подала ей прекрасную идею, и будет глупо ею не воспользоваться. Интересно, что за заговор и каким боком она имеет к нему отношение? Мало информации! Как же мало информации!

Капитана она нашла в оружейной. Большая комната на первом этаже донжона была заставлена широкими дощатыми столами, на которых лежали кинжалы, ножи, мечи, топоры, луки, арбалеты. Все аккуратно разложено по размерам и видам. Отдельно стояли пики и алебарды, на стенах висели колчаны со стрелами, крюки с веревками и

какие — то приспособления, о предназначении которых Виктория могла лишь догадываться. Вдоль одной из стен стояли всевозможные щиты. Рай для оружейных фанатиков. Но на нее это не произвело никакого впечатления. Просто куча металлолома. Если только посмотреть вон тот лук... Но не сейчас.

Через десять минут конт вышел из оружейной, неся на плече моток веревки, за поясом у него торчало три грубых кинжала с длинными широкими лезвиями. Озадаченный Рэй свистом позвал к себе одного из воинов и коротко отдал ему какой — то приказ. Вскоре вокруг капитана же стояли дети во главе с обритым «под ноль» насупленным Ольтом.

Ну что же, самое время осуществить задуманное. Пост на скале просто необходим и она собиралась лично посмотреть, где его расположить.

Викторию просто распирало от желания испытать это тело в действии. В желудке поселился изрядно подзабытый мандраж предвкушения. Как же она скучала по физическим нагрузкам! Бег трусцой, пешие прогулки, зимой — лыжи, летом — верховая езда, фитнес, это все было в ее пенсионной жизни, но как хотелось вновь испытать прилив адреналина, вновь ощутить эйфорию победы, дрожь в напряженных мышцах. И сейчас она это сделает! Скала не очень высокая, должно получиться. А затем можно будет попробовать и что — нибудь сложнее... «Сложнее? Где ты на это „сложнее“ время брать собираешься?» — возмутился внутренний голос. «Разберусь с отравителем, проведу ревизию, поставлю своих людей руководить...» — «Ага. А еще — войско, соседи, горцы, ксены, жена, заговоры, наследники...» — не унимался внутренний голос, и Виктория про себя взывала. Об этом она подумает завтра, а сегодня...

Конт поднял голову, намечая маршрут. Карниз, небольшая пещерка от вывалившегося обломка и дальше уже более пологий кусок стены. Есть, где передохнуть, если что. Он потянулся и схватился за первый выступ.

Подъем на скалу оказался не таким легким, как ей показалось снизу. Силенок у конты после болезни все еще было маловато. Да и работа без страховки заставляла быть аккуратной. А еще толпа желающих посмотреть на очередную блажь хозяина не добавляла желания рисковать. Виктория представляла, с какими надеждами многие ожидают ее падения. Не дождетесь! Небольшой отдых, отдышаться и вперед. Да, с растяжкой тоже нужно поработать. На шпагат это тело точно не сядет. Значит, утро начинаем с тренировки. И дыхание сбивается, добавим к силовым тренировкам бег. Но нельзя останавливаться, нельзя показать слабость...

...Конт лежал на камнях и с блаженной улыбкой идиота смотрел в небо. Спина взмокла, по лицу струился пот, руки и ноги тряслись и болели, а уж что будет завтра... Сердце решило, что оно маленький упругий резиновый мячик и радостно прыгало между ребер. Из горла вырывался кашель, замешанный на эндорфине.

Она это сделала! Она смогла! Поднялась. Какое это прекрасное чувство — победа над собой. В душе царил удовлетворение, помноженное на гордость за себя любимую. Она вновь молода! Только сейчас Виктория осознала, что ей всего двадцать четыре. Всего двадцать четыре! Захотелось заорать, чтобы горы разнесли эту весть по окрестностям, но она сдержалась, только хрипло рассмеялась.

— Кир Алан! — раздался снизу голос Рэя. — Вы там живы?

Виктория подползла к краю и, свесив вниз счастливое лицо, помахала рукой. В ответ Рэй показал кулак. Совсем разбаловался. Но злости не было, она понимала, для него конт все еще мальчишка.

— Кир Алан, сбросьте, пожалуйста, веревку, — донесся вежливый голос Искоряющего.

Что? Этот тип решил тоже подняться и убедиться во всем собственными глазами? Ну что же. Пусть поднимается. Если сможет. Виктория закрепила веревку и сбросила вниз оба конца. Интересно, как он собирается лезть в своей рясе? Но ксен ее удивил. Под балахоном на нем оказалась надета тонкая металлическая кольчуга поверх черной толстой рубахи и черные штаны, заправленные в удобные кожаные сапоги. А на поясе висели узкие длинные ножны и кожаные перчатки. Он неспешно натянул перчатки, внимательно осматривая поверхность скалы, затем перекинул ножны за спину и

ухватился за веревку, которую снизу придерживал Рэй. Не ксен, а сюрприз ходячий.

Такого способа подъема на гору Виктория еще не видела. Алвис воспользовался веревкой, как канатом. Конт, следящий за ним сверху, только присвистнул. Это какую же силу надо иметь в руках, чтобы так шустро лезть вверх по гладкой веревке, на которой даже узлов не навязано?

— Спасибо. — Ксен ухватился за протянутую руку, переваливаясь через край.

Вот гад! Он даже не запыхался! Только вспотел. И рука сильная. Чему же вас там обучают в вашем ордене?

— Вы уже осмотрелись? — Похоже, ксен не привык бездействовать.

— Нет. — Не говорить же ему, что Алан до сих пор отдышаться не может.

Место, откуда столкнули валун, они нашли сразу, как и толстую доску, при помощи которой его сдвинули с места. А еще они нашли протоптанную тропинку, уходящую вверх, и кучу обглоданных куриных костей. Похоже, что злоумышленник провел здесь много времени, поджидая удобного случая. Больше ничего найти не удалось. Ни клочка одежды, ни волос, ничего.

— Поднимемся по тропинке? — предложил конт, ксен согласно кивнул.

Узкая дорожка петляла между камней, поднимаясь вверх, а затем за небольшой скалой, похожей на птичий клюв, резко уходила вниз, оканчиваясь площадкой, поросшей скудной травой.

— Здесь у него была лошадь, — ксен кивнул на кучки навоза.

От площадки вниз шла достаточно удобная широкая тропа.

— Пройдемся? — Голос конта звучал без особого энтузиазма.

Идти Виктории не хотелось совершенно. Хотелось прилечь и ни о чем не думать, пожалуй, она погорячилась, так нагружая это бедное тело.

— Не стоит.

Ксен полез за пазуху. Виктория с любопытством на него смотрела. Вот будет здорово, если он выхватит оттуда свисток и к ним прилетят волшебные орлы... А что? Ведь если верить книгам, многие попадают в миры магические. А чем она хуже? Виктория улыбнулась. Что за идиотские мысли?

Но ксен достал из — за пазухи не волшебный свисток, а обычную карту, развернул ее и ткнул куда — то пальцем. Конт наклонился ближе.

— Вот эта тропа. Она ведет во владения вашего друга, барона Линя.

Какая, однако, подробная карта. А что это за точки? Но ксен словно невзначай прикрыл часть карты ладонью.

Возвращались они молча.

— Как здесь красиво! — восхищенно произнес Искореняющий, когда они вышли к месту подъема.

Алан, который в это время прикидывал, в каком месте поставить форпост, оглянулся. Ксен стоял на самом краю. Если подойти и слегка подтолкнуть его в спину... Но вместо этого Виктория встала сбоку, но позади ксена. Ведь и конта можно было бы так же легко подтолкнуть вниз, а давать такого шанса Алвису она не собиралась.

Действительно, пейзаж был великолепен. Впереди расстилалась равнина с небольшими вкраплениями озер и лесов, а далеко на западе среди гор сияла полоска голубой воды. Солнце уже клонилось к горизонту, погружая окружающий мир в легкую багровую дымку. К воротам подходила толпа рабов под охраной троих всадников, а в том направлении, откуда они шли, виднелось большое поле, поделенное на равные квадраты

разного цвета. Что на них растёт конт рассмотреть не смог. Рабы несли в руках корзины и какие — то инструменты, человек пять тащили на спинах большие вязанки хвороста.

К замку Кровь скакала кавалькада всадников, нагоняя бегущую фигурку. Отсюда Виктории не было видно, кто убегает — издали фигурка казалась маленькой и нескладной, но у Алвиса взгляд был более привычен к деталям этого мира.

— А вот и сам барон Кайрат Линь. Его выпел развевается за спиной первого воина. Рыба на красном фоне. К вам гости, кир Алан.

Только этого не хватало!

Однако, прежде чем они начали спуск, ксен огорошил контя.

— Я бы хотел принять вашу исповедь. Здесь, вдали от лишних ушей.

Сказано это было таким тоном, что сразу становилось понятно — отказа ксен не приемлет. Только исповедь это или допрос? Виктория машинально положила руки на кинжалы, что не укрылось от взгляда Искореняющего. Он молниеносно перекинул ножны вперед, и спустя мгновение в руках служителя Ирия оказался тонкий клинок — то ли длинный кинжал, то ли очень короткий меч. Алвис с улыбкой поклонился и жестом предложил конту атаковать. Виктория раздумывала секунду. Ее вдруг охватил азарт, прилив адреналина будоражил, заставляя сердце биться сильнее, а усталость отступить. Она знала, что ксен не станет ее убивать, а вот попробовать это тело еще и в умении владеть оружием было заманчиво. Хотелось выяснить здесь и сейчас, без посторонних глаз, какие навыки достались ей в наследство и что получил конт от ее души. Поэтому, оскалив зубы, она сделала первый выпад, который ксен легко отбил.

Если бы это был настоящий поединок, он продлился бы не более трех секунд. Победа в таком бою лишь на тридцать процентов состоит из умения фехтовальщика, а семьдесят процентов приходится на госпожу Удачу. И хотя сейчас противники были вооружены не ножами, а более длинными клинками, это мало что меняло. Но к счастью, в этом бою ничья жизнь не стояла на кону, просто двое мужчин решили проверить друг друга. Потому что если бы это был настоящий бой — конт уже был бы трупом. Пока же противники прощупывали друг друга, стараясь не наносить глубоких ран, хотя руки обоих уже краснели тонкими порезами. Для Виктории такой сдержанный поединок был вдвойне тяжелым. Когда — то ее учили убивать, а не играть. Ксен тоже осторожничал, и она поняла, что ему так же сложно, как и ей, сдерживать удары.

Во второй руке Алвиса появился засапожный нож. Он больше не улыбался. Взгляд ксена был сосредоточен, движения резкие и скупые. Профи. Виктория же чувствовала себя не так уверенно. Ей было сложно приноровиться к длине рук, но пока она успешно отражала выпады противника и даже контратаковала.

— Алвис, ты же знаешь, я ничего не помню из своей прошлой жизни. — Темп боя немного стих, и она разорвала дистанцию. — Я даже не помню имен своих слуг. Моя жизнь начинается с чистого листа.

Ксен провел обманное движение, и один из кинжалов контя полетел в сторону.

— Кир Алан, как умер ваш отец?

На секунду Виктория задумалась. Ксен дураком не казался, а значит, уже сложил два плюс два и сделал правильные выводы. Тем более что он лично исповедовал присутствующих на той злополучной охоте. Поэтому она не видела причины скрывать правду. Лучше сообщить малое, чем путаться в большем.

— Я его убил. — Она пихнула ксена ногой в колено, и, когда он оступился, взмахом кинжала порезала ему предплечье. — Извини.

— Не слышу раскаяния в вашем голосе. Как вы это сделали? — Искореняющий вдруг резко выбросил руку вперед, и конт едва успел отклониться от летящего ему в плечо ножа.

— Удар в основание черепа.

Во время боя они не переставали двигаться, и сейчас конт стоял спиной к замковому двору. Ксен не нападал, он застыл с опущенным вниз клинком, но его взгляд внимательно следил за выражением лица соперника. Вот бы узнать, о чем он думает?

— Да, так оно и было. Вы сожалеете?

Виктория задумалась. Сожалеет ли она о поступке реципиента? Пожалуй, нет. Если бы не смерть старого конт Валлида, она бы не получила второго шанса. Цепочка совпадений. Только вот совпадений ли? Или это чей — то хитроумный замысел? Но пора отвечать, а то как — то странно смотрит ксен, и смотрит куда — то ей за спину.

— Нет, я не сожалею.

Похоже, что ответ Искореняющему не понравился, его лицо приобрело жесткое выражение, глаза сузились, он отбросил оружие и стремительно метнулся в сторону конт, налетая на него всем телом и опрокидывая на землю, успевая обхватить обеими руками голову. Движения мужчины были настолько быстры и непредсказуемы, что Виктория не успела отреагировать, как очутилась на каменистой земле, придавленная телом ксена. Над ними что — то просвистело. Алвис моментально откатился в сторону и, не поднимаясь на ноги, подполз к обрыву.

— Капитан! — заорал он. — Стреляли из донжона!

Черт! Конт лежал еще немного, но второго выстрела не последовало, и он медленно сел. Мысли путались, слишком стремительный переход от одного состояния к другому. Ксен протянул руку, помогая ему встать на ноги. Виктория пощупала затылок, вроде ссадины нет, затем перевел взгляд на руки ксена. Так вот зачем он обхватил её голову руками — чтобы смягчить удар, а она подумала, что Искореняющий собирается свернуть ей шею. Наверное, он сильно ушибся. Первым порывом было заставить мужчину снять перчатки и осмотреть руки, но она вовремя себя одернула. Это будет выглядеть... неправильно. Суровые мужчины с фронта не приучены к сантиментам, и конт не исключение, вон, ксен даже не морщится, а уже тщательно обследует кусты в поисках стрелы.

Это начинает действовать на нервы, жить, постоянно оглядываясь и боясь, Виктория не собиралась, а значит, нужно как можно быстрее найти убийцу. И тут ее словно под воду окунули и там задержали — стало мало воздуха, сердце испуганно притихло.

— Донжон! — вскрикнул конт. — Там же мой сын!

— Кто об этом знает? — коротко спросил Алвис.

— Да все, кто был с нами в Выселях.

— Кто конкретно знает, что он ваш сын и что его разместили в донжоне?

— Рэй и Райка. Но не думаю, что это секрет, стоит посмотреть на его лицо, чтобы догадаться, кто его отец.

— Контесса знает?

— Нет.

Пока они спустились, на замок упали сумерки. Их встретил хмурый и злой Рэй. В руках он вертел лук точно такой формы, как Виктория видела сегодня днем на седлах игушей.

— Вот, нашел, — протянул великан лук конту. — Волчьего сына лук. Я его вместе с мечами в Выселях прихватил, да сдуру оставил лежать внизу в казарме. Хотел завтра по утречку пристрелять. Забавная игрушка. Любой взять мог.

— Взять мог любой, но стрелять из него не каждый сумеет. Тут сила нужна. Игушей с детства учат владеть этой «игрушкой», — задумчиво произнес ксен.

Лук был красив, и Виктория сразу поняла, что хозяину она его не вернет. Плечи с изящно выгнутыми концами полностью покрывал сложный цветной орнамент, заставляя сердце конт трепетать. А может быть, сердце трепетало от того, что этой полированной

поверхности, по которой она сейчас нежно проводит пальцами, касалась рука зеленоглазого мужчины?

— Игуш и пацан лежат в комнате. Оба спят. Я к ним сразу стражу приставил, выйти не могли, — пояснил Рэй ксену. — Кир Алан, да отдайте вы мне эту игрушку Вадия! Негоже благородному так на лук смотреть! Оружие конта — это меч! И что у вас с руками?

Искореняющий улыбнулся и быстренько сбежал в сторону храма, сославшись на необходимость вечернего взывания. Предатель! Странно, но после того как Алвис спас ей жизнь, Виктория стала относиться к ксену с большим доверием. Другом она его, конечно, не назовет и доверять без оглядки не станет, но из разряда «возможных врагов» перевела в разряд «возможных приятелей».

Пока Рэй промакивал порезы вином, а затем перевязывал руки господина, он успел выложить все замковые новости.

Барон Линь прибыл поздравить друга с конством и пригласить на охоту. Говорят, в Северном лесу у Кривого тракта разбила лагерь большая ватага беглых каторжников. Они уже выжгли два хутора, а так как Северный лес находится как раз на границе их владений, барон приглашает конта поохотиться на разбойников. Лишние рабы никому не помешают, тем более сейчас, когда южане скупают невольников на гребные суда. Людей барона капитан разместил в казармах, а сам кир спустился в тюрьму поучить уму — разуму пойманную им рабыню, которая сбежала день назад.

— Что заставило дуру бежать к Крови, ума не приложу, — бурчал Рэй. — Неужто не знала, что вы с бароном дружите с детства? Да там и лес по пути был, перешла бы реку, никакие тау след бы не взяли, так нет же, сюда побежала. А барон как раз к вам в гости надумал ехать, вот и нагнал беглянку уже у развилки Висяка.

Виктория так устала за этот длинный, тяжелый день, что идти разбираться с бароном у нее не было ни сил, ни желания. Даже есть не хотелось, доползти бы до кровати, рухнуть и заснуть.

— Рэй! Что хочешь делай, но вытяни барона из тюрьмы. Накорми, устрой на ночь и передай мои извинения, что не могу составить ему компанию. Устал я сегодня. Спать пойду. Распорядись, чтоб рабыню накормили, ну и... камеру ей получше выбери. Завтра я с нею поговорю, чего ее так в Кровь тянуло?

— А с разбойниками что делать?

— Пойдем... искоренять, — устало махнул рукой конт.

— Это правильно. Ну, тогда завтра и отчет послушаете, что ваши малые разведчики разнюхали. Идите спать, кир Алан, идите. А то лица на вас нет. Я к вам Берта пришлю и скажу Райке, чтобы перекусить собрала.

— Спасибо, Рэй, — искренне поблагодарил конт, направляясь к донжону.

Старый воин еще долго смотрел ему вслед, не замечая, как по щеке скатилась и запуталась в густой бороде одинокая слезинка. Поблагодарил. Впервые в жизни поблагодарил. Не врал друида, изменился конт, ох, как изменился после возвращения из нижнего мира.

А конт тем временем зайдя за сарай, резко сменил направление движения. Стараясь передвигаться лишь в тени, он крадучись направился в сторону замкового храма, туда, где чуть светилось одинокое окошко. Подпрыгнул, хватаясь за подоконник, подтянулся и заглянул в раскрытое узкое окно. Брат Турид сидел на пятках напротив иконы, изображающей Вадия. Виктория прислушалась.

— ...знаю, что ты темный бог, но ты привечаешь умерших. Помоги её духу, приблизь к себе, передай, чтобы не волновалась за сына, он под защитой брата твоего... И прости ей ее заблуждения, как прощаем мы, пусть дух ее покоится в мире...

Виктория тихонько опустилась на землю. Взывает к Вадю. За Элькину душу взывает. Все правильно, так и должно быть, духовник заботится о душе, а он, конт Валлид, позаботился о мести и позаботится о сыне. Мужчина, стараясь не шуметь, ступил на

дорожку, ведущую к донжону.

— Я верю, что ты возродишься в наших внуках, незнакомая мне Элька, мать чужого мне сына, — прошептала Виктория по — русски, на ходу осеняя себя крестом.

Нет, она никогда не была глубоко верующей, но сейчас ей вдруг почему — то это показалось правильным и уместным.

Как же хочется спать! Алан широко зевнул и, уже не прячась, отправился к себе, строя планы на завтрашний день, и поэтому не заметил Искореняющего, стоящего в густой тени ограды. Алвис с задумчивым видом проводил конта взглядом, при этом его губы кривила довольная усмешка. Он медленно поднял руку и повторил движение конта — сверху вниз, с правого плеча на левое.

Не доходя до своей комнаты, Виктория увидела стражников, несущих вахту у гостевых покоев. Она на секунду замерла, раздумывая, не зайти ли ей провести игуша и мальчишку, но усталость взяла свое.

В комнате уже ждал Берт, таз с водой и смазливая блондинка, которая шустро расставляла на столе тарелки с едой. Все это изобилие венчал большущий кувшин с вином. Виктория усмехнулась, принимая из рук улыбающейся девицы полную кружку хмельного напитка.

— Как твое имя, красавица?

— Олика, хозяин. Неужто позабыли? — лукаво ответила девушка, поглаживая толстую косу, перекинутую на грудь.

Многозначительный такой жест. Намекающий. Но конт сегодня тупит, не понимает он толстых намеков. Что поделать? Головой последние дни часто бился. Поглупел.

— Можешь быть свободна. Сегодня вечером мне компанию составит Берт. — Глаза девушки удивленно округлились, она попыталась что — то сказать, но Виктория прикрикнула: — Вон!

Шпионов ей только не хватало. Пусть идет ксена развлекает.

Пока она жадно ела, давая Берту указания на завтра, за окном окончательно потемнело.

— Разбудишь меня до восхода солнца. Скажи Рэю, что завтра с утра я буду смотреть его воинов. В полном вооружении. И не приведи Светлый бог им меня разочаровать! Потом пригласишь в кабинет друиду, нашего ксена, Райку, Нанни и Рэя. Пусть будут готовы дать отчет по своему хозяйству, туда же прикажи подать завтрак. Кто у нас отвечает за рабов?

— Так никто. В охрану капитан каждый день четверых воинов назначает — они следят, чтобы рабы не разбежались и не отлынивали от работ. Если наказать кого надо, то палач есть, а так, — слуга пожал плечами, — кому надо, тот и берет.

— Плохо! Есть среди рабов лидер? — Берт спустя несколько секунд размышлений кивнул. — Значит, позовешь его, и сам приходи. После того, как я переговорю с... управляющими, я желаю видеть кузнеца, плотника, конюха и того, кто отвечает за мое поле. Потом построишь всех рабов, я хочу на них посмотреть. Ты слышал, всех! Вопросы?

— Нет вопросов, господин.

— И еще, Берт. Как хочешь выворачивайся, но не подпускай барона Линя к тюрьме. Кстати, у меня там кто — нибудь сидит?

— Есть парочка, — Берт отвел взгляд, глядя в окно.

— Что, совсем плохо? — со вздохом поинтересовалась Виктория. Она уже устала удивляться, на сегодняшний день лимит эмоций у конта закончился.

— Бывало и хуже, — осторожно ответил Берт.

— Прикажи вымыть, накормить, и пусть посидят, пока я с делами разберусь. Короче,

проследи, чтобы все было нормально. Если надо, пусть их друида посмотрит, скажи ей, что я рассчитаюсь.

Слуга серьезно кивнул.

Вроде бы все? Ничего не забыла? Мысли лениво плавали по кругу, словно жирные декоративные карпы на мелководье, однако ловко ускользали, стоило Виктории попытаться ухватить их за кончики хвостов. Спасть хотелось невыносимо. Она отставила в сторону, едва пригубив, кружку с вином, села на кровать и, уже стягивая с себя штаны, с деланным безразличием поинтересовалась:

— Как там наши раненные?

Наконец — то она забралась под одеяло и с удовольствием вытянула ноги, какое это блаженство!

— Игуш слаб очень, но друида сказала, что ничего серьезного. Переломов нет, вывих она вправила, внутренности только отбиты, но, даст Ирий, отлежится. А мальчишка уже готов был драпануть, хорошо, что капитан стражу поставил. Шустрый он у вас не по годам.

Виктория только усмехнулась. Ее старший тоже был шустрым не по годам, сколько стекол, носов и коленок было разбито, сколько раз ее вызывали в школу — не сосчитать. А к шестнадцати годам парня словно подменили. Влюбился в отличницу, увлекся математикой, теперь глава своего маленького семейного клана, хакер на службе у правительства. Хорошие у нее выросли мальчишки, и этого вырастим настоящим мужчиной, дайте только время.

Как Берт задувал свечи, как собирал и уносил остатки еды, она уже не видела. Только почувствовала сквозь сон, как Кусь запрыгнула на кровать, укладываясь в ногах. Столкнуть наглую тау уже сил не было, Викторию уносила в сон темная беззвездная ночь.

Утро наступило с неизбежностью налогов. Только глаза закрыла, а уже Берт трясет за плечо.

— Доброе утро, кир Алан.

— Берт, по утрам можно только предаваться жалости к самому себе, — зевая так, что за ушами хрустнуло, пробурчал конт, спуская ноги с кровати. Кусь, проспавшая у него в ногах всю ночь, лениво подняла голову и, дождавшись, когда конт встанет, развалилась на всю кровать, вытянув поверх одеяла длинные лапы.

— Совсем вы ее разбаловали, кир, — Берт только головой покачал, зажигая свечи от лучины, которую принес с собой. — Кусь, на улицу!

Тау приоткрыла желтый глаз, смерила слугу равнодушным взглядом и, перевернувшись на спину, с удовольствием потянулась, выставляя напоказ голый розовый живот. Конт не удержался, почесал суку, она довольно заурчала. Виктория еще раз подивилась природе этих созданий — умны и преданы, как собаки, но в тоже время игривы и ласковы, как кошки, а внешность... Ей почему — то казалось, что именно так должны выглядеть адские гончие. Кусь лизнула хозяина в руку и, тяжело спрыгнув с кровати, застыла у двери, ожидая, пока ей откроют. Ждать ей пришлось недолго, в комнату вошла рыжая Эльса с тазиком и полотенцем, и тау прошмыгнула в раскрытую дверь. Девушка еще с порога поклонилась, умудрившись не расплескать воду.

— Доброе утро, хозяин. Там ксен просит Берта на утреннее взывание отпустить.

— Сходи, — кивнул конт. Главное, что его не требует.

Пока Эльса помогала конту умываться, одеваться, она сдерживалась, но Виктория видела, как девушке хочется поговорить. Есть такая порода людей, которые не умеют молчать — совершенно. У них просто мозг устроен так, что не может хранить всю поступающую информацию одновременно, ему нужно слить излишки, чтобы загрузить следующий пакет. Как бассейн с двумя кранами. Виктория села на стул, и Эльса принялась расчесывать конту волосы.

— Кто тебя прислал? — Виктории тоже надоело молчать.

— Так я же горничная на этом этаже, кир, — обрадовалась вопросу Эльса. — За вами присматриваю да за хозяйкой. У ней, конечно, есть еще служанки, да что они понимают. А госпоже надо и булочки утром принести, и чтоб молочко было теплое, но без пенки...

Она трещала без умолку, Виктория слушала вполуха, откладывая в памяти лишь мелкие детали. Например, что брат Турин проводит у контессы вечером по несколько рысок — местное название часа. Они молятся и разбирают книги Жития богов. Что барон вчера взял в опочивальню двух девок и одной из них подарил мелкую монетку, а вторая с нею из — за этого не разговаривает. Конт хмыкнул, ни на секунду не сомневаясь, что барон так поступил специально. А еще Олика — это та зазнайка, что ему вчера вино приносила — сегодня с утра ходит заплаканная.

— А я вчера так испугалась, как хозяйку отравили, так испугалась, что ноги держать перестали. А как увидела, что госпожа с верхних этажей спускается, так едва не превратилась в статую, как та пастушка, что живого Вадия узрела! Вы же знаете эту песнь из Жития? — А вот это может быть интересно, Виктория наострила ушки. — Я к ней подбегаю, как же так, говорю, зачем же вы встали, кирена Литина? А она мне говорит, в комнате так душно, я приказала воинам переставить кровать к окну, а сама пока поднялась наверх воздухом подышать. А сама бледная такая, и рука в крови. Говорит, оцарапалась о камни. Совсем себя не бережет хозяйка, а...

— Когда это было? — перебил конт девушку.

— А как вы соизволили на скалу лазить с братом Искореняющим. В самый раз перед тем как вы вниз спустились. Ох, страху я натерпелась, как вы спускались! Вжик по веревке! Вжик! Страшно...

— Эльса, стихни! — гаркнул конт. Эти сведения нужно было обдумать. — А у контессы в руках ничего не было?

— Ничего не было, кир! Ирием клянусь! Только платочек.

— Никому об этом не говори. Проговоришься — отрежу язык! Поняла?

Эльса ушла, Виктория постояла возле раскрытого окна, вдыхая свежий воздух. Чистое чужое небо темно — синего цвета, но звезд уже почти не видно, скоро взойдет солнце. Впереди тяжелый день, но она справится!

ГЛАВА 6

Собрал тогда Ирий самых преданных слуг

и повелел им храмы возводить и учить слабых истинной вере.

От зари и до заката взывать к их душам именем Его.

Хитрый Вадий промолчал, но ночью призвал к себе

самых распутных и любимых женщин

и велел им себя воспевать от заката до рассвета.

Рэй ждал конта у выхода. Рядом с ним маячила коренастая фигура в расстегнутом камзоле и с мечом на поясе. Этого мужчину Виктория не знала. Ниже конта на голову, белокурые волосы спадают на плечи небрежной волной, закрученные вверх усы, голубые глаза, раздвоенный подбородок. Симпатичный, но было что — то в его внешности отталкивающее, порочное. И это «что — то» вызывало у Виктории чувство антипатии.

— Доброе утро, кир Алан, — поклонился Рэй. — Наш гость кир Кайрат Линь хочет с вами поговорить.

— Алан! — воскликнул барон, протягивая конту руку. Мужчины обменялись рукопожатием, и Виктория вновь чуть не попала впросак. Оказывается, здесь пожимали друг другу запястья, а не ладони. — Мы вчера так и не выпили с тобой.

— Доброе утро, Кайрат. Я вчера первый день как встал после болезни. Еще немного не в форме.

— Оно и заметно! — хохотнул барон, пихая конта в плечо. — Мне пришлось утешать твою любимую Олику. Что ты решил насчет охоты?

— Я согласен, — коротко кивнул конт.

Вот оно оказывается как, Олика его «любимая», а он ее вчера так грубо выставил. Не удивительно, что она рыдала. А ведь через девушку можно сливать ксенам дэзу. Пока Виктория об этом думала, барон что — то говорил, но она услышала лишь последний вопрос:

— Когда будет прием в честь твоего конства?

— Мне нужно посоветоваться с... супругой, но, думаю, через десяницу. Кай, а это обязательно? — с тоской спросила она. Вот совершенно не хотелось заниматься еще и такой ерундой.

— Ты что! Да весь фронтир только и ждет, когда ты объявишь о приеме. Моя любовница шьет платье и ругает меня с утра до утра, что к нему нет подходящих камней. Пришлось даже продать рабов, чтобы купить ей серьги, — барон закатил глаза. — А еще прошел слухок, что ты ищешь новую жену, потому что старая бесплодна. Теперь припрутся даже те, кто тебя ненавидит, привезут на смотрины своих дочерей. — Линь громко захохотал, увидев перекошенное лицо конта. — Значит, завтра встречаемся у развилки Висяка. — Он оглянулся, когда уже отошел метров на пять. — Я там тебе сюрприз оставил, если выживет, можешь делать с нею, что захочешь, — он неприятно улыбнулся.

— Простите, кир Алан, когда я вчера спустился в подземелье, кир Кайрат уже начал наказание... — виновато произнес Рэй, глядя в спину барона.

Неприятно екнуло под ложечкой. Она не хочет этого видеть! Не хочет спускаться в темницу! Хватит с нее вчерашнего! Не хочет!

— Ты построил воинов?

— Всех, кроме тех, кто на посту. Тридцать пять человек.

— А сколько всего?

— Пятьдесят.

— Мало.

бы- Так больше нельзя. По эдикту от 234 года Зеленой Жабы замковая стража не должна превышать пятьдесят человек, — развел руками Рэй. — У нас полный комплект, многие и столько воинов не держат.

Зерно истины в этом есть. Сдерживать мощь слишком шустрых семей. Держать дворянство на коротком поводке, не давая наращивать боеспособность. Виктория улыбнулась. Она знала, как обойти этот закон.

Их встретил рев тридцати пяти глоток. Что они орали, Виктория не поняла, что — то типа «За Кровь умрем!». Не за конта, а за замок. Странно. Вот интересно, Рэй подбирает воинов по луженым глоткам? Кто громче орет, того и берем?

В принципе осмотром своих войск конт остался доволен. На всех воинах был надет кожаный доспех, усиленный железными пластинами, головы защищали сфероконические шлемы с наносниками и бармицей. Защита на кисти рук, наплечники, наручи, защита ног — все из металла. Вооружены воины были короткими широкими мечами, похожими на гладиусы, но некоторые держали на плечах огромные двуручники.

— Каждый из лука подстрелит птицу в полете, — прихвастнул Рэй, окидывая гордым взглядом отряд.

— Каждый? — недоверчиво переспросил конт.

— Ну, каждый пятый — точно! — пошел на попятный капитан.

Виктория улыбнулась.

— Жалобы есть, бойцы?

— Никак нет, кир Алан! — громко и четко ответил... Рэй из — за спины конта.

— Никак нет, кир Алан! — дружно повторили воины.

— Завтра мы идем в бой. Против бандитов, окопавшихся в Северном лесу. Я понимаю, что для вас разбойники на один зуб, но отчаявшиеся люди, которым кроме собственной жизни терять нечего, будут драться насмерть. Я не желаю потерять ни одного из вас. Поэтому защищайте спины друг друга и не позволяйте всяким...

— Уродам, — подсказал Рэй на чистом русском языке.

Виктория медленно подняла на него глаза. Откуда?

— Вы пока лежали без памяти, постоянно ругались, а я запомнил, — пожал плечами великан. — Не знаю, что это, но звучит красиво.

— Не позволяйте всяким уродам вас убить, — закончил конт с улыбкой. — Кто такие эти уроды, я не знаю, спросите капитана, но, думаю, личности они неприятные.

С этими словами он развернулся в сторону пристройки, где находился кабинет отца, а теперь его кабинет. Вслед раздался хохот, словечко мужикам понравилось. Рэй взмахом руки отпустил воинов и, довольный, поспешил следом.

Реформу «армии» проводить придется. Есть у нее кое — какие задумки. Но окончательное решение она примет завтра после боя с разбойниками. Надо посмотреть отряд в деле.

В кабинете ее уже ждали. Райка степенно разговаривала с Нанни — миловидной толстушкой с тихим голосом — однако Виктория знала точно, слуг Нанни держала если не в ежовых, то в крапивных рукавицах — однозначно. Ворожея, единственная, кто сидел, задумчиво рисовала пальцем на столешнице только ей понятные узоры. Ксен и Берт стояли в сторонке. У самого порога, присев на корточки, прислонился к стене мужчина в серой рабской одежде. А на столе стояла тарелка, полная ароматных, восхитительных, румяных булочек. Виктория моментально почувствовала себя

Карлсоном.

— Вы завтракали?

Все усердно закивали головами. Райка налила в большую чашку горячего ягодного компота и подвинула конту, который уже доедал первую булочку, щурясь от удовольствия.

— Раз вы не голодны, то давайте начнем. Рассаживайтесь вокруг стола.

Кабинет отца был просторный, как и все комнаты в Крови, и так же лаконичен. Правда, вместо соломы на полу здесь лежал вытертый ковер, на каменных стенах висели гобелены с изображением бегущих оленей да стоял шкаф с несколькими потрепанными книгами. Большую часть кабинета занимал стол, за который все и уселись, кроме раба, оставшегося стоять у двери.

— Тебе надо особое приглашение? — поинтересовался конт. — Садись!

Раб нехотя сел, зыряка на всех исподлобья, остальные же делали вид, что его здесь нет. Виктория ела и наблюдала за своей командой. Она надеялась, что эти люди действительно станут ее опорой в новом мире. Потому что если они не сработаются, придется ломать устои, а это всегда чревато. Склоки ей не нужны. За Рэя она не волновалась, он уже был ее, ксен и Нанни... возможно, но не факт, друида — скорее да, чем нет, Райка... согласится, ей деваться некуда, у нее теперь в Крови внук. Берт... В Берте она уверена не была, хотя повода сомневаться парень пока не давал, раб... с него и начнем.

— Как твое имя?

— Саника Ужог. — Мужчина опустил глаза.

— Благородный? — Виктория еще ни разу не слышала, чтобы у рабов или слуг были двойные имена.

— Я не родился рабом, — уклончиво ответил мужчина.

— Итак. — Она на секунду задумалась. — Вы здесь, потому что я вам доверяю и надеюсь получить в вашем лице не слуг, а партнеров и друзей. Возможно, раньше мы не ладили, кое с кем мы и сейчас не в очень хороших отношениях, но это не должно нам мешать сделать нашу жизнь лучше. Если кто — то из вас категорически не хочет со мной работать, тот может сейчас уйти, но предупреждаю сразу — назад дороги не будет. Я предлагаю руку дружбы только один раз. — Конт обвел всех взглядом. Ошеломление, недоверие, страх можно было черпать ложками. На лицах явно читалось, что ничего хорошего от этой затеи присутствующие не ждут. Одна только друида победоносно глянула на Нанни и вдруг подмигнула конту:

— Я с тобой, конт. Путешествие к реке Забвения сделало тебя человеком.

— А до этого кем я был? — поинтересовался мужчина.

— Анчутой! — безапелляционно заявила друида.

Рэй предостерегающе кашлянул, ксен поперхнулся слюной, Нанни и Райка синхронно зажали рты руками, а Берт и раб согласно кивнули головами. Реакция окружающих не ускользнула от взгляда Виктории.

— Будем считать, что ведмедь ее из меня выбил. Брат Взывающий, я хочу, чтобы ты набрал мальчишек и начал готовить ксенов. Чтобы не повторилось то, что случилось вчера в Выселях, нам просто необходимо иметь в каждой веске своего ксена, а не пришлого, который не знает наших людей.

Виктория попала в точку. Загоревшийся прозрачным голубым пламенем фанатичный взгляд брата Турина был ей лучшей наградой, но не будь это ксен! Он сразу же выдвинул условие.

— Я буду сам набирать мальчиков. Слушающие должны обладать определенными

чертами характера, и не каждому дано рассмотреть это в будущих служителях Ирию.

— Я не возражаю. Набирай столько учеников, сколько сможешь воспитать не в ущерб собственному приходу.

— Я попрошу о помощи брата Искореняющего, — согласно закивал Турид, уже витая где — то на просторах владений Ирия.

— Потом мы с тобой обсудим программу, по которой ты будешь учить Слушающих, — опустила его на землю Виктория. — Я хочу, чтобы наша гостя друида дала им несколько уроков первой помощи. Ксен должен уметь не только врачевать души, но и тело. Например, изготавливать мазь от боли в коленях... — Взывающий, который хотел возмутиться, проглотил слова и согласно кивнул. — Вот и хорошо. Среди рабов тоже посмотри, возможно, там ты найдешь самого преданного Ирию ученика.

Ксен презрительно скривился, но затем задумался и кивнул несколько раз подряд, глядя на конта, как показалось и очень хотелось в это верить, с толикой уважения.

— Друида, тебя я бы тоже просил обучить наших женщин основам врачевания. Если найдешь среди них себе ученицу, я буду только рад. А сейчас я прошу тебя спуститься в тюрьму. Там нужна твоя помощь, надеюсь, еще нужна... Берт, проводи. Брат Турид, не составите им компанию?

А теперь рабы. Вот где огромная головная боль.

Всего рабов было почти пятьдесят человек, считая детей. Больше мужчин. Все молодые, здоровые, крепкие. Конт Валлид был рачительным хозяином и скрупулезно записывал в книгу, где, за сколько и у кого он купил раба, кому и когда продал. Кто выбыл по естественным причинам. Сколько крупы, мяса, овощей уходит на каждого раба. Но на этом все и заканчивалось. Охраняли и контролировали их воины, которых ежедневно назначал Рэй. Рабов мог взять любой свободный житель — для работ или для собственных утех, неповиновение жестко наказывалось. Никто не считал их за живых людей, у которых есть чувства. И Виктория собиралась положить этому конец. Не сразу, постепенно, давая людям выбор. А пока, к всеобщему неудовольствию, она назначила Санику старшим над рабами и приказала именно ему распределять людей по работам. Теперь он будет решать, кого отправить сегодня заготавливать лес, а кого — пилить дрова. К нему будут обращаться те, кто собирается использовать бесплатную рабочую силу. К огромной радости конта, раб оказался грамотным. Стоило бы его расспросить о прошлом, уж очень независимо вел себя мужчина, в отличие от остальных рабов, но для этого еще будет время. Виктория собиралась сделать такие совещания постоянными.

— Саника, распределять людей на работы будешь с вечера. Если кто — то не успеет подать заявку — посылаешь его к Вадию, не пойдет к темному — отправляй ко мне. Всегда оставляй несколько человек в резерве. Детей пока ставь на самые легкие работы. У меня на них планы. И составь списки необходимых вам вещей. И еще. Запомни. Ты теперь мой представитель среди рабов. Я буду решать все вопросы только через тебя, но и отвечать за все будешь ты. С тебя и спрос.

— А если придут за женщинами? — глухо произнес раб, глядя на конта с недоверием.

— Не понял. — Виктория действительно не поняла.

— Воины постоянно берут женщин. Вольным подарки дарить нужно, а здесь... — угрюмо пояснил Саника.

— Кир Алан, прошу вас. — Рэй поднял руку, привлекая к себе внимание и останавливая гневную тираду, готовую сорваться с губ конта. — Не запрещайте, люди будут недовольны. Если рабов поставить на один уровень с вольными, быть беде.

Виктория это понимала. Нельзя сразу закручивать гайки, так и до бунта не далеко.

— Саника, только по согласию! Ты понял? И только взрослых! Спрошу со всей строгостью!

— Да кто будет слушать раба? — тихо спросила Нанни.

— А об этом позаботится Рэй. — Виктория требовательно посмотрела на капитана. — Разъясни своим парням, что правила меняются. — Она повернулась к женщинам. — А вы сообщите слугам.

Рэй недовольно посмотрел на конта и нехотя кивнул. Раб внимательно слушал, но его взгляд выражал недоверие. Он был уверен, что это просто слова, мол, захотелось конту поиграть в доброго господина. Не стоит к ним относиться серьезно. Виктория это видела и понимала, о чем он думает. Ничего, если все получится, то ему придется изменить свое мнение о хозяине.

А дальше для конта разверзся ад! Нанни выложила на стол пять огромных книг, в которых велась замковая бухгалтерия. И понеслось! Рэй сбежал первым, сославшись на то, что ему нужно проверить караулы, вторым отпросился Саника, мотивируя свое предательство очередью мыть котлы на кухне.

И остался конт с двумя женщинами, жаждущими поведать ему о стройных колонках цифр. О количестве и стоимости муки, крупы, овощей, ягод, яблок, тканей, нитей, вин, кувшинов, тарелок, столового серебра... и миллионе совершенно неинтересных вещей. И Виктория вникала, пересчитывала, мирила женщин, уговаривала, орала, ругалась, вновь считала, искала потерянный золотой, сбивала балансы и вновь считала. Ха, кто сказал, что свое считать приятно? Да ничего подобного! Одинаково мучительно!

Берт два раза приносил им еду, которую они съедали, не замечая, что именно едят. Один раз в кабинет заглянул Рэй, но быстренько исчез, услышав, как Алан орет, что ему плевать, сколько сена уходит на его жеребца и сколько подков он сносил за год. Уже тени набежали на распахнутое окно, а они все проверяли гробухи. И только когда солнце коснулось вершин гор, Нанни довольно произнесла:

— Ну вот, кир Алан. Медяшечка в медяшечку. Все сошлось. Ваша казна составляет...

— Офигеть! — произнес конт по — русски, недоверчиво глядя в книгу. — Это сколько же в баксах? Да я... Билл Гейтс!

Женщины хоть и не поняли ни слова, но победно переглянулись.

— Райка, на тебе все запасы, Нанни — бухгалтерия и слуги, — распределил обязанности конт и вдруг весело подмигнул. — А дайте — ка я вас расцелую за такую хорошую работу!

К огромному удивлению Виктории, обе женщины со смехом подставили щеки. С ума сойти! Даже Райка! Победа! Поплевать надо, чтоб не сглазить.

— Кир Алан, пришли мастера, что вы вызывали, — сунул голову в дверь Берт, когда женщины ушли. — Запускать?

Виктория уронила голову на руки и застонала. Это просто песок какой — то!

— Берт! Выйди за стену и нарви больших красных цветов. Я их видел, когда мы ехали из Выселей, они растут у самой дороги. Семь штук. Затем отнеси их контессе Литине и подожди меня там. Просто отдай и скажи, что я скоро зайду. Запускай мастеров и пригласи Рэя и Санiku.

Берт поклонился и исчез, похоже, он уже устал удивляться причудам обновленного конта.

Однако первым в кабинет вошел Рэй, неся в руках огромный поднос, заставленный тарелками и кувшинами. Он ногой захлопнул дверь и еще от порога начал басыть:

— Господин мой, нельзя же так себя насильничать! Вы на себя в зеркало бы поглядели! Худющий, как здохотень. Пока не откушаете, как положено мужчине, никаких разговоров! — Он с грохотом поставил поднос на стол. — Если надо, силой накормлю! Вам же еще наследника делать, а откуда силы мужские возьмутся, если голодать? Вон уже и Олику из спальни выставили...

— Рэй! — застонала Виктория, не зная орать ей или смеяться.

— Что Рэй — Рэй, — забурчал воин, решительно отодвигая от конта бумаги и пододвигая тарелку с густой мясной похлебкой. — Как вы завтра на разбойника пойдете, когда меч в руке удержать не можете? Думаете, я не заметил, что вы его все время у седла оставляете? Уж мне могли бы сказать, что ослабили для вашего «Разящего», я бы что полегче подобрал.

— Вот сегодня вечером этим и займемся. — Конт движением руки прекратил словесные излияния заботливого няня и взялся за ложку. — И не вздумай при людях мне такое сказать... морду разобью!

— Да я разве не понимаю? — возмущенно понизил голос Рэй. — После такой болезни мало кто прежним остается. Да только не обессудьте, а гонять вас буду.

Виктория согласно кивнула, жестом приказывая запускать людей. В кабинет вошли четверо мужчин. Все плечистые, бородатые, степенные, похожие словно братья. Они выстроились вдоль стены и начали низко кланяться. Им Виктория присесть не предлагала, присматривалась, пытаясь определить, кто из них кто. Следом прошмыгнул Саника и по привычке присел у стены, исподлобья наблюдая за мастерами. Бородачи на него покосились, но промолчали, только презрительно поджали губы.

— Саника, ты сегодня ел?

Этот простой вопрос вызвал на лицах присутствующих гамму чувств, среди которых преобладало недоверие, смешанное с удивлением. Мастера, скривившись, словно укуса напились, дружно повернулись к рабу, который с легкой улыбкой произнес:

— Благодарю, хозяин. Я сыт.

— Тогда присаживайтесь и, пока я ем, представьтесь, расскажите о своих мастерских, что производите, сколько из этого продается, что остается в замке, сколько получаете за свою работу и какие есть идеи?

Мастера неспешно, с достоинством расселись за столом строго по возрасту. Саника сел последним, в сторонке от остальных. Он положил руки на стол, рукава старой рубашки задралась, обнажая запястья, и Виктория заметила тавро, выжженное на внешней стороне предплечья — два скрещенных ключа. Ее внутренне передернуло, когда она представила, как клеймят людей, словно скот. Раб заметил ее взгляд и одернул рукав.

Тем временем мастера начали рассказ — неторопливо, основательно, подробно. Было заметно, что им очень льстит внимание конта, но мужчины старались говорить степенно, выбирая выражения, осторожно обходя скользкие темы. Виктория слушала вполуха, ей было просто интересно понаблюдать за этими людьми, чтобы понять, насколько они готовы к переменам. Смогут ли принять то новое, что конт собирается внедрять в своем замке, или их закостенелый в традициях ум воспримет в штыки новшества, тогда придется учить молодых. Но пока ей нравились все четверо, особенно землевед, так здесь называли того, кто отвечал за поля и сады. Он был самым младшим из мастеров и самым плечистым. Черный от загара, русоволосый, с аккуратной подстриженной бородкой, улыбчивыми серыми глазами и большими сильными руками, он казался надежным, как горы, что окружали Кровь. А еще он постоянно улыбался, и конту хотелось улыбнуться в ответ. И имя у него было под стать внешности — Леоний, Леон.

Конт со вздохом отодвинул от себя тарелку с большим куском мясного пирога. Глазами он бы его съел, но желудок сказал твердое «нет» обжорству и обиженно надулся, грозя лопнуть.

— Итак, мастера, хочу сделать Кровь более удобной для жизни, и начнем мы с домика для размышлений, в народе — «отхожее место».

Здесь были туалеты — загороженные забором дырки в земле, которые засыпались по мере использования. Но ходить на них было весьма опасно, ноги запросто могли соскользнуть в яму, поэтому многие предпочитали бегать под замковую стену. Виктория собиралась с этим покончить раз и навсегда. В замке жило в общей сложности сто восемнадцать человек, и эти сто восемнадцать человек усердно переваривали съеденную за день пищу, удобряя окрестные кусты. Решили строить два больших туалета на шесть кабинок, каждый для воинов и рабов, один туалет на две кабинки для слуг и

индивидуальный для конта и его семьи. Виктория рассказала общий принцип строения, вентиляции, системы очистки. Мастера слушали внимательно, только покачивая головами. Ведь мелочь, а никто не догадался сделать этого раньше. Единственное, что немного смущало конта, это трубы для вытяжки, но гончар заверил, что сможет сделать и обжечь трубу нужной высоты.

Неспешный и обстоятельный разговор перешел на остальные постройки: что нужно улучшить, что перестроить, что сломать и возвести новое. Увеличить коровник и птичник, перекрыть крышу конюшни, пристроить к дому, где проживали рабы, еще одну спальню, да и внутри разделить одну огромную общую комнату перегородками, чтобы отделить женщин и детей. Постепенно добрались и до хозяйских спален. Здесь уж Виктория только поставила задачу. Настелить деревянные полы, законопатить все щели, обшить стены деревом на высоту человеческого роста. И мебель. Диван, кресла, секретер, платяной шкаф. Она нарисовала, что желает видеть в своих покоях и в зале приема. Да, был здесь и такой. А уж решать, как это будет исполняться, придется столяру и швеям. Основные идеи она рассказала, как при помощи матраса и подушек сделать диваны более удобными и мягкими.

— Справитесь? — поинтересовался конт у плотника.

— Справимся, сложного ничего нет, — ответил тот, внимательно рассматривая рисунки. — Завтра замеры сделаем и приступим. Только лесничему прикажите, чтоб лес сухой выделил на доски.

— Леса не хватает? — удивленно спросил конт у Леона.

— Так ваш лес, кир Алан. Коль рубить без счету, что детям своим оставите? — с легким укором ответил землевод.

— А пусть сажает взамен вырубленного леса молодняк. Но за рачительность — хвалю. Так и передайте.

Леон степенно кивнул. А Виктория уже разговаривала с главным животноводом, именно он отвечал за всю живность в замке. Вообще, Виктория сегодня не раз вспоминала старого конта с благодарностью. Дела в замке велись почти идеально. Строгое распределение труда, каждый знал, за что он отвечает, а хозяин знал, с кого спрашивать.

— Видел кобылу игуша?

Конечно же, видел! И был в полном восторге. Здесь Виктории ничего не пришлось объяснять, только дать разрешение на поиски жеребца для этой красавицы. За любые деньги. В горах эта порода даст фору любому их коню, а значит, даст преимущество и в бою. Если не удастся найти жеребца, то Виктория знала, что она потребует у Гривастого Волка за спасение его сына. Кстати, о сыне!

— А нет ли у нас щенков тау?

Есть, как раз три десятницы назад одна из сук принесла приплод. Три кобелька. Все как один рыжие. Вот и отлично, Виктория велела принести ей одного, самого симпатичного. Осталось последнее.

— Мастера, с сегодняшнего дня рабов будете брать у Санника. С вечера даете заявку, сколько и на какие работы людей вам надо.

Конт откинулся на спинку стула и с любопытством наблюдал за раскрывающимися в нем бессилии рты мужчинами. Ох, не нравилась им эта блажь хозяина. Очень не нравилась. Видано ли дело, идти на поклон к рабу! Этим приказом конт ставил Саннику в один ряд с вольными мастерами, а это было нарушением всех правил. Он словно воочию видел, как у них вертятся в мозгах шестеренки, как возмущенно задрались вверх бороды, но... Кто же в своем уме пойдет против воли конта? Поэтому все промолчали, а уж что они подумали — Виктории было совершенно безразлично.

— Порядки будут меняться, привыкайте к этому или уходите.

— Уж не собираетесь ли вы, конт Валлид, дать рабам волю? — раздался от двери тихий

голос Искореняющего.

Интересно, как давно он здесь стоит и сколько успел услышать? И подкрался так тихо, что Виктория даже не заметила. Плохо! Очень плохо, госпожа Вавилова! Совершенно вы здесь расслабились.

При его появлении мастера вскочили на ноги, испуганно переглядываясь, а раб, к огромному удивлению Виктории, встал на колени. Она видела, как в глазах Санки мелькнул страх. Ох, мало она знает об Искореняющих. Мало.

— Возможно. — Конт смотрел на брата Алвиса, прищурив глаза, его длинные пальцы при этом выстукивали по столешнице ритм похоронного марша.

— Если вы не возражаете, кир Алан, я посижу здесь в уголке. Мне нужно с вами кое — что обсудить. Надеюсь, я вам не помешаю?

«Мне не помешаешь, скользкий змей, а вот остальные, похоже, чуть штаны не обмочили при твоём появлении», — подумала Виктория, но вслух сказала:

— Если я скажу, что помешаешь, ты уйдешь?

Ксен усмехнулся и, взяв стул, отнес его к окну, где и уселся, закинув ногу на ногу. Вот хмырь! Виктория почувствовала жгучую ярость, словно стекающую огненной лавой от макушки к паху.

— Саника, встань! — рявкнул конт, выплескивая злость на рабе. — Мастера, вы свободны. Если будут вопросы, обращайтесь. — Он дождался, пока мужчины, беспрестанно кланяясь, покинут кабинет, и повернулся к Рэю и рабу. — Продолжим. Рэй, на завтра берешь десять рабов, пусть начинают перекапывать землю вдоль стены. Ширина три твоих шага. С двух сторон!

— И что же это будет? — озадаченно поинтересовался Рэй. — Если огород, то Райка себе гряды за кухней раскопала.

— Контрольно — следовая полоса.

— Чего? — глаза капитана округлились. — Контрольно — следопытная полоса? Это что за зверь такой?

— Следовая, а не следопытная. Значит, на ней следы будут видны. Перекапаете землю, разровняете граблями, и горе тебе, если на ней появится хоть один отпечаток ноги! Я хочу, чтобы твои воины смотрели не только вдаль, но и вниз! Если кто — то попытается проникнуть в замок или выйти из него без нашего ведома, он оставит на полосе следы. Поэтому придется поддерживать ее в идеальном состоянии.

Капитан засунул пятерню в волосы и поскреб затылок. Затем выудил из кармана морковку и задумчиво сунул ее в рот.

— А кто это будет поддерживать?

— Провинившиеся! — отрезал конт. Честно говоря, Виктория просто хотела отучить жителей замка от использования стены в качестве туалета, но ведь одно другому не мешает? — Далее. Выбери за стеной ровную площадку размером сто на сто шагов, натаскайте туда различных бревен, будем строить ПП.

— Чего?

— Тебе понравится, — хищно усмехнулся конт. — Саника, выдели ему еще десяток крепких парней. И собери рабов через...

— Я думаю, что в ближайшую рыску у вас не будет времени на рабов, — мягко произнес ксен со своего места.

Виктория вздохнула, взмахом руки отправляя помощников восвояси, и повернулась к ксену.

— Почему всякий раз, как ты появляешься, вместе с тобой приходят проблемы? Ну, что

там еще случилось?

Алвис улыбнулся одними глазами и вдруг спросил:

— Кто обучал вас бою на ножах? — Видя искреннее недоумение в глазах конта, он пояснил: — Насколько мне известно, эти знания наш орден тщательно оберегает от непосвященных.

Виктория вдруг почувствовала себя обнаженной под ледяным ветром. Мозг начал лихорадочно просчитывать варианты ответов, одновременно ища пути отступления.

— Алвис, я не думаю, что махать ножом — это сложно, — пожал Алан плечами, пытаясь уйти от разговора.

— Я специально спровоцировал вас, — признался ксен. — Был уверен, что за нами следят, и хотел подтолкнуть убийцу к действиям. Но после вашего первого выпада стало ясно, что такой вид боя для вас не нов. Вы уверенно держали кинжалы, ни разу не перехватывая их задним хватом, как обычно поступают новички. Ваши связки выглядели отработанными и хорошо вам знакомыми. Несколько раз вы ошиблись, но быстро восстановили паритет. И я видел, что вам было трудно сдерживать движения, как и мне. Вам знаком этот вид боя, — обличительно закончил ксен. — И вас натаскивал кто — то из нашего ордена.

Виктория только плечами пожала.

— Меня учил отец.

— Вот как? Капитан Рэй, наверное, ошибся, сказав, что покойный кир считал ножи оружием разбойников и относился к ним весьма пренебрежительно.

— Рэй ошибся, — холодно бросил Алан. — Это все, что ты хотел узнать?

Ксен встал и вышел из комнаты, жестом предлагая конту следовать за ним. Они прошли через вымощенный камнем двор и направились в сторону тренировочной площадки.

Виктория устала. Общение с людьми выматывает сильнее, чем физическая нагрузка. Больше всего хотелось забраться в воду, и чтобы кто — нибудь помассировал напряженные плечи. Просто полежать в теплой воде, ни о чем не думая, смывая с себя чужую энергетику. Нужно приказать Берту приготовить ванну. Слуга так и не появился, неужели Литина его не выгнала? Конт усмехнулся, представив себе Берта с букетом цветов и ошарашенное лицо жены. Мысли о жене плавно перешли к мыслям о недавних событиях. Рассказать Алвису о том, что ему поведала рыжая Эльса, или самому разобраться с супругой?

На площадке их ждал Рэй, у его ног стояла плетеная корзина, из которой выглядывала любопытная мордочка щенка тау, рядом лежал большой арбалет, а в руках воин держал знакомый лук игуша. Вдали, на расстоянии примерно пятидесяти метров, был установлен деревянный щит. Ксен, словно волшебник, вытащил из — под сутаны стрелу и протянул ее конту.

— Этой стрелой вас пытались убить. Попробуйте попасть ею в щит.

Капитан с недовольным выражением на лице протянул конту широкое и толстое стальное кольцо, которое Виктория привычно надела на большой палец правой руки. Лук игуша показался ей легким и теплым. Золотистый орнамент будто напился солнечным светом. Она погладила изогнутые плечи, словно лаская их, и привычным жестом вскинула лук вверх. К такому луку должно прилагаться приспособление для направления стрел, которое надевается на запястье, подумала Виктория отрешенно, накладывая стрелу.

— Стрела слишком коротка для этого лука. — Она повернулась к улыбающемуся ксену. — Ты знал?

— А теперь попробуйте это. — Алвис подал ей арбалет.

Здоровенная, тяжелая штука из дерева, укрепленная тонкими металлическими

пластинами. Она впервые видела такой арбалет и не была уверена, что сумеет правильно его взвести. Что же делать? Как бы не опростоволоситься, как уже случилось с ножами.

— Взведи. — Конт с независимым видом сунул арбалет Рэю.

Стрела коротко вжикнула и улетела в сторону щита. Виктория особенно не целилась, главное было попасть в дерево. Но, к ее огромному удивлению, стрела закачалась практически в центре мишени.

— Арбалет хорошо пристрелен, — буркнул Рэй, отчего — то обращаясь к ксену.

— Значит, стреляли не из лука? — задумчиво произнес конт. — Лук подбросили, чтобы пустить нас по ложному следу. А где вы нашли арбалет?

— Остатки того, из которого стреляли — недалеко от донжона. Убийца сбросил его сверху, как только понял, что разоблачен.

— И что, никто не заметил? — недоверчиво прищурилась Виктория.

— Так все глазели, как вы шустро с горы спускались, даже стража на стене ставки делала, — пояснил Рэй.

— Плохо, капитан! — серьезно произнесла Виктория. — Займись дисциплиной в отряде, потому что если ею займусь я...

— Загоняю, уродов! Они у меня со стрельбища не вылезут! — клятвенно пообещал Рэй.

Начинало темнеть. Вот и день пролетел, а она еще так много не успела. Щенок в корзине заворочался, и Виктория тихонько ему шикнула.

— Стрелять из лука вас тоже учил отец? — Искореняющий увязался следом, заявив, что ему нужно подняться на верхние этажи, опросить воинов и поговорить с контессой.

— А с чего ты взял, что я умею стрелять из лука? — Виктория поморщилась, слишком много вопросов начал задавать ксен.

— Привычная стойка лучника, быстрый взгляд на мишень, стрелу на тетиву вы наложили не глядя, зато заметили направление ветра. Мне продолжить? — В голосе ксена чувствовался смех.

Вот поди разбери, какие выводы он сделал?

— Пробовал как — то пару раз, — безразлично ответил конт.

— Да, капитан Рэй мне говорил. А еще он говорил, что вы не попали даже в щит и поклялись никогда не брать в руки ни лук, ни арбалет.

— Просто повезло. — Голос конта звучал совершенно безмятежно, зато в душе царила легкая паника.

— Может быть и такое, — покладисто согласился ксен. — Вот только виконт Валлид был левшой.

Виктория едва не сбилась с шага. Черт побери! Так вот отчего Берт смотрел на нее с таким удивлением, когда она начала учиться писать! А ей и в голову не пришло, что реципиент мог быть левшой. Хотя... она нахмурилась, анализируя. На лошадь ей было удобнее забираться справа, и меч она брала в левую руку, правда, только для того, чтобы засунуть его в петлю у седла. А ведь точно! Петля была закреплена под левую руку. Да уж!

— Ничего не могу тебе на это сказать, — пожал плечами конт, не глядя на ксена. — Я не помню, что было до встречи с ведмедем.

Ксен ничего не ответил, только набросил на склоненную голову капюшон.

— Брат Взывающий передал мне ваше приглашение остаться в замке и помочь ему с обучением молодых Слушающих. Это угодно Ирию, поэтому с радостью соглашаюсь.

Вот это новость! Она, оказывается, пригласила «святую инквизицию» пожить в ее землях? Ну, брат Турид! Ну, погоди! Выходит, конт только что посадил себе за пазуху ядовитую змею? Виктория заскрипела зубами и резко остановившись у дверей, ведущих в покои, где лежал игуш и ее сын, повернулась к Искореняющему.

— Если будешь вмешиваться в мои дела — убью, — ледяным тоном произнес конт.

Это была провокация, вызов, призыв к конфликту, и ксен это понял. Он молча поклонился и открыл перед контom дверь.

— Я постараюсь вас не злить.

Дверь захлопнулась, ксен решительно направился к лестнице. Если бы Виктория смогла его сейчас увидеть, ей бы очень не понравилось довольное выражение лица Искореняющего.

Но Виктория уже забыла о ксене.

Ольт, который сидел на табуретке у постели черноволосого мальчика, испуганно вскочил и низко поклонился, увидев, кто вошел в комнату. Элькин сын тоже дернулся в попытке встать, но конт махнул ему рукой, чтобы лежал. Виктория бросила мимолетный взгляд на соседнюю кровать и вдруг смутилась, как пятнадцатилетняя девушка на первом свидании. На нее смотрели зеленые глаза, сейчас не такие яркие, как день назад, затуманенные или болью, или снадобьями, но все равно — безумно притягательные. Она улыбнулась и поскорее отвернулась к мальчикам, пока мужчина не увидел её интерес.

— Хозяин, мне друида велела при раненых сидеть, — испуганно произнес Ольт.

— Раз друида велела, значит, сиди. Это тебе. — Конт поставил на кровать сына корзину со щенком. — Подарок в честь приезда.

— Ух, ты! Дар, да это же самый крупный щен из помета! Дядька Леон его для себя оставлял. Вот повезло, — с восторгом произнес Ольт, вытряхивая щенка из корзины на колени товарищу. — Хозяин, а чем его кормить?

— Кормить его будет мамка, я принес его познакомиться с новым другом. Как тебя зовут? — спросил конт.

— Дарен, — серьезно ответил паренек, не поднимая на контa глаз.

Дарен, Дар. Воистину дар. Может быть, этот мальчишка сможет заменить ей потерянных сыновей?

— А как назовешь щенка?

— Рыжик? — подсказал шепотом Ольт, с завистью глядя на тау, который довольно шустро перебрался на руки к Дару и блаженствовал, посасывая край его рукава.

— Нет, — покачал головой черноголовый мальчишка. — Я назову его Эль, в память о маме.

Виктория погладила его по голове, взъерошив непослушные вихры. Когда она протянула к нему руку, мальчик дернулся, но не отстранился.

— Знаешь, это неправильно давать животному имя любимого человека. Твоя мама сейчас в лучшем мире, пока ты помнишь о ней, она никогда не умрет. А щена давай назовем Акела. Был такой мудрый и очень сильный вождь одной дружной волчьей стаи. Его боялись враги и уважали друзья, он никогда не убегал от опасности, был храбрым и решительным. Он был настоящим воином...

Виктория рассказывала о великой битве волков с рыжими собаками, а мальчишки слушали ее, раскрыв рты. Когда она закончила, с кровати игуша раздался тихий смех и хриплый шепот:

— Бешеный Алан рассказывает пленным истории, воистину небо рухнуло на землю.

Виктория улыбнулась, подмигнула притихшим мальчишкам, встала и, подойдя к кровати игуша, внимательно его осмотрела. Медленно, оценивающе — снизу вверх. Она поймала себя на мысли, что ей приятно вот так — беззастенчиво, открыто — рассматривать мужчину, который ей нравился. Игуш лежал раскрытый, словно мумия обмотанный смоченными в желтой жидкости тряпками, пахнувшими мочой и глиной, только на бедра было наброшено узкое полотенце. Но прежде чем конт начал разговор, его ушей коснулся едва слышный шепот Ольта:

— Я же говорил, что тебе повезло с отцом! Это раньше он был бешеным, а теперь поменялся. Вот бы мне такого...

— Ты думаешь, он меня не выгонит? — еще тише спросил Дар, и в его отчаянном шепоте Виктория услышала такую робкую надежду, что едва удержалась, чтобы не сгрести обоих мальчишек в объятия.

В носу защипало, а сердце словно окунули в кипяток, она вдруг отчетливо поняла, что в этом мире у нее появился первый якорь. Теперь ей было за кого держаться, ради кого жить, кого защищать. Но нельзя проявлять слабость, нельзя вести себя как женщина, поэтому она сделала вид, что ничего не услышала.

— Почему ты считаешь себя пленником? — спросил конт у игуша.

— А разве это не так? Я слышал о тебе. Если думаешь, что отец даст за меня выкуп, ты ошибаешься. Мы с ним поссорились. Лучше сразу добей.

Виктория оглянулась, и Ольт моментально подвинул ей табурет, а сам перебрался к Дару на кровать.

— Твой отец обещал выкуп, если ты останешься живым. Но ты здесь не пленник, ты мой гость.

— Я напал на твоих людей, — оскалился горец.

— Они заслужили, — Виктория едва удержалась, чтобы не дотронуться до раны на лбу мужчины, чтобы не провести кончиками пальцев по его лицу, не тронуть небольшой шрам на ключице.

Ей казалось, что игуш слышит, как стучит ее сердце, и от этого было страшно и возбуждающе волнительно.

— Сати... забери у весчан мою Сати, — прошептал игуш.

Виктория вдруг отчетливо поняла, что весь его ироничный тон, вся его бравада — напускное, притворство, игра. А на самом деле ему плохо, больно и душу съедает беспросветная тоска. Он потерял все. Любимую женщину, дом, племя, и держался лишь на гордости. Он видел в конте врага, а показать врагу слабость — что может быть унижительнее для воина? А теперь, когда он понял, что конт ему не враг, он расслабился, поддаваясь боли и дурманящим настойкам друиды. Виктория очень хорошо помнила, как после снадобий ворожей мозг словно затягивал туман, конечности становились вялыми и хотелось спать.

— Кто такая Сати? — наклонилась она к игушу.

— Моя единственная любовь, моя кобыла, — выдохнул мужчина, хватаясь за руку конта, чтобы остаться в реальности, как она недавно хваталась за собственные воспоминания. — Она — все, что у меня осталось.

— Не волнуйся, за нею ухаживают лучшие конюхи Крови. Оружие, лошадь, доспех — мы забрали все. Не думай об этом. Выздоровливай.

— Я — Иверт Ураган, — прохрипел игуш, — я должен тебе две жизни и одну месть.

— Алан конт Валлид. Ты не должен мне за жизнь моего сына.

Игуш уснул, а Виктория так и сидела рядом с ним, любуясь точеным профилем, разбросанными по подушке каштановыми волосами, темными ресницами, резким

разлетом бровей. Ей было спокойно и уютно, казалось, что все проблемы остались где — то далеко. Она чувствовала себя юной девчонкой, впервые влюбившейся в парня из старшего класса. Конечно, в хулигана, и, конечно, она никогда не признается ему в этом. Будет следить за ним издали, делать вид, что он ей совершенно — вот нисколько — не интересен, а сама вечерами засыпать, мечтая, надеясь... Виктория улыбнулась и осторожно накрыла лежащую вдоль тела руку мужчины своей рукой. Узкая ладонь игуша полностью спряталась под сильной ладонью конта Валлид. Это подействовало отрезвляюще.

О чем она размышляла? О чем думает? Хрупкая нежная девушка? Девушка, мечтающая о любви? Дура ты, Виктория Викторовна! А кроме того, что ты глупая курица, ты еще и мужик!

Конт резко встал, махнул мальчишкам и стремительно вышел из комнаты. Воины, стоящие в карауле у двери, отпрянули в стороны, увидев перекошенное лицо господина.

Дверь с грохотом отлетела в сторону от сильного удара ноги, и в апартаменты контессы влетел разъяренный мужчина, жаждущий спустить пар. Он застыл на пороге, оценивающе рассматривая каждого присутствующего в комнате налитыми черной злобой глазами. Его руки судорожно сжимались, словно нащупывая невидимую шею. Плевать на всех! Плевать, что на него смотрит перепуганная контесса Литина! Плевать, что Искоряющий предостерегающе поднял ладонь! Плевать, что в углу, прижавшись к стене, стоит перепуганный Берт! Викторию просто распирало от необузданного бешенства, от злости на тех, кто запер ее в этом мужском теле! Она злилась на себя за то, что позволила себе увлечься, на Литину — за то, что труслива и тупа! Ей хотелось кого —нибудь избить, разрезать на части, втоптать в грязь. Ей хотелось посмотреть, как ее враги захлебываются собственной кровью, кричат от невыносимой боли, корчатся в агонии. Ей хотелось сдирать кожу с еще живого тела, слушать хриплые вопли, убивать, наслаждаясь каждой каплей пролитой крови... И это были настолько чуждые Виктории Вавиловой эмоции, что она испугалась. Испугалась резко, до боли в груди, словно вынырнула на поверхность из ледяной проруби, захлебываясь морозным воздухом. Яростный черный туман медленно отступал, нехотя очищая сознание, возвращая возможность адекватно мыслить.

Конт, словно слепой, провел рукой по лицу, смахивая покрывшую лоб испарину. Что это было? Что за приступ необузданного гнева? И чей он? Ее или реципиента? Виктория медленно опустилась на стул, глубоко вздохнула несколько раз подряд и наконец — то решила посмотреть на напряженно застывших людей. Дьявол! Нужно срочно придумать причину своему безрассудному поведению. А то как — то очень странно смотрит на нее Искоряющий. Думай, Виктория, думай! Но как назло, ничего в голову не приходило.

— Вот теперь я узнаю конта Валлид, — проскрипел из угла въедливый голос брата Турида.

И ты здесь, голубчик? Виктория едва сдержалась, чтобы не запустить в него стоящей на столике вазой с красными цветами. Красные цветы!

— Что трое мужчин делают в покоях моей жены? — холодным спокойным голосом произнес конт.

Если бы только присутствующие знали, как ей это тяжело далось! Зато то, что последовало за этим, доставило Виктории наслаждение. Она подхватила со стола вазу и с силой запустила в стену.

— Кирена Литина, потрудитесь объяснить!

— Я духовник госпожи, — возмутился из своего угла брат Взывающий, — и могу находиться у...

Виктория смотрела на Берта. Бледный слуга вжался в стену, словно мечтал просочиться сквозь нее. Его руки мелко тряслись, по виску катилась капля пота.

— Берт! — угрожающе протянул конт.

Парень бросил на Искореняющего полный отчаяния взгляд, но тот молчал, тогда слуга многозначительно посмотрел на конта и на букет. Вот как. Интересно. Виктория про себя расхохоталась. Резкий переход от состояния бешенства к веселости ее слегка озадачил, но сейчас об этом думать было некогда. Она встала, открыла дверь и гаркнула:

— Стража! Берта — в подвал.

— Прикажете позвать палача? — спросил один из воинов.

— Я сам им займусь, — зловеще пообещал Алан. — Братья, оставьте нас, — приказал он ксенам таким властным тоном, что ни один из них не посмел послушаться.

Турид, правда, попытался возмутиться, но Искореняющий отрицательно покачал головой, и оба ксена, поклонившись супругам, вышли из комнаты.

Литина стояла у окна и испуганно следила за супругом. На ней было надето свободное синее платье с широким заостренным воротником, делающее ее похожей на огромный колокол, густые волосы были собраны короной вокруг головы, на толстых щеках дрожал нездоровый румянец. Виктория остановилась напротив женщины, с интересом ее рассматривая. Если бы Литина сбросила килограмм сорок, она была бы очень симпатичной. У нее были маленькие аккуратные ушки, красивый разрез глаз, чуть курносый нос и пухлые губы, розовые даже без помады.

— Присядем? — Конт махнул рукой в сторону узкой лавки.

Дождавшись, пока Литина сядет, он поставил напротив нее стул, оседлал его по старой привычке и, положив руки на спинку, произнес:

— Отдайте мне яд, кирена.

— Какой яд? — прошептала перепуганная контесса.

— Яд, который вы пьете на протяжении последнего времени; яд, на малую дозу которого у вас иммунитет... то есть, привыкание; яд, который вы украли у брата Турида, когда посещали его комнату; яд, который вы подмешали в мою мазь, надеясь таким образом меня отравить. Яд горной гадюки, кирена, — с улыбкой крокодила произнес Алан, внимательно следя за глазами женщины.

— Я не понимаю о чем вы, супруг мой, — пролепетала она, поднимая на конта полные слез глаза.

Литина владела собой безупречно! Ни одного лишнего движения, ни дрожи рук, только мокрые подмышки и быстрый злой взгляд в сторону окна. Если бы Виктория внимательно не следила за ее руками, она бы не заметила, как пальцы кирены быстрым, словно нервным движением опустились в широкую складку юбки. Спустя мгновение конт с грохотом летел на пол, а стул летел в голову женщине. Она проворно вскочила на ноги, отбрасывая от себя стул и замахиваясь на мужа ножом. На этом все и закончилось. Конт перекатился в сторону, вскочил на ноги и, не раздумывая ни секунды, ударил любимую супругу кулаком в висок. Грузное тело с грохотом рухнуло на пол, ломая своим весом многострадальный стул.

— Дорогая! — пропел конт, похлопывая Литину по щекам

Чтобы перенести контессу на кровать потребовались усилия двух бойцов. И сейчас Виктория ждала, когда женщина очнется. Пока кирена лежала без памяти, они с братом Искореняющим тщательно обыскали ее комнату. Бутылочка с ядом нашлась за окном, она висела, привязанная к гвоздю, вбитому во внешнюю сторону рамы. А так как окно открывалось в покоях кирены только по ее личному приказу, то и найти его никто не мог.

Наконец контесса открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, любимая? — с издевкой поинтересовался конт.

Литина презрительно фыркнула, садясь на кровати и подгребая под спину подушки. Перемены в облике жены были разительны. Куда подевались заторможенный взгляд,

ленивые движения, тупое выражение лица. Перед контом сидела собранная, решительная женщина с умными глазами. Она даже начала казаться стройнее. Гордая посадка головы, расправленные плечи, свободно лежащие поверх одеяла руки.

— Кирена, вам не кажется, что нам надо объясниться? — поинтересовался конт, усаживаясь на кровать рядом с женой.

— Объясниться? — гневно спросила Литина. — Желаете знать, насколько я вас ненавижу? С тех пор, как я переступила порог этого проклятого замка, моя жизнь закончилась! Вы помните нашу брачную ночь? Ах, вижу по вашему лицу, что не помните. Еще бы! Вы ведь напились, избили меня и изнасиловали! А мне было всего четырнадцать лет! Что я слышала от вас за эти годы? Кроме ругательств и унижения — ничего! Вы перетаскали на наше супружеское ложе всех смазливых баб! А последнее время даже не скрываясь жили с этой потаскухой Оликой! О! Я не возражала! Я была только рада, что вы забыли меня! Но вам ведь нужен был наследник! Я прекрасно помню, как, завалившись ко мне пьяным, вы заявили, что я умру, как только рожу сына, что такая уродина не имеет права на жизнь! Скажу вам честно, кир Алан, я испугалась. Да, я хочу жить, хочу детей! Но с тех пор тщательно следила, чтобы не забеременеть, потому что помнила — рождение наследника завершит мою жизнь! А тут такой шанс! Старый конт мертв, вы — почти мертвы! Никто бы не заподозрил, что ваша смерть наступила от яда, а не от ран. Избавиться от вас навсегда! Да, это я пыталась вас отравить, и до сих пор в недоумении, как вам удалось выжить. Это я стреляла в вас вчера! Я вас так ненавижу, что даже сейчас готова броситься на вас! Пусть Вадий вечно рвет вашу душу!

— Воротник! — закричал Искореняющий, до сих пор тихо слушающий гневную тираду Литины, сидя возле стола. — Яд в воротнике!

Виктория не думала, мозг получил команду, и натренированное тело попыталось ее мгновенно выполнить. Она бросилась вперед, хватая женщину за голову, не давая ей укусить край воротника, в котором был зашит яд. Литина сопротивлялась с отчаянием и силой обреченного, но вдвоем с ксеном им удалось оторвать воротник от платья и скрутить брыкающуюся женщину.

— Дура! — Алан размахнулась и влепил кирене пощечину. — Убивать себя из — за какого — то мудака!

В комнате наступила тишина.

— Из — за кого? — с любопытством спросил ксен, поправляя сбившуюся на спину сутану.

— Урода, козла, мудака, кретина, — перечислил конт. — Да, милая, я был таким. Но теперь, побывав на берегу реки Забвения, я изменился. Немножко.

Литина смотрела на Алана, словно увидела у него рога или нимб, кто его знает, что ей там причудилось.

— О! — радостно воскликнул ксен, до сих пор мучительно что — то вспоминая. — Слово «уррод» я слышал от Рэя, он им ругается. — Алвис довольно улыбнулся, переводя взгляд с конта на его супругу.

Виктория вылупилась на ксена, как на клоуна, так неуместно прозвучала эта фраза, а затем вдруг устало рухнула на кровать, закинув руки за голову. Ситуация была комична. Они только что спасли жизнь женщине, которая страстно желала ей смерти и избавиться от которой она мечтала с того самого момента, как открыла глаза в этом теле. Парадокс, да и только. Виктория сочувствовала Литине, прекрасно представляя, насколько беспросветной была ее жизнь. Выйти замуж в четырнадцать лет за садиста и извращенца, жить в страхе, ежедневно ожидая смерти, не снимая маску глупой забитой дурочки — это страшно и несправедливо.

— Кирена Литина, давайте через несколько дней решим, как нам жить дальше, — предложил конт слегка ошарашенной жене. — Вы только воздержитесь эти дни от убийства своего мужа, а я обещаю не приставать к вам со всякими глупостями.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — обреченно произнесла женщина.

— Выбор есть всегда. Вы можете отправиться в тюрьму и на виселицу, а можете дожидаться меня и поговорить, — как можно дружелюбнее улыбнулся конт.

Ну как можно на нее злиться? Она и так была слишком терпелива. Виктория уже давно бы утопила такого мужа в болоте. Но доверять женушке она тоже не собиралась.

На том и порешили. Ксен остался у Литины выяснять детали покушений, а конт отправился в тюрьму спасать верного Берта.

Настроение было отличное, отравитель найден, угроза устранена, и можно расслабиться. Подозревать супругу Виктория начала сразу, а сегодня просто пошла ва — банк. Обстоятельства сложились весьма удачно, нашелся повод обыскать комнату, хотя все пошло немного не так, как планировалось. Ну ничего, главное результат. Стоп! А кто же тогда сталкивал камень? И кто убил детей конт? У Литины был сообщник? Ладно, доверим расследование Искореняющему, а потом решим, что делать дальше.

Прихватив в сопровождающие одного из воинов, охраняющих вход в тюрьму, конт спустился в подземелье. Виктория ожидала увидеть нечто мрачное, грязное, с тяжелым запахом, но она ошиблась. И здесь была видна рачительная рука предыдущего хозяина. Камеры закрывались решетками, в коридоре горели факелы и гулял сквозняк. Берт нашелся в первой же камере, он сидел на соломе и грыз яблоки. А во второй камере конт заметил черное платье друиды. Он подошел ближе. Ворожея склонилась над лежаком и что — то тихо нараспев говорила.

У Виктории занял желудок, хорошее настроение разом куда — то исчезло, стало неуютно и немного страшновато. Страшно заглянуть за спину друиды, страшно увидеть того, кто бесформенной кучей лежит на грубых досках. Она сжала зубы и, стараясь не шуметь, ступила в освещенную факелами камеру.

— Твою мать...

Ворожея подняла на конт лицо.

— Он отрезал ей ступни. Хорошо хоть, прижечь успели. Я затащила кости кожей и зашила, но не знаю...

— Выживет?

— Зачем ей жить? Они рабыня. Калека. Если только в портовый бордель продать, там любят уродок.

— Конт, — выталкивая вместе с хриплым дыханием короткие слова, прошептала несчастная. Молодая и, наверное, когда — то очень красивая, но сейчас ее лицо было сплошным опухшим синяком. — Кир... хозяин... господин... все сделаю... все, что угодно... ползать буду... нужник чистить... только не гоните. Девочка моя! Девочка у вас!

— Какая девочка? — растерялся конт, глядя на несчастную с болью и не желая верить собственным глазам.

— Дочку ее продали работоторговцам. Она и побежала догонять, да в Выселях сказали, что ты купил девочку, — пояснила друида глухим голосом.

— Я? — Что — то она сегодня тупит, видать, день был слишком насыщенный.

— Кир Алан, это кто — то из малых, что с нашими пацанами отдали, — раздался из коридора голос Берта.

— Три годочка... беленькая... Аниська, — хрипя слова на выдохе, словно в бреду просила рабыня. — Моя малышка... единственная моя... кровиночка... родненькая... Как же она без меня? Не разлучайте!

— Все будет хорошо, — буркнул конт и пулей выскочил из камеры.

Это невыносимо! Просто невыносимо! Грудь разрывало от боли, от чужой боли, которую

она никогда не может забыть.

Конт выбежал на улицу, стал у стены, упершись в неё руками и лбом и замер, тихо матерясь по — русски.

Спустя несколько минут он подозвал к себе Берта, переминающегося в стороне и шмыгающего носом.

— Пусть её разместят в пристройке. Если в тюрьме есть еще рабы, выпусти. Скажи друиде, чтобы присмотрела за ними. И найди ее дочь! Только не тащи ребенка, пока она в таком состоянии. Пусть ее помогут, переоденут, тогда. Чтобы не испугать девочку.

Берт ушел, а Виктория так и стояла у стены, глядя на небо и жадно хватая ртом прохладный воздух. Голова была пуста, но она никак не могла согнать с глаз влажную пелену, в которой плавало избитое молодое женское лицо. Здесь ее и нашел брат Алвис.

— Кир Алан, у меня плохие новости.

— Кто бы сомневался! — попытался иронизировать конт.

— Кирена Литина не причастна к смерти ваших ублюдков, и она не знает, кто сталкивал камень с горы.

— Ты ей веришь?

— Искореняющим не лгут, кир Алан.

Виктория кивнула. Она так и думала. Иначе было бы слишком просто.

— Брат Искореняющий, завтра мы едем на охоту, но перед этим мне бы хотелось исповедоваться, — с кровавадной улыбкой повернулся к ксену Алан.

— Прямо здесь?

Ого! В голосе ксена удивление?

— Прямо сейчас!

— Я слушаю вас, кир Алан.

— Хочу признаться в убийстве барона Линя. — Конт широко усмехнулся.

— Когда вы успели? — недоверчиво воскликнул ксен.

Неужели ей удалось его удивить?

— В ближайшее время, брат Алвис.

Виктория вернулась в кабинет. Берт уже зажег белые толстые свечи в напольных кованых канделябрах, которые давали неровный, но достаточной силы свет, чтобы можно было читать.

— Берт, мне нужны карты местности. Пусть Рэй принесет.

Глаза щипало, и конт, потеряв их, с удивлением понял, что на пальцах осталась влага. Слезы? Виктория никак не могла избавиться от наваждения — избитая, изуродованная женщина, вся вина которой — это любовь к собственному ребенку. А ведь у всех ее рабов были матери.

— Берт, куда деваются пожилые рабы? У нас нет ни одного старика.

— Ваш отец, кир, продавал рабов, когда они достигали возраста сорока пяти лет.

— А дети откуда?

— Большинство отдано за долги. Покупать маленьких — невыгодно, а ваш батюшка умел считать деньги. Ольта продали родители, сказали, что кормить нечем, а Тура кир выкупил у проезжавшего мимо дворянина. Говорят, его отца казнили, а семью продали в

рабство. Да кто теперь правду узнает?

— А что, ни разу не было, чтобы у рабов рождались дети?

— Отчего же не было? Было пару раз, — потупился Берт, — но вы объяснили всем, что впредь не потерпите такого, а старый конт вас поддержал.

— И?

— И с тех пор ни разу не было, — уклончиво ответил слуга, покосившись на руку конта, в которой у того был зажат нож для заточки перьев. — Кир Алан, если вы все забыли, то стоит ли об этом вспоминать?

Парень сглотнул, словно его затошнило от воспоминаний, и угрюмо уставился в пол. Виктории как — то расхотелось знать, что реципиент сделал с ослушавшимися рабами. От двери раздался низкий голос Рэя:

— Не думайте о прошлом, кир Алан, думайте о будущем. Если Ирий памяти лишил, значит, так и нужно, и не нам идти наперекор его воле. Не ищите ответов в прошлом, живите здесь и сейчас.

И это верно.

Капитан вывалил на стол рулоны толстой бумаги. Спустя несколько секунд Виктория с легким трепетом склонилась над первой картой.

— Эту карту ваш отец получил вместе с дарственной на земли. — Рэй ткнул пальцем в небольшой обтрепанный лист.

Да уж... На белом фоне вычерчен кривой овал, разделенный на три части. На самой большой — средней — крестиками помечены четыре деревни и два хутора, рядом от руки написаны названия и в скобках — количество проживающих людей. Сбоку нарисована башенка, изображающая Кровь. Пунктиром проведены границы между владениями, горы обозначены зигзагом, леса палочками. Земли, окружающие графство, означены как баронство Линь и баронство Рогана, толстой кривой линией проходит дорога, пересекающаяся несколькими линиями тоньше. Причем начиналась дорога от пустого места за овалом и так же заканчивалась.

— Это что?

— Карта ваших земель, кир, — вздохнул Рэй. — Здесь на фронтире у всех такие. Только собственные владения и владения соседей. Я так мыслю, что остерегаются рисовальщики карт сюда соваться, вот и нет точной информации. Место опасное — игуши, беглые, разбойники, да и сосланные семьи не отличаются миролюбивым нравом. Зачем же лишний раз рисковать? А Наместнику пока эти территории ни к чему. Сами видите, кроме гор и леса ничего ценного, земли плодородной мало, чуть копни глубже, сразу на камень наткнешься. Погода, опять же — то засуха, то дожди, то морозы и снег по пояс. Да что я вам рассказываю, словно вы не знаете?

Ага, как же! Просто Наместник перестраховывается, выдавая ссыльным дворянам минимум сведений.

— А другой карты нет? — недовольно пробурчал конт, и Рэй развернул следующий лист.

Они находились на небольшом материке или на очень большом острове. Большую часть суши занимали горы. Всего на карте было отмечено четыре крупных государства и множество мелких территорий, никак не тянувших на страны. Расстояние определить было сложно, карта давала лишь общее представление. Часть территорий на востоке была нанесена в виде белых пятен, обведенных красными линиями. Фронтир. Еще несколько карт ничем не отличались от предыдущей, просто на некоторых были изображены дороги и отмечены крупные населенные пункты.

Виктория только скептически хмыкнула, вспоминая подробную карту Искореняющего. Нужно найти способ снять с нее копию. Очень хотелось бы иметь выход к морю. Море — это рыба, а может быть и жемчуг.

— Рэй, а отчего рыбы в замке нет? Море же под боком.

— Не так уж и под боком, кир Алан. Ежели через горы, то два дня пути через баронство вашего друга кира Кайрата. Да и море там такое, что... — Он махнул рукой. — А рыбку купцы возят. Засоленную, но можно, коли хотите, и живой заказать. Только возят ее от южного берега, через перевал. Там можно в море выходить, а тут скалы.

Ясно. Но посмотреть нужно.

— Так у барона Линя есть выход к морю?

Рэй кивнул.

Виктория потеряла переносицу, отодвигая в сторону исписанный лист бумаги. Скептически осмотрела труд последних нескольких часов, параллельно порадовавшись всего двум поставленным кляксам — похоже, она наконец освоила перо. Не хватало света, постоянно хотелось встать и нащарить на стене привычный выключатель. Виктория тяжело вздохнула, дав себе зарок стараться не писать при неровном свете свечей, не хотелось зрение испортить. Машинально вытерла запачканные в чернилах пальцы и еще раз перечитала написанные мелким почерком строки. План на ближайшее время. Очень насыщенный план.

Виктория задула свечи и вышла из кабинета. Прохладно. Пустой замковый двор освещала яркая, чуть розоватая луна. Из барака, где ночевали рабы, слышалось тихое пение. У контессы было открыто окно, и Виктория вдруг посочувствовала женщине, представив, как ей, наверное, там страшно. Сидеть в неизвестности и ждать решения своего чокнутого мужа. А уж зная любовь реципиента к садистским удовольствиям, Литина может представить себе неизвестно что и еще раз попытаться покончить с собой. А вдруг у нее получится? Виктории совершенно не хотелось брать такой грех на душу. Она уже поняла, женщина высказала все в глаза ненавистному мужу лишь потому, что была уверена — ей удастся принять яд прежде, чем конт сможет ее ударить. Так бы оно и было, если бы не Искореняющий.

Она вошла в спальню контессы без стука. Литина сидела за столом с вышивкой на коленях, но мысли ее витали где — то далеко, а руки замерли над полотном, так и не сделав очередной стежок. Она испуганно вздрогнула, когда увидела мужа. Воин, стоящий у двери внутри комнаты, вышел, повинуясь кивку хозяина.

— Позволите, кирена? — вежливо поинтересовался конт.

— Разве я могу вам запретить? — тихо произнесла контесса.

Алан оглянулся. Комната не отличалась ни пышным богатством, ни строгим изысканным шиком. Широкая кровать с четырьмя столбами, узкая жесткая лавка, два массивных стула, стол и сундук. На столе стояла резная шкатулка, заполненная цветными ниткам, и лежала стопка вышивок. Конт подошел ближе, беря в руки верхнюю картину — окно, на подоконнике стоит чашка, рядом небрежно брошен красный цветок, напоминающий мак. Мужчина с интересом начал перебирать полотна: цветы, лики Ирия и Вадия, птицы, лошади, пейзажи. Ни одного узелка, ни одного кривого стежка. Безукоризненно.

— У вас талант, кирена, — похвалила Виктория, для которой рукоделие было чем — то запредельным и фантастическим. Нет, при необходимости она могла превратить обычный маскировочный костюм в «елочку» или «снеговик», связать шапочку или пришить пару карманов, но никогда не любила это дело. — Ваши картины прекрасны. Отчего вы не заказали к ним рамки? Завтра же пришлю к вам мастера, такая красота должна украшать стены замка, а не пылиться у вас в комнате. Я видел в храме большое расшитое покрывало, тоже ваша работа? — Контесса кивнула. — Это великолепно!

Литина смутилась, но Виктория видела, что ей приятна эта неожиданная похвала. Конт искренне восторгался терпением, усидчивостью и трудолюбием женщины, и супруга это чувствовала. Она даже сделала движение, словно хотела развернуть лежащую на коленях вышивку, но не решилась.

— Кирена, вы еще злитесь на меня? — неожиданно сменил тему Алан.

Литина не ожидала такого резкого перехода и на мгновение замерла, но затем взяла

себя в руки и, глядя в пол, медленно проговорила, обдумывая каждое слово:

— Вы очень изменились, кир Алан. Я словно узнаю вас заново, и этот новый конт Валлид мне определенно нравится больше.

— В таком случае давайте решим, как нам жить дальше. Не буду скрывать, что любви к вам я не испытываю, впрочем, как и вы ко мне, но, возможно, мы хотя бы сможем не быть врагами? Давайте сегодня просто поговорим.

Разговор получился непростой. Литина боялась, и это было заметно. Но Виктории показалось, что брата Алвиса она боится больше своего мужа. Конту с трудом удалось убедить супругу, что ей не стоит опасаться мести с его стороны и со стороны Искореняющего, она ему не поверила, но к концу разговора заметно расслабилась, а когда конт поклонился честью, что не держит на нее зла, вздохнула с заметным облегчением.

— Вы всегда держите данное слово. — Едва заметно улыбнувшись, она поправила рукав скромного домашнего платья.

— Литина, что хотите лично вы? — поинтересовался конт, собираясь уходить.

— Развода с вами, — не задумываясь произнесла женщина.

— Похоже, вы давно обдумали свое решение, — усмехнулся конт. — А после развода? Вам есть куда возвращаться? Или вы собираетесь в монастырь?

— Отец примет меня, — не очень уверенно ответила контесса.

— Вы в этом уверены? — Конт взялся за дверную ручку. — Когда вы получали от него весточку? — Он смотрел на растерянную женщину, покусывающую губу, чтобы не расплакаться, и понимал, что она чувствует. Чувствует себя загнанной в угол. Безысходность. Была бы она нужна отцу, тот бы уже давно приехал проведать дочурку.

— Два года назад он передал мне с оказией письмо, — тихо произнесла Литина, опуская голову.

— Не отчаивайтесь, мы что — нибудь придумаем, — улыбнулся Алан, пытаясь подбодрить упавшую духом жену. — А пока пообещайте мне не делать глупостей. Мое терпение не бесконечно, кирена.

Литина горько усмехнулась.

— Обещаю, кир, хотя сейчас я вас боюсь еще больше.

— Отчего? — с любопытством спросил конт.

— Я не знаю, что от вас ожидать, — развела руками женщина.

— Литина, а если я вас попрошу начать обучать детей грамоте? — Вдруг осенило Викторию. Если Литина согласится, это займет ее и освободит конту время. — Не отказывайтесь сразу! — воскликнул конт, заметив удивление на лице супруги. — Подумайте до завтра и затем дадите мне ответ. Спокойной ночи, кирена. — Алан поклонился и вышел из комнаты, не заметив легкого сожаления, мелькнувшего в глазах женщины.

Проходя мимо гостевой комнаты, Виктория не удержалась и заглянула внутрь. Над игушем склонилась друида, рядом Ольт и Дар держали миски с зеленой жидкостью и ворох тряпок. Алан подмигнул мальчишкам и тихонько прикрыл дверь.

У дверей в спальню поджидал Берт с бадьей воды и чистым полотенцем. Наскоро ополоснувшись и приказав слуге разбудить его до рассвета, конт подошел к кровати. На подушке лежал широкий тканый пояс со сложным рисунком. Виктория улыбнулась, беря подарок в руки и рассматривая замысловатый узор при свете одинокой свечи, которую Берт оставил у изголовья. Пояс словно излучал тепло рук, которые его соткали, от него исходил мощный поток светлой энергии, а может быть, конту это только казалось? Хотелось надеть его и никогда не снимать, Виктория прижала пояс к щеке и прикрыла

глаза. Нитки пахли древесным дымом и сухими травами. Конт постоял еще немного, затем положил подарок под подушку и лег, свернувшись калачиком.

Большая кровать показалась Виктории очень неудобной, холодной и чужой. Она вдруг остро почувствовала глубокое одиночество — пронзительное, щемящее, разбивающее душу на осколки. И нахлынувшие воспоминания о семье только усугубили это чувство — болезненно сильное, заволакивающее темной тоской сердце. Оно поглощало, толкало в бездну неверия, заставляло сомневаться в себе. Вдруг с невероятной силой захотелось, чтобы рядом кто —нибудь был, захотелось прижаться к теплому родному существу, просто дотронуться до живого тепла, услышать чужое дыхание рядом, чтобы понять, что она не одна в этой вселенной. Захотелось ощутить на себе проникающий в сердце взгляд друга, услышать тихие слова утешения. Она всхлипнула и тихонько позвала:

— Кусь!

Тау запрыгнула на кровать и улеглась в ногах конта, придавив их своей тяжестью, Виктория шмыгнула носом и закрыла глаза. Сопение зверя успокаивало, и спустя мгновение конт спал, не замечая, как во сне из — под ресниц на подушку текут слезы.

ГЛАВА 7

Расстроился Ирий Создатель

и, чтобы чада его не натворили бед в новом мире,

повелел он им работать от восхода до заката,

а как солнце упадет за море — отдыхать,

а Вадий Коварный добавил,

что работать они должны всего девять дней,

а на десятый предаваться веселью

и прославлять его, выпивая по кубку вина доброго.

Виктории снился сон. Словно она попала в очень неприятное место. Все вокруг пронизано плотным черным смогом, воняет протухшим мясом, а она заперта в узком закрытом пространстве и не может пошевелиться. Она точно знает, что лежит в гробу, а над нею тонны земли. Воздух скоро закончится, и ей никогда не выбраться из ловушки, земля давит сверху на крышку гроба, готовая проломить ее и раздавить несчастную жертву своей массой. Виктория хотела закричать, позвать на помощь, объяснить, что это ошибка — она жива и не хочет умирать так глупо и страшно, но язык забыл, как это делается, и из горла вырвался лишь тихий стон. Тогда она подняла руки и попыталась приподнять крышку и... проснулась, но тяжесть и неприятный запах так и не исчезли. Виктория открыла глаза.

— Кузь, зараза этакая!

На груди конта лежала тяжелая голова тау, сама сука нагло развалилась рядом, мирно похрапывая во сне. Виктория скривилась и спихнула нахалку на пол.

За раскрытым окном чернела звездная ночь, было тихо, даже не трещали насекомые и не пищали летучие мыши, которых здесь водилось великое множество. Определять время по звездам Виктория еще не умела, но спать не хотелось совершенно. Она еще немного полежала, а затем вспомнила, что сегодня ей предстоит впервые в этой жизни участвовать в настоящем бою, а меч они с Рэем так и не подобрали. Сама виновата — засиделась за работой, потом заболталась с Литиной и забыла. Не мешало бы теперь озаботиться оружием. Она встала, сладко потянулась, пригладила растрепавшиеся волосы и нащупала штаны. Свеча давно погасла, а пользоваться огнем женщина так и не научилась. Один раз попробовала, сбила пальцы в кровь, на этом эксперимент и закончился. Больше всего в этой жизни Виктории не хватало электричества, но с этим придется мириться, провода и лампочки, увы, здесь еще не изобрели.

Она не стала надевать рубаху, порадовавшись этому небольшому преимуществу мужского тела, просто перекинула ее через плечо, сунула ноги в сапоги и тихо спустилась на первый этаж. На входе стоял дежурный, точнее — сидел на корточках, подпирая стену, перед ним на земле была расстелена тряпица, на которой лежал кусок желтоватого сала, очищенная луковица и ломоть черного хлеба. Воин сосредоточенно обстукивал о камешек большое яйцо, когда Алан вышел из двери. Увидев хозяина, мужчина вскочил, хватаясь за приставленное к стене копьё и одновременно пытаясь встать так, чтобы закрыть от взгляда господина поздний ужин. Конт грозно на него глянул, показал кулак, но поднимать шум не стал, а, приложив палец к губам, снял со стены факел и проскользнул мимо, направляясь в сторону оружейной, вход в которую просматривался с поста.

Виктория надеялась, что дверь будет открыта, но она ошиблась, впрочем, стражник оказался догадливым и спустя несколько минут принес ключ, после чего, поинтересовавшись, не нужна ли киру помощь, и получив отрицательный ответ, удалился. Она прошла между рядами, рассматривая разложенное на стеллажах оружие. И что выбрать? Подняла и повертела в руке один из мечей. Тяжелый. Полубовалась на огромные двуручники, даже не делая попытки взять в руки, провела пальцем по лезвию короткого широкого меча, не испытывая при этом никакого трепета. Эх, ей бы сюда

любимую СВ98 — её Совушку, или «Винторез»... Взгляд зацепился за висящие на крюке изогнутые ножны, украшенные богатой чеканкой. Ятаган игуша. Виктория примостила факел в подставку и протянула руку.

Легкий s-образный клинок, извлеченный из ножен, переливался красными отблесками, отражая на стены блики огня. Не было привычной гарды, зато рукоятка заканчивалась двумя овальными ушами, чтобы при ударе меч не выскальзывал из руки. По тонкому лезвию шла вязь слов, прочесть которые Виктория не смогла. Меч ей понравился — легкий, изящный, стремительный, предназначенный как для рубящих, так и для колющих и режущих ударов. Правда, против ее Разящего он не устоит, но Виктория не собиралась вступать в затяжные бои. Ей больше импонировала скорость и быстрота. А еще больше нравилось убивать врагов издали, например стрелой из дальнобойного лука или мощного арбалета...

Спустя десять минут из оружейной вышел конт с ножнами в одной руке и факелом во второй. От стены отделилась легкая тень и, пристроившись в спину хозяину, бесшумно заскользила следом. Кусь тоже не спалось.

Тихо, только любопытная луна наблюдает за неугомонным контом, который вместо того чтобы мирно спать в теплой постели, словно сумасшедший заяц бежит вокруг тренировочной площадки. На десятом кругу Виктория поняла, что еще немного, и она рухнет прямо здесь, лицом в каменистую землю. Она перешла на шаг, делая на ходу простые упражнения. Как говорится в народе — дышалка у тебя, дядька, ни к черту! Ну что же, будем делать из этого тела — Аполлона, Дон Жуана и Антонио Бандераса в одном флаконе, на зависть мужчинам и радость женщинам.

Через час конт сидел по — турецки, положив ладони на колени и соединив пальцы в жесте знаний. Медленное глубокое дыхание наполняло легкие прохладой, успокаивало, помогало настроиться на медитацию. Разгоряченное тренировкой тело постепенно остывало, биение сердца становилось все тише и медленнее, из головы уходили ненужные мысли. Виктория растворялась в тишине ночи, впитывая в себя рассеянный свет миллиона звезд, отпуская на свободу душу, запертую в чужом теле. И когда ее душа достигла высшей точки умиротворения, в голове зазвучала тихая музыка. Женщина медленно взяла лежащий рядом клинок, не открывая глаз, поднялась одним слитным движением, на мгновение замерла и сделала скользящий шаг вперед, еще один, и еще, разворот, медленный взмах мечом параллельно земле, выпад, шаги в противоположную сторону и вновь разворот.

Виктория танцевала вальс. Медленно, осторожно, словно боясь расплескать переполнявшую ее неслышную музыку. Она никогда не держала в руках меч. Она — нет, но конт Валлид начал тренироваться с пяти лет, и тело это помнило. Вальс постепенно менялся, в нем появлялись новые движения. Более грубые, более резкие, но не менее красивые. Женщина не открывала глаз, просто интуитивно позволяя душе и телу двигаться в такт звучащей только для нее музыки. Она чувствовала себя юной стройной девушкой, легко скользящей по дубовому паркету танцевального зала, только вместо партнера ее руку вел мерцающий изогнутый клинок.

Она танцевала и не видела Рэя, которого все же разбудил застигнутый врасплох караульный. Воин решил, что хватит с него на сегодняшнюю ночь одного нарушения и, как только конт скрылся с глаз, побежал докладывать начальству о бессоннице господина. Капитан, скрестив на груди руки, наблюдал за воспитанником, стоя в темном углу площадки, рядом с ним, опустив голову на лапы, лежала Кусь, в ее желтых глазах отражалась луна. Много мыслей мелькало в голове Рэя. Откуда Алану известна эта манера боя, кто обучал его владеть яташем и отчего он об этом ничего не знает?

Она не видела брата Искореняющего, так не вовремя для нее вышедшего по нужде и застывшего на месте в одних белых подштанниках. Алвис внимательно следил за каждым движением конта, словно пытался их запомнить.

Не видела Виктория и третьего наблюдателя — того, чья кровать стояла возле самого окна и чье осунувшееся лицо бледнело во тьме. Случайно или по прихоти юмориста Вадия, но Иверту вдруг стало душно, и теперь зеленые глаза неотрывно следили за мелькающим в лунном свете клинком, а губы кривились в легкой усмешке. Бешеный Алан двигался легко и красиво, но меч держал в неудобном для атаки положении. Нужно будет дать ему пару уроков в знак благодарности за спасение. Рядом с игушем

торчала обритая голова Ольта, раб поддерживал игуша за спину. Паренек спал здесь же в комнате, расстелив на полу одеяло, он проснулся, когда услышал, как Иверт пытается распахнуть окно, и теперь, приоткрыв рот, заморожено наблюдал за своим господином.

Виктория ничего этого не знала, она легко скользила по земле, и ей казалось, что, как и много лет назад, ветер развеивает её густые русые волосы и колышет подол длинного шелкового платья. Как ей хотелось в это поверить! Но музыка затихла, и конт раскрыл глаза...

Но прежде, чем он заметил свидетелей своего танца, они тихо растворились во тьме, словно испытывая смущение от того, что увидели нечто особенно интимное, не предназначенное для взглядов посторонних.

А ведь был еще и четвертый зритель, точнее — зрительница. Ворожея, никем не замеченная, скрытая от любопытных глаз темным плащом замерла совсем близко от остановившегося Алана, так близко, что могла протянуть руку и дотронуться до напряженной спины мужчины. Женщина вертела в пальцах тонкий узкий клинок с трехгранным лезвием, задумчиво глядя на конта. Ее губы что — то шептали, иногда замолкая, словно прислушиваясь к ответу невидимого собеседника, изредка она кивала или качала головой. А когда конт покинул площадку, друида зачерпнула землю в том месте, где он стоял и, аккуратно ссыпав ее в мешочек, тихо исчезла в густой тени.

С удовольствием ополоснувшись затхлой дождевой водой из бочки, Виктория натянула рубашку, отнесла в оружейную меч и растеряно замерла посреди двора. Похоже, все еще спали, только часовые перекрикивались на стене, да страж у входа сосредоточенно пялился в темноту, крепко сжимая в руках древко копья. Надо бы разыскать Берта, чтобы помог с одеждой и бритьем... Интересно, где ночуют слуги? Виктория вдруг осознала, что она совершенно не ориентируется в собственном замке, не идти же к стражнику с такими простыми вопросами? Хватит того, что конт в глазах окружающих стал вести себя странно, не стоит усугублять. Она посмотрела на небо — часа четыре, не больше. Время здесь определяли при помощи больших толстых свечей, разделенных полосками — рысками на деления. Всего делений было десять, на десятой рыске свеча догорала, и день считался законченным. Для каждого времени года был свой цвет свечей, и деления между рысками менялись в зависимости от захода и восхода солнца. Зажигали их не ежедневно, только в пасмурную погоду, потому что рядом с колодцем были установлены каменные солнечные часы. Местные с детства прекрасно ориентировались днем по солнцу, а ночью по звездам и луне, но для Виктории пока это было непривычно.

В желудке появилось неприятное ощущение горечи и пустоты, и она вдруг отчетливо осознала, что хочет есть. Вот и отлично! Где находится кухня Виктория знала точно, и надеялась, что какая — нибудь еда с вечера осталась. Ей даже в голову не пришло, что никого не удивило бы, если бы она приказала разбудить слуг и кухарок. Раз не спит господин, то и слугам спать не положено.

Огромная кухня тонула в темноте, лишь перед большой печью образовался подрагивающий островок красноватого света. Его давал открытый зев горнила, в глубоких недрах которого жадно пожирал сучковатые поленья яркий, жаркий огонь, рядом стояла железная заслонка. Девушка лет шестнадцати — семнадцати в сером холщовом платье с заткнутым за пояс подолом, наклонившись, шуровала в устье кочергой, раздвигая горящие дрова, чтобы засунуть в горнило еще парочку поленьев поменьше. Рядом с печкой примостилась низкая табуретка, возле которой стояли корзина с мелкими красными яблочками — дичками, глиняная миска с уже нарезанными на дольки и очищенными плодами и ведро с огрызками. Девушка так усердно пихала в огонь поленья, что заметила конта только когда он громко стукнул скамьей.

— Ой, — подпрыгнула девица, чуть не наступив на миску с яблоками. Она быстро одернула юбку, пряча под подолом стройные босые ножки, и осенила себя кругом Вадия. — Чтоб тебя духи защекотали! Перелякал меня до икоты!

Алан удивленно поднял брови. С ним здесь еще никто так не разговаривал. Девушка тем временем подошла от печи лучинку и запалила толстую оплавленную свечу, которая сиротливо стояла на столе.

— Ты с дежурства сменился? Тетка Райка говорила, что мужиков после дежурства покормить надо. Счас я соберу тебя поспедать.

Она зашуршала в печурках, выставляя на шесток закопченные горшки. Конт с любопытством следил за ее действиями. Не такая уж она и юница, как показалось Виктории на первый взгляд. Вон как платье на груди трещит, да и вся фигурка ладная, налитая, и, проходя мимо, бедрами крутит весьма соблазнительно. Виктория улыбнулась, будь она настоящим мужчиной, точно бы не удержалась и хлопнула кокетку по упругой попке, и тут она поймала себя на мысли, что ей приятно смотреть на суetyющуюся у печи девушку. И тело, словно только и ждало этих мыслей, тут же отреагировало легким напряжением внизу живота. Этого только не хватало!

— Как твое имя? — спросил конт, когда девица поставила перед ним полную тарелку теплой молочной каши и кусок вчерашнего мясного пирога.

— Светика, — широко улыбнулась девушка, присаживаясь напротив и подтягивая к себе корзинку с яблоками. Нож проворно замелькал в умелых пальчиках. — Я вчера из Корчей пришла, меня управляющая Нанни в наем на кухню взяла, за монету в десятницу, вот соберу на приданное да вернусь в веску.

— Жених дома остался? — полюбопытствовал конт, пробуя кашу. Сладкая, чем — то напоминает овсянку.

— Нет у меня жениха, — с тихим смешком ответила Светика, зыря на мужчину из — под длинной светлой челки.

— Отчего у такой симпатичной девицы нет жениха?

Девушка располагала. Светловолосая, как большинство местных жителей, голубоглазая, курносая, с россыпью мелких веснушек на щеках и пухлыми губками, она словно светила изнутри, вызывая у конт неосознанную улыбку.

— Женихов можно гроздями на яблоне развешивать, только замуж выходить не за кого, — хохотнула Светика. — Я, может, воинов люблю, а не весчан. — Она многозначительно посмотрела на конт и тотчас залилась румянцем, словно призналась в чем — то неприличном.

— Ну, если воинов любишь, то здесь от кавалеров отбоя у тебя точно не будет, — с улыбкой кивнул конт, меняя тарелку с недоеденной кашей на блюдо с пирогом.

— Ой, тоже скажешь, — махнула ножиком довольная служанка и ловко запустила огрызок в ведро с отходами. — Говорят, главное хозяйину на глаза не попадаться, а то он страсть как до девиц невинных охоч. А ты конт нашего знаешь? — понизила она голос.

— Знаю немного. — Чуть не подавился конт, едва сдерживая смех.

— Наверное, красивый, как все благородные?

— Иногда бывает симпатичным, особенно когда выпится.

— Отчего же он не высыпается? — недоверчиво протянула девушка. — Он же конт! Знай себе спи, вкуности кушай да развлечения придумывай.

Эх, если бы это было так. Если бы это было так, ты бы уже выла со скуки, возразил внутренний голос.

— А расскажи, какой он — наш конт? — не унималась Светика. — А то бабы всякое бают.

— Интересно, что?

— Говорят, раньше в нем анчута жила, да брат Взывающий её из конт изгнал, когда тот болел. А еще рассказывают, — служанка перешла на заговорщицкий шепот, прикрывая в смущении рот ладошкой и подавшись вперед, — что конт тепереча до баб вообще не ходит, даже полюбовницу выгнал, зато со своего слуги глаз не сводит. А слуга у него кра — а-асивый, — мечтательно протянула она, — я его вчера как увидела, сразу решила, что только за такого замуж пойду, даже сердечко забилося, словно пичуга в силках, и

мысли в голове такие сладкие, сладкие... Молочка подлить?

— И кто такие глупости рассказывает? — Неужели вновь Эльса? Конт протянул кружку.

— Дык сам Бертушка и сказал, — округлила глаза Светика. — Вчера, как вечерять сели, так девки у него начали про хозяина расспрашивать, он и сказал, что в мыльне конт на всех та — а-ак смотрел, особенно на него...

— Что — то я такого не помню... — пробормотал Алан и подумал: «— А может и смотрела, интересно же было. Но Берт, какое трепло! Ну погоди у меня, я тебе устрою голубую любовь, ты у меня на собственной шкуре теперь познаешь, что такое интерес конт». — Женщина в теле мужчины ехидно захихикала.

— Ой, ты же меня только не выдавай, — спохватилась Светика. — У нас в веске конт знает, как бояться?

Они еще поболтали о деревенской жизни, о парнях и девчатах, о незатейливых мечтах Светики — выйти замуж за воина или за слугу и самой остаться работать в замке, чтобы не возвращаться в веску к мачехе и отцу. Пока разговаривали, девушка успела перечистить яблоки и поставить греться воду. Виктория расслабленно откинулась на спинку лавки, тяжелая сытость требовала немедленно отправиться в кровать досыпать. Но минутки подаренного отдыха неумолимо приближались к нулю, пора было заниматься делами.

— Наелся? Тогда ступай, а то скоро тетка Райка придет, а у меня еще мука не просеяна, — нехотя прервала разговор Светика, ей тоже было скучно, да и что скрывать — симпатичный воин весчанке понравился, и она была бы не против продолжить знакомство.

Алан цапнул из миски несколько очищенных долек, за что получил легкий шлепок по руке и грозное замахивание печным совочком. В кухню вошла заспанная Райка, на ходу повязывая косынку. Увидев конт, она удивленно замерла, затем перевела подозрительный взгляд на Светику, внимательно осмотрела девушку с ног до головы и только не найдя в ее наряде никаких следов бурно проведенного времени поклонилась Алану.

— Доброе утро, кир Алан. Что же вы не приказали меня разбудить? — с легким укором произнесла повариха.

— Доброе утро, Райка, — широко улыбнулся конт. — Да меня Светика накормила и развлекала рассказами обо мне, — хохотнул он, выходя на улицу и показывая Райке, чтобы следовала за ним. Сзади с грохотом и звоном что — то упало и испуганно заойкала Светика.

Забавная девчушка и такая непосредственная, после разговора с нею у конт было отличное настроение. Давно уже Виктория не испытывала такой легкости в общении, когда не нужно было думать, что сказать, не нужно было просчитывать последствия своих слов, а можно было быть собой. Виктория вспомнила круглые заговорщицкие глаза девушки, когда она расспрашивала о конте, и мечтательный взгляд веселых голубых глаз, когда разговор заходил о Берте, ей вдруг стало смешно и она искренне, в голос расхохоталась.

— Райка, ты присмотри за этой расторопной девицей, а то как бы нам Берта женить не пришлось.

— Давно пора, — буркнула Райка, — много воли девки ему дали, а он и рад, ни одной юбки не пропускает.

— Пока не жалуются, пусть гуляет, — махнула рукой Виктория, вспоминая, сколько хлопот доставил ее старшенький, пока не выбрал свою единственную. Зато теперь по сторонам даже не смотрит. Мужчина должен выгуляться. — Кстати, ты знаешь, где он ночует?

— Вчера вечером вроде с Эльсой уходил, у ней и искать надобно.

— Райка, мне помощь твоя нужна. — Конт ухватил женщину под локоток и поволок в

сторону храма. — Скоро сюда съедутся гости. Хочу устроить такой прием, чтобы о нем долго помнили. Ты подумай, чем угощать людей будем, как подавать на столы, кто будет прислуживать, во что оденем слуг. Поговори с Нанни, подберите ткани, я потом нарисую, что именно хочу, чтобы пошили.

Они подошли к темному храму, и Виктория остановилась на пороге.

— А теперь спасай меня, — трагическим шепотом произнес конт. — Я не помню, как в храме правильно взывать! Брат Турид на меня уже косится, как бы костер очистительный соорудить не приказал. — Конт сложил молитвенно руки и воззрился на женщину взглядом мультяшного кота.

Еще вчера Виктория поняла, что Райка признала и взяла нового конту под свою опеку, и теперь она хотела закрепить успех, показав грозной кухарке, что полностью доверяет ей и даже признает превосходство в некоторых вопросах. Именно поэтому она и привела ее сюда — к храму, под стенами которого не лгут, чтобы закрепить зарождающееся доверие которое появилось между ними.

Когда на рассвете брат Турид пришел в храм, чтобы подготовить все к утреннему взыванию он застал невиданную доселе картину. Конт Валлид смиренно сидел на пятках у изображения Ирия, вокруг которого горели зажжённые свечи и, склонив голову, негромко взывал к Светлому, периодически осеняя себя его шепотью и прося удачи для себя и своих воинов. У портрета Вадия тоже горели свечи красного цвета, а значит, сын отпустил душу отца за реку Забвения. Взывающий был настолько поражен видом коленопреклоненного конту, что даже забыл съязвить, когда Алан попросил светлого напутствия на победу в бою и темного благословения на убийство.

Виктория, посмеиваясь, направилась в сторону донжона. Пусть теперь ксен думает, какая муха укусила конту с раннего утра? Зато она узнала много интересного. Оказывается, по местной вере душа не отлетает навечно в загробный мир, а мечется между миром живых и миром мертвых, пока самый близкий при жизни человек не отпустит ее за реку Забвения в чертоги Вадия. Для этого нужно было совершить определенный ритуал и зажечь красные свечи — символ родства крови, что конт с удовольствием и проделал, отправив в нижний мир не только своего названного отца, но и душу реципиента. От греха подальше.

Спроси кто — нибудь сейчас Викторию, хочет ли она вернуться домой, она не смогла бы дать однозначный ответ. Если бы можно было съездить в отпуск, хоть одним глазком глянуть на семью, убедиться, что с ними все хорошо и сообщить им, что она жива — здорова (как бы это нелепо ни звучало из уст умершего человека), тогда она, пожалуй, выбрала бы жизнь здесь. Почему? Потому что только здесь она вновь ощутила драйв, адреналин, вкус к жизни, почувствовала себя молодой и нужной. И, что немаловажно, — над ней не было судей, ей никто не указывал, как жить, никто не контролировал каждый шаг, не требовал ежемесячных отчетов, докладов и планов — никто, кроме собственной совести. Эта свобода слегка опьяняла, и Виктории стоило большого труда сдерживать себя, чтобы не ринуться с головой в новые ощущения вседозволенности. И здесь она была благодарна ксенам, которые, даже не зная этого, являлись буфером между ее желаниями и реальностью. Все же храмовников она остерегалась. Это была та правда, в которой Виктория Викторовна не призналась бы никому.

Слуги занимали восемь маленьких комнатусек в правом крыле пристройки. На комнату Эльсы конту указал воин, сменивший на посту невезучего стража, так и не успевшего перекусить во время своего дежурства. Стучать Виктория не стала — ей по статусу положено открывать двери ногами, что она и сделала.

Комнатка оказалась малюсенькой — узкая кровать, на которой как — то умудрились переплестись два тела, сундук и стул, заваленный одеждой. Окна в комнатусе не было, по — видимому, изначально это помещение предназначалось в подсобки. Ноздри втянули запах разгоряченных тел и прошедшей страстной ночи и конту буквально пошатнуло от нахлынувшего вожделения. Виктория заскрипела зубами от злости на своенравное тело, и шире распахнув дверь, замерла на пороге. Свет из коридора упал на кровать и спусти мгновение нагой Берт, щурясь и прикрываясь руками, стоял на свободном от мебели пятке пола, всматриваясь в грозную фигуру конту, а рыжая голова с громким писком нырнула под одеяло.

— Хорошая реакция, прикажу Рэю, чтобы занялся с тобой фехтованием, — одобрительно кивнул конт.

— Кир Ал — лан, — заикаясь произнес парень и потянулся одной рукой в сторону одежды. — Что в-вы здесь делаете?

Виктория с интересом рассматривала слугу, словно впервые его видела. А он действительно красивый, Светика, пожалуй, не преувеличила. И сложен идеально. Попади он на современную Землю — быть ему разорванным на кусочки агентами от шоу — бизнеса. «А здесь ему грозит лишь один конт с его странной любовью», — злорадно подумала Виктория и улыбнулась как можно нежнее, но, судя по испугу, набежавшему на лицо Берта, получилось у нее не очень. Ей страстно хотелось откинуть одеяло с прячущейся Эльсы и... О том, что еще хотели разбушевавшиеся мужские гормоны, она старалась не думать.

— Мальчик мой, — произнес конт, подпуская в голос эротичной хрипотцы, и Берт побледнел. — Я ждал тебя, чтобы ты помог мне одеться и побриться, но так и не дождался, пришлось идти разыскивать пропавшего слугу лично! — Виктория добавила в голос стали. — И что я вижу? В то время как твой любимый господин уже больше двух рысок не спит, ты предаешься разврату! Ты ее любишь? — патетически воскликнул конт и выставил палец в сторону кровати, в коридоре кто — то тихонько зашептался.

Слуга сглотнул, а под одеялом, похоже, перестали дышать.

— Это не то, что вы подумали, кир Алан...

— Конечно — не то! Ты просто шел мимо спальни Эльсы, тебе стало жарко, и ты разделся догола, споткнулся и упал прямо в девичью кровать. Сколько раз подряд ты упал? — Из — под одеяла донеслось сдержанное хихиканье. — Значит, ты хочешь жениться на Эльсе? Я могу это устроить, — словно не слыша слугу, задумчиво произнес конт и сделал решительный шаг вперед. Парень, растерянно глядя на хозяина, попятился, пока не уперся спиной в стену. Виктория подошла вплотную и, оперев руки по обе стороны от головы Берта, склонилась к его уху. Со спины казалось, будто конт целует своего слугу.

— Если ты еще хоть раз позволишь себе рассуждать о моих постельных предпочтениях, обсуждать меня с кем бы то ни было или даже думать об этом, я лично спущусь в пыточную, чтобы заняться с тобой самой нежной любовью, — прошептал конт, искоса поглядывая на парня. — И не думаю, что тебе понравится моя любовь. Ты понял меня, Берт? Или предпочтешь жениться на Эльсе и лишиться языка? — Слуга ощутимо вздрогнул, испуганно замотав головой. — Вот и хорошо, ми — лый. — Конт отступил назад. — Бриться, одеваться, Рэя ко мне, — жестко добавил он, и, уже выходя из комнаты, небрежно бросил через плечо: — Эльса, если Берт сделает тебе предложение, я возражать не буду.

Наградой конту был тихий стон слуги и радостный визг девушки.

Виктория стремительно шагала к себе, на ходу прокручивая разговор с Бертом. Не перегнула ли она палку, не позволила ли себе лишнее? Не слишком ли вжилась в роль всемогущего конты — садиста? Нет, все сделано правильно. Здесь простым чтением морали не обойтись, и проявлять слабость тоже нельзя, иначе появится слишком много желающих попробовать обновленного конты на крепость. А все же репутация отличная вещь! А если Берт продолжит болтать? Сможет ли она осуществить угрозу? На этот вопрос Виктория ответить не могла. Берт был первым, кого она увидела в этом мире, и до сих пор он, словно тень, постоянно был рядом. Парень ей нравился, она помнила, как преданно он ухаживал за раненым господином, когда все отвернулись от ненавистного конты, как терпеливо обучал ее языку и грамоте, как уговаривал съесть ложечку каши и выпить горькую настойку. Его постоянное незаметное присутствие освобождало Викторию от решения множества бытовых проблем, он был незаменим, как хороший секретарь — его не замечаешь, когда он рядом, но стоит ему ненадолго исчезнуть, как сразу возникает множество проблем. Нет, она никогда не сможет причинить Берту боль, но вот женить — сможет!

Виноватый и смущенный Берт, на ходу натягивая рубашку и повязывая пояс, пристроился рядом.

— Кир Алан! Простите меня! Я не имел в виду, что вы... что вам...

— Что именно ты не имел в виду? — не останавливаясь, холодно поинтересовался конт.

— Я ничего... я больше не буду, только не жените на Эльсе!

— А на ком тебя женить?

— Ни на ком! Они мне все любы, и я никого не хочу обидеть!

Да что это за детский сад такой? Она резко повернулась к Берту.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два... почти...

— Не понял. Ты что, младше меня? А как... если Нанни моя кормилица...

— У меня есть старшая сестра, но она вышла замуж и осталась в столице.

Виктория присмотрелась к Берту внимательнее, начиная кое — что подозревать.

— Ты родился после смерти моей матери?

— Почти через год.

— А твой отец?

— Нанни говорит, был у нее мужик, да не сложилось. — Берт безразлично пожал плечами.

Эти слова насторожили Викторину, точно так же говорила Райка. Да не может такого быть! Или может? Сани Валлид запросто мог таким образом улучшать генофонд, кто бы посмел ему отказать? Надо найти портрет старого контя и серьезно поговорить с Нанни, потому что если он отец Берта, то де — факто именно Берт наследник Крови, а де — юре он не имеет на замок никаких прав. Однако если её догадка окажется верной, то Берт будет первым, кто попадет под подозрение, ведь убийца номер два еще не найден. Интересно, что знает об этом Искореняющий?

Примерно через два часа отряд из девятнадцати всадников выехал из ворот замка и направился в сторону развилки Висяка. Рэй взял с собой пятнадцать воинов, заявив, что этого вполне достаточно. Ему виднее, и спорить с ним конт не стал.

Виктория зевнула, по привычке прикрыв рот ладонью, и оглянулась по сторонам. Она отбивала зад впереди отряда в компании Искореняющего и Рэя. Капитан, в отличие от ксена, который безмятежно дремал в седле, накинуд на лицо капюшон сутаны, выглядел бодро и довольно шурился, подставляя загорелое лицо первым солнечным лучам. Виктория ему немного позавидовала и перевела взгляд вниз, где в петле у седла висел тонкий легкий меч. Рэй лично поднес его конту, встав на одно колено.

— Это Ярость, меч, который подарил вашему отцу последний король... — Капитан сделал многозначительную паузу, мол, откупился таким образом от мужа — рогоносца. — Конт Сани не любил его, считая слишком легким, но вам, думаю, он подойдет. А Разящий пусть пока отдохнет.

Так значит, это меч биологического отца контя? Даже не разбираясь в оружии, по одним лишь завистливым и восхищенным взглядам воинов Виктория поняла, что клинок достоин не только контов, но и королей. Он был значительно легче Разящего, с более узким клинком и глубоким долом, спускающимся почти до тонкого острия. Обоюдоострый. Простое прямое перекрестье отделяло клинок от тщательно обмотанной мягкой кожей рукояти, которую венчало шарообразное шипованное навершие. Не ятаган, но... выбирать не приходится. Виктория не была уверена, что сумеет попасть им в противника при особой нужде, а вот на лук, закрепленный на сбруе с противоположной стороны, она очень даже рассчитывала. Рэй долго брюзжал, выговаривая, что не пристало благородному кире брать в руки оружие охотников и простых воинов, но Виктория была непреклонна. Если можно уничтожить врага издали, не рискуя жизнью

людей, так они и сделают. И это не обсуждается! Поэтому у каждого воина их небольшого отряда были луки и арбалеты с запасом стрел. И плевать ей на местные понятия о чести и благородстве!

Когда конт уже сидел на своем громадном вороном жеребце, к нему подошла друида. Она молча подержала мужчину за ногу, с улыбкой выслушала благодарность за подаренный новый пояс, а затем протянула маленький плотно завязанный кожаный мешочек на веревочке. Когда Виктория, склонившись с коня, взяла его в руки, ворожея осенила весь отряд знаком Вадия и, не сказав ни слова, скрылась за постройками. Конт с удивлением вертел мешочек в пальцах, не зная, что с ним делать дальше.

— Вы позволите? — брат Искореняющий протянул руку, и Виктория заметила множество беспорядочных тонких шрамов, пересекающих ладонь Алвиса. Секунду помедлив, она опустила подарок в подставленную руку. Мужчина, прикрыв глаза, замер, словно к чему — то прислушиваясь, а затем вернул мешочек конту. — Вам очень повезло, кир Алан, ворожеи редко для кого делают такие обереги, они отнимают у них много сил, не удивительно, что друида не могла разговаривать. Наденьте его под рубашку и не снимайте, пока не вернетесь в замок.

— Что это? — спросил Алан, пряча оберег на груди.

— Амулет двух богов, заговоренный на возвращение. Пока он на вас, вы всегда вернетесь в то место, откуда была взята земля и пролита кровь. Больше я ничего не знаю, ворожеи умеют хранить секреты даже на костре.

Виктория раскрыла рот, чтобы задать ксену несколько вопросов, теснящихся в ее голове, но тот, накинув на голову капюшон, уже выезжал из ворот.

И вот теперь ее распирало от любопытства, а расспросить некого.

Перекресток Висяка полностью оправдывал свое название. Здесь пересекались три дороги и стояло засохшее дерево, украшенное болтающимся на ветру человеческим скелетом, кости которого были скреплены между собой железными скобами и веревками. Пахло гарью и, покрутив головой, Виктория заметила дым, стелющийся над лесом чуть в стороне от уходящей вдаль дороги. Рэй подъехал к Искореняющему, и они о чем — то тихо разговаривали, глядя в ту сторону, остальные воины окружили их, прислушиваясь к разговору. Барона Линя видно не было. Виктория подъехала ближе к дереву, с любопытством рассматривая скелет. Что — то в нем было неправильным, но что именно она понять никак не могла. Судя по размерам, скелет принадлежал мужчине — высокому, как и все местные жители, широкоплечему, с большой головой и всеми зубами! Вообще, помня историю средних веков, она ожидала увидеть в этом мире беззубых людей, но до сих пор не встретила ни одного человека с гнилыми зубами. У некоторых их просто не было, но и это было скорее исключением из правил. Виктория машинально провела языком по дырке на месте глазного зуба и едва не сверзилась с коня. Она недоверчиво засунула палец в рот, ощупывая десны. Нет, не показалось, палец наткнулся на острые края растущего зуба!

— Берт! — позвал конт, — у меня растет зуб, это нормально? — негромко спросил он подъехавшего слугу.

— Давно пора, — кивнул парень. — Выбили вы его аккурат в Тараний день, как раз время подошло.

«Елки — моталки! Вот он, секрет хороших зубов. В предках этих людей были акулы! — Виктория задумчиво глазела на раскачивающийся скелет. — ...И пресмыкающиеся...» Она поняла, что ее смутило — у скелета было на одну пару ребер больше, чем она привыкла видеть в анатомических атласах своего прежнего мира! Выходит, она теперь не человек? А какое, собственно, это имеет значение?

— Всадник! — гаркнул один из воинов. — Цвета барона Линя!

— Кир Алан конт Валлид! — еще издали закричал гонец на рыжей лошади. — Барон Линь выкурил разбойников из леса и гонит их к урочищу Духов! Я покажу!

— Отлично! — воскликнул Рэй. — Там хорошее место для засады, мы расстреляем их на

подходе. Кир Алан, — повернулся он к конту, — прикажете выступать?

— Рэй, командуй! — махнул рукой конт, и отряд сорвался с места вслед за гонцом.

Виктория чувствовала, как по венам разливается адреналин, будоража мысли, горяча тело и заставляя сердце ускоренно гонять кровь. Она пригнулась к шее коня, изо всех сил вцепившись в гриву, при этом не выпуская из рук поводья и мечтая не вылететь из седла на особо крутых поворотах. Все же наездник она слабый, хотя тело помнило и непроизвольно выбирало самые удобные позы.

Лошадей пришлось оставить под присмотром Берта и одного из воинов, к урочищу Духов нужно было пробираться через невысокую, каменистую, поросшую густым подлеском, гору, по которой пеший человек проходил без проблем, а вот лошади могли бы переломать ноги. Они успели занять позицию на пригорке, с которого как на ладони было видно само урочище — большая низина в петле маленькой юркой речушки посреди густого леса.

— Приготовиться! Бьем, пока они на видном месте, потом спускаемся вниз и присоединяемся к загонщикам, возьмем уродов в кольцо, — тихо скомандовал Рэй, глядя вперед. — Брат Алвис, вы бы ушли пока назад, мечу еще не время.

Послышались щелчки — это воины взводили арбалеты, им вторил шорох доставаемых из колчанов стрел. Виктория надела на палец кольцо, с усилием натянула тетиву. Будь она в своем родном теле, ни за что бы ни справилась с этой задачей.

— Цели выбираете сами, — шепотом давал последние наставления Рэй. — Старайтесь не убивать без надобности и не подстрелите людей кира Кайрата. Помните, каждого из разбойников можно продать, а это лишняя кружка вина и звонкая монета в кармане, которую так приятно потратить на девок.

Послышался одобрителный шепот, и тотчас первый болт сорвался с арбалета стоящего рядом воина.

Что Виктория ожидала увидеть? Неорганизованную толпу грязных, плохо вооружённых людей, испуганно бегущих от настигающих их воинов. Но все оказалось не так. На поляну выкатилась не толпа, а слаженный отряд, оцетинившийся мечами и луками. Вот задний ряд остановился, развернулся, и в сторону преследователей полетели стрелы.

— Выбивай лучников! Мой — бородач справа, — крикнул конт, выхватывая взглядом из толпы высокого бородатого мужика в заляпанной кровью одежде. Вдох — мир на мгновение замирает, наступает оглушающая тишина, сердце пропускает удар. Выдох — включается звук, здоровяк падает на одно колено, пытаясь достать стрелу, на ладонь ушедшую ему под лопатку, и падает лицом вниз.

— Беру рыжего! — раздается азартный крик рядом, и короткий арбалетный болт улетает в сторону бегущих.

А Виктория уже накладывает следующую стрелу, взгляд ищет цель, рука оттягивает тетиву, вдох... Стрельба по движущимся мишеням, словно в тире.

Воины отбрасывают луки и, выхватив мечи, сбегают вниз, с ходу, не останавливаясь, вступая в бой. Впереди всех, страшный в своем смертельном веселье, перепрыгивая через камни бежит Рэй, размахивая длинным мечом, словно он ничего не весит. Из леса в тыл разбойникам выбегают воины Кайрата. Виктория опускает лук. По её внутренним часам прошло не более десяти минут. Она оглядывается, рядом с нею остался ксен и двое воинов.

— Не расслабляться, — ни к кому не обращаясь, напряженно произнес конт. — Мы еще не победили.

В голове пусто, в душе тоже, у нее всегда такая реакция на убийство, это потом, через час она будет анализировать свои действия, прокручивать в памяти несколько раз подряд всю ситуацию, разбирать до мельчайших деталей, но сейчас — ничего, кроме удовлетворения от хорошо сделанной работы. А еще предчувствие неприятностей.

— Ну что, пойдём, посмотрим на улов? — Алвис повернулся к конту.

Чуть слышный треск ветки, словно хлопок лопнувшего воздушного шарика, ударил по ушам, конт быстро повернулся и успел увидеть блеск меча, летящего ему в грудь. Вот дерьмо! Опять? Виктория кинулась в сторону, даже не подумав потянуться к мечу, который стоял рядом прислоненный к дереву.

Светику утешали всей кухней. Столпившиеся вокруг нее кухарки бурно обсуждали произошедший с нею казус, им было любопытно, смешно и жалко новенькую. Это же надо — не узнать своего хозяина! Райка только головой качала, отпаивая зареванную девушку горячим травяным сбором.

— Неужели в веске никто никогда не говорил, что кир у нас черненький? — погладила повариха её по голове.

— Неа, — шмыгнула носом Светика, двумя руками прижимая к груди кружку.

— Так девки перед свадьбой все через молодого хозяина проходили, — захихикала одна из молодых. — Право ночи старый конт сыну давно отдал, неужто не рассказывали?

— Староста к нему только красивых отправлял, а они потом хвалились или синяками или денюжкой, — всхлипывала Светика. — Да и кто будет о таком рассказывать? Стыдоба ведь.

— Ой, прям уж, — со смешком махнула рукой бойкая сероглазая молодка и, подхватив с крюка чистое полотенце, промокнула Светике заплаканные глаза. — У вас же ублюдки контовские растут, и никто не заметил, что волосы у них черные?

— Ой, точно, — округлила глаза Светика, — а я не подумала. Были у нас двое пацанов чернявых, да за этот сезон померли.

— Не свезло, — сочувственно кивнула одна изстряпух, до сих пор молча перебирающая сушеные грибы, — наш конт как узнал, что хозяйка бездетная, так сразу приказал сыновей в Кровь свозить.

— Это как? — Светика моментально прекратила плакать, с интересом повернувшись к Райке.

— Привез он одного из Выселей наемни, — нехотя сообщила главная повариха, повязывая вокруг талии белый фартук.

— И что? — с жадным любопытством спросила Светика. — Женится теперича на его матери?

Ответом ей был дружный смех женщин.

— Глупая ты, — с хохотом легонько пихнула в спину весчанку одна из кухарок, — Чтоб конт женился на простолюдинке! Откупные даст да заберет малого на воспитание, а потом, может, и наследником сделает, если женка своих не родит.

— А много откупных дают? — заинтересованный взгляд голубых глаз Светики перебегал с одного лица на другое.

— Да уж и на корову, и на домик хватит, — со смехом сообщила ей пышногрудая красотка, легко подхватывая ведро с помоями и направляясь на улицу. — Что для благородного несколько золотых! Я бы и сама нашему конту родила, да за просто так, а не за золото. Уж больно хорош он стал, как увижу — сердце так и млеет, — со смехом закончила она, скрываясь за дверью.

— Придержи язык, пока брат Взывающий не услышал, — погрозила пальцем ей вслед Райка.

— А может, просто поселит мать в замке да возьмет в ночные жены? Как думаешь, тетка Райка? — тихо спросила сероглазая кухарка.

— Сирота мальчонка, — буркнула повариха, глядя на огонь.

— А если бы не сирота был? — задумчиво произнесла Светика, ни к кому не обращаясь.

— Хватит попусту языками молоть, вот вернется кир Алан, у него и спросите, — пресекла разговор Райка. — Скоро рабов кормить, а у нас еще затирка не готова.

Светика пригладила волосы, повязала голову чистой косынкой и принялась за работу, но разговор никак не шел из головы. Выходит, конту нужны наследники? И он не обидит женщину, которая ему их родит...

Конт перекатом ушел вправо, вскочил на ноги, поднырнул под меч и со всех сил ударил нападающего ногой в живот. Разбойник, не ожидавший такой подлости от безоружного, согнулся, за что и поплатился, получив удары в лицо и по шее сложенными в замок руками. Пока он пытался восстановить равновесие, конт успел подхватить лук, колчан со стрелами и отбежать за ближайшее дерево. С расстояния в семь метров не промахнулся бы и новичок. Стрела пробила грудь нападающего навывлет, и Алан смог осмотреться. Брат Алвис теснил своего противника к урочищу, третий разбойник кучей тряпья валялся чуть в стороне в луже собственной крови. Чей — то меч пробил ему горло. К сожалению, один из воинов Рэя, тоже был мертв, а второй стоял за спиной конта, прикрывая тыл. Бой внизу превратился в бойню, большинство бандитов, побросав оружие, стояли на коленях, заложив руки за голову, но несколько человек продолжали сопротивляться с безрассудным отчаянием. Позади воинов верхом на белом жеребце восседал барон Линь и с кровожадной улыбкой осматривался по сторонам, рядом с ним Виктория увидела мальчика лет пятнадцати, он со смехом показывал мечом куда — то в сторону. Сходство с бароном явно указывало на их близкое родство. Рэй что — то орал, собирая свой отряд.

— Тебе помочь? — поинтересовался конт, выходя из — за дерева с луком наизготовку.

— Благодарю вас, кир, но, пожалуй, не нужно, — светски улыбнулся Алвис, и меч разбойника отлетел в сторону. — Сдавайся.

— Сдаюсь! — ватажник поднял вверх руки.

— Ложись! — крикнул ксен, глядя за спину конта.

Виктория рухнула на землю не задумываясь, а вот бандит недоуменно завертел головой, за что и поплатился — прилетевший из леса болт попал ему в грудь. Ксен сорвался с места и, перебегая от дерева к дереву, скрылся в лесу еще до того, как Виктория поняла, что произошло. Она подползла к разбойнику, он еще был жив.

— Он... обещал... свободу... если... возьмем... тебя, — прохрипел мужчина, с каждым выдохом выталкивая из горла слова. — Отпустить... нашу... ватагу... он... соврал...

— Кто? Как его имя? — Конт склонился над умирающим.

— Б...

Разбойник захрипел и обмяк, из перекошенного рта вытекла тонкая струйка крови и затерялась в густой бороде.

— Стрелок ушел. — Ксен возник бесшумно, даже ветка не треснула. — Ушел в сторону наших лошадей.

Они переглянулись и, подхватив оружие, побежали в лес. На бегу конт сообщил Алвису, что успел узнать.

— «Б» — это может быть и барон, и Берт, и еще кто — нибудь, — высказал ксен вслух то, о чем Виктория думала про себя. — Вы знаете, что ваш слуга — сын конта Сани и кормилицы?

— Догадываюсь.

— Как давно вы догадались?

— Сегодня утром.

— Я бы на вашем месте избавился от него. В отличие от вас, в нем течет кровь конта Валлид.

Намек более чем прозрачный. Алвис открыто сообщил конту, что знает о его происхождении, значит, не видит смысла больше притворяться. Что теперь ожидать от Искореняющего? Откровенного разговора или попытки использовать конту втемную? Виктория промолчала, если за покушениями стоит Берт, она так и сделает, как бы ни было ей горько и тяжело смотреть Нанни в глаза. Она не оставит за спиной предателя и врага, не будет рисковать жизнью сына. Сына... как быстро она приняла новые реалии. Виктория грустно усмехнулась. Сколько она здесь? Месяц? Около того, и за это время Кровь успела стать ей домом, у нее появились если не друзья, то те, кто сможет ими когда — нибудь стать. У нее есть Дар, Ольт и Тур — трое мальчишек, которые заменят ей сыновей, а еще есть Рэй... Легко на помине. Капитан в сопровождении пяти воинов догнал их уже на спуске, на ходу осмотрел конту, погрозил кулаком небесам, перекинулся с ксеном парой слов и, скрутив из пальцев хитрую комбинацию, похожую на «козу», дал отмашку воинам, отправив вперед троих бойцов.

Виктория запыхалась, в боку кололо, по спине тек противный липкий пот, во рту образовалась Сахара. Кольчуга потяжелела килограммов на десять, и казалось, что натирала даже плечи, колчан бил по спине с силой гнома — молотобойца, а подошва сапог вдруг стала бумажной, и теперь разгоряченные ступни ощущали каждый камешек под ногами. В голове бухало сердце в такт единственной мысли: «Тренироваться надо».

Поляна встретила их разбредшимися лошадьми и лежащим вниз лицом воином. Из его спины торчал родной братец болта, убившего разбойника. Берта нигде видно не было.

— Нет двух лошадей, — доложил Рэю один из бойцов.

Виктория почувствовала такое разочарование, словно ее предал не слуга, а родной сын. Она прислонилась к дереву и уставилась вдаль на колышущиеся верхушки елок. Над деревьями кружили две черных птицы, вот одна из них стремительно рухнула вниз, но спустя мгновение вновь лениво заскользила в потоках воздуха. В предательство Берта верить не хотелось. Здравый смысл говорил, что он замешан в покушениях, а интуиция кричала, что парень не виновен. Бессмысленно. Он мог избавиться от конту несколько раз, пока Алан лежал в горячке, да и потом у слуги был не один шанс устроить хозяину несчастный случай. Но он отчего — то ждал сегодняшнего дня.

— Зачем вы взяли слугу с собой? В бою от него нет прока, — задал вопрос Алвис.

А действительно, зачем? Просто, не задумываясь, оттого, что привыкла — Берт постоянно рядом, как палочка — выручалочка на все случаи жизни.

— Берт могли недавно сообщить, что он может претендовать на Кровь. — Искореняющий подошел ближе.

— А он может? — спросил конт, не поворачивая головы.

— При условии, что других претендентов не останется и у него есть веские доказательства родства с прежним хозяином.

— А не может случиться так, что его тоже убрали? Как претендента?

Искореняющий секунду раздумывал, а затем резко развернулся и бегом направился к Рэю, который с остальными воинами обшаривал кусты и собирал лошадей. Виктория отстраненно за ними наблюдала. В сердце заползло и растеклось горькой полынью беспокойство. Что — то она упустила в запале боя, но сосредоточиться не получалось.

— Кир Алан. — В темных глазах Искореняющего качалось солнце. — Следопыт говорит, что слуга ушел добровольно, но мы нашли это. — Он показал обрывок ткани, и конт узнал в нем кусок пояса Берта.

— Его могли заставить уйти?

— Я должен опросить пленных. — В голосе Искореняющего появилась сталь, он смотрел куда — то мимо конту. — Барон Линь с сыном пожаловали, а вместе с ними и разбойников привели. Кир Алан, могу я вас просить об одолжении? — Виктория задумчиво кивнула, она пыталась ухватить проскользнувшую в голове мысль, но та, как серая крыса, проскочила мимо, мелькнув кончиком хвоста. — Прошу вас, не убивайте барона. Пока не убивайте.

— Я не привык щадить ядовитых змей, — холодно процедил конт, сжимая кулаки. — Тебе не кажется, что эта охота была устроена специально, чтобы выманить меня из замка? — Виктория наконец — то сложила в голове полную картинку происходящего. — Не было никакой необходимости в таком количестве воинов. Кайрат справился бы и самостоятельно. Я насчитал в его дружине тридцать два человека против двадцати трех разбойников.

Ксен едва заметно улыбнулся, кивком головы указывая на идущего к ним Рэя.

— Я рад, что вы тоже обратили на это внимание. Вы позволите мне опросить пленных?

— Алвис, скажи мне честно, тебе нужно мое разрешение? — конт усмехнулся одной половиной губ, делая шаг навстречу Рэю, он протянул ему лук, принимая из рук капитана перевязь с ножнами, из которых выглядывала рукоять Ярости.

— Пока не прибыли бумаги, подтверждающие мои полномочия, формально во время военной операции я подчиняюсь вам, — склонился в легком поклоне Искореняющий, весело блеснув глазами.

— Брат Алвис, приказываю опросить пленных, — громко произнес конт, улыбаясь барону с сыном. — Добрый день, Кайрат. — Он пожал руку Линю и кивнул поклонившемуся мальчику. — Баронет, как поживаете?

— Все хорошо, кир Алан. А это Искореняющий? Настоящий? — с восторгом произнес паренек, глядя вслед ксену. — Отец, он будет искоренять? Можно посмотреть?

В глазах баронета светился благоговейный ужас. Линь снисходительно потрепал сына по голове:

— Еще успеешь насмотреться. Прикажи капитану, чтобы гнал наших рабов к замку. — Он повернулся к конту. — Говорят, несколько разбойников прорвались к вам в тыл? Ты не пострадал? — В его голосе проскользнула тревога.

— Со мной все в порядке.

Виктория едва сдерживала ярость, бушующую в желудке. Она попробовала отвлечься, рассуждая о странностях своей психологии. Принято считать, что чувства зарождаются в сердце, ее же эмоции напрямую связаны с желудком. Страх образует горький ком, ненависть и злость разливаются болезненным огнем, скорбь бурлит черной горечью, а любовь ассоциируется с горячим вином выпитым в холодный день. Но, как бы она ни пыталась не думать о Берте и бароне, мысли постоянно возвращались к этим двоим. Она была уверена, что покушения — дело рук ее любезного друга Кайрата, и хотя пока не понимала мотивов его действий, но уже ненавидела барона всем сердцем. А еще она помнила изуродованную рабыню, и это никак не приближало Линя к долгой и счастливой жизни. Виктория смотрела в небо и придумывала для барона самые извращенные смерти... много смертей... очень много... Она знала, что никогда не сделает того, о чем мечтала, но думать об этом было приятно, поэтому губы контя кривила довольная улыбка. Если бы Линь умел читать мысли...

Раздался протяжный крик — вой, от которого по лицам окружающих прокатилась волна ужаса. Линь резко оглянулся, и она заметила в его глазах страх.

— Брат Искореняющий умеет спрашивать, — с нервным смешком произнес кир Кайрат, опуская руку на рукоять меча, словно ища в нем защиты. — Не знаешь, кто он?

Виктория вопроса не поняла, поэтому молча покачала головой. Её не покидало ощущение, что нельзя просто сидеть, сложа руки, что надо как можно быстрее воссоздать картину событий и действовать, уже исходя из этого. Жажда деятельности прямо — таки распирала ее. Барон еще постоял рядом, затем, сославшись на неотложные дела, наконец — то уехал, прихватив с собой своих воинов и часть рабов. К Виктории подошел Рэй.

— Что узнал? — нетерпеливо спросил конт.

— Мы смогли проследить следы до развилки, там у них была встреча с игушами, затем трое ушли в горы, а разбойник ускакал в сторону моря.

— Откуда знаешь про игушей?

— Вы же видели их коней, у них копыта в два раза меньше чем у равнинников. Думаю, тот, кто забрал парня, продал его горцам, — зло буркнул Рэй, стукнув кулаком по дереву и прислушиваясь к воплям, раздающимся со стороны поляны, куда свели пленных. — Можно нагнать, да мало нас для боя. Здесь лучше хитростью действовать.

— Волк? — отрывисто спросил конт.

— Не, скорее племя Черного Ястреба. Что будем делать, кир Алан? Берт хороший парень, но стоит ли рисковать ради него?

— Стоит, Рэй. Каждый мой человек должен знать, что конт Валлид не бросает своих, — уверенно произнес Алан. А как иначе?

— Тогда, может, я возьму гарнизон и вдарю по срамникам?

— Как ты назвал горцев? — Такого слова она еще не слышала.

— Срамники и есть, — сплюнул Рэй. — Дикие люди. У них даже богов своих нет, взывают к духам. Так что, скачем в замок за подмогой?

Виктория отрицательно покачала головой, оголять Кровь она не хотела. Может быть, враг только этого и ждет? И нападет, когда в замке не останется воинов? Паранойя — это то, что помогает выжить, и пренебрегать ею она не собиралась, по крайней мере на этой стадии.

Крики перешли в захлебывающийся плач и резко стихли, а спустя минуту к ним подошел Искореняющий, на ходу стирая желтой тряпкой кровь с длинного тонкого шила. Виктория, прищурившись, наблюдала за ним, едва сдерживаясь, чтобы не схватить ксена за плечи и не вытрясти из него информацию.

— Болт — это главарь шайки — с кем — то встречался два дня назад и, когда приехал со встречи, был очень доволен. Сказал, что если удастся повернуть одно дельце, то ватагу никто не тронет, еще и заплатят золотом. Они должны были схватить какого — то благородного и передать его посланникам в месте встречи. Главарь с тройкой верных людей еще вчера ушел из ватаги. Считаю, он просто кинул поделщиков нам на расправу, а сам выкупил себе свободу в обмен на вашу жизнь. Думаю, после того как пленить конту ему не удалось, он прихватил безоружного Берта. Возможно, те, кому он должен был отдать пленника, не знали, как он выглядит? А может, им было все равно. Это все, что мне удалось узнать.

— Рэй. — Алан повернулся к капитану, приняв решение. — Бери двоих бойцов, запасных коней и доставь мне этого сбежавшего Болта.

— За шею приволоку ватажника, — потряс кулаком воин.

— Живым, Рэй! Я хочу сам его убить, — проскрежетал зубами конт. — По его вине мы потеряли двоих наших товарищей, убитых подло, из засады, в спину. — Виктория не стала уточнять, что этот способ умерщвления себе подобных у нее тоже значится в любимых. Что позволено Юпитеру, не позволено быку.

Через час, погрузив убитых на лошадей, они отправились в обратный путь. Пленных хитро связали за шеи одной длинной веревкой, и они бежали следом под присмотром воинов. Изредка раздавался свист кнута и крики, слыша которые Виктория испытывала неприятный холод между лопаток, но затем один из воинов рассказал, сколько бед успела принести банда, и она перестала обращать на это внимание.

Они уже проехали развилку Висяка, когда впереди показался купеческий обоз, его сопровождал большой отряд наемников. К конту подъехал один из воинов его гарнизона.

— Кир Алан, купцы спрашивают, не продаете ли вы рабов?

Виктория растерялась — пленные ей были не нужны, но и продавать огульно людей в рабство она была не готова. А вдруг не все они злодеи? Может быть, у некоторых не было выбора? И как поступить? Как отличить беглого раба, не выдержавшего издевательств

садиста хозяина, от маньяка — убийцы, с радостью калечащего своих жертв? Видно, воин, терпеливо ожидающий ответа конта, что — то понял по выражению его лица, потому что он склонился в сторону господина и тихо произнес:

— А вы попросите брата Искореняющего.

Виктория с любопытством наблюдала за ксеном, который медленно шел вдоль строя пленников, пристально вглядываясь в глаза каждого из них. Напротив некоторых он останавливался, и она видела, как бледнели и покрывались испариной здоровые бородатые мужики. Ксен уже дошел почти до конца шеренги, оставался всего один молодой перепуганный парень, как вдруг Искореняющий резко развернулся, в воздухе мелькнул клинок, и один из разбойников упал в пыль с перерезанным горлом. Он потянул за собой связывающую пленников веревку, и остальным, чтобы не быть удушенным, пришлось сесть на землю.

— Отвяжите этого, — Алвис ткнул пальцем в последнего парня, — остальных клеймить и продать в каменоломни. Отдайте конту Валлид за всех пять золотых.

Его приказ был выполнен молниеносно, никто не задавал вопросов, не спорил и не оспаривал результатов «теста». Купцы, не торгуясь, отсчитали деньги и с поклоном вручили конту приятно — тяжелый кожаный мешочек, при этом лица у них были очень довольные, явно заработают хорошо на этой сделке. Это здесь, на фронтире, жизнь ничего не стоила, а на континенте рабы ценились очень высоко, особенно молодые и здоровые мужчины. Впрочем, для каменоломней отлично шел и бросовый товар — старики и дети.

Ксен вновь натянул на себя сутану, спрятав лицо под глубоким капюшоном. Его буланный конь шел рядом с жеребцом конта, и Алан бросал на Искореняющего взгляды исподлобья. Черт, да кто же он такой? Что могут Искореняющие, и отчего их так все боятся? Пока Виктория не видела ничего необычного в действиях ксена. Мысли перескочили на Берта, жив ли он?

— Брат Алвис, — начал конт разговор, чтобы отвлечься от тяжелых дум. — Почему ты убил того разбойника?

— Его дух несет столько крови, что никогда не сможет подняться к реке Забвения. Такие слуги не нужны даже Вадию, — ответил глухой голос из — под капюшона. — Я его наказал вечным скитанием без упокоения.

— Откуда ты это знаешь?

Ксен откинул капюшон и внимательно посмотрел на конта, от его взгляда мужское тело словно окунули в кипяток. Виктории показалось, что глаза Алвиса увеличились в размере и засветились серебром. Разве такое может быть? Наверное, игра солнечных лучей, проскальзывающих сквозь листву. Она тряхнула головой, отгоняя видение, и скептически поинтересовалась:

— Много увидел?

— Достаточно, — чуть приподнял уголки губ Алвис. — Конт Валлид честолобив, хитер и умен, обладает незаурядным характером, у него есть секрет, о котором он не расскажет даже на исповеди Наместнику, не говоря уж о простом Искореняющем.

— Отчего же, — задумчиво произнес конт, — может быть и расскажу, если...

— Если что?

— Если простой Искореняющий сможет стать моим другом. Это все, что ты увидел?

— Еще конт влюблен. — Искореняющий накинул капюшон на голову, но не успел скрыть легкую улыбку. — И очень переживает за своего глупого слугу.

— Чтобы это увидеть, не обязательно быть Искореняющим, — фыркнул конт.

— Возможно. Но у конта нет прошлого, только настоящее и будущее, он не только учится заново речи, вся его жизнь пишется заново. — Ксен толкнул коня пятками,

оставляя Алана в задумчивом одиночестве переваривать услышанное.

Телепатия? Эмпатия? Гипноз? Ни один из ответов Виктории не нравился. Рано она занесла ксена в список потенциальных друзей, пожалуй, нужно вернуть его в графу «Опасные знакомства». До самого замка они больше не произнесли ни слова.

Первой навстречу их поредевшему отряду выбежала Кусь, дождавшись, когда конт спрыгнет с седла, она попыталась лизнуть его в лицо, всем своим видом показывая, как рада встрече. Сука весила килограмм сорок, и ее прыжки ощутимо отдавались в теле.

— Я тоже рад тебя видеть, — отпихивал конт от себя голову лезущей целоваться тау.

Но Кусь не унималась и все же умудрилась уронить любимого мужчину на землю и восторженно облизать обожаемое лицо, несмотря на попытки самого лучшего в мире хозяина увернуться от этой сомнительно чести. «Почему ты не взял меня с собой?» — возмущенно спрашивали желтые глаза, нависая над лежащим контом, и Алану под дружный смех воинов пришлось пообещать тау, что в следующий раз без нее он из замка не выедет, и вообще — она самая любимая тау. Только после этого Кусь соизволила отойти в сторону, давая конту возможность встать.

Раб забрал коня и повел его в конюшню, и Виктория наконец — то смогла осмотреться. Земля вдоль забора была перекопана и заровнена. На крыльце кухни, словно капитан на мостике флагмана, скрестив руки на груди возвышалась Райка, из — за ее плеча выглядывала пунцовая Светика. А через двор к конту бежал Ольт, таща на буксире стесняющегося Дара. По спине словно сквозняком подул, Виктория перевела взгляд на пристройку. В двери стояла бледная Нанни, зажав рот руками, она с ужасом смотрела на спешившихся воинов, сгружающих с лошадей закутанные в плащи тела.

— Пленника к рабам, погибших — в храм, пусть брат Взывающий ими займется, — приказал Алан, замечая брата Турида, который торопливо шел в их сторону, размахивая руками. — Всем мыться, обедать и отдыхать, разрешаю выпить по кружке вина.

Она сжала зубы и повернулась к Нанни, махнув мальчишкам, чтобы подождали. Ольт тоже увидел тела, побледнел, с испугом переводя взгляд с одного лица на другое, пытаясь вычислить, кого не хватает. Погибших понесли в храм, следом устремились взволнованные женщины, на ходу расспрашивая воинов. А Виктория на негнувшихся ногах шла к Нанни, которая так и стояла в дверях, уцепившись белыми пальцами за косяк.

Самое страшное для живых — это принести матери погибшего воина скорбное известие. Как можно утешить мать, потерявшую ребенка? Как можно убрать невыносимую, раздирающую боль, которая рвет сознание на части, которая несравнима с болью физической? Ты стоишь перед нею живой и поэтому чувствуешь себя виноватым, а ее сына больше нет, и никогда он не переступит порог родительского дома. Для нее это утрата навеки, и любые слова утешения для убитой горем матери — это пустые звуки. Берт был жив, Виктория очень на это надеялась, всю дорогу отгоняя от себя темные видения, даже не допуская мысли о том, что с ним может случиться несчастье. А если он жив, она вытащит его из любого плена, выкупит из любого рабства. И пусть Берт — трепло, бабник и разгильдяй, но он — ее трепло, бабник и разгильдяй, ее человек, а Виктория Викторовна Вавилова никогда своих не бросает. Злость на виновных в похищении Берта вытеснила из желудка беспокойство и жалость, к Нанни подошел не испытывающий чувство вины мужчина, а собранный, хладнокровный владетель.

— Нанни, он жив, но в плену.

Женщина всхлипнула и вдруг начала оседать, схватившись одной рукой за сердце, конт едва успел подхватить ее на руки.

— Друида! — заорал он, ногой распахивая дверь и врываясь в первую же комнату.

Виктория испугалась. Если это сердце, то что они смогут в этих условиях?

— Нанни, не смей! Слышишь меня? Не смей умирать! Я тебе этого не прощу! — шептал конт, осторожно укладывая женщину на чью — то кровать. — Где лекарь? — заорал он в раскрытую дверь. — Воды! Принесите воды! Чтоб вас дьявол побрал! — выругался Алан

по — русски.

В комнату испуганно зашел Дар с глиняной кружкой, Виктория выхватила у него кружку и недолго думая выплеснула ее содержимое Нанни в лицо. Женщина тихонько застонала.

— Дар, еще! И найдите друиду!

— Её Ольт ищет, кир Алан, — тоненько ответил мальчишка, втянув голову в плечи и словно скукожившись.

— Папа, а не кир. — Конт поманил к себе Дара и, пока никто не видит, крепко его обнял. — Я твой отец, — шепнул он ему на ухо. — Беги, принеси еще воды.

Мальчик смущенно кивнул и с облегчением выбежал из комнаты. Папа... придется привыкать, что теперь она папа, а не мама, и не тискать сына на виду у всех, да и наедине нужно следить за собой.

В комнату вошла друида — бледная, осунувшаяся, с синяками под глазами. Ворожея тяжело опиралась на плечо Ольта, но взгляд зеленых глаз был ясным, следом за ними прошмыгнула девочка в рабском платье, она несла пахнущий травами мешочек и кружку с горячей водой.

— Да что с вами всеми приключилось! — не сдержался Алан, взмахивая руками. — И ты? Ты тоже заболела? — Ворожея по — кошачьи фыркнула, и Виктории стало стыдно. Как она могла забыть? Друида потеряла силы, когда делала для нее оберег. Сегодня утром она даже разговаривать не могла. — Прости, — покался конт. — Но не к кому больше обратиться. Нанни перенервничала из — за Берта. Когда она очнется, скажи ей, что я его вытащу из плена, скажи, что Рэй гонится за разбойником, похитившим его, скажи, что я клянусь честью, что не брошу Берта.

Друида кивнула и знаками показала, чтобы конт уходил и Ольта с собой прихватил. Виктория не заставила себя упрашивать, а малодушно ретировалась, чтобы не видеть горя в глазах Нанни.

Конт помылся в мыльне с помощью Ольта, но ему пришлось долго сидеть в холодном предбаннике, пока мальчишка найдет и принесет чистую одежду. В итоге он принес халат и замшевые полусапожки, потому что не нашел, где Берт хранит хозяйский гардероб. Поужинать Алан хотел в спальне, собираясь по пути зайти к игушу, поговорить об обычаях горцев и о племени Черного Ястреба. Рэя расспросить Виктория не успела, да и не до того было. Однако стоило конту появиться во дворе, как его остановил Взывающий и угрюмо сообщил, что поминальный костер готов, и ждут только его — хозяина Крови. Слава Ирию, заплаканная Эльса принесла почти голому конту штаны и красную рубаху, очень напоминающую Виктории цыганский наряд, пришлось спешно переодеваться и выходить за ворота. Там уже ждали контесса Литина в красном платье и испуганный, гладко причесанный Дар в такой же рубашке, как у отца. Кирена улыбнулась мужу, он предложил ей руку, второй ухватил Дара за трясущуюся ладонь и решительно направился к стоящему в отдалении брату Взывающему. Красный цвет преобладал в одеждах присутствующих на похоронах, и Виктории поняла, что это — цвет траура.

Погребальные костры сложили сразу за крепостной стеной. Никто не плакал, наоборот, со всех сторон звучали пожелания легкого путешествия в мир Вадия, некоторые передавали приветы своим близким, мужчины давали мертвым скабрзные советы, как им стоит развлечься на другом берегу реки Забвения. Виктории все это было внове, и она с любопытством крутила головой. А потом был общий поминальный стол из составленных в ряд козел, накрытых деревянными щитами. За него пригласили даже рабов, правда, посадили их отдельно — в самом конце, и угощение на их столах было значительно скромнее, чем на половине, где сидела семья контя.

Ни Нанни, ни друиды, ни брата Искореняющего за столом не было, что не ускользнуло от взгляда контя. Ладно женщины, но где слуга божий? Разве он не должен помочь духам умерших переправиться на другой берег? В голову тотчас полезли подозрения. Виктория собиралась спросить Взывающего, куда подевался Алвис, но ксен словно чувствовал и старательно избегал контя. Ну и черт с ними! Она устала, как же она

устала! Выпитый бокал вина вызвал непреодолимую сонливость, и конт постарался незаметно исчезнуть из — за стола. Незаметно не получилось...

— Кир Алан. — Куда подевался бойкий голосок Светики? — Кир Алан, простите меня, бестолковую дуреху!

Девушка ждала его у двери в спальню с охапкой постельного белья и начала громко каяться, как только конт появился у лестницы. Воин, несший караул у двери в комнату игуша растянул рот в улыбке, наблюдая бесплатное шоу. Виктория ему даже позавидовала, стражнику — развлечение, а ей, вместо того чтобы упасть в кровать, выслушивай перепуганную глупышку.

— Я же не знала, что вы конт, думала, что воин с дежурства сменился. А вы... вы даже не сказали, а я вас по руке. — Девушка захлопала носом. — И совочком чуть не ударила, да мне не жалко тех яблок было, вы не подумайте, хотите я вам миску начищу? Только не выгоняйте. — На последних словах Светика «пустила петуха».

— Да не сержусь я, — улыбнулся конт, заходя в комнату.

— Честно? — служанка моментально перестала плакать, не дожидаясь приглашения проскользнула в комнату, зажгла свечи от настенного факела в коридоре и принялась перестилать постель. — Пока Берта нет, я вам прислуживать буду. Вы сразу меня зовите, если вам что — то понадобится. Вот! — Она расправила простыню и повернулась к конту. — Давайте я помогу вам раздеться. А потом вы ляжете, а я вам спинку почухаю, чтобы спалось хорошо. Мне мамка всегда спинку чухала, когда я была маленькая.

Виктория про себя хохотала, она видела Светику насквозь, сама такой была много лет назад. Молодой и самоуверенной, и считала, что мужчины постарше покупаются на ее хитроумные планы по завоеванию их сердец, а не на ее молодое тело и смазливую мордашку, не понимая, что они просто принимали правила игры и делали вид, что не осознают, кто кого на самом деле ловит на наживку. Спинку она конту погладит! А может согласиться? Фигурка у нее очень аппетитная, и телу нравится. Телу может и нравится, а вот мозгам нет, одернула она себя. Так и до раздвоения личности недалеко. Мужское тело, реагирующее на смазливых девиц и женская психика, не приемлющая этих самых девиц как сексуальный объект. Здравствуй шиза!

— Милая, сегодня я слишком устал. — Конт обнял Светику за плечи, чмокнул в щеку и подвел к двери. — Разбуди меня на рассвете.

Спала Виктория отвратительно. Постоянно просыпалась, прокручивая в уме прошедший бой и события, следующие за ним, в голову лезли мрачные мысли: не слишком ли мало людей поехало с капитаном, жив ли Берт, как себя чувствует Нанни, что узнал Алвис? И вновь по кругу... Заснула она лишь под утро и проспала почти до полудня. Светика попыталась разбудить конту на рассвете, но была обругана и выставлена за дверь.

Рэй появился лишь к обеду. Весь в крови, на взмыленной лошади, но счастливый, словно выиграл в лотерею миллион. Через седло одного из заводных коней было перекинута тело.

— Взяли Болта, — довольно сообщил он, когда Виктория поспешила к нему навстречу. — Только упертый, урод, говорить не хочет.

— В пыточную, — коротко бросил конт. — И позовите Искореняющего, это по его части.

Рэй сбросил пленника с лошади, парой сильных пинков привел тело в вертикальное положение и погнал разбойника в тюрьму.

— Кир Алан, — подбежал воин, которого конт послал за Алвисом. — Брата Искореняющего нет в замке. Он уехал вчера спустя рыску после того, как вы вернулись, и с тех пор не появлялся.

— Кто — нибудь знает, куда он направился? — подозрения начали множиться, словно многоголовая гидра, стоило отместить одно, как на его месте возникало несколько других.

Воин лишь руками развел.

Делать нечего, придется самой допросить пленника. «Соберись! Ты сможешь», — приказала себе Виктория, направляясь в подвал под донжоном, на ходу отдавая приказы спешащему за ней воину:

— Палача ко мне! — Пропади оно все пропадом! Разве этого она хотела? — И скажи Рэю, чтобы не уходил.

Перед входом в тюрьму она задержалась, сделала несколько глубоких вдохов, замедляя ускорившееся сердцебиение, и решительно шагнула за порог. Болт — бандит, убийца и садист, и от его признаний зависит её жизнь и жизнь её людей, так от чего она раздумывает? Здесь нет «сыворотки правды» или других психотропных препаратов, способных развязать язык, поэтому действовать придется по старинке — тонкой иглой и раскаленным железом. Но не забыть поинтересоваться у друиды, вдруг в этом мире тоже растет конопля?

ГЛАВА 8

Девять дней трудились братья, а на десятый

отправились в Небесные чертоги отдыхать.

Похвалил Отец их и дал каждому по мечу волшебному

и силой наделил их.

Золотой меч Ирия мог разить врагов молниями,

а черный меч Вадия мог поглощать тьму и насылать ночь.

Сошлись братья в бою шутиливом, и ни один из них не победил.

И сказал Отец — Небо: «Сила ваша равна,

и быть вам неразлучными соперниками во всем и всегда».

— Видать наш конт еще после болезни не отошел, сбледнел чего — то, а раньше сам любил с пленниками поразвлечься.

Рэй и замковый палач посторонились, пропуская двух рабов, которые выносили из тюрьмы завернутое в рогожу тело. Труп закопают за воротами у выгребной ямы, чтобы дух мерзавца никогда не смог найти дорогу в царство Вадия.

— Может, правду бабы болтают, а капитан? — продолжил палач прерванный разговор, пытаясь оттереть наклюявленным пальцем рыжее пятно на рукаве рубашки. — Будто старый конт не любил сына и анчуту на него насрал, а как помер, и тварь исчезла?

— Бабы — дуры, — хмыкнул Рэй, выуживая из кармана здоровенную кривую морковку. — И ты дурак, коль бабские сплетни слушаешь, будь в молодом Валлид анчута, брат Взывающий давно бы определил. Я так мыслю — как юный Алан надел цепь владельца Крови, так он и изменился. Ответственность — она всех делает взрослее.

Мужчины замолчали, каждый думая о своем. Рэй хрумкал морковкой, с одобрением поглядывая на Райку, которая развешивала на натянутой между двумя столбами веревке выстиранные полотенца.

— Эх, хороша! — Проследил за его взглядом палач. — Завтра же день Маруаны, уже выбрал, с кем на сеновал пойдешь?

Рэй усмехнулся в бороду. Выбрать — то он выбрал, да как бы мокрым полотенцем по роже не получить, как в прошлом году. Капитан отбросил морковный хвостик в сторону и, широко зевая, усмехнулся.

— Я поближе к котлам, ты же знаешь.

Мужчины переглянулись и заржали. Эту историю знали все старожилы. Когда они только прибыли на фронтир, Рэй приударил за тогдашней кухаркой, и перед праздником, расчесав бороду и смочив кудри водой, пришел к ней с медным колечком в кармане, чтобы заранее договориться о свидании на праздник. Девушка отнеслась к нему благосклонно, но пожаловалась, что не успевает отмыть котлы. В то время слуг было мало, рабов еще меньше, и Рэй, в предвкушении приятного дня и не менее приятной ночи, тут же вызвался помочь. Кухарка оказалась ушлой и задействовала добровольного помощника в полную силу. Ночь он провел на кухне, начищая до блеска котлы и чугунки, а утром вдруг осознал, что ни сил, ни желания идти на гульбища у него нет. Так девица его и не дождалась, а воин счастливо проспал весь день в казарме.

— Мне нужно немного позитива, — пробормотала Виктория по — русски, выходя из подземелья и вдыхая полной грудью воздух. — А думать я буду потом. Все потом... Боже, как я хочу напиться! Может, изобрести самогонный аппарат?

Так, бубня себе под нос, она просто шла, не обращая внимания на воина, который по кивку капитана пристроился конту в спину и на слуг, которые начинали кланяться еще

издали. Очнулась она лишь у красной скалы, с которой несколько дней назад на голову конту свалился камень. Виктория подняла голову, оглядываясь. Из верхнего окна донжона торчали плечи большого стационарного арбалета, направленного в сторону скалы. Рядом с ним мелькала голова стража. Значит, Рэй все же озаботился наблюдением за опасным местом. Надо разметить наверху место под строительство постоянного поста, этим сейчас она и займется.

— Кир Алан, — раздался сзади мужской голос. — Не рисковали бы вы. Коли вам надо на верх, то тропа есть окружная, на коне за рыску доберетесь.

Виктория оглянулась. Воин, который ходил за контом тенью, обеспокоенно смотрел на сумасшедшего хозяина.

— А как сорветесь? Вона какая высота.

— Не сорвусь. Принеси веревки.

Воин покачал головой, но приказ выполнил. Виктория не сомневалась, стоит ей оторваться от земли, как Рэй будет знать, что его чокнутый воспитанник вновь полез Вадий знает куда.

Конт потянулся и ухватился за первый выступ. Сосредоточившись на подъеме, Виктория наконец — то смогла прогнать из памяти видения растянутого на дыбе грязного тела.

Наверху ничего не изменилось — острые скалы, поросшие редким кустарником, и глубокая синева над головой. Она нашла относительно плоский валун, стянула с плеч мокрую от пота рубаху и улеглась разгоряченной спиной на теплый камень, глядя в небо.

Вожак бандитов знал не так уж и много. С заказчиком он повстречался в «Лесном Коте». Рэй сказал, что это постоянный двор в дне пути от Крови. Клиент сам подошел к Болту пять дней назад. Лицо он прятал под капюшоном плаща, но бандит клялся обоими богами, что мужчина — выходец из Мирии. Болта заинтересовал легкий акцент, и он постарался разузнать о заказчике как можно больше. Одна из служанок за пару монеток поведала, что незнакомец появился в едальне за рыску до них и сразу ввязался в драку с одним из завсегдатаев. Положил он задиру одним ударом руки по горлу, но, когда дрался, капюшон сполз, и она рассмотрела карие глаза и черные волосы. А еще у него была татуировка на внешней стороне предплечья — широкий полукруг, больше девушка рассматривать не успела, слишком быстро заказчик опустил рукав плаща. Он предупредил Болта, что его банда будет уничтожена, и предложил выкупить жизнь в обмен на жизни двоих — конта Алана Валлид и его доверенного слуги Берта. Конта желательно было взять живым и доставить в бухту Острых Зубов. Если живым не выйдет, то прирезать, отрубить правую ногу до колена и передать ее посланнику, который будет ждать в условленном месте. Берта убить на месте. Незнакомец пообещал, что конт будет с малым отрядом, и точно указал место, где его нужно ждать. Предупредил, что Валлид левша, прекрасно владеет двуручником и пообещал заплатить десять золотых за конта живого и пять за его ногу. Ватажник согласился. Но он не собирался рисковать своей жизнью и выступать против Валлид в одиночку. Три года в дружине одного из баронов, пять лет в наемниках сделали его хорошим мечником, но не настолько хорошим, чтобы противостоять конту, которого учили владеть мечом с детства, поэтому Болт отобрал пятерку самых доверенных людей, бросив остальных на расправу барону Линя. Они успели перепрятать общак, но когда Болт отправил подельников за контом и вернулся за казной, он нашел пустой тайник. Двое из разбойников оказались хитрее главаря. Да еще и конта взять не получилось. Но как говорят местные — лучше крепкие лапти, чем дырявые сапоги, поэтому, оставшись один, ватажник решил получить хоть что — то. Берта он продал в рабство за полтора золотых. Назвал цену в расчете на долгий торг, но горцы расплатились не торгуясь, что было на них вообще не похоже. Этот момент больше всего поразил Рэя, и он выдвинул сразу несколько версий. Первая и самая обнадеживающая — горцы знают, что это любимый слуга Бешеного Алана и рассчитывают на большой выкуп, а значит, постараются до переговоров сохранить Берта в целости и сохранности. Вторая — вожди хотят узнать, как можно взять Кровь, замок ведь стоит на землях племени Черного Ястреба, а значит, церемониться с Бертом они не будут. После того, что она увидела в пыточной, эта версия пугала Викторию больше всего. А еще Рэй с совершенно серьезным видом предположил, что этим козапасам просто понравился белобрысый красавчик, и они купили его для утех. Увидев

перекошенное лицо конта, он быстро добавил, что, может, Берта просто пустят на разведение. Есть, мол, у них обычай такой — вливать в племя кровь со стороны, отдавая симпатичных пленников самым страшеньким женщинам, чтобы улучшить породу. Этот вариант нравился Виктории еще меньше, чем второй.

Болта же не волновало, что сделают с рабом, он взял свои деньги и попытался скрыться, уверенный, что из — за какого — то слуги никто не будет поднимать шума. Он ошибся, за что и поплатился собственной никчемной жизнью.

Заказчик был мирийцем... Только одного кареглазого мирийца знала Виктория, и он появился в Крови пять дней назад, а исчез из замка сразу же после похищения Берта. Но если это Алвис, то почему не дал разбойникам осуществить задуманное? Что произошло за эти пять дней, заставив Искореняющего поменять планы? Ничего в голову не приходило, кроме одного: Алвис делал заказ, еще не зная, что конт Валлид очнулся после болезни совершенно другим человеком. Выходит, он менял план на ходу, а это означает, что новый конт устраивает Храм больше. Знать бы еще зачем? Судя по всему, Наместник не собирается смещать нынешнего регента, а значит, как король Алан их не интересуется, но, возможно, они опасаются, что конт сам придет требовать свой трон? Поэтому и брат Турид торчит безвылазно на фронтире. Хотя обычно ксены его уровня не задерживаются в глуши больше чем на два — три года.

И что там не так с правой ногой? Больших зеркал в Крови не было, а в маленькое Виктория смогла рассмотреть лишь «фасад» и никаких особых примет не обнаружила. Она стянула с правой ноги сапог и чулок, задрала вверх штанину и вылупилась на ногу. Что в ней такого, что именно эту часть ее тела хотел получить заказчик? Нога как нога. Отвратительная волосатая мужская нога! Где ее маленькие изящные ступни с аккуратным педикюром? Виктория тихонько завывала. Она все еще не воспринимала это ненавистное чужое тело своим, хотя все чаще думала о себе как о мужчине. Ей все время казалось, что просто нужно сделать усилие и проснуться, что все происходящее не более чем затянувшийся кошмар. Разлад между телом и душой доставлял невыносимые муки, и больше всего на свете она боялась в один из дней сойти с ума. Именно поэтому она так и торопилась жить, нагружая себя до изнеможения, чтобы не было времени и сил думать. Вот и сейчас — долой глупые мысли!

Так что же не так с ногой? Виктория вывернула её под углом, чтобы рассмотреть сзади, и сразу все стало ясно. На икре виднелась большая плоская родинка в виде неправильной звезды. Значит, тот, кто заказал конта Валлид, точно знал, как выглядит родимое пятно, а это возвращает нас вновь в замок. Хотя, что думать? Если ее заказали храмовники, то такие мелочи они должны были знать из донесений брата Взывающего. Нет, но какие сволочи! Ладно убрать конта, но детей зачем убивать?

От камня разливалось тепло и спокойствие, где — то вдали свистела птица, то затихая на мгновение, то вновь начиная переливчато посвистывать. На Викторию накатила усталость, и она прикрыла глаза.

— Об этой родинке знает любой, кто хоть раз видел конта голым, а таких наберется не один десяток. Не обязательно это должен быть Взывающий, — раздался приятный мужской баритон, и кто — то опустился на камень рядом. Она не испугалась, лишь лениво повернула голову в сторону говорившего. Курчавый улыбающийся парень с маленькими рожками и огненными глазами. — Привет, Алан.

— Привет. — Где — то она уже видела этот ироничный взгляд. — А я тебя помню, ты вышел из стены, когда мне чистили рану на боку.

— Ты так громко зывал, что я не устоял. — Черт весело оскалился.

— Ты — Вадий?

— «Часть силы той, что без числа творит добро, желая зла. Я дух, всегда привыкший отрицать», — процитировал незнакомец. — Это твой сон, и если тебе нравится так меня называть, я не возражаю. Послушай, тебе не кажется, что Храм слишком откровенно вмешивается в твои дела? Ты не замечаешь, что они направляют все твои действия, лишая выбора? Может быть, пора перерезать нити и из марионетки превратиться в кукловода? Взять то, что принадлежит тебе по праву рождения? А не ждать, когда убьют твоего последнего отпрыска, а тебя превратят в козла отпущения? У тебя больше прав на

трон, чем у кого бы то ни было, и родимое пятно в виде звезды — лучшее тому доказательство. Считается, что такие родинки встречались только у представителей последней королевской династии. Мы в средневековье, детка, а здесь как в индийском кино — у кого родинка, тот и король. — Он весело оскалился, обнажая крупные белоснежные зубы. — Галендас — одно из сильнейших королевств на этом континенте, но ему не хватает сильного и мудрого правителя. Правителя — просвещённого воина, который приведет эту страну к процветанию.

— Меня это не интересует, — сразу отрекалась от сомнительной чести Виктория. — Оставь свои патриотические лозунги для других.

— «Из лени человек впадает в спячку». Ты сможешь отменить рабство и ограничить власть храмовников. Пока именно они правят государством, именно в их руках сосредоточены все деньги страны, именно они решают, с кем воевать, а кому бросить кость. Они раздают земли, уничтожают неугодные рода, тормозят развитие науки и ремесел. Храм взял слишком много власти, казна пуста, зато Наместник и его приближенные купаются в роскоши. Они забыли, каким богам служат. Ты ведь помнишь тамплиеров?

Она помнила, и помнила, чем закончилась война Филиппа 1V против Ордена. Проклятие вместо денег.

— Именно! — воскликнул Вадий, — Поэтому действовать нужно хитростью. Во — первых, создать здесь, на фронтире, сильную базу, обрести союзников, увеличить войско и провести его реформу, как ты и собирался сделать. Во — вторых, завоевать баронство Линь, обеспечив себе выход к морю, хотя есть и другой путь, можно просто убить Линя, а заодно...

— Остановись! — Виктория подняла руку. — Зачем мне это? — Перспективы, конечно, заманчивы, но править государством? Этому ее не учили.

— А разве тебе не хотелось попробовать себя в роли правителя? Разве не ты утверждал, что миром должны править женщины? — В голосе рогатого гостя Виктория почувствовала усмешку. — Неужели я ошибся, и ты собираешься всю оставшуюся жизнь прозябать здесь, на фронтире, под присмотром этого фанатика Турида? Окруженный алчными и завистливыми неудачниками, рядом с толстухой женой? Вместо того чтобы жить на полную катушку, ты предпочтешь существование? Не разочаровывай меня Алан, я предлагаю тебе власть, свободу, независимость. Ты сможешь дать людям больше, чем закостенелый фанатик, правящий нынче государством. Подумай над моими словами, — Вадий потянулся и легко поднялся на ноги. — И озаботься своей безопасностью, я, конечно, присмотрю за тобой, но все же... До встречи!

Виктория открыла глаза. Пригелась на солнышке и даже не заметила, как задремала на теплом камне. Все же подсознание — великая вещь, то, что она смутно желала, но боялась себе в этом признаться, пришло во сне в виде курчавого черта в майке и джинсах. Вадий это или просто облик, навеянный какими — то воспоминаниями — не важно. Важно, что он озвучил ее сокровенные мысли. Нет, становиться правителем ей совершенно не хочется, но позволить себе жить без оглядки на храмовников она не откажется. И пойдет к этой цели совсем другим путем. Без советов подсознания, цитирующего наизусть Фауста. Интересно, из каких недр памяти это всплыло? Гете она читала еще в школе. Все же правду говорят — мозг ничего и никогда не забывает.

Но что же делать с ксенами? Да пошли они все к дьяволу! Ведь ее подсознание, принявшее такой необычный образ, право — до сих пор на ее решения постоянно косвенно влияли, все, что она делала, делалось с оглядкой, и не всегда она поступала так, как хотелось именно ей. Хватит осторожничать, мужчина она или нет, в конце концов! Виктория задумалась, а ведь действительно, последнее время она все чаще ощущала себя контом Аланом Валлид, а не Вавиловой Викторией Викторовной. Говорят, душа бесполо и как должное принимает любой образ, возможно, и ее ждут радикальные перемены в сознании? И со временем она сможет принять это тело и почувствовать его своим?

Конт набрал камней и разметил площадку под будущую сторожевую будку. Затем прикинул расстояние от наивысшей точки донжона до того места, где он сейчас находился, разница в высоте составляла не более трех метров. Если правильно

рассчитать траекторию и натяжение веревок, то спуск с донжона на скалу займет несколько секунд, правда, придется спилить несколько веток у росшего на пути дерева. При этом Алан хищно усмехнулся, представляя радость воинов во время тренировок.

Спускался конт вниз простым спортивным способом — перекинув веревку через спину и обмотав правую руку петлей. Внизу его терпеливо ожидали воин, имя которого конт так и не узнал, и Светика с подносом, на котором стояли кувшин, кружка и лежал большой кусок мяса на пышной лепешке. Чуть в сторонке шушукалась троица мальчишек — Дар с огромными восторженными глазами, деловой Ольт, посматривающий на весчанина с легким превосходством, и серьезный Тур, внимательно рассматривающий скалу. Ох, какой знакомый взгляд. Виктория готова была поклясться, что мальчишка при первом же удобном случае попытается забраться наверх.

— Даже не думай! — пригрозил конт пальцем, и Тур виновато опустил голову.

— Добрый день, кир Алан. — Свеженькая и румяная Светика светилась под лучами солнца. — Вот, перекусите легонечко, небось проголодались. А я пока сбегая, скажу, чтобы обед накрывали в столовке.

— В столовой, — автоматически поправил Алан. — А что это за суета вокруг?

Только сейчас она заметила, что двор полон народу, в основном женщин. Они мыли окна, мели дорожки, трясли тряпками. Из кухни раздавался зычный голос Райки, раздающей указания.

— Так завтра же день Маруаны! — округлила глазища Светика. — Вот бабы и стараются все дела переделать, наготовить на два дня, убрать, постирать, чтобы завтра делать ничего не пришлось.

— А — а-а... — протянул конт, впиваясь зубами в мясо. — Позови ко мне Санику.

— Ой, а кто это? — Светика потупила глазки.

— Тур, позови Санику, Ольт, приготовь воды помыться и чистую одежду! Дар, скажи игушу, что я хочу с ним поговорить и скоро поднимусь! — крикнул конт. Как же ему не хватает Берта! — Где Рэй?

— Капитан отдыхает, разбудить? — ответил воин, но Виктория отрицательно покачала головой.

— И как отмечают этот Маруанов день?

Весело отмечают. Вадий завещал в этот день бабам не работать, спать допоздна и ни в чем себе не отказывать. А мужикам потакать их желаниям, дарить подарки и всячески улаживать. В пределах разумного, конечно. С вечера сговариваются парочки на праздник, и чаще всего свидание заканчивается в укромном местечке или на сеновале. С утра бабы и девки наряжаются, собираются в доме у самой разбитной вдовицы на посиделки — поют, едят сладости, хвастают рукоделием. Мужчины в это время готовят площадку под гульбище — рубят лавки, ставят столы, заготавливают дрова для вечернего костра, ну и выпивают по чарке вина, как же без этого? А с обеда начинается гулянье: с застольем, песнями, выступлением бродячих артистов, танцами, и так до глубокой ночи. А утром женщин ждут горы грязной посуды, пустые котлы, заляпанные скатерти... В народе праздник называют бабаднем, его любят и почитают в основном за легкую разгульность и вседозволенность. Именно на бабадне вдовцы сговариваются с будущими женами, да и родители парубков присматривают себе невесток.

— Хозяин. — Саника низко поклонился. — Звали?

В глаза он так и не смотрел, стоял, низко опустив голову, и ждал приказаний. Не верит, все еще не верит.

— Погоди маленько. Светика, как Нанни?

— Плачет, — хлюпнула носом служанка. — И друида ушла, травок для спокойствия взять не у кого.

— Когда ушла? — У Виктории неприятно заныл желудок.

— Да сразу за братом Искореняющим и ушла. Сказала, что ей ученицу провести надобно, запрягла свою лошаденку в возок да поехала. Но вы же Берта спасете? Вы такой сильный. — Девушка с надеждой смотрела на конта, теребя кончик пояса.

— Я постараюсь.

— А то у нас все девки за ним плачут, — доверительно сообщила Светика и тут же прыснула в руку. — А больше всех Эльса убивается, она уже свадебный наряд вышивать начала, а тут жених пропал. Бабы над нею потешаются, говорят, что Берт сам к игушам сбежал от такой невесты.

— А он успел сделать ей предложение? — удивился воин.

— Не, — широко улыбнулась Светика. — Но она уверена, что сделает. А сегодня хочет проситься у вас на ярмарку пойти, что у Большой вески будет.

И тут Виктории пришла в голову идея, и она ее тут же озвучила.

— А ты не хочешь на ярмарку?

Светика завизжала от радости и кинулась бы конту на шею, если бы воин ее не придержал за локоть.

— Тогда скажи, чтобы моего жеребца седлали и заложили телегу.

Девушка, радостно подпрыгивая, побежала к кухне, размахивая на ходу пустым подносом, но затем вдруг резко остановилась и повернула к конту лицо с подрагивающими губами. Голубые глаза заполнялись слезами.

— А у меня нет денежек, — шмыгнула она носом. — Я еще не заработала.

От былой радости не осталось и следа. Что делать на ярмарке без денег? Завистливо следить за более счастливыми покупательницами? Такая непосредственность, такой моментальный переход от состояния счастья к горю, такая искренность в эмоциях очень импонировали Виктории. Она улыбнулась, ну не будет же конт портить девчужке праздник из — за такой мелочи.

— Я тебе дам в счет оплаты.

Светика моментально просияла.

— Я отработаю!

— Отдали бы вы ее замуж, господин. Горит ведь девка, — с улыбкой следя за девушкой, произнес воин. Виктория согласно кивнула, вспоминая Берта. Как он там? Жив ли? — Сколько бойцов возьмете, кир Алан? — отвлек ее голос воина.

— Спроси, кому надо на ярмарку, тех и возму, — решил конт, взмахом руки приказывая Санике идти за ним.

В холодной мыльне их уже ждал Ольт, переминаясь с ноги на ногу. Он низко поклонился и тихо вздохнул, бросив на Санiku просящий взгляд, тот ответил ему грозной гримасой, нахмурив светлые брови. Ольт еще ниже склонил голову. Эта пантомима слегка озадачила Викторию.

— В чем дело?

Мальчишка еще больше потупился и, став на колени, начал стягивать с ног конта сапоги.

— Ольт? — Виктория подпустила в голос стали. Парень сжал зубы и молчал, тогда она перевела взгляд на Санiku. — Мне клещами из вас вытягивать ответы?

От этих слов оба вздрогнули, и Виктория поняла, что они истолковали ее слова буквально.

— Хозяин, не обращайтесь внимания. Мальчишеская дурь. Просто некоторые забыли, что они рабы, а не дворянские дети, — глядя на алеющие уши Ольта отчеканил Саника. — Розги помогут вспомнить.

— Они в первую очередь дети, Саника, — мягко произнес Алан. — Рассказывайте.

Все оказалось до банального просто. Ольт отчего — то решил, что Дар тоже едет на ярмарку, и хотел проситься с ним.

Отправив мальчишку с грязной одеждой к прачкам, конт в сопровождении раба прошел в мыльню. Здесь его уже ожидала шайка, полная горячей воды, и ведро с холодной. Ольт выучил привычки господина и знал, что хозяин любит после купания обливаться холодной водой. Саника тоже был вынужден раздеться, и Виктория заметила кроме клейма широкие рваные шрамы пересекающие спину.

— Я знаю, что клеймят лишь преступников, — упираясь руками в лавку и подставляя спину под мочалку, произнес конт. — Как ты попал в рабы?

Рука Саники, натирающая спину хозяина, слегка дрогнула, но он произнес, уходя от прямого ответа.

— Не только. Еще клеймят беглых рабов.

— Плети тоже тогда?

— Да.

— Я приказал?

— Да.

— Отчего бежал? Разве в Крови плохо обращаются с рабами? — Алан забрал мочалку, с остальным телом он вполне справится самостоятельно.

Раб смотрел на него с недоверием, он не верил, что господин все забыл. Каждую рыску Саника ожидал, что конту Валлид надоест играть в доброго хозяина, и он наконец — то снимет маску, рассмеется и прикажет вздернуть на крюках слишком смелого раба. Но конт смотрел на него в ожидании ответа и, похоже, действительно не помнил ничего из прошлой жизни. Но как в это поверить? После всего, что он сделал?

— Теперь все изменилось. А тогда... — И Саника решился, что ему терять, кроме собственной жизни? — Сил не было смотреть, как вы издеваетесь над... ней.

Виктория молча облилась холодной водой и вышла из моечной. Женщина. Все было из — за женщины. Реципиент знал, что они влюблены друг в друга, и специально издевался над девушкой на глазах у ее возлюбленного. И тогда Саника сбежал, надеясь, что виконт оставит в покое его подругу. Его поймали, заклеямили и исполосовали спину, а ее Алан отдал проходящему мимо отряду наемников... Эти воспоминания всплыли в голове сами собой, испортив настроение.

— Прости.

Саника застыл с полотенцем в руках, в его взгляде промелькнула ненависть, но он быстро опустил глаза. Прости... такое короткое слово, неужели конт думает, что оно может что — то изменить?

— Значит так, — Виктория отогнала от себя чужие воспоминания, — ты, Ольт и Тур едете со мной. Можешь взять с собой еще какую — нибудь девочку в компанию нашим охламонам. Составь список необходимой одежды. В первую очередь детской. Прикинь, что еще вам нужно, ну, сам знаешь. Наверное, на одну телегу все не вместится, — задумалась она. — У тебя есть что надеть, кроме этого тряпья?

Саника отрицательно покачал головой, глядя на конт, словно впервые его увидел. Виктория внимательно его осмотрела и кивнула своим мыслям.

— Сиди здесь, я пришлю Ольта с одеждой. Мы с тобой одного роста, должно подойти.

Раб только поклонился, не смея перечить.

— Нанни! — Конт ворвался в комнату кормилицы. — Хватит лить слезы, мы поймали разбойника, который продал моего дорогого братца игушам. — Нанни испуганно прикрыла пухлой ладошкой рот, но конт не дал ей опомниться и возразить. — Я все знаю, но буду молчать, и ты молчи! Жив Берт и здоров. Иверт Ураган на ноги встанет, и отправимся к горцам, ты ведь понимаешь — игушу с игушем легче договориться. — Нанни, ошеломленная его напором, лишь кивнула. — Вытащим мы Берта, не волнуйся, я этого засранца не оставлю. Ему еще на Эльсе жениться. Кстати, как тебе такая партия? — Виктория специально вываливала на женщину сразу много информации, не давая ей сосредоточиться на своем горе, заставляя думать о другом.

— Рано ему еще жениться, — пролепетала сбитая с толку Нанни.

— Думаешь? — озадаченно произнес конт, откидывая с глаз волосы. — А я уже Эльсе пообещал, что не буду возражать, если они захотят сыграть свадьбу.

— Так это еще не окончательное решение? — встрепенулась Нанни, лихорадочно что — то соображая.

Отлично! Именно этого Виктория и добивалась. Теперь голова кормилицы будет занята другим, все же Эльса весьма своеобразная особа, и своим сыновьям Виктория в жизни бы не пожелала такой жены.

— Нет, все еще можно изменить, — ободряюще улыбнулся конт. — День назад я просил вас с Райкой прикинуть, что нам нужно для приема в честь моего контства. Где список?

Женщина вяло махнула рукой в сторону стола. Не давая Нанни опомниться, Алан вихрем пролетел через комнату и подхватил со стола лист бумаги, исписанный крупными печатными буквами. Быстро пробежал его глазами.

— Отлично! А теперь выдай мне золотой запас, — и, увидев непонимание на лице Нанни, с улыбкой пояснил: — Денег дай на расходы.

Женщина встала с большого сундука, на котором лежала, сняла с шеи ключ и привычным движением вставила его в замочную скважину. Алан подскочил, помогая ей поднять крышку. Нанни закопалась среди сложенных стопками скатертей, наконец, она торжественно выудила на свет туго набитый мешочек.

— Это здесь хранится моя казна? — удивился конт.

— Нет, что вы, — слегка улыбнулась Нанни. — Это на мелочи, а казна в сейфе в кабинете, за портретом вашей матушки. А ключи от него хранятся у меня и у Рэя. Все не было времени вернуть вам их.

— И не надо, — беспечно махнул рукой конт. — Пусть будут у вас. Это же надо... а я и не знал, что там есть сейф.

— Вы просто забыли, — нежно улыбнулась Нанни.

— Спасибо, матушка.

Конт чмокнул ее в щеку и убежал, а женщина еще долго стояла посреди комнаты, не замечая слез, текущих по щекам. Затем она решительно тряхнула головой и подошла к окну, выглядывая на улицу.

— Значит, ты хочешь моего сына? Шиш тебе, а не Берт! — прошипела она, провожая взглядом бегущую через двор Эльсу. — Не для тебя, пустомели, дубок растили.

Виктория довольно улыбалась и тихонько прикрыла дверь, направляясь в покои Литины. Она действовала по наитию, так, как ей подсказывало сердце, не думая о последствиях. И матушкой она назвала Нанни, точно зная, как это будет ей приятно, ведь именно эта женщина не спала ночами, баюкая на руках чужого ей ребенка. Именно она видела, как у Алана прорезается первый зуб, как он делает первый шаг. Она была рядом, когда он болел, когда плакал от обиды на отца, никогда не любившего королевского бастарда. К ее мягкой груди он прижимался в грозу, ее звал, когда было страшно. И какой бы

сволочью не был настоящий Алан Валлид, а Нанни он по — своему любил. Как умел. И за это Виктория почти простила ему все остальное.

Конт тихонько приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Супруга была не одна. Возле стола они стояли втроем — брат Взывающий, мастер по дереву и Литина. Сегодня на женщине было изумрудное платье с расшитой бисером кокеткой, свободное от груди, с узкими рукавами, тоже украшенными мелкими цветными стеклышками. Ксен прижимал к груди вышивку, изображающую лик Ирия и громко вещал:

— Это мы отправим в подарок главе нашего Ордена, поэтому рамку нужно сделать из дорогого сорта дерева! И натянуть ткань на тонкую дощечку! А вот эти три работы, — он ткнул пальцем в разложенные на кровати вышивки, — я повешу в новых храмах, которые, волей Ирия Светлого, скоро откроются в каждой вески владений конта Валлид.

— Кирена, позвольте? — улыбающийся конт вошел в покои супруги. — Всем добрый день! Литина, вы очаровательны. Зеленый вам к лицу.

Кирена смутилась, но руку конту подала, к которой он и приложился, едва касаясь кожи губами. Алан окинул взглядом разложенные работы, еще раз подивившись таланту Литины, и ткнул пальцем в картину, изображающую бегущих лошадей:

— Эту работу в тонкую рамку из светлого дерева и повесить в моем кабинете. Кирена, вы талантливейшая из женщин.

Литина покраснела и благодарно кивнула мужу.

— Завтра праздник, и я зашел предупредить вас, моя дорогая супруга, что собираюсь провести его в вашем обществе. Вы ведь не будете возражать? — Алан лукаво подмигнул испуганной жене.

Литина не возражала, она просто не успела произнести ни одного слова, как конт уже выскользнул за дверь.

«Ес! Не спи теперь, мучайся, с чего бы это дражайший муженек стал таким добрым и заботливым! Не думаешь ли ты, моя разлюбезная супруга, что я забыл, кто меня пытался убить?»

У комнаты игуша конт остановился.

— Кто приходил к нашим гостям? — спросил он у стражника, стоящего на посту у двери.

— Мальчишка — раб бежит туда — сюда, служанка приходила убирать, еще Райка приходит. Только она не к игушу, она к эээ... — воин замялся, не зная, как назвать Дара. В Крови уже все знали, что это сын хозяина, но пока официально не было объявлено о его вводе в семью, он оставался обычным сервом, — к мальчишке. Кормит его, говорит, худой очень.

— Пусть ходит, — махнул рукой конт, постучал в дверь и, дождавшись отклика, зашел внутрь.

Сердце испуганно притихло и, словно взбесившийся будильник, затикало с удвоенной скоростью. Иверт, прикрытый по пояс тонкой мягкой тканью, полностью повторяющей очертания мужского тела, полулежал на подушках и слегка насмешливо смотрел на гостя. Виктория криво улыбнулась, не в силах оторвать взгляд от его лица. Какие красивые глаза! Насыщенная яркая зелень в обрамлении густых коричневых ресниц. Каштановые волосы он собрал в хвост, перетянув его обрезком ткани. Синяки уже приобрели болотно — желтый оттенок, раны покрылись коркой. Да и сам раненный выглядел веселее, чем в последнюю их встречу. Она с усилием отвела взгляд от мужчины, с ужасом чувствуя, как внизу живота что — то шевелится. До сих пор Виктории удавалось избегать возбуждения, и мысль о том, что это может произойти здесь и сейчас, ввела ее в панику. «Гадкое тело! Гадкие ощущения! Брома мне! Брома!» — возопила она про себя.

— Бешеный Алан, зачем стучать в дверь своего дома?

— И тебе добрый день, Иверт. — Алан плюхнулся на кровать Дара, закинув ногу на ногу.

Очень неудобно, но если что, хоть спрячет последствия. Бедные мужчины, как они с этим борются?

— Вот зашел узнать, как ты, — пробормотал он, вдруг понимая, что совершенно не знает, о чем говорить. Все, о чем Виктория хотела спросить игуша, вылетело из головы.

— Я видел, как ты танцевал в ночи, — вдруг заявил Иверт.

Виктория почувствовала, как у нее запылали уши.

— Да? — смущенно пробормотал Алан.

О, черт! Значит, он видел, как она в конце поцеловала его клинок! Стыдно — то как! Что он подумает?

— Если хочешь, я обучу тебя нашему бою. Ты неправильно держал яташ. — Увидев непонимание на лице конта, Иверт пояснил: — Это название моего меча. Вы, чужаки, называете его кривой меч, но это неправильно.

— Ятаган. Я называю такие мечи ятаган, — улыбнулся Алан. — Я буду благодарен тебе, если ты станешь моим наставником. Мне нравится твой меч, он словно продолжение руки. И еще, я взял твой лук, — признаваться, так сейчас, пока Иверт настроен благосклонно.

— Бешеный Алан смог стрелять из нашего семейного лука?

— Если бы ты знал, как мне нравится выражение удивления на твоём лице, — довольно сообщила конт игушу, подтягивая к себе подушку Дара и набрасывая ее на бедра, сидеть, положив ногу на ногу больше сил не было. Он поставила локти на подушку, словно для этого ее взял и похвастался, — я убил из него несколько разбойников.

— Сколько? — заинтересованно спросил собеседник, не обращая внимания на манипуляции с подушкой.

— Четыре.

— Ты вновь удивил меня, Бешеный Алан. Через два дня я смогу пойти с тобой в дом Черного Ястреба. Без меня ты не договоришься.

— Именно об этом я и хотел просить тебя. Но откуда ты знаешь?

— Ольт, — коротко усмехнулся Иверт. — И рыжая служанка. Она так болтлива. Она сказала, что завтра у вас праздник, и нельзя его проводить одному. Она придет ко мне ночью, — он довольно оскалился, а Виктория твердо решила, что срочно выдаст Эльсу замуж или выгонит из замка.

— А у тебя хватит здоровья? — недовольно буркнул конт. Хорошее настроение резко пошло вниз, что нельзя было сказать об одной самостоятельной части тела.

— Не беспокойся Алан, твоя служанка останется довольна, — рассмеялся игуш.

Виктории хотелось сказать какую —нибудь гадость, но она сдержалась, лишь кивнув на прощание. Ну почему рядом с этой мужчиной она ощущает себя пятнадцатилетней девчонкой? Когда конт ушел, Иверт еще долго смотрел на дверь задумчивым взглядом.

Бурлит, гуляет большая и задорная, веселая и шумная ярмарка. Важно переходят от одного прилавка к другому полногрудые купчихи в пышных юбках, подолгу прицениваясь к товару. Нарядные весчане в своих лучших платьях, степенно переговариваясь, обсуждают привезенного на ярмарку племенного быка, хохочущие девушки с пестрыми лентами в волосах со смехом строят глазки парубкам, которые стараются казаться старше и самостоятельнее, но все же косятся на веселушек. Вездесущие дети шныряют между ног у взрослых, пробираясь к заветному ряду со сладостями, по пути обязательно заглянув на площадку, где зазывалы всего за медный грош предлагают посмотреть представление знаменитых на весь мир бродячих артистов с дрессированными тау. Где — то мычат коровы, визжат свиньи, ржут кони — это отгороженный кольями загон, там торгуют живностью. Туда народ приходит с самого

утра, целыми семьями, чтобы прицениться, присмотреться, поторговаться. А на пригорке расположились на телегах передвижные кухни, и любого желающего накормят от пуза хоть кашей с потрохами, хоть блинами со всякой начинкой. Здесь же крутит шарманку старичок в высокой шапке с колокольчиками, и самые смелые уже становятся в хороводы....

Так вот, ничего этого не было и близко!

Виктория была разочарована. Ярмарка расположилась за стенами Большой вески, в открытом поле. Три купеческих обоза, выстроившихся в три ряда, да пара крестьян, продающих живность — кур да поросят. Готовое платье, бакалея, продукты, посуда, инструмент, оружие. Отдельной группой под охраной наемников сидели на земле рабы. Немного, в основном женщины. Все понурые, уставшие, с мрачной безнадежностью в глазах. Виктория старалась не смотреть в ту сторону. Лошадей и телеги они оставили под присмотром пожилого конюха, который всю дорогу, подслеповато щурясь, спрашивал у Саники, а где же конт Валлид? Пятерка воинов сопровождения, увидев знакомого наемника, торгующего оружием, направились к нему, пообещав через рыску быть на месте.

К удивлению Виктории, на остальных ярмарка произвела огромное впечатление.

— Матулечка, — прижала руки к груди Светика, хлопая глазами. — Народа сколько! По головам друг у друга ходят!

Виктория покосилась на девушку, решив, что она смеется, но в глазах Светики действительно виднелась паника. Было от чего паниковать! Здесь собралось не более двухсот человек. Просто казалось, что народу больше, за счет скученности. В толпе мелькали и вооруженные люди, и даже несколько благородных дам, судя по платьям, но в основном были слуги и весчане.

— Так, — скомандовал конт, — кто идет со мной?

— Я! — словно пионер вытянула вверх руку Светика.

Эльса лишь презрительно фыркнула в ее сторону, мол, что взять с этой необтёсанной весчанки? Сама она чувствовала себя как рыба в воде, уже не раз бывая на таких ярмарках и прекрасно ориентируясь, что, где и почем. Да она даже в город один раз ездила с киреной Литиной!

— Отлично, — продолжил конт, недружелюбно поглядывая на Эльсу. За кого бы ее замуж отдать? Ну не за Берта же, право. — Значит, со мной идут Дар, Тур и Светика. Остальные идут с Саникой. — Остальные — Эльса, Ольт и тихая девочка с красивым именем Вереса согласно закивали. Конт протянул Санике деньги. — Если не хватит, найдешь меня. И смотри на качество, мы не настолько богаты, чтобы покупать плохие вещи. Эльса, поможешь ему.

Когда раб брал деньги, Виктория заметила, что его руки дрожат, но промолчала. Она знала, что рискует, но как жить, никому не доверяя?

— Ой, смотрите! Барон Линь с братом Искореняющим! — Светика вертела головой на триста шестьдесят градусов и успевала заметить все вокруг. — Ой, красота какая! — Она застыла у ярко — розового платья, осторожно поглаживая кружево на рукавах.

Пока Виктория поворачивалась в ту сторону, куда указала девушка, Искореняющий уже исчез из поля зрения, а Кайрат Линь, яростно распахивая весчан, направлялся к стоящим в отдалении лошадям. Хотелось бы Виктории видеть его лицо, но, сколько она не оглядывалась, барон так и не повернулся.

— Кир Алан, а можно мне купить эти ленты?

— Купи, конечно, раз они тебе нравятся. Я же дал тебе деньги, — усмехнулся конт, разглядывая добротный костюм, состоящий из плотных штанов, рубашки и колета, как раз на Тура. — Иди сюда, — поманил он мальчишку пальцем. — Примеряй.

Дара они уже приодели, и мальчик раз двадцать успел сказать конту спасибо. Отцом он его так и не называл, страшно стесняясь и немного побаиваясь, но за руку держался

крепко.

— Ой, смотрите, смотрите! Котеночки. — Светика с восторгом вылупилась на маленькие пушистые комочки. — Какие интересные. Ушастенькие. Или это они больные? А зачем им такие длинные ушки?

— Это чтобы лучше тебя слышать, — низким голосом прорычал конт, не удержавшись. Вислоухие крольчата действительно были очень миленькими.

— Ой, а у них всего по два зуба! — Светика осторожно дотронулась кончиком пальца до носа одного из «котят». — И не стыдно вам больных котят продавать!

— Это кролики, — снисходительно сообщил продавец. — Хайской породы. У нас не водятся, доставляют по морю из самого Хайфата. Карликовая порода для услады взора и приятности для рук. Попробуйте, какой мех у них мягкий, кирены очень любят. Кир, купите своей супруге на Маруанов день.

— А и куплю!

Кролик стоил как поросенок, но Виктория все равно решила его купить. Ей вдруг захотелось порадовать Литину, у которой было так мало радости в жизни. Дар и Светика, забыв обо всем, начали выбирать крольчонка. Выбирали долго, словно корову покупали, пока Алану это не надоело. Он уже расплатился за костюм Тура, купил пареньку обувь, а эти двое никак не могли решить — белого или пятнистого. В итоге конт принял решение за них, взяв девочку. Пятнистую.

К телегам вернулись нагруженные по самые макушки, но довольные. Светика сияла, словно ей сделали предложение, а всего — то конт купил ей отрез ткани на юбку. Ну не смогла Виктория удержаться, когда увидела, с какой тоской смотрит девушка на разноцветные рулоны ткани, выложенные на одном из возов. Конту все равно нужно было купить материал для новой униформы слугам. Метром меньше, метром больше. Копейки. Зато сколько радости было у Светики! Правда, и взгляды она начала бросать на конту слишком уж благодарные, но он делал вид, что не замечает. Зато когда к телегам вернулась Эльса, и Светика пренебрежительно, словно она заранее об этом знала, показала ей подарок хозяина, да еще и заявила, что кир Алан дал ей денежку на расходы, Виктория позлорадствовала. За то, чтобы увидеть у Эльсы такое выражение лица, она готова была купить Светики не один отрез. Виктория понимала, что ее ревность иррациональна и не обоснована, но ничего с собой поделывать не могла. Эльсу она все же выдаст замуж!

Саника вернулся позже всех. Виктория даже начала волноваться, солнце садилось, ночь в горах наступала слишком быстро, а им еще рыску до дома добираться. Мыслей, что раб присвоил деньги и сбежал, она не допускала. Верила и очень не хотела разочаровываться.

— Вот список что, сколько стоило, а вот сдача. — Саника протянул Виктории мелочь, которую она ссыпала в кошель.

— Все купил?

— Да, хозяин. Спасибо вам. — Он низко поклонился, пряча взгляд.

— Его несколько раз за важного человека приняли в вашей одежке, — гордо сообщил довольный Ольт, словно это была его личная заслуга. Он толкнул плечом Вересу, — скажи?

Девочка кивнула и робко улыбнулась. Виктория заметила, что при ней паренек старается казаться и старше, и выше ростом, и деловитей, чем есть. Он легко заскочил на телегу, подгребая под себя солому, и замахал руками Туру, приглашая сесть рядом. Конт осуждающе посмотрел на Ольта, покачал головой и подал Вересе руку, помогая смущенной девочке забраться в телегу.

— Учись, балбес!

Вокруг рассмеялись воины, вгоняя Ольта в краску. Светика наклонилась к Эльсе и девушки зашушукались, бросая на конту смешливые и любопытные взгляды. Саника

улыбнулся одними губами, укладывая мешки с покупками, Дар смотрел на отца с нескрываемым восторгом. А Тур... понять, что думает этот ребенок, Виктория не могла. Он почти не улыбался, ни с кем не сходилась близко, держась отчужденно, был постоянно собран, словно ожидал удара. Если Ольт легко читался, ни секунды не удерживая эмоции в себе, то Тур напоминал улитку, готовую при первой же опасности спрятаться в раковину.

Всю дорогу до Крови Виктория была напряжена, ей никак не давала покоя встреча Линя и Алвиса. Что эти двое еще затеяли? Нужно на время праздника усилить караул. Лично она напала бы завтра ночью, когда все будут гулять, а потом разбредутся по закоулкам. Воины, видя беспокойство конта, тоже собрались, внимательно вглядываясь в сумерки.

— Саника! — Конт поравнялся с телегой. — Несколько дней назад твои люди носили бревна за стену для Рэя на новую тренировочную площадку. — Раб кивнул, показывая, что помнит. — У меня в кабинете на столе лежит рисунок, как нужно разместить бревна и что из них построить. Расстояние между ними указано в моих шагах. Возьми завтра с утра десяток парней покрепче, и начинайте строить. — Саника вновь кивнул, внимательно слушая. — К обеду должны закончить.

— Сделаем, хозяин.

— Кир Алан.

— Сделаем, кир Алан.

— И еще. — Конт замолчал, обдумывая, говорить или пока не спешить, но решился. — Присмотрись к людям. Кто на что способен. Меня интересуют бойцы. Понимаешь, о чем я?

Саника кивнул, он понимал.

Если бы Виктория смогла прочесть, что творится в душе раба, она бы назвала это двумя словами — полный раздраз. Насколько проще мужчине было ненавидеть конта раньше, когда он не притворялся великодушным и заботливым владельцем. Но теперь Саника никак не мог понять, что за игру затеял хозяин, и какими бедами это грозит им, самым бесправным жителям Крови? Назначение его старшим над рабами ничего не изменило в их жизни. Привычки сложно искоренять, и заявки на рабов с вечера поступали лишь на сельхозработы и кухню, остальные прибегали утром с криками и размахиванием кулаками. Воины тоже не прекратили таскать рабынь на сеновал, правда, теперь никто не претендовал на молоденьких девчушек. Свободные не особенно считались с Саникой, а он не жаловался конту, не веря в его искренность.

Кровь встретила их распахнутыми воротами, горящими факелами и недовольным Рэем. Капитана только разбудили, сообщив, что конт возвращается. А он даже не знал, что тот выехал из замка! Получили все — и дежурный по воротам, и дежурный по казарме, и просто пробежавшие мимо и попавшиеся под тяжелую руку разъяренного капитана. Теперь он стоял в воротах, сверкая глазами — лохматый после сна, с всклокоченной бородой, в распахнутой на груди рубахе и босой.

— Рэй, отдохнул? — Конт легко соскочил с жеребца (вот что значит — систематические тренировки!), похлопал воина по могучим плечам. — Что это ты своего владельца встречаешь в таком неподобающем виде? — Сзади заскрипели тяжелые ворота, закрываясь за последним воином. — Не стыдно?

Виктория, которая росла с четырьмя братьями, с детства усвоила правило, лучшая защита — это нападение, и теперь применяла его на Рэе.

— Больше не повторится, — повинился капитан и тут же перешел в контратаку. — А вам не стыдно уехать из замка всего с пятеркой воинов? И это когда вы знаете, что на вас готовится нападение! Где ваша кольчуга? Где ваш меч? Где ваше благоразумие?

— У тебя есть морковка? — Конт сунул в руки великана кролика. — Покорми её и пристрой куда — никуда до утра. Это я Литине в подарок купил.

И, пока Рэй шалыми глазами пялился на кролика, конт сбежал от его нотаций на кухню.

— Райка! Покорми бедного меня, пожалуйста, — быстро ополоснув руки, он осторожно выглянул за дверь, увидел, как Рэй повел куда — то Дара и с облегчением уместил многострадальный афедрон на жесткую скамью. Она хоть не раскачивается и не подпрыгивает. — А что это у вас за суматоха? — Только сейчас Алан заметил, что на кухне полно народа и все чем — то заняты. Шкварчат сковороды с мясом, кипит кулеш, пахнет выпечкой и яблоками. Раскрасневшиеся кухарки в сбитых косынках режут, мнут, чистят, толкут. Нервная суета.

— Да Маруанин день, чтоб его! — со злостью воскликнула Райка, ставя перед господином полную тарелку наваристых щей со сметаной и тарелочку поменьше, на которой лежал шматок соленого сала с тонкой полупрозрачной шкуркой и большая сладкая луковица. Хлеб Алан сам отломил от еще горячего каравая. Вкуснотища! — Завтра же ничего делать нельзя. Вот и приходится сегодня на два дня наготавливать!

— А я на ярмарке скупился к приему. Хотел, чтобы ты помогла рассортировать что куда, но, раз у тебя времени нет, прикажу все в кабинет сгрузить, завтра разберем, — огорчился конт.

— Мы с Нанни сегодня все посмотрим, — кивнула Райка. — Молчун идет.

Алан малодушно передвинулся в дальний темный угол и решительней заработал ложкой.

— Ругается? — сочувственно спросила стряпуха.

— Было бы из — за чего, — беззлобно буркнул конт.

— Он за вас волнуется. Мы все волнуемся, — мягко произнесла женщина.

Виктория это понимала и, что скрывать, ей это было приятно. Но чрезмерная опека иногда доставала.

— Райка, собери покушать молодому киру и игушу, — пророкотал голос Рэя от порога. — Конта не видели?

— А что такое? — нейтрально поинтересовалась повариха, быстро выставляя на поднос полные тарелки.

— А там из весок невесты пришли на первую ночь, — злорадно сообщил капитан.

— Много? — звонко спросила одна из молодых.

— Четверо! Как раз нашему киру Алану на весь Маруанин день работы хватит.

Рэй остановился напротив Алана, сложив могучие руки на груди. Ехидства в его голосе хватило бы на десятерых. Наградой ему были выпученные глаза конта, не донесшего ложку ко рту.

ГЛАВА 9

Много времени праздновали братья в чертогах Отца своего,
а когда вернулись в мир, который создали,
то Вадий расхохотался, а Ирий ужаснулся.

Пока их не было, забыли люди истинных своих создателей
и начали поклоняться низменным духам,
пришедшим из мира находящегося за Небом.

Одинокая тучка, зацепившись краем за скалы, остановилась над Кровью, повисела, словно раздумывая, но все же решилась и пролилась сильным, но быстрым дождем. Появившиеся на чистом небе первые маленькие и редкие звезды, романтического настроения не создавали; на горизонте высились темные громады гор, а со стороны храма раздавалось тихое пение — вечернее зывание. Воздух заметно посвежел, спала дневная жара, на клумбе раскрылись ночные цветы — они тихонько качались под слабым ветерком, источая тонкое благоухание. На крыльце пристройки жались к стене весчанки. Чуть в стороне обменивались новостями старосты трех весок принадлежащих конту Валлид. Моложавый воин, охраняющий вход в донжон бросал на них любопытные взгляды, усмехаясь в черную курчавую бородку. Рядом с крыльцом, неторопливо махал прутьяной метлой мальчишка — раб, обритый на лысо, босой и по пояс раздетый, он делал вид, что разгоняет лужи, а на самом деле нагло подслушивал разговоры. Из кухни груженные подносами с едой вышли Светика и Эльса и тщательно обходя лужи, направились в сторону донжона.

— Говорят, ты к игушу зачистила? — Светика округлила глаза. — Он же такой страшный!

— Страшный? — Эльса перешагнула ручеек, снисходительно поглядывая на глупую весчанку. — Он забавный. Все время молчит и улыбается.

— А бают, что у них там ..., — Светика склонилась к уху служанки и покраснев едва слышно зашептала. — ... такой страх!

Рыжая головка Эльсы затряслась от смеха.

— Вранье! Я помогала друиде его перевязывать. Все там в порядке, на зависть нашим мужикам. Только вот... — теперь уже она, хихикая, зашептала Светике в пылающее ушко. — Представляешь? Вот и хочу попробовать, как это с таким...

— А как же Берт? Ты же замуж за него собралась. А как Нанни узнает? — Светика пораженно застыла посреди двора. Нет, она знала, что в замке царит разврат и девичья честь не ценится как в веске, но ведь жених есть! Как же можно?

— Неизвестно еще вернется Берт или нет, — тоскливо произнесла Эльса.

— Кир Алан сказал, чтобы мы верили. И я ему верю, — решительно зашагала к донжону Светика. — Господин сильный, умный и красивый, он обязательно спасет Берта.

Эльса лишь тяжело вздохнула, она давно жила в замке и знала, что кир Алан никогда не будет рисковать из — за одного человека, пусть даже это его личный слуга. Вдруг ей в голову пришла мысль, от которой у нее сразу улучшилось настроение.

— Эй, а ты не влюбилась ли в нашего хозяина? Точно, влюбилась! Все крутишься вокруг него, надеешься в бабадень к нему в койку запрыгнуть. Видела я, как ты за него на ярмарке цеплялась. Глупая весчанка, да он в твою сторону даже не посмотрит, кому ты нужна со своими босыми ногами!

Светика вспыхнула и быстро зашагала к крыльцу, глотая злые слезы и придумывая месть для Эльсы. Ведь разнесет сплетню по замку и как тогда людям в глаза смотреть? А ноги она на ночь вымоет, ее мачеха с детства приучила ноги на ночь мыть. Не виновата она, что у нее одна пара лаптей, да и те девушка берегла для выхода, чтобы ноги по

каменистым дорогам не сбивать. Вот заработает денежку и купит себе черевики, красные! И к конту в койку она прыгать не собирается! И не нравится он ей! Ну, может только самую малость... И все равно неправильно это, без благословения Ирия спать с мужиком. Вот если бы приказал хозяин, тогда, наверное, можно было бы, а сама она никогда и ни за что! Вот!

— Хозяин, можно? — Ольт просунул голову в приоткрытую дверь, судя по хитроющей и довольной физиономии, его шпионская деятельность принесла результат.

— Обожди за дверью.

Конт с Нанни, Райкой и мастером по дереву обсуждали предстоящий прием, а заодно и ремонт в хозяйских покоях. Сегодня из всех спален второго этажа вынесли мебель и начали настилать деревянные полы, поэтому предстоящую ночь семья хозяина и его гости — Иверт и Дар проведут в гостевых покоях на третьем этаже. Комнаты там были маленькие, и ремонт в них предполагалось делать в следующую очередь, во всех по единому образцу. Нанни принесла ткани, которые она отобрала для штор и обивки мебели — голубые цвета для спальни господина, изумруд для контессы. Голубой Виктория отбраковала сразу — слишком маркий. Один прыжок Кусь на диван и обивку придется менять. На возражение Нанни, что это цвет родового герба, заявила, что голубой будет превалировать в зале приема, а ее устроит темно — синий. Она и ковер себе сегодня купила синий с красным орнаментом.

— Нанни, швеи успеют? — спросил конт у домоправительницы. Женщина кивнула. — На приеме я собираюсь официально усыновить Дарена. — Алан бросил взгляд на Райку, глаза которой подозрительно заблестели. — Брат Взывающий получил приказ подготовить все для этой церемонии, я же попрошу вас обоих проследить, чтобы мальчик с сегодняшнего дня одевался подобающим образом и присутствовал на семейных завтраках. — Виктория сегодня ввела правило — завтракает семья всегда вместе в девять часов утра. Обед и ужин — как получится, но завтрак — святое. И пусть только супруга попробует опоздать! Литине придется научиться вставать рано, чтобы выполнить это распоряжение мужа. Конт в предвкушении ждал завтрашнего утра, ему не терпелось увидеть выражение лица контессы, которая раньше полудня из постели не выбиралась. — Я попросил Рэя начать с ним заниматься. С завтрашнего дня он приступит к тренировкам.

— Виконт будет жить там же где и сейчас? — подал голос мастер. — И какие будут пожелания по оформлению комнаты?

— Он еще не Валлид, — строго произнесла Нанни. — Не торопись мастер Рыгор.

Конт усмехнулся. Вряд ли он изменит решение в ближайшие несколько дней.

— Полностью повторите мою комнату, только в зеркальном отражении. — Алан перебрал оставшиеся образцы ткани. — Как тебе? — он показал Нанни лоскут серого цвета. Домоправительница кивнула. — Значит в сером цвете.

— Надо выделить мальчику слугу, — Нанни поставила птичку в тетради, где делала пометки. — Я могу начать обучать его грамоте, пока вы не найдете настоящего учителя.

— Я попросил Литину заниматься с детьми. А к Дару приставил Ольта.

— Слишком шустрый, — покачала головой Нанни. — Кир Алан, я против этой кандидатуры. Считаю, что к Дарену нужно приставить взрослого человека из свободных.

Конт отрицательно покачал головой. Взрослый может манипулировать ребенком, а Виктории этого бы не хотелось.

— Дар мальчик тихий и стеснительный, ему как раз такой, как Ольт и нужен, — стала вдруг на сторону конт Райка. — Да и сдружились они уже.

— Это меня и беспокоит, — поджала губы Нанни. — Ольт — раб! А ведет себя с будущим наследником Крови, как ровня. Выпороть его надо, а не к Дарену подпускать! — она хлопнула рукой по тетради.

— Ему просто надо объяснить, — Райка сложила руки на груди. — Ольт мальчик хороший

и он не родился рабом, ему трудно принять нынешнее положение вещей.

— Какое это имеет значение, кем он родился? — вспыхнула Нанни. — Он раб и должен знать свое место!

— А если бы Кровь захватили игуши и тебя продали в рабство? Как бы ты себя чувствовала? — Райка вскочила и, оперев руки в стол, перегнулась к Нанни. — Твой сын сейчас в рабстве! Как ты можешь так рассуждать?

Виктория не вмешивалась, мастер, тихонько поклонившись, удалился, прихватив с собой образцы тканей и очередные рисунки по оформлению зала приема. Ему еще предстояло обсудить идеи конта с помощниками, прежде чем приступить к работам. Но Рыгор был как никогда счастлив, наконец — то достойная задача. Мастеру казалось, что Кровь просыпается после колдовского сна и стряхивает с себя паутину и вековую пыль. С молодым хозяином все забыли, что такое спокойствие, жизнь в замке стремительно набирала обороты, словно веселый жеребенок впервые решившийся спуститься с пригорка на заливной луг летит вниз, весело перебирая тонкими ножками и не желая останавливаться, так и обыватели Крови, подгоняемые идеями кира, постепенно втягивались в его ритм жизни. Даже всегда степенный и спокойный ксен засуетился, и выторговал у конта пристройку к храму, в которой собирается оборудовать школу для всех желающих, где будут изучать Песни Жития и грамоту. Сам придумал, услышав, как кир Алан рассказывает сыну о заморских странах, где все дети обучаются грамоте в специальных местах — школах. Надо же! Но господину эта идея понравилась и уже начали возводить стены. Брат Турид сменил сутану на рабочую рубаху и таскает бревно вместе со всеми, гроззя строителям карами Вадия и восхваляя Ирия. Проехал по вескам, набрал себе учеников. Удивительно! А ведь раньше только по большим праздникам из Крови выезжал.

Виктория вздохнула, поднимаясь из — за стола.

— Между прочим, на крыльце стоит толпа девиц жаждущих моего тела, а вы вместо того чтобы лаяться, лучше бы придумали, как мне от них отделаться! — ни к кому конкретно не обращаясь заявил конт, когда ему надоели крики и плач.

Однако его услышали. Через несколько минут Виктория вышла из кабинета, оставив рыдающих женщин, успокаивать друг друга. В коридоре маялся Ольт, она поманила его пальцем, указывая на столовую. Они сели за круглый стол и прежде чем Ольт раскрыл рот, Виктория сообщила ему о своем решении.

— Ольт, через несколько дней Дарен станет виконтом Валлид и будет первым наследником рода до тех пор, пока у меня не родится сын в законном браке. Ему нужен слуга. Человек, которому он сможет доверять не только свои тайны, но и свою жизнь. Абсолютно преданный человек. Друг. Ты готов стать этим человеком? Ты готов ради моего сына рисковать своей жизнью? Быть доверенным слугой кого — то из рода Валлид очень тяжелая ноша. Берта из — за этого похитили, а могли бы и убить. Подумай, прежде чем дать ответ.

Ольт задумался. Конт с любопытством за ним наблюдал. За эти дни Виктория поняла, что дети здесь взрослеют очень рано, она лично наблюдала за пятилетней рабыней, которая работала на кухне наравне со старшими детьми. Райка никого не баловала, девочке давали посильную для нее работу — она перебирала крупу, мыла и чистила овощи, подметала и даже сбивала масло в подвесной маслбойке. В Крови никто не ел хлеб даром. Только трехлетняя дочь искалеченной бароном Линем рабыни пока пользовалась привилегиями детства. Она почти весь день проводила в комнате с матерью, рядом с сиделками, которых ежедневно назначал Саника. Но и ей приходилось работать, девочка перематывала клубки с нитками. Виктория интересовалась состоянием рабыни, но сама к ней не заходила. Не могла себя заставить.

— Хозяин, — поднял голову Ольт. — А если Дар..., извините, если кир Дарен не захочет меня в слуги? Если он не захочет со мной больше дружить? Ведь раньше он был мне ровня — парень из вески и мы с ним подружились, а теперь он станет благородным киром, господином. Вдруг ему больше не нужен я... раб? Вдруг он захочет свободного слугу?

— А как ты считаешь? Ты ведь знаешь Дарена лучше меня. Как думаешь, сможет он так

поступить?

Ольт вновь замолчал, сосредоточенно рассматривая сжатые кулаки. Виктория понимала, что он чувствует. Ему выпал шанс изменить свою жизнь. Появилась надежда выбраться из затхлого барака на волю, стать нужным для кого — то, а может быть даже получить свободу.

— Нет, Дар никогда так не поступит, — наконец произнес Ольт. — Я думаю, что он не станет возражать против, а я обещаю стать ему хорошим слугой.

— Отлично. Тогда после процедуры усыновления принесешь моему сыну клятву верности. Сейчас ты сообщишь мне что узнал, а затем зайдешь к Нанни, она расскажет тебе о правилах. Когда вернется Берт, расспросишь и его.

Может быть, мальчишка подаст ей идею, как отмазаться от сомнительной чести первой ночи? Прошло уже несколько часов с тех пор, как Рэй сообщил конту об этом радостном событии. Все эти часы Виктория трусливо пряталась в кабинете, она даже старост не стала принимать, сославшись на срочные дела.

И Ольт не подвел. Конт едва сдерживал смех, слушая его язвительные комментарии. Досталось всем — старостам, весчанкам и Эльсе, только о Светике мальчишка ничего не сказал, но его глаза нехорошо блеснули, когда он передал конту разговор служанок.

Отправив раба к Нанни, Виктория задумалась, план по защите собственной чести (при этом без урона самолюбию) начинал постепенно вырисовываться. Она улыбнулась, растрепала волосы, распустила шнуровку на рубаше, оголяя грудь и вальяжно развалившись на волчьей шкуре покрывающей большой сундук, крикнула:

— Старост ко мне!

Но вместо старост в столовую влетела разгневанная Нанни. Виктория в самом страшном кошмаре не могла представить, что милая, спокойная, сдержанная Нанни может в одночасье превратиться в разъяренную фурию! Чем же конт так провинился перед своей кормилицей? Что сделал не так?

— Кир Алан! — у Нанни от гнева тряслись губы. — Я рассчитала эту... эту...потаскуху!

— Кого? — слегка ошалело произнес Алан, принимая более подобающую для разговора с женщиной позу, а именно — садясь ровно и судорожно затягивая шнуровку на груди.

— Рыжую дрянь! Вместо того, чтобы быть благодарной за оказанную ей честь и верно ждать моего сына, она запятнала себя богопротивной связью с игушем!

— Как? — воскликнул конт. — Уже?

— Что значит — уже? — подозрительно сощурила глаза Нанни. — Вы знали?

— Ну.... Иверт мне сказал, что... — неуверенно начал конт.

— Кир Алан! Вы были готовы допустить разврат рядом с вашим сыном? — Нанни всплеснула руками, и Виктории вдруг стало жутко стыдно, словно ее застукали за очень неприличным занятием. — Кир Алан! Умоляю, прошу вас, заклинаю Ирием, — Нанни осенила себя щепотью светлого бога. — Отмените ваше распоряжение насчет свадьбы Берта и Эльсы!

— Отменяю! И полностью согласен со всеми твоими решениями. Рассчитай служанку, дай денег на дорогу и пусть возвращается в веску, — протараторил конт, радуясь, что так легко отделался.

И что уж скрывать, душа Виктории пела при мысли, что никакая... женщина в ближайшие ночи не прикоснется к зеленоглазому гостю. Неужели она ревновала? Да! И пусть в этом теле она никогда не решится на серьезные отношения, но знать, что он никому не принадлежит это так... так успокаивает. А потом... кто знает, что будет потом? «И что же?» — проснулся внутренний голос. «Возможно, мне удастся договориться с местными богами, и они вернут женское тело» «Что за бредовые мысли! Нет никаких богов! — возмутился внутренний голос. — Ты же атеист!» «Нет? А кто же

тогда отправил меня в этот мир?» «Уж не боги точно! Просто душа переродилась, но отчего-то не забыла свою прошлую жизнь. Такое бывает! Ты об этом читала в журналах» — не успокаивался вредный голос, убивая надежду. «Замолчи! Если в это не верить, если отказаться даже от малейшей надежды, то ради чего тогда жить?».

— ... какой пример сыну вы подаете, кир Алан? — Нанни уже давно что — то говорила, но Виктория не слышала, погрузившись в свои мысли. — Раньше, когда у вас не было наследника, вы могли себе это позволить, но сейчас! У вас есть законная супруга, благородная и достойная женщина, а вы собираетесь провести ночь в объятиях этих весчанок? Простите мою дерзость, господин, — склонилась Нанни в поклоне и вдруг озорно подмигнула конту, скосившись на распахнутую настежь дверь.

— Нанни, — зарычал конт, улыбаясь. — Не смей мне указывать, что делать и с кем!

— Простите кир Алан и позвольте мне удалиться, — кормилица прижала руки к груди.

Не переигрывай, Нанни! Виктория прекрасно поняла все ее намеки. А Ольт хитрец! Явно же это он «случайно» проговорился Нанни о подслушанном разговоре между служанками. И за Светику отомстил, к которой испытывал симпатию, и Нанни помог избавить сына от ненавистной невесты, тем самым подлизавшись к домоправительнице, да и Крови оказал услугу. Конт давно уже «точил зуб» на болтливую служанку.

— Вон! И позови старост и девок! Я тебя люблю, — одними губами прошептал конт и вновь развалился на кушетке.

Со старостами разобрались быстро. Оброк мужики уже сгрузили на кухню, Райка все пересчитала и приняла по описи. Штраф за смерть Эльки выселевский староста тоже привез продуктами. Он долго каялся, кланялся и просил прощения за всю деревню, но Виктория была холодна. Такое не прощается.

— Брат Взывающий взял из вески одного парубка в обучение, сказал, чтобы храм строили. Будет, мол, скоро у нас свой ксен. Дозвольте лес валить и стены ставить? Как раз к осенней страде и поспеем, а там до дождей и крышу накроем. А внутренние работы можно и по холодам делать.

Остальные старосты дружно закивали. Ксен успел проехать по всем вескам. С контом брат Турид старался не пересекаться без особой необходимости и о его делах Виктория узнавала от Рэя, капитану мальчишки — рабы докладывали обо всем, что творилось в Крови. На сегодняшний день Рэй был самым осведомленным человеком в замке. Он знал: кто с кем спит; у кого, где схоронка; кто украл кусок курицы; и кто, сколько медяков проиграл в шарики. Ну и о чем болтают жители Крови, он тоже теперь знал очень хорошо.

Разрешение конт дал, повелев ставить храмы во всех весках. А заодно приказал, больше девок к нему не возить, сказав, что брать будет не девственностью, а податями. Старосты, которые хорошо слышали разговор владельца со своей кормилицей, только покивали головами. Это может и хорошо, правильно, девки выть перед свадьбами не будут, да где бедным семьям брать денежку на подати? Бабам, оно что, перетерпит, да и все, а тут....

— А с этими чего делать? — поинтересовался один из старост. Его морщинистое лицо полностью пряталось за густой бородой, только глаза блестели из — под кустистых седых бровей. Лохматая голова у мужика тоже была вся седая, а в пшеничной бороде Виктория не заметила ни одного серебристого волоска. Загадка. — Бедные семьи у девок, платить им нечем. Едва на оброк собрали.

Все трое мужиков выжидательно уставились на конту. Виктория кровожадно усмехнулась.

— А с этих возму, как положено! Зовите девок!

— Что, всех разом? — тонким голосом проблеял до сих пор молчавший староста Корчей.

— Ты сомневаешься в моих силах? — зловеще протянул конт. — Или желаешь присоединиться?

Старосты не желали. Ни один. А Виктория мечтала лишь об одном, чтобы тело не отреагировало. Потому что уже знала, что это такое и оказалась совершенно не готова к болям и дискомфорту. Правда, это был редко, но это заставило ее задуматься. От природы никуда не деться, и с этим что — то надо делать, пока редкие эротические сны не стали навязчивыми кошмарами. Как же все сложно с этим мужским телом! И как больно...

Девки были как на подбор. Молоденькие, фигуристые, голубоглазые, грудастые и попастые. Это что же предпочтения реципиента? Трое испугано жались друг к другу. Их Виктории удалось запугать одной лишь фразой: «Некогда мне с вами по очереди возиться. Задрали юбки, стали раком и ...» а дальше все как она и рассчитывала — стыд, испуг, слезы, страх и мольбы. Еще несколько пошлых фраз, окриков, распущенная завязка штанов полностью довершили акт запугивания. А вот четвертая... Четвертая девушка смотрела на конта совершенно пустым безразличным взглядом. И Виктории это не нравилось. Очень не нравилось.

— Хватит голосить как по покойнику, — прикрикнул конт на рыдающих девиц. — Пошли вон! И чтоб я вас через рыску здесь не видел! А ты чего стоишь? — гаркнул он на оставшуюся в кабинете девушку.

— Я не уйду пока не получу то за чем сюда пришла, — спокойно ответила весчанка. — Лучше уж вы, чем он!

Э, так не пойдет! Что значит, не уйдет? Владелец Алан на своих землях или нет?

— Вы не можете мне отказать. Если невеста сама просит своего господина провести с нею первую ночь после обряда, он не смеет отказать деве в этой малости. Так сказал Вадий. Мне ксен рассказывал! Вы ведь не станете спорить с богом? А я прошу!

Как — то слишком правильно девица изъясняется. Совершенно не по — крестьянски. И откуда у нее такие глубокие познания о праве первой ночи?

— Слишком ты умная, как я посмотрю. И отчего тебе так хочется сделать это именно со мной? — конт выглянул за дверь и крикнул в коридор. — Вина! Много!

— А с кем еще? — усмехнулась девушка. — Мужа я ненавижу всем сердцем! Но я сирота, приданного нет, вот бабка и отдала замуж за вдовца. Откупила бы от него, да нечем! А от вас может сразу понесу.

Ничего себе заявочки! Если конт не отвернется, ей придется... О, небо! Ни за что! Да никакое вино не заставит ее дотронуться до этой девицы! Да, она симпатичная, но пахнет от нее... да от нее воняет! И подмышки, небось, небритые! И неизвестно когда она мылась последний раз! Да у нее просто — на просто не встанет! Не заставляй же эту делать.... Виктория почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота и как назло воображение подсунуло очень непристойную картинку.

— Где вино? Чтоб вас Вадий забрал! — заорал конт, бросаясь к окну, одним рывком распахивая ставни и перевешиваясь через подоконник.

В комнату влетел Тур с кувшином вина. Увидев висящего головой наружу конта, он бросил на испуганную девушку выразительный взгляд и полез в комод, где хранились полотенца. Виктория со стоном рухнула на сундук. Тур вытер конту губы и сунул в руки кружку с вином.

— Спасибо, малыш.

— Уам пьюохо? — тщательно промычал мальчик.

Виктория чуть не расплакалась, впервые услышав, как Тур пытается разговаривать. Блин! Вот оно настоящее горе, а она запаниковала от такой мелочи, как секс с какой — то весчанкой! В конце концов, что она боится? Сплетен? Да плевать ей на сплетни! Плевать на мнение окружающих, плевать на то, что о конте подумают, как об импотенте! Какое ей до всего этого дело? Отчего, даже здесь в этом мире, где она сама себе хозяйка, она оглядывается на чужое мнение? Отчего она боится жить в соответствии со своими желаниями и привычками? Что ей мешает быть свободной? Привитые с детства ложные правила морали, комплексы, страх быть белой вороной? Живя в «той» стране они все

учились подавлять в себе свободу, не иметь мнения, не совпадающего с курсом партии, не рассуждать, подчиняться приказам. Но ей казалось, что она с этим покончила, что она свободна от чужих суждений. Оказалось, нет. Оказалось, что мнение окружающих много значит для нее и подсознательно она стремится быть такой, какой видят ее другие. Она спросила себя, а не страшно ли потеряться в этом чужом облике? Не страшно запереться в клетке и мечтать о свободе, видеть ее, чувствовать и отказаться?

— Ких Аан! — Тур испуганно дергал конта за плечо.

Виктория смотрела на мальчика и не видела его. Осознание своих страхов шокировало, ведь за той чертой, которую она едва не переступила, уже не было бы Виктории Викторовны Вавиловой. Там была пустота.

— Пошла вон! — произнес конт, глядя на весчанку. — Тур, скажи Нанни, чтобы дала ей золотой в приданое, а затем возвращайся. Заменишь мне Берта, пока он... гостит у игушей.

— Не надо мне ваш золотой! — вспыхнула вдруг девица. — Вы не можете меня выгнать просто так!

— Девочка, ты ничего не путаешь? — вкрадчиво произнес конт. — С кем ты разговариваешь? Давно тебя не пороли за неучтивость?

— Но... но так нельзя! Владелец должен заботиться о своих людях!

— Ты считаешь, что лишение невинности — это забота о людях? — выкатил глаза конт.

— Да! — запальчиво воскликнула девушка. — Вы не представляете, что означает лечь в постель с ненавистным стариком!

— Так все равно же придется, — не совсем понял ее конт, не видя логики в таком объяснении.

— Если понесу от вас, то может и не придется. Мне сказали, что вы сыновей к себе забираете, а мать тоже вниманием не оставите. Я бы мужу сказала, а он жадный... и не лез бы, чтобы не скинула..., — наконец — то девушка застеснялась и опустила голову залившись румянцем, а то Виктории казалось, что эту нахалку ничего не может смутить.

Использовать детей как разменную монету? Сразу вспомнилась рабыня, бросившаяся в бега за своим ребенком, потерявшая из — за этого все, но цепляющаяся за жизнь, лишь бы быть со своей дочерью. А эта готова продать еще не родившегося ребенка. Именно за такое и не любят весчан, ради лишнего грошика готовых рвать жилы и переступить через своих же.

— Лучше убейте, а не уйду!

— Да не хочу я тебя! — возмутилась Виктория наглостью девицы. — Ты не в моем вкусе. Я люблю худых, с маленькой грудью, с красивыми руками, ухоженных.

— А... — впервые за все время разговора на лице девушки отразилась растерянность. Видно такого от конта — бабника она не ожидала. На полу сдавлено хрюкнул Тур. — А что же делать? Так может... прикажете кому, чтобы значит вам...

— Так, девка. Ты мне надоела безмерно. Право ночи я могу осуществить сам, могу взять податью, могу продать или подарить кому захочу. Что ты на меня глазки вылупила? Об этом тебе твой ксен драгоценный не рассказав? Или ты думала, что какая — то зачуханная весчанка сможет диктовать мне условия? Ты думаешь, что раздвинула ноги и конт Валлид упал в твои объятия? — Алан Валлид закипал, едва сдерживаясь, чтобы не придушить наглую девку. — Капитана ко мне! — крикнул он в распахнутую дверь.

Пока ждали Рэя Алан пил кислое вино маленькими глотками, пытаясь успокоиться, бледная девица стояла, прижавшись к стене, а Тур сидел в ногах у конта с мокрым полотенцем в руках и сосредоточенно хмурил лоб. Хотелось бы Виктории знать, о чем он думает?

Рэя выдернули с вечерней тренировки. Он прибежал запыхавшийся, с собранными в

хвост мокрыми волосами, в наскоро натянутой на могучие плечи свободной рубахе, с мечом в руке. Красавец!

— Капитан, забери эту девицу к себе и допроси ее хорошенько. Слишком она мне подозрительна. От золота отказалась, говорит гладко, ксены ей советы дурные дают. Уточни у ней, что за ксен, наш или пришлый? Если наш, то я с ним очень поговорить на эту тему хочу. Слишком уж она щемится ко мне в постель, словно намазано у меня там медом, — Тур издал непонятный звук и конт легонько пихнул его ногой. — Да выясни кто ее муж? И о семье ее все выясни. Если ничего подозрительного не узнаешь, и девка тебе приглянется, тогда можешь применить за меня право первой ночи. Я не возражаю. Вопросы?

— Нет вопросов, — хмуро буркнул капитан, поглядывая на весчанку исподлобья, судя по подозрительному взгляду, Рэй уже записал девушку в наемные убийцы, шпионы и воровки. — А если что найдем? Повесить?

Девушка смотрела на них с ужасом, только сейчас до нее дошло, что шутки закончились и ее жизнь висит на волоске.

— Не надо вешать! — взяла она себя в руки. — Я сама расскажу.

Все что она говорила конту — оказалось правдой. Мужа она ненавидела всей душой. Старый негодяй, уже похоронивший двух жен. Когда ее сосватали, девушка молила Вадия о помощи, и он не остался равнодушным, направил в веску торговый обоз. С обозом приехал брат Искореняющий, ему она все на исповеди и выложила. Брат несчастную пожалел и рассказал ей, как можно избежать излишнего внимания мужа, а заодно получить в любовники состоятельно господина. Надо было, всего — то, перед тем как лечь в постель смазать у себя. там... приворотным зельем, а конту сказать что это настойка от беременности. Или влить зелье в вино и вместе с контом выпить и тогда кир никогда не смог бы ее отпустить. И она бы жила в замке, как ночная жена, а может быть и поважнее. И говорит она так, как ксен научил, только вот не говорил брат Искореняющий, что кир Алан может от девок отказаться. Этого она не ожидала, вот и настаивала. Нет, лица ксена она не видела, он капюшон не снимал, а росту был обычного, упитанный такой.

Ксен из Выселей? Похоже, что он. И судя по срокам, именно он устроил «несчастные случаи» детям конта только Дара не успел устранить. Знали бы, так легко он бы не отделился!

В бутылочке оказался яд. Рэю даже не пришлось звать ксена, чтобы проверить, он просто капнул на хлеб и бросил гуляющим под окнами курам. Одну из них закопали за стеной, а коллекция конта пополнилась еще одной бутылочкой. Этак скоро можно и в Марию Медичи поиграть.

Искореняющий рассчитал все верно, жертвы скончались бы от выпитого яда моментально, от попавшего на тело — через некоторое время после соития. Через какое, это придется выяснять опытным путем и займется этим брат Турид, у него при храме неплохая лаборатория. Любит брат Взывающий поэкспериментировать на досуге. То мази для коленей изобретает, то яды исследует. Виновной бы сделали девушку, мол, не вынесла такого отношения и отомстила ненавистному хозяину и сама отравилась.

«Все предусмотрел, гад, — с легким одобрением подумала Виктория, — кроме одного: конт стал слишком привередлив».

Рыдающую девушку увел Рэй, чтобы уточнить детали и заодно утешить...

Эту ночь Виктория спала без сновидений и, проснувшись, долго не могла понять, где находится. За столом, опустив голову на руки, дремал Тур. Солнце стояло уже высоко, сквозь открытое окно слышались веселые голоса.

— Кир Алан, — в окошко заглянул улыбающийся Рэй одетый в светлую рубаху, по вороту которой были вышиты синие — то ли собаки, то ли крокодилы. — С праздником! Вас только и ждем, чтобы начать.

— А сколько времени? — сон на узком и жестком сундуке дал о себе знать затекшей

рукой и нытьем в шее.

— Да уже скоро обед, — усмехнулся в бороду богатырь.

— Как обед? Тур! Ты какого лешего меня не разбудил? А как же завтрак в кругу семьи?

Мальчишка низко склонился и указал рукой на лыбящегося Рэя, затем сложил ладошки вместе и приложил их к щеке.

— Не ругайтесь, кир Алан, — добродушно произнес капитан, он оперся на подоконник локтями и смотрел на конта слегка затуманенным взором. Виктория принялась, от воина ощутимо пахло вином. — Кирена Литина с Даром отзавтракали, а вас я приказал не будить. Дева Маруана не гневается, если к ней отдохнувшим прийти. Ночка впереди длинная и приятная для одиноких сердец, ищущих душевное тепло, для сердец стремящихся согреть друг друга. — Виктория почувствовала, как у нее непроизвольно открывается рот и быстро его захлопнула. Рэй романтик? Это нечто новое. — А что такое леший?

— Дух, живущий в лесах.

— Вона оно как. Гадостный видать дух, коль вы им ругаетесь? — задумчиво протянул Рэй и по слогам повторил, — ле — ший.

Виктория не сомневалась, что скоро лексикон местного гарнизона обогатится еще одним русским словом. Нет, ну что она за человек? Нормальные переселенцы самогонные аппараты изобретают, украшения всякие, порох, пушки, а она учит местных ругаться.

— Сегодня на площадку, что вы приказали за стеной построить, свинья забежала, так двое воинов ее гоняли, — продолжил тем временем Рэй. — Весело было. А я все не мог понять, что это вы придумали? Хорошая тренировочная площадка. Только не все на ней понятно.

— О, Саника достроил полосу препятствий? — приятно удивился конт. — Отлично! Завтра и начнем с утра. Похмеляться, — зловеще пообещал он, выходя из комнаты и на ходу протирая лицо мокрым полотенцем, которое ему вручил Тур.

Рэй озадаченно почесал бороду, достал откуда — то морковку и, засунув ее в рот, пошагал на замковую площадь.

— Конт проснулся! Зажигай! — раздался его звучный бас.

Гуляли за стенами — Кровь, несмотря на свою величину, не смогла бы вместить в себя такое количество веселящегося народа. Праздновали весело, с размахом. Деревянные щиты, положенные на козлы были сплошь заставлены тарелками и кувшинами. Прямо на площадку перед столами выкатили большую бочку, из которой разливали вино — кислое и некрепкое. Но местным и этого хватало. Сидели вперемешку — рабы с вольными, дети со взрослыми, воины со слугами. Отовсюду слышался смех, пение и скабрзные шуточки. Дежурившим воинам служанки отнесли на стены по кружке вина и тарелке с закусками. Посты внутри донжона и оружейной Рэй снял, закрыв все на огромные навесные замки, оставил только стражу на стенах и на смотровой башне, заверив Викторию, что сегодня не стоит опасаться нападения. Воевать на бабадень — гневить Вадия, а именно он дает удачу в бою.

Конт Валлид сидел во главе стола, с женой и сыном. По обе стороны от них разместилась местная «верхушка» — Рэй, что — то громко рассказывал Иверту, ксен беседовал с Литиной, Нанни и Райка слушали мастеров, периодически начиная громко хохотать. Все держались почтительно, но непринужденно, словно сегодняшний праздник стер социальные различия между людьми. В начале застолья конт торжественно вручил Литине подарок и толкнул проникновенную речь — тост во славу прекрасных дам. Если коротко, то речь свелась к трем словам: «Женщина тоже человек» и была встречена дружным криком, что не удивительно — народ гулял с утра, и это была уже вторая бочка вина. Крольчиха произвел фурор. Невиданный на фронтире зверь вызвал у женской части населения множество восторженных ахов. Но больше всего Викторию порадовало счастье в глазах Литины. Наверное, это был первый подарок за все время ее замужества. Она гладила мягкую шерсть, прижимала зверька к груди и не спускала с рук все время

обеда, с умилением и детским восторгом скармливая ей зелень со стола. А еще она бросала на мужа очень красноречивые взгляды, но конт делала вид, что увлечен застольем.

Впервые Алан видел вместе всех своих людей. Их оказалось очень много, намного больше, чем приносили клятву новому конту Валлид. Виктория наклонилась к брату Туриду который сегодня был на удивление щедр на разговоры и спросила:

— Откуда столько людей?

Оказалось все просто, на праздник пришли родственники работающих в замке слуг, многие с детишками. Дети первыми и не выдержали. Где это видано, чтобы ребяшня смогла долго усидеть на одном месте, даже если это место — стол с угощением? Перемешавшись в одну пеструю толпу, они быстро разделились на две команды и затеяли веселую возню с мягким кожаным мячом набитым опилками. Передавая мяч от одного игрока к другому, его нужно было закинуть в лежащий на траве веревочный круг команды — соперницы. Естественно каждая команда стремилась захватить мяч и помешать противнику. Визг, гвалт, крики, разбитые носы и колени, но счастье просто летало в воздухе. Не часто этим детям удастся вот так порезвиться. Дар, ерзал на скамье, не решаясь выйти из — за стола без разрешения. Виктория это видела, но не помогала сыну принимать решение. Пусть учится быть самостоятельным. В итоге мальчик набрался смелости и попросил дозволения присоединиться к друзьям. Конт не возражал, несмотря на полный укоризны взгляд Нанни. Пусть общается, где же ему взять в компанию детей высокородных аристократов? Впрочем, если конт Валлид все же решится бороться за трон, то у Дарена может оказаться совершенно другая судьба. Виктория задумалась, вспоминая свой сон и разговор с Вадием, и очнулась, лишь ощутив на себе чей — то внимательный взгляд. Она повернула голову. Почти черные глаза отразились в изумрудных. Отразились и утонули. Предательски заалели уши под распущенными волосами. Какое счастье, что она не остригла волосы! А ведь собиралась, но Берта нет, а больше конт никому не доверял свою голову. Даже не брился эти дни, и теперь лицо покрывала черная жесткая щетина. Берт, как же мне тебя не хватает! Словно одной руки лишился.

— У тебя хороший сын Бешеный Алан. Хороший, но пока слабый. Ему предстоит многому научиться, чтобы стать настоящим воином и настоящим сыном своего отца, — Иверт поднял кубок и, отсалютовав конту, отпил глоток, а затем повернулся к Рэю, продолжая прерванный разговор.

Конт слегка усмехнулся. Игуш был немногословен, и если говорил, то не всегда было понятно насколько он серьезен.

Завтра они отправятся за Бертом. Вдвоем. Потому что большее количество воинов будет расценено Ястребом, как нападение. Завтра она либо вернет Берта, либо попадет в ловушку. Верит ли она Иверту? Нет. Она влюблена в этого зеленоглазого мужчину, но это не означает, что она может ему доверять. Но... выбора никто не предоставляет. Рэю она еще ничего не говорила, зачем портить Маруанин день и себе и капитану?

Праздник продолжался, народ уже давно перемешался, сидели, обнявшись парочки и конт с удивлением увидел, как Рэй нежно прижимает к себе Райку, а она и не думает огревать его сковородкой по наглой роже! Чудеса, да и только!

— Сейчас будут жечь костры, — повернулась к нему Нанни. — И будут хороводы. Берт очень любит этот праздник.

Конт присел перед Нанни на корточки обхватил ладонями ее лицо и, глядя в глаза произнес:

— Нанни, завтра Берт будет дома! Верь мне. Слышишь? Верь! Я его не оставлю.

— Я верю, — прикусила она губу, чтобы не расплакаться.

Виктория ее понимала. Как же она ее понимала! Она тоже была матерью. Конт нежно поцеловал Нанни в лоб.

— Хочешь, я провожу тебя домой? Может ты устала?

— Нет, спасибо, я лучше еще посижу. Среди людей мне легче.

Откуда — то появились трещотки, свирели и бубны. Раздалась нескладная, но задорная мелодия. Девушки подхватились со своих мест, увлекая кавалеров. Вспыхнули два больших костра. Вокруг них тот же час образовались два хоровода — мужской и женский. Конта со смехом подхватила за руки Светика и одна из кухарок — обе нарядные, с яркими лентами в волосах, в расшитых белых платьях, подпоясанных цветными узорчатыми поясами — оберегами. Обе раздуманные, разгоряченные легким вином и аурой веселья разливающейся в воздухе. А, была не была! Что сегодня думать о том, что может случиться завтра? Что кручиниться о несбыточном? Сегодня и здесь она жива и здорова. Так будем же веселиться и не вспоминать о проблемах!

Конта под шум и смех втянула в мужской хоровод и словно только его ждали, грянула веселая разухабистая песня:

Разгорайся огонь, брызни искрами,=

Дай нам силы живой, силы дай молодой,

Чтобы род не зачах, да любовь была в очах

Чтобы дева молодая не скучала, а плясала...

И в ответ звонко запел женский хоровод:

Руки девам протяните, да покрепче обнимите

На огонь тот посмотрите,

Только парни поспешите

Да любовь свою найдите...

И распались оба хоровода, переплелись, смешались, образуя пары. Со смехом парни ловят разбегающихся девушек, а те не особо — то и стремятся убежать. А потом, взявшись за руки, довольные друг другом парочки целуются и, не разжимая рук, со смехом под веселый перезвон незатейливых музыкальных инструментов прыгают через костер и вновь целуются. Завертело, закружило веселье Алана и вот уже он прыгает через костер за руку со Светикой, громко целует ее в щеки, а на другой стороне костра его подхватывает за руку другая девушка и вновь поцелуи, смех, кокетливые взгляды. В какой — то момент Алан вытягивает из — за стола жену и уже с нею они кружатся в плавном смешанном ручейке — хороводе под медленную тягучую мелодию, которую выпевает красивые женские голоса.

А потом дети приносят множество соломенных фигурок — страшненьких и неуклюжих и под громкий стук барабанов бросают их в костер. Это невзгоды и болезни. Горите синим пламенем!

Ну почему там, на далекой Земле мы забыли, как нужно отдыхать? Почему не сохранили это чудо, эти обряды, эту сильнейшую энергетику, которая напитывает каждый нерв, каждую клеточку тела, каждую ниточку души, связывающую нас с мирозданием? Как много мы забыли в угоду чужим богам, в угоду чужим планам, заменив духовное на материальное.

Виктория провела Литину до ее комнаты, пожелала спокойной ночи, сделав вид, что не замечает призывные и разочарованные взгляды жены, проверила, лег ли Дар, и поднялась на смотровую площадку донжона. Часовой поклонился конту и отошел в сторону, чтобы не мешать господину думать. В поле еще мелькали фигурки празднующих, догорали костры, слышалось тихое печальное пение. Впереди много работы: нужно вернуть домой Берта; оборудовать наблюдательный пост на скале; набрать молодых бойцов и начать обучение; помочь ксену организовать школу; проехать с ревизией по своим угодьям; добраться до моря; познакомиться с местными дворянами; наказать барона Линя; разобраться с храмовниками и самое главное — при этом не умереть. Звезды казались так близко, что протяни руку и достанешь. Чужое небо с незнакомыми созвездиями. Нет, уже не чужое, поправила себя Виктория. Небо моей новой родины.

ГЛАВА 10

И достали тогда мечи братья — золотой и черный

и изгнали духов в мир их проклятый

и запечатали в пещере на дне моря.

Но коварный Вадий ночью приоткрыл двери,

и некоторые духи успели вернуться.

Зачем ты это сделал? — спросил утром Ирий у брата.

Расхохотался Вадий и сказал, что темные духи даны людям,

как испытание веры, а светлые — помощниками

и тогда Ирий склонил голову, соглашаясь с братом.

Разбудил ее крик часового.

— Всадник на горизонте! Одинокий всадник!

В окне виднелось серое затянутое тучами небо, но дождя не было. Надо вставать. Слегка болела голова. Хотя она старалась не пить много, но ей, похоже, хватило и двух кубков вина. Тура не было, пришлось надеть вчерашнюю одежду и, зевая во весь рот спуститься вниз. Кого там принесло?

Она как раз успела подойти к воротам, где уже стоял Рэй с тремя воинами — полностью одетые, в легкой броне, с мечами и копьями, готовые отразить неожиданную атаку.

— Это Искореняющий с какой — то бабой! — проорал сверху стражник.

— Открыть! — приказал Рэй, удобнее перехватив копьё. — Отойдите — ка в сторону, кир Алан, мало ли что, — не спуская глаз с ворот, произнес капитан.

«Мало ли что» не случилось. Едва въехав во двор, Алвис соскочил с лошади и осторожно снял женщину, закутанную в его плащ.

— О, Вадий! — прошипел Рэй. — Что с ней?

— Не знаю, — тряхнул головой ксен. — Несите ее к брату Туриду, пусть займется. Мне кажется у нее полное истощение. Я ее нашел уже в таком состоянии в рыске отсюда.

Виктория сделала шаг вперед и откинула капюшон с лица женщины. Друида. Почему она не удивлена? Конт посторонился, пропуская воина который быстрым шагом понес ворожею в сторону храма, навстречу ему уже торопливо шла Райка, она всплеснула руками и побежала к пристройке, где ночевал ксен.

— Твой конь...

— Загнал. Жаль. Великолепное было животное, — Алвис развернулся к упавшему коню, сел перед ним на колени, обнял за голову и спустя мгновение из перерезанного горла на замковые камни хлынула кровь. — Прикажи рабам разделать и отнести на кухню, — бросил он одному из воинов.

— Это страшнее, чем смерть человека, — прошептал конт. — Что случилось, отчего ты так спешил в Кровь?

— Всадник на горизонте! Одинокий всадник! — вновь заорал часовой, словно заевшая виниловая пластинка.

На этот раз это был незнакомый воин — совсем еще мальчишка, бледный и испуганный.

— Владелец Крови, кир Алан конт Валлид, моя госпожа баронесса Рогана, просит помощи. У нас рабы взбунтовались! Барон Роган убит, кирена умоляет поспешить!

Виктория перевела взгляд на Рэя.

— Ваш сосед слева, в дружине всего двадцать воинов. Один молодняк из весчан, не бойцы, а .... — капитан выругался и сплюнул на землю.

— Сколько рабов? — отрывисто поинтересовался Искореняющий.

— Тридцать взрослых, но к ним слуги присоединились и кое — кто из дружины.

— Конт Валлид, вы ведь не откажете женщине? — в словах Алвиса Виктория не услышала ни капли издевки.

— Алвис, тебе не кажется, что каждое твое появление приносит мне проблемы? — она, прищурившись, рассматривала ксена. Уставший, небритый, как и конт, грязный. Где же тебя носило, мистер Загадка?

— Вам виднее кир Алан, но возможно в этот раз я принесу вам удачу? — поклонился ксен. — Капитан, возьмите двадцать человек. Думаю, этого хватит. Я еду с вами, — Искореняющий направился к конюшне. — Конт Валлид, вы позволите мне взять лошадь?

— Кир Алан, не сердитесь, — Рэй все прочел на лице своего воспитанника. — Он не простой Искореняющий. Он — Рука. Мы ему особенно и не нужны, но если барон убит, вы можете стать хозяином его земель. Именно на это намекает брат Алвис. Какой будет приказ? Выступаем?

Конт Валлид ответил ему длинной и непонятной фразой на незнакомом языке.

Только все начало налаживаться! Бунт, мать его! Как не вовремя! Именно в тот день, когда она планировала отправиться за Бертом!

— Рэй, слушай мою команду, — Алан решительно шагнул к дому. — Я возьму десяток бойцов. Ты остаешься. Молчать! — гаркнул конт, увидев, что капитан раскрыл рот пытаясь возразить. — Кто в доме хозяин? Я или мыши? К моему возвращению чтобы на Красной скале стояла сторожевая будка и была натянута веревка между донжоном и скалой. Разметку я сделал и для сторожки и для крепежа. Да смотри, чтобы веревка не оборвалась под весом воина в полном вооружении, лучше переплести нескольких штук. Будет мешать дерево — спили.

— Сильно натягивать? — недовольно буркнул капитан.

— Как тетиву. И нарежьте ремней из бычьей кожи такой длины, чтобы концов хватало на петли вокруг ладоней.

— Зачем?

— А как ты на скалу спускаться собрался?

Рэй нахмурил светлые брови, а затем понял и согласно закивал.

— Ремень перекинуть через веревку и на нем спуститься. Это же просто! Помню, как малым был, мы с друзьями так в озеро прыгали с ветки. Сделаем, кир Алан.

— Запри ворота, усиль охрану стен, и будьте наготове. Дурное у меня предчувствие.

— Кир Алан, так может, я пойду...

— Рэй, мои приказы не обсуждаются! Помоги мне одеться и Расскажи кто такой Рука?

— Храмовники называют его Длань, — поправил Рэй. — Вам бы лучше брата Турида расспросить, я не очень силен в жизнеописаниях.

— Расскажи, как знаешь, — конт натянул толстую рубаху — поддоспешник и повернулся спиной к капитану, чтобы тот затянул шнуровку.

— В Песнях Жития сказано, что Ирий и Вадий близнецы, но Ирий — держит меч в правой руке, а Вадий в левой. Ирий обнажает клинок только против врагов рода человеческого, а Вадий не против и человека укоротить на голову, коли тот заслужил.

Когда храмовники выбирают Наместника, он клянется не обагрять свои руки кровью, как никогда не пролил кровь людскую Светлый Ирий. В знак принятия сана Приближенные торжественно зашивают левый рукав его одеяний, и с этого момента Наместник ничего не делает левой рукой, рукой символизирующей Темного Вадия. Для неблагоприятных дел у него есть Длань, его левая рука. Все что делает Длань, делается именем Наместника и по его воле.

— И сколько у Наместника этих Рук? Одна?

— Никто не знает, — пожал плечами Рэй, натягивая на конта кольчугу. — Но их деяния не оспариваются, ибо если устами Наместника говорит Ирий, то Длань ведет Вадий.

— А ты его в тюрьму сажал, — усмехнулся Алан.

— Я только сегодня увидел у него татуировку на руках, а до сих пор даже не подозревал, что брат Искореняющий такой важный человек, — улыбнулся Рэй, протягивая конту ножны с Яростью. — Будьте с ним осторожны. Говорят, сам Вадий иногда занимает их тела. Про них вообще много чего говорят, но я не всему верю. Знайте конт Валлид, если с вами что — нибудь случится по вине брата Искореняющего, меня не остановит его татуировка. Закопаю у выгребной ямы. Он всего лишь человек, хотя и неплохой боец, но здесь на фронтире быть неплохим бойцом слишком мало.

— Не боишься ты Наместника, — пошутил Алан.

— Раньше боялся, да было время подумать, — спокойно ответил Рэй, вытаскивая откуда — то из — за спины морковку. — Хотите? — Виктория отрицательно покачала головой, она не любила вкус моркови. — Теперь пусть он боится, когда истинный король придет за своим тронном.

— Спасибо, Рэй, — усмехнулся Алан, закидывая за спину колчан со стрелами. По крайней мере, теперь он знает, что если что — будет отомщен. И это приятно.

— Где ваш темный оберег?

— Какой оберег? — не понял конт.

— Тот, что вам дала друида. На возвращение домой. Оберег, который всегда притянет ваш дух к дому?

А действительно, где? Виктория попыталась вспомнить. Вчера вечером его уже на ней не было.

— Наверное, в мыльне оставил. Перед тем, как на ярмарку ехать.

— Кир Алан, — Рэй был как никогда серьезен. — Негоже разбрасываться такими вещами. Друиды почти никогда не делают обереги чужим. Вам оказали честь, а вы поступаете как мальчишка! Неужто и о силе ворожей вы забыли? — капитан покачал головой. — Спускайтесь к людям, а я сбегая в мыльню, поищу. Это же надо..., — бубня себе под нос, он покинул конта.

Виктория только посмеялась, что может сделать мешочек с землей? Но раз Рэю это так важно, она его нацепит на шею. Она никогда не верила во все эти амулеты от сглаза и на удачу, горстями привозимые из Египта и Индии, как не верила в приметы, черную и светлую магию, экстрасенсов и прочую ерунду. Есть научно — технический прогресс, а все остальное — бабские забобоны и самовнушение!

Замок барона Рогана был намного меньше Крови и представлял собой четырехкрылую постройку высотой в два этажа, огороженную высоким каменным забором и рвом. Сам замок находился в низине окруженный невысокими поросшими лесом горами, и ров служил не только частью оборонительной системы, но еще исполнял роль дренажа. Весной в него стекали талые воды, но сейчас его дно поросло густой зеленой травой. Подъемный мост был опущен, над замком поднимался вверх черный дым, но что именно горело, понять было невозможно. Когда отряд подъехал к воротам, они распахнулись.

— Они заперлись в казарме! — молодой воин с окровавленной головой указал рукой в сторону низкого длинного здания. — Эти гады разграбили и подожгли оружейную!

— Где капитан? — Алан спешил, оглядываясь по сторонам. Небольшой внутренний двор с колодцем, конюшня, загородка со свиньями, казарма. На каменистой земле виднелись подсохшие пятна крови, у стены небрежной грудой лежали трупы. В основном в серых рваных одеждах, на некоторых были ошейники.

— Кир Алан, я рада приветствовать вас в замке семьи Роган, — к ним спешила статная дама, придерживая кончиками пальцев длинную темную юбку.

Крупный тонкий нос с горбинкой, большие серые глаза, льняные волосы, собранные в косу вокруг головы, дорогие перстни на пальцах и абсолютное хладнокровие. Хозяйка замка? Её сопровождал белокурый молодой воин в кожаном доспехе, его правая рука покоилась на груди в повязке из косынки. Красивый мужчина, отметила про себя Виктория.

— Брат Искореняющий, какая удача! Прошу темного благословения, — дама присела перед Алвисом в глубоком реверансе, и он осенил ее знаком Вадия. — Теперь я могу быть уверена, что мой сын останется жив, а бунтари понесут наказание!

— Баронесса, мы спешили, как только могли, но я вижу, вы прекрасно справились и без нас, — вступил в разговор Валлид, про себя злясь, что сорвался с места, оставив Кровь. Чувство тревоги не покидало Викторию, мышью скребясь в желудке и не давая покоя.

— Вы ошибаетесь, кир Алан, — покачала головой баронесса. — Капитану Сержику, — она кивнула на воина, — удалось оттеснить бунтарей к казарме и запереть их там, потеряв при этом половину отряда. В данный момент верные мне слуги тушат пожар в оружейной, чтобы огонь не перекинулся на другие помещения, оставшиеся бойцы держат на прицеле окна и двери казармы, но их очень мало. Не сочтёте за труд приказать вашим воинам помочь им?

Аристократка до мозга костей. На первый взгляд абсолютно спокойна. Ни один волосок не выбился из причёски, взгляд прямой и строгий, в нем нет ни капли нервозности, ухоженные руки не трясутся, только чуть расширены зрачки. Значит, все же волнуется. Алан кивнул и отдал короткое распоряжение, за его спиной осталось всего двое воинов, но зато каких! Оба, статью, почти не уступали Рэю. Капитан сам отобрал десятку, которая поехала с контом и Виктория была уверена, что здесь лучшие воины гарнизона. Баронесса поблагодарила кивком головы и продолжила:

— Капитан Сержик введет вас в курс дела.

— В казарме два боковых окна и центральное чердачное, — вступил в разговор блондин, — бунтовщики захватили луки и арбалеты, они пытались удержать три стороны, но моим воинам удалось закрыть торцевые окна щитами. Однако на чердаке сидит неплохой лучник.

— Так сожгите их и все дела, — спокойно предложил Искореняющий, словно речь шла не о людях, а о пачке бумаг.

— Не могу! — впервые в голосе баронессы Рогана прозвучало отчаяние. — У них мой сын!

— Он еще жив? — с интересом спросил ксен, скидывая с себя сутану.

— Надеюсь на это, — баронесса взяла себя в руки. — Они знают, что пока юный барон Рогана жив, у них есть шанс.

— Переговоры?

— Пока бунтовщики никаких требований не выдвигали, — ответил капитан Сержик.

— Тебе не кажется это странным, — ксен внимательно смотрел на воина, и под его взглядом голова капитана клонилась к земле, Виктории даже показалось, что он начал задыхаться.

— Никак нет, брат Искореняющий. Среди них много раненых, даже если мы их выпустим, далеко они не уйдут.

— Из — за чего начался бунт? — Виктории действительно это было интересно.

— А какое это имеет значение, кир Алан? Рабы неповиновались приказу своего хозяина, мало того, когда барон приказал им разойтись, они потребовали от него справедливого суда! Это словно ваш стул начнет требовать привилегий и справедливости, потому что ему тяжело держать ваш вес! — все это было произнесено баронессой спокойным голосом со светской улыбкой на устах, будто они стояли на паркетном полу бального зала, а не рядом с кучей окровавленных трупов. Виктория поняла, что баронесса ей не нравится.

— И все же кирена, ответьте на мой вопрос, — холодно произнес конт Валлид. — Я должен понимать ситуацию в своих новых владениях.

Еще не прозвучали последние слова, как у шеи капитана Сержика замер меч одного из Алановских воинов. Со стороны казармы послышался звон оружия и раздался свист.

— Дружина барона разоружена, кир Алан, — сообщил один из воинов. Виктория кивнула. Некому сопротивляться, воины барона были щенками против матерых волков, пришедших с нею.

Баронесса оказалась превосходной актрисой. Глаза женщины расширились, она прижала руки к груди и повернулась к Искореняющему за поддержкой, но он с безразличным видом, рассматривал шпиль замка, на котором уже развивался голубой вымпел с двумя скрещенными ключами.

— Замок взят моими людьми баронесса, я жду ответ на свой вопрос.

Виктория чувствовала себя героем тупого американского боевика. Этаким пародийным Цезарем — пришел, увидел, победил. Игра, просто игра, которая позволит баронессе сохранить лицо, а конту безболезненно подмять под себя кусок земель. Рэй еще в Крови проинструктировал бойцов, что и как нужно сделать. Баронесса Рогана не была дурой и прекрасно понимала, что ей никто не позволит править без мужа. Из всех соседей она выбрала самого родовитого —онта Валлид, тем более среди местной знати уже десятицу усиленно ходили слухи, что конт ищет себе новую жену. Он молод, красив, богат и с хорошей родословной. Почему бы не принять его покровительство? И она отправила гонца в Кровь.

— Баронесса, ответьте конту Валлид, — мягко произнес Искореняющий начиная медленно закатывать рукава.

— Кто — то из воинов взял рабыню на праздничную ночь, — презрение в голосе баронессы можно было черпать ложками. — Не знаю, что между ними произошло, но девка сдохла.

— Это отвратительно, — процедил Алан, чувствуя, как внутри все леденеет.

— Согласна с вами кир Алан. Я приказала капитану если такое произойдет еще раз, удерживать стоимость рабов из содержания виноватого. Я не позволю портить безнаказанно свое имущество...

Баронесса еще что — то говорила, но Виктория ее не слушала. «Представь, что это просто задание, секретное задание, а ты шпион в стане врага. Не нужно хвататься за меч. И придушить баронессу ты всегда успеешь. Расслабься, — уговаривала она себя. — У них другой менталитет. Они так привыкли. Вспомни Скарлетт, она ведь тоже была рабовладельцей». Но вместо Скарлетт перед глазами стояло избитое лицо безногой рабыни, и черная ярость стремительным горьким потоком поднималась от паха к груди, требуя немедленного выхода. Чужая, незнакомая Виктории ярость. Невыносимо заболела голова, она прижала пальцы к вискам, пытаясь унять боль. На ум пришла ассоциация с приговоренным к смерти на электрическом стуле, наверное, такие же ощущения испытывает преступник, когда ему на макушку надевают железную шапочку и дают первый разряд. Казалось, еще немного и голова взорвется изнутри. И вдруг стискивающая мозг раскаленная шапочка лопнула — плотину чужой памяти прорвали воспоминания...

...Саника вздернутый за руки к потолку, а у его ног истерзанная девичья фигурка.

Виктория видит свои руки завязывающие пояс на штанах, ей хорошо, по телу разливается приятная усталость, она подходит к поскуливающей девушке и с размаху бьет ее ногой в живот....

...Она точно знает, что отца в замке нет, но все равно крадется вдоль стены, стараясь не шуметь. Вот, наконец, заветная дверь в кабинет. За нею спрятано то, чего она жаждет больше всего на свете — засахаренные орешки, целый кулек сладких, вкусных, липких орешков. Она много не будет брать, только себе и Берту, чтобы отец не заметил. Какой высокий буфет, она тащит тяжелый стул, залазит на него, тянется за вазочкой. Еще немного, еще...

— Ублюдок, кто тебе позволил выходить из своей комнаты?

Отец! Он никуда не уехал! От страха она падает вместе со стулом...

...Больно... Так больно... болит попа и спина. Нанни смазывает ей спину мазью и тихо приговаривает, но она не слушает. Ненависть к отцу поднимается откуда — то из самых темных глубин сердца, и она шепчет: «Я убью тебя, убью».

... Девочка в бледно — голубом, завитые золотые локоны, большие голубые глаза в тон платью, вздернутый нос. Дочь соседа, первая и единственная любовь. Как же ее звали? Виктория протягивает ей кулак. Там в кулаке зажато самое дорогое, что у нее есть — тоненькое сапфировое колечко. Девочка фаркает и отбрасывает протянутую руку с подарком: «Ты такой некрасивый! Фи! Черные волосы, черные глаза, ты похож на анчуту!»...

... В окне отражается худой ссутулившийся подросток, в ярости сжимающий кулаки. Виктория знает, что это она. Отец издевается? Как он посмел прислать эту кривую служанку! Да на нее даже одноглазый плотник Варан не позарится, она прыщавая и у нее изо рта воняет! Совсем не так юный виконт представлял свой первый раз.

— Кир Алан ваш отец приказал мне сегодня спать с вами. Сказал, что вам пора стать мужчиной.

Какое гадкое чувство в груди, она ведь видит, что служанка её презирает. Злость и обида накатываются одновременно, да она над нею смеется! Она сговорила с отцом и теперь над нею издевается! Виктория изо всех сил бьет девушку в грудь, та падает, и она начинает избивать упавшее тело ногами. И вдруг приходит необузданное нестерпимое желание и ей уже плевать, что под нею хрипит окровавленное тело. Они все ее ненавидят! Так пусть теперь ее боятся! Она заставит! Заставит!..

Чужие воспоминания — яркие, отчетливые, осязаемые заставили тело согнуться пополам, вываливая на камни скудный завтрак. Отголоски памяти Алана Валлид перемешались с воспоминаниями Виктории Викторовны и она уже не понимала где ее память, а где чужая. «Я схожу с ума». Но почему? Почему именно сейчас?

Оберег! На возвращение! Возвращение! Но ведь память тоже может вернуться! Снять! Немедленно снять! Он притягивает душу домой, он заставляет ее вернуться! Но у этого тела было две души и что, если оберег притянет душу Алана Валлид, как притянул его воспоминания?

Рука нашарила веревку и изо всей силы ее дернула. Маленький кожаный мешочек отлетел в сторону. А вместе с ним ушли вглубь памяти и отзвуки чужих воспоминаний. Конт выпрямился и столкнулся с внимательным, задумчивым взглядом Искореняющего.

— На завтрак съел несвежее яйцо, — буркнул Алан, принимая из рук воина баклажку с вином. — Со мной уже все хорошо. Давайте закончим.

— Как прикажете, конт Валлид, — склонил голову Алвис, Виктория только хмыкнула, — Прошу вас с баронессой остаться там, где вас не заденут стрелы.

— А ты?

Вместо ответа ксен стянул с себя рубашку и остался с обнаженным торсом. Рядом всхлипнула баронесса, и тихо ахнул кто — то из мужчин, раздались глухие звуки, и Виктория обнаружила, что она единственная кто остался стоять на ногах. Остальные

смирненно преклонили колени, опустив головы. Искореняющий с усмешкой смотрел на конта, но постепенно в его глазах начало появляться удивление, сменившееся легкой задумчивостью. Виктория в свою очередь с любопытством рассматривала Длань Наместника, вызывающего такой ужас у окружающих. А ксен великолепно сложен. Ни грамма жира, но в каждой налитой мышце чувствуется сила и грация, он напоминал Виктории большого и хитрого хищника. Не тигр, тот слишком тяжелый, и не лев, который слишком медлителен, больше всего Алвис был похож на ягуара. Хитрый, сдержанный и стремительный. И чертовски привлекателен, как она раньше этого не замечала? Вот стоит мужчине раздеться и он сразу приковывает внимание, хихикнула она про себя, обходя вокруг неподвижно стоящего ксена. Виктория наконец — то смогла рассмотреть символы его служения. От левого локтя вверх поднималась виноградная лоза, она разрасталась, переплетаясь ветвями, играла, скользила по телу, покрывая плечи и спускаясь на грудь.

— Так вот как выглядит Длань Наместника без рубашки. Оригинально. И что это означает? — конт бесцеремонно ткнул пальцем в татуировку виноградной грозди. — Что ты круче кипятка?

— Это означает, что очень скоро вам придется вершить суд владетеля. Забыл сказать, я привез вам ответ из канцелярии Приближенного, ваша просьба о разводе удовлетворена. К ответу прилагается список невест, из которого вам надлежит выбрать себе супругу.

Как же! Разогналась! Вот все бросит и начнет выбирать себе невест из списка храмовников! Наивные! Быстро они, однако подсуетились. Слишком быстро. По ее подсчетам гонец еще даже до столицы не добрался. Какой же почтой вы пользуетесь, господа святоши? Какие тайны храните? Очень хотелось бы узнать. Интересно, как это воспримет Литина и что теперь с нею делать? Кое — какие идеи у Виктории были, но захочет ли жена? Бывшая жена... Черт! А ведь жизнь налаживается! Холостяк! Ура! Конт вновь холостяк! А с храмом она разберется, правильно сказал Рэй — они всего лишь люди.

А пока посмотрим на шоу. Виктория свистнула своим воинам и, не обращая, внимания на баронессу последовала за братом Искореняющим, который спокойно вышел на простреливаемую площадку перед казармой, встал, развел руки в стороны и начал звать к Вадю — длинно, протяжно, на одной высокой ноте. Его вибрирующий голос тугой спиралью уходил вверх. Это пение завораживало, казалось, что остались лишь конт, ксен и его голос. Мир вокруг потемнел и отдалился, на смену ему пришли неясные тени, окружившие их со всех сторон. Голос, тени... И глаза. Карие глаза Алвиса, в которых мелькали серебряные всполохи. Вокруг опять все бухнулись на колени и затихли, даже птицы перестали чирикать и из загона с животными не раздавалось ни единого звука. Алвис закончил так же резко как начал.

Дверь казармы открылась, и из нее начали выходить люди — женщины, мужчины, дети, старики, последним вышел коренастый широкоплечий раб с черной бородой, на руках он держал спеленатого младенца. Люди выстроились в ряд и в абсолютной тишине опустили на колени, склонив головы. Только двое остались стоять в этом полном безмолвии. Кто же ты такой брат Искореняющий? И отчего у конта вдруг стали ледяными руки и появилось огромное желание согнуть колени?

— Почему вы не преклонили колени перед темным ликом?

Глаза ксена слегка светились серебром. Впервые Виктория видела в них незамутненное удивление. Алвис смотрел на конта, и в его зоре таяли вопросы, которые он так и не задал. Она медленно положила ладонь на рукоять кинжала. Привычные движения разогнали холод, а ощущение теплой рукоятки под пальцами вернуло уверенность. Вокруг стояла звенящая тишина, даже насекомые облетали застывших людей стороной. Слишком тихо, нереально тихо. Виктория перевела взгляд на своих воинов, они тоже стояли на коленях, опустив головы. Здесь были все жители замка. Когда успели появиться слуги в закопченных одеждах и раненные воины, она даже не заметила. Нейролингвистическое программирование? Массовый гипноз? А фамилия Алвиса — Мессинг? Такие умения вызывают страх, ведь прикажи ксен, и вся эта зомбированная толпа может броситься на конта. Это страшно, но с этим разберемся позже, к ксену накопилось слишком много вопросов, ответы на которые ему придется дать. Виктория развернулась к своим воинам. В груди привычно поднялась ярость, сменяя беспокойство и мрачные мысли. Впервые она была рада ей, словно старая и долгожданная подруга

вернулась домой после долгого отсутствия.

— Зачем вас послал со мной Рэй?

Старший среди воинов поднял на конта глаза, но с колен не встал, Виктория заметила, что его взор словно затуманен, а губы кривятся в сдерживаемой улыбке. Обычно так смотрят пьяные люди, как будто стараясь сфокусировать взгляд на определенном предмете. А еще такой взгляд она видела у людей, принимающих опиум... Воин открыл рот и попытался ответить, но не смог. Виктория в бешенстве повернулась к ксену.

— Верни моих людей в нормальное состояние.

Удивительно, но Искореняющий не стал спорить, он поймал взгляд воина и, что — то шепнув, дотронулся кончиками пальцев до его лба.

— Как прикажете, кир Алан, — весело сообщил ксен, переходя к следующему воину.

Виктория проводила его задумчивым взглядом. Такое поведение не было типично для обычно сдержанного и строгого брата Искореняющего. Неужели она в нем ошиблась, и этот молодой мужчина может быть открытым и веселым? И таким привлекательным... По телу пронесся горячий вал и застыл где — то внизу живота. Да что это за мысли такие? То она краснеет и бледнеет при виде обнаженного игуша, теперь странные думы и желания возникают при взгляде на татуированную грудь Искореняющего. О, нет! Только не это! Неужели молодое тело все же берет вверх над разумом? И почему оно реагирует на мужчин, и лишь изредка на противоположный пол? Потому что мозг не воспринимает женщин как сексуальный объект, вот почему. Она ведь ощущает себя стопроцентной женщиной, запертой в мужском теле. Как все сложно! Не думать, не сейчас! Конт тряхнул головой, отгоняя крамольные мысли, и повернулся к воину, который так и остался стоять на коленях, но его взгляд уже был осознанным и внимательным. Виктория повторила вопрос.

— Капитан приказал защищать вас, кир.

— Интересно, как вы собираетесь это делать, валяясь в пыли на коленях? — Виктория чувствовала, как закипает, она едва сдерживалась, чтобы не ударить ногой по опущенному лицу воина.

— Но... это ведь Длань...

— И что? Ты кому приносил клятву? Мне или Руке?

Воин молчал, молчал и ксен, остальные еще ниже опустили головы к земле.

— Я не могу доверять тем, кто готов вонзить нож мне в спину лишь потому, что это приказал Длань Наместника. Наместник далеко, а я рядом. Здесь и сейчас, вы должны сделать выбор. Те, кто идет за мной — встанут с колен, те, кто остается с братом Искореняющим — останутся в пыли. Считаю до трех. Три... два...

Виктория чеканила отрывистые фразы, не думая о том, что станет делать, если никто не поднимется. У нее в памяти всплыло воспоминание маленького виконта Алана. Пожилой добродушный ксен с улыбкой рассказывает о самом главном человеке в мире, о том, кто заботится о народе — о Наместнике, без которого мир погрузится в братоубийственную войну, голод и катаклизмы. Это внушалось с рождения и было аксиомой, догмой, не нуждающейся в доказательстве и никогда не обсуждаемой. А разве не так было на Земле? Вспомнить дедушку Ленина, отца народов Сталина, героя Мао, живого бога Ким Ир Сена. Виктория не смотрела в сторону ксена, но между лопаток горело. Она помнила это ощущение. Пришлось его испытать, когда во время одной из операций красная точка лазерного прицела остановилась на её груди. Идентично.

— Один...

Встали все, кроме одного воина. Конт кивнул на него, и старший десятки разоружил бывшего сослуживца. Виктория заметила, что ее бойцы старательно избегают смотреть на ксена, а того, похоже, все происходящее весьма забавляло. Он улыбался широко, открыто, при этом в его вновь карих глазах мелькали смешинки. В этот момент ксен выглядел очень молодым. Виктория непроизвольно улыбнулась ему в ответ.

— Алвис, оденься.

— Конта смущает мой вид? — весело спросил ксен.

— Ты даже не представляешь насколько, — пробормотала Виктория, стараясь не плясать на обнаженный торс Искореняющего. Она кивком подозвала к себе десятника. — Как твое имя?

— Серый. Десятник. Пришел в Кровь еще с вашим отцом.

Воин вытянулся перед господином, прижав кулак к груди. Широкоплечий, на полголовы выше конта, с аккуратной русской бородкой и россыпью мелких морщин на обветренном загорелом лице, он напомнил Виктории одного из ее сослуживцев — майора Ермаченка. Пройдоха, но товарищ хороший.

— Проверить казарму, собрать оружие, выставить охрану. Закрыть ворота, поставить туда нашего человека, воинов гарнизона Роган полностью разоружить и связать. Мне не нужны неприятности.

Заминка произошла лишь с капитаном Сержиком, который попытался сопротивляться. Но сильный удар в челюсть помог белокурому красавчику понять всю тщетность его усилий. Против лома нет приема, а кулак Серого не отличался размерами от кулаков Рэя. С пленными здесь не церемонились. Воинов усадили на землю, связав им руки за спинами. К ним присоединили и слуг мужского пола.

— Кирена, отчего вы до сих пор не нашли своего сына? — Алан остановился напротив коленопреклоненной баронессы.

Для нее это было дико, мать, которая не бросилась искать ребенка, как только появилась такая возможность, вызвала в душе Виктории негодование и недоумение. Как можно быть настолько безразличной? Или у нее при виде ксена полностью мозги выключились?

— Встаньте и найдите наконец — то наследника Рогана.

Сзади раздался тихий смех. Виктория резко повернулась на каблуках. Алвис зашнуровывал рубашку и смеялся. Смеялся! При этом на правой щеке у него образовалась ямочка, и выглядел он с нею очень молодо и привлекательно. Это было так необычно и так неуместно, что на мгновение она опешила, а затем внимательно всмотрелась в его глаза. Зрачки расширены. Да он никак обкурился?

— Она не встанет. Пока я не прикажу, никто больше не встанет.

Ксен как никогда был похож на довольного жизнью, обожравшегося кота.

— Так прикажи, — осторожно произнесла Виктория.

Но ведь он не курил, значит, что — то выпил. Какое — то психотропное для увеличения способностей. Конт ухватил ксена за рукав и потащил в сторону.

— Ты что творишь, придурок? — зашипела Виктория в лицо лыбящемуся Алвису, чувствуя себя женой, встречающей мужа после мальчишника. Как же ей при этом хотелось упереть кулаки в бока! Едва удержалась. — Чем это от тебя пахнет? — Она принялась. — Да ты пьян!

— Издержки, — подхихикивая, развел руками брат Искореняющий. — У меня не было времени на медитацию, пришлось усилить способности зельем, а оно готовится на основе настойки багулиса и очень пьянит. Дайте мне немного времени. — Алвис уже не улыбался. — Сейчас... раз уже не надо... — забормотал он, размахивая руками.

Виктория только головой покачала. Психолог, гипнотизер, телепат, менталист и сильный боец... Ксена упускать нельзя. Служба безопасности, возглавляемая этим человеком, будет весьма эффективна. Да, пока он играет на противоположном поле, но это не означает, что так будет всегда.

Тем временем ксен встал перед людьми и громко и отчетливо произнес:

— Вадий велит вести себя спокойно и отвечать на вопросы нового владельца Рогана. Вы не видели здесь Длани Наместника.

Виктория отстраненно наблюдала за происходящим, в голове роилась туча вопросов, ответить на которые она не могла. Что делать с Алвисом? Теперь, когда она воочию увидела, на что он способен, не правильнее ли будет устранить угрозу до того, как брат Искореняющий применит свою божественную силу против конта Валлид? Что делать с баронессой? Назначить опекуней при сыне или отдать замуж за верного человека? Что делать с рабами и воинами Рогана? Она порылась в доставшейся от реципиента памяти, но не нашла ответов ни на один из вопросов. Алана больше интересовали развлечения, чем политика.

Баронесса наконец — то очнулась и с улыбкой сюсюкала с младенцем, его принесла опрятная пожилая женщина, забрав из рук чернобородого раба. Спустя мгновение мать отдала сына кормилице, и та унесла его в дом. Виктории вдруг стало жалко маленького барона, которого вырастит чужая женщина, как Нанни вырастила Алана Валлид — ненавидимого отцом бастарда короля. Когда — то Нанни и Берт были единственными близкими людьми затравленному подростку. Кто знает, каким бы вырос Алан, любя его отец.

— Сир, люди ждут, — раздался голос ксена.

— Как ты меня назвал? — Алан усмехнулся.

— Я вижу ваше будущее величие, — поклонился Искореняющий, чуть при этом не рухнув.

Конт закатил глаза. За эти несколько минут Алвиса развезло еще больше. Что же это за настойка? Надо обязательно попробовать. Может быть, при ее помощи можно иногда расслабляться? Изредка... когда совсем будет неважно.

— Алвис, расскажи, зачем ты здесь? — словно между прочим поинтересовался конт.

Ксен только пальцем помахал, загадочно усмехаясь.

— Я контролирую себя, — сообщил он. — Побочный эффект выражается в хорошем настроении, голоде и... — он поманил конта и шепнул в ухо, — неудержимом желании тела. Посему я вас покину ненадолго.

У Виктории моментально пропал интерес к загадочной настойке. Не хватало еще испытать «неудержимое желание тела» в действии. Она с утренней эрекцией справиться не может, а уж о «неудержимости» даже думать страшно. Виктория проводила взглядом брата Искореняющего, подхватившего двух симпатичных служанок, и подленько захихикала. Ксен дал ей отличный повод для шуток и шантажа. Ну почему злиться на него она не может? Он ведь интригует против конта, а сердиться на него долго не получается. Природное обаяние или тайное оружие?

— Кир Алан, мы готовы, — подошел Серый.

— Кто виновен в смерти барона Рогана?

Конт стоял напротив рабов, заложив руки за спину. Все познается в сравнении. Как никогда Виктория понимала смысл этой крылатой фразы. Люди, стоящие перед ней, совершенно не напоминали рабов Крови. Худые, грязные, со следами побоев, одетые в какое — то рваньё. Обреченные.

— Я виноват, хозяин. — Вперед вышел высокий старик с почти белыми выцветшими глазами. — Я застрелил его из лука. Меня и казните. Это я подбил остальных на бунт.

— Не ври, дед, — устало произнес Алан, жестом приказывая баронессе молчать. — У тебя сил не хватило бы. Расскажи мне правду.

— Правду? — раздался злой голос, и рядом с дедом встал чернобородый. — А правда в том, что барон только и делал, что пил и охотился, всеми делами в замке заправлял Сержик, любовник хозяйки. Набрал щенков в гарнизон, чтобы на их фоне казаться кобелем. Не воинский отряд, а разбойничья ватага. Только пить да девок щупать.

Никакой дисциплины. Вчера один из этих взял себе на ночь девчонку из рабынь. Как мы не просили барона, отбить не смогли. Он только хохотал. А утром закопали ее за стеной. Ей всего восемь лет было! Восемь, конт! Доколе это может продолжаться? Разве мы не люди?

— Где он?

— Свернул я ему шею, — хмуро произнес чернобородый, глядя на конта с вызовом. — Первому и свернул, потом уж на барона бросился. Я один виноват. Вели казнить. Вадий свидетель, лучше смерть, чем такая жизнь.

Виктория прикрыла глаза, медленно считая до десяти. Она ненавидела насильников. Особенно тех, кто зарился на детей. Сейчас главное, не дать гневу выйти из — под контроля, не позволить себе злость, потому что остановиться конт не сможет. Она призвала все свое хладнокровие, всю выдержку. И возможно все бы обошлось, если бы не баронесса Рогана.

— Они не люди, они рабы, — отчеканила она. — Их жизнь принадлежит мне и тем, на кого я укажу. Я могу приказать их всех закопать за стеной, и нет мне судьи.

Виктория сделала глубокий вдох, чувствуя, как сознание заливают липкая тьма. Перед глазами начали мелькать черные точки, все вокруг приобрело красный оттенок, она сжала кулаки, пытаясь бороться с накатившей тошнотой, голова заболела еще сильнее, и тут ее дух вышибло из тела. Она видела конта со стороны и одновременно чувствовала, как двигаются ее руки. Все случилось настолько быстро и неожиданно, что Виктория не успела ни испугаться, ни понять, что же с нею происходит.

Баронесса даже не заметила, как к ней подкрался красивый пушистый зверек с миленькой мордочкой и черными глазками. Песец.

Конт вытер клинок и повернулся к Серому, указывая мечом на ошарашенных воинов Рогана.

— Повесить всех. Слуг заклеить и продать в рабство. Все сжечь. Младенца удавить.

«Нет! — закричала Виктория, прозрачным духом зависнув перед контом. — Остановись! Это не я! Я этого не приказывала! Не делай этого!». Она попыталась вернуться в тело, но у нее не получилось. Её дух беспомощно наблюдал, как конт коротким выпадом пробивает мечом горло связанного капитана Сержика. «Остановись! Так нельзя! Это неправильно!». Но слова звучали лишь для нее, больше их никто не слышал. Ее воины быстро вязали петли, а конт, словно демон смерти с безразличием смотрел на это, скрестив руки на груди.

— Я знал, что так произойдет, — раздался тихий грустный голос. — Ты не сумела смириться с новым телом, и вот результат.

— А причем здесь тело? — не поняла Виктория.

Смотреть на говорившего было больно, словно наблюдать за солнцем без темных очков. Хотя как может быть больно несуществующим глазам?

— Останови его! — крикнула Виктория.

— Кого? — удивился сверкающий незнакомец.

— Алана Валлид! Это ведь его душа вернулась!

— Глупости. Его душа развоплощена, от нее остались лишь отголоски памяти.

— А кто это? — растерялся дух Виктории.

— А это ты. Ты настоящая, которая всегда пряталась в самом дальнем уголке человеческой души. Ты — дикая, необузданная, первобытная, не испорченная верой и моралью. С собственным понятием о чести и справедливости. Ты, от кого отказалась твоя цивилизованная, воспитанная в гуманном обществе половина, заперев в глубинах подсознания. У каждого из нас есть первобытное представление о справедливости.

Незнакомец улыбнулся, а Виктория растерялась.

— Но почему я не могу вернуться?

— А ты хочешь?

Хочет ли она? Ежедневно видеть несправедливость и понимать, что ты бессильна что — то изменить. Каждый день бояться за свою жизнь, бороться с гормонами, с мужским телом, подбрасывающим раз за разом неприятные сюрпризы. Отвечать за массу народа, принимать жесткие решения. Никогда не любить и не быть любимой. Убивать и нести ответственность за эти убийства. Одно дело — исполнять приказы, другое — приказывать самой. Но... Берт, Дар, ее мальчишки, Нанни и Рэй. Как она может их оставить?

— Хочу. Я хочу вернуться.

— Твоя душа уникальна. Создатель трудился над нею не для того, чтобы ты ломала себя. Твоя цивилизованная часть взбунтовалась против того что творит первобытная половинка, она не смогла вынести этого и вот результат. Утеряна гармония. Инь и Янь. Свет и Тьма. Добро и Зло. Вадий и Ирий. Ангел и Демон. Всегда рядом, всегда дополняя друг друга. Без солнца нет тени. Ты этого пока не понимаешь и пытаешься делить душу на два цвета. Что может быть хуже? Это самая большая награда для живого — быть собой. Принимать решения, позволять себе ошибаться, бороться и побеждать, созидать и разрушать. Вам дан выбор. Помни об этом.

— Кто ты?

— Мы еще встретимся....

Как же болит голова! Что это было? Галлюцинация — философ? К чему эти слова? Или это видение продолжение сна с Вадием? И сон ли то был? Или точно такой же глюк?

— Отставить! — прохрипел конт Валлид. — Приведите ко мне чернобородого.

Она старалась не смотреть на окровавленное тело баронессы. Это было неправильно, нелепо и глупо.

«Она это заслужила» — безапелляционно заявил внутренний голос.

«Нет, смерть неизбежна, из нее нет возврата. Надо было продать ее в рабство, пусть бы попробовала на своей шкуре, что такое неволя».

«Считаешь? И чего ты переживаешь? Ты ведь и раньше убивала и не задумывалась».

«Я исполняла приказы. Решения, вынесенные другими. Не палач несет ответственность за казнь, а судьи».

«Теперь ты судья! Смирись с этим и постарайся выполнять свою работу хорошо, чтобы не было стыдно перед собой».

«Заткнись! Заткнись! — Виктория обхватила ладонями лицо и с силой его потерла. — Я теперь буду вынуждена разговаривать сама с собой?»

«Поздравляю, Викушка. Это шизофрения».

Голос в голове противно захихикал.

Неужели она все же сошла с ума? Не выдержала раздвая между мужским и женским? Не смогла приспособиться? Судя по галлюцинациям и выпадению из реальности, так оно и есть.

Здравствуй, безумие!

Здравствуй, Виктория!

Конт издал квакающий звук, совершенно не похожий на смех.

— Кир Алан, я привел раба.

В голосе воина звучало сочувствие, или это ей показалось?

— Ты ведь не всегда был рабом? — Алан потер виски. В горле пересохло, жутко хотелось пить, но от запаха крови мутило и Виктория боялась попросить воды.

— Бывший баронет Ровец. Не те земли захотел захватить, казнен Орденом Искореняющих, лишен титула и продан на рудники, откуда был выкуплен братом и перепродан сюда, на фронт.

— Брат спас тебя, — кивнул конт. — Принесешь мне клятву верности?

— Вассальную клятву? Сочту за честь. Только...

— Ты больше не раб. Как владетель этих земель, я дарю тебе свободу. Серый, — окликнул он воина. — Скажи брату Искореняющему, что он мне нужен.

Быстрее бы закончить с делами здесь и вернуться в Кровь. Ей просто необходимо сесть и разобраться в себе. Понять, насколько далеко зашла болезнь, и научиться с ней жить. Если это возможно.

Искореняющий пришел через десять минут, полностью одетый, серьезный и строгий, словно не он дурачился и смеялся всего полрыски назад. Он бросил быстрый взгляд на трупы и одобительно кивнул:

— Правильное решение, не стоит вводить наследников в искушение. Сын Рогана жив?

— Жив, — Алан опустил глаза под пытливым взглядом ксена. В отличие от него, он не считал свой поступок правильным. — Баронет Ровец берет опекунство над мальчиком и до его совершеннолетия будет управлять этими землями. Он принесет мне вассальную клятву.

— Баронет Найк Ровец был казнен Орденом, — строго произнес брат Искореняющий. — Его герб уничтожен, он лишен титула и дворянства. Перед вами простой люд по имени Найк.

— И как нам соблюсти формальности?

— Зачем вам сохранять баронство? Не лучше ли присоединить земли Рогана к землям Валлид?

— А сын Рогана?

— Безземельный барон. Я бы на вашем месте приказал убить младенца, вам ведь не нужен в будущем враг за спиной?

— Я не смогу. — Конт покачал головой, что тотчас отозвалось пронзительной болью в висках. — Он ведь невиновен. Давай найдем другой вариант решения проблемы. Может быть, мне его усыновить? И, когда мальчик вырастет, вернуть ему эти земли?

Ксен посмотрел на Алана с жалостью, а затем бросил быстрый взгляд в сторону прислушивающегося к разговору Найка.

— У вас еще будет время решить, что делать с ребенком, — многозначительно произнес Искореняющий, пристально глядя на бывшего раба.

Будь Виктория не такой уставшей и разбитой, не изводи ее головная боль и дурное предчувствие, она бы, конечно, обратила внимание на эти переглядывания, но она была слишком занята внутренним конфликтом и не заметила, как едва заметно кивнул Найк, показывая, что понял намеки ксена.

— Пока предлагаю назначить наместника, который будет править замком от вашего лица. Им может быть любое ваше доверенное лицо.

— Отлично, прикажи подготовить бумаги на имя люда Найка. — Алан потер глаза. — Алвис, я ничего не понимаю в местных законах, сделай, чтобы все было правильно. Пожалуйста.

Ксен поклонился, но при этом бросил на конта очередной задумчивый взгляд. Нет, с этим надо что — то делать. С Искореняющим придется поговорить начистоту.

— Кир Алан, вам надо изучить законы королевства. Варавское право и Законы Храма. Ваши учителя упустили этот момент, или вы их просто не слушали, — не удержался от шпильки Алвис.

Виктория порылась в памяти. У виконта был всего один учитель — брат Взывающий, несший службу в Крови до брата Турида. А он обучал мальчика лишь чтению и устному счету. Да и сам Алан Валлид не стремился к знаниям, предпочтя меч и кулаки правописанию и математике. Ребенок не хотел, а остальным и дела до этого не было.

— Ты не думаешь, что таким было указание сверху? — Конт ткнул пальцем в небо. В глазах ксена мелькнуло понимание. — Вернусь в Кровь, начну учиться.

Ксен прав, знаний не хватает, даже в таких мелочах, как эта, она не знает, как поступить правильно. Только вот лучше нанять хорошего юриста, чем самой сидеть за учебниками.

— Вы опять потеряли оберег, — с этими словами Алвис протянул конту оберег друиды. — Наденьте.

Но Виктория сунула мешочек в карман, страшась новых ощущений.

Все решилось быстро. Найк стал наместником конта в замке Роган и опекуном над юным бароном. Под присмотром Длани Наместника он принес конту Валлид клятву верности и сразу же приступил к своим обязанностям. Даже штаны не передел, лишь нацепил на пояс меч. И такое блаженство было у него на лице, когда он гладил простую рукоять короткого широкого меча, такое удовлетворение и благодарность во взгляде, заполненном непролитыми слезами, что Виктория еще раз убедилась в правильности принятого спонтанно решения. Этот будет горой стоять и за конта, и за своих людей. Да и люди смотрели на Найка с уважением и надеждой.

А работы было много. Нужно было отсортировать жителей замка — кто останется в слугах, кого рассчитать, а кого отправить на невольничий рынок. Смертей Виктория больше не хотела. Затем хоронили убитых, считали казну, решали, какой гарнизон должен быть в замке. Когда закончили, солнце село за горы и наступили густые сумерки.

— Кир Алан, останьтесь ночевать, — предложил наместник, но конт отрицательно покачал головой. Дурное предчувствие никуда не делось, и Алан стремился как можно быстрее вернуться в Кровь.

С Найком оставалось пятеро опытных воинов, все получили звание сержантов и повышение в содержании. Они составят костяк будущего гарнизона. Виктория поняла, что надо садиться писать воинский устав. Из прежнего отряда Найк оставил всего четверых. Конт разрешил набирать воинов из рабов и жителей окрестных деревень. По максимуму. Разрешено пятьдесят? Значит, набрать пятьдесят. По десятку на каждого опытного сержанта. Двое из воинов были женаты, их семьи остались в Крови, и Алан пообещал прислать их на днях с новым управляющим и ревизором. Новое слово вызвало недоумение, но Виктория не стал ничего объяснять, только загадочно улыбнулась. Искореняющий ходил за контом как привязанный, внимательно прислушиваясь ко всем нововведениям, но не комментируя, за что Виктория была ему благодарна. Голова невыносимо болела, спорить еще и с ксеном у Виктории не было ни сил, ни желания. Зато Найк схватывал все на лету. Договорились, что когда он прибудет на прием, Алан покажет полосу препятствий и к тому времени подготовит рекомендации по составу и подготовке гарнизона, а пока бывшему рабу было приказано гонять новобранцев без жалости и сомнений.

С Викторией в Кровь ехал тот высокий старик, который пытался взять вину на себя, и одна из молодых женщин. Женщину порекомендовал Найк, сказал, что лучшей швеи на фронтире не сыскать. А старик оказался интереснейшей личностью, он много в свое время путешествовал с одним из своих хозяев, знал грамоту, несколько языков и прекрасно рисовал. Роганы были идиотами, держа такого умного и одаренного человека на должности сапожника. Впрочем, как сказал Семон, сапоги он тоже тачать умел. Конт же сразу решил, что именно этот высокий старик станет воспитателем Дарена. В людях

Виктория разбиралась и заранее предвкушала тот восторг, с которым дети будут слушать рассказы путешественника. Дети и старики всегда найдут общий язык. Да и недолго ему быть рабом. Пока конт занимался делами баронства, у него в голове полностью сформулировался план. Отменять рабство он не будет, это нецелесообразно в данный период, но предложить людям выбор и дать возможность его осуществить Алан собирался.

Ехали быстро, прислушиваясь к каждому шороху. Света неполной луны вполне хватало, чтобы кони могли разобрать дорогу, но все равно Виктория вздохнула с облегчением, увидев стены Крови. Их заметили издали, раздался крик часового, отозвавшийся в голове тихим болезненным шелестом:

— Вижу отряд! Конт! Конт вернулся!

Ворота распахнулись, и они, не замедляя шага, влетели во двор, где их уже ждали. Рабы подхватили лошадей, к конту бросился Рэй, помогая сползти с коня. Он внимательно осмотрел воспитанника, но ничего не сказал. Виктория сразу насторожилась.

— Рэй, что случилось?

— Да ничего такого, с чем бы мы не справились, — махнул рукой капитан. — Игуши пытались прорваться через верх с вашей скалы, да нарвались на моих парней. Они там как раз сторожку ставили, — он довольно оскалился. — Всех положили, ни один козопас не ушел. У нас один легкораненый. Вовремя вы с этой веревкой придумали, — с уважением добавил он. — Только вниз со скалы спускаться люди забоялись. В обход шли. Три рыски добирались.

— Ничего, я научу, — улыбнулся конт. — Значит, игуши решили нас пощипать?

— Люди Черного Ястреба, — кивнул Рэй. — Странно, что полезли, у них сейчас период восхваления духов предков, а в это время проливать кровь горцам запрещено. Они сами даже живность не режут.

— Надо было взять одного живьем, — недовольно буркнул конт.

— Взяли, — спокойно сообщил Рэй, обтирая о штаны морковку. — Сказал, завтра на рассвете будут ждать от нас человека под Сонным деревом. Сказал, Черный Ястреб хочет говорить о судьбе вашего брата. Больше ничего не сказал. Неожиданно помер.

— Брата? — Виктория не сразу поняла о ком речь.

— Какой — то уррод проболтался, — хмуро кивнул капитан. — Нанни сказала, вы знаете. Еще я знаю и Райка. Плохо, что они знают.

Плохо. Одно дело торговаться за слугу, а другое — за бастарда контя.

— А может, ну его? Рисковать за ради....

— Рэй, никогда не сомневайся во мне! Слышишь, никогда! — Валлид сжал кулаки.

«Правильно. Десант своих не бросает», — шепнул внутренний голос, но она сделала вид, что его не слышит. Раздвоение личности пугало Викторию Викторовну больше встречи с игушами.

ГЛАВА 11

Так и повелось со времен тех давних.

Днем молитвы Ирию Создателю возносятся

— открыто и честно, с истинной душевной верой.

А ночь принадлежит Вадию Злокозненному,

творящему дела свои непотребные под покровом тьмы.

Из тени дверного проема выбежал Ольт с факелом в руке, он остановился, дожидаясь идущих следом Литину и Дарена. Виктория видела, как Ольт в нетерпении переминается с ноги на ногу, желая подбежать к спешивающимся воинам, чтобы первому узнать новости, но ему приходилось сдерживаться, подстраиваясь под неспешный величавый шаг кирены. Мерцающий огонь давал не много света, и в причудливых тенях казалось, что Литина в широком свободном платье плавно, медленно передвигается по воздуху.

— С возвращением, кир Алан, — в грудном голосе контессы проскользнула нотка облегчения. — Мы волновались.

— Добрый вечер... кир Алан, — чуть запнувшись, громко произнес Дар и тотчас опустил глаза в землю.

— Добрый вечер, кирена Литина, добрый вечер, кир Дарен, — склонил голову конт. Как бы Виктории не хотелось сгрести в охапку обоих мальчишек, а нужно соблюдать этикет. — Вы отужинаете со мной?

— Мы уже ели, но я велю накрыть для вас ужин в столовой, — улыбнулась кирена.

— Вам нужно чаще улыбаться, Литина, — искренне сказал Алан. — Вам очень идет улыбка. Погодите. — Конт снял с пояса маленький замшевый мешочек. — Это вам.

Виктория всегда любила дарить подарки близким больше, чем их получать. Ей нравилось видеть улыбку родного человека, когда он разворачивал упаковку, нравилось наблюдать за сверкающими в предвкушении глазами, следить за разливающимся по лицу удовольствием, слышать восторженные возгласы. Это ведь так приятно — дарить дорогим людям мгновения радости. По поводу и без него, в честь какого — то события или просто так! Она вспомнила, с каким азартом искали свои подарки под елкой ее мальчишки, возглавляемые отцом. Сколько было смеха, веселья, шуток и подколов.

Она скучает по своим мужчинам.

Литина открыла мешочек и высыпала его содержимое на ладонь. В свете огня переливались маленькими колючими искорками голубые топазы. Когда Виктория увидела их среди других украшений баронессы Роган, она в них просто влюбилась. Тяжелые большие серьги и кулон в форме полумесяца, украшенные камнями и искуснейшим узором, сразу привлекли её внимание. В зависимости от освещения топазы переливались бирюзой тропических лагун или синим цветом грозных северных морей, лазурью южного неба или сверкающим голубым льдом.

Литина тихо ахнула.

— Это мне?

— Они подойдут к вашим глазам. Для тебя у меня тоже есть подарок, — повернулся конт к сыну. — Пойдем.

Виктория знала, что Дар будет в восторге. Этого вороного жеребенка показал ей Найк. Прекрасная молоденькая кобылка волоканской породы, когда подрастет составит отличную пару ее жеребцу.

— Это Мгла. Теперь это твой боевой конь.

Виктория с улыбкой смотрела на сияющего сына. Ее четвертого сына, младшего. Как

жаль, что он никогда не познакомится со своими старшими братьями, но, может быть, когда — нибудь она сможет рассказать о них Дарену? Взгляд переместился на лицо Ольта, и сердце болезненно сжалось. Мальчишка со слезами на глазах смотрел, как Дар что — то шепчет, уткнувшись лбом в лоб жеребенка. В глазах Ольта Виктория отчетливо видела безнадежную тоскливую зависть. Она поняла, надо что — то делать, чтобы впоследствии эта зависть не превратилась в ненависть.

— Ольт, смотри какие у нее красивые глаза! — восторженно прошептал Дарен оглядываясь на раба. — И ресницы такие длиннющие.

— Ага. Красивая, — через силу улыбнулся Ольт.

— Дарен, тебе понадобится компаньон в тренировках, почему бы не привлечь к этому Ольта? — поинтересовался конт у сына, давая ему возможность принять решение. — У нас скоро ожеребится рыжая кобыла, я думаю малыша можно закрепить за Олтом, чтобы тебе не одному отбивать зад на тренировках. Как считаешь?

В глазах раба вспыхнула надежда.

— А вы разрешите? — Дарен недоверчиво переводил взгляд с отца на товарища, словно страшась, что сейчас конт рассмеется и скажет, что пошутил.

— Я разрешаю, но принимать решение тебе. Ольт твой слуга.

— А мне можно принимать решения? — нерешительно спросил Дар, глядя на конт большими испуганными глазами.

— Кир Дарен, — строго произнес Алан. — Вы отвечаете за своих людей и должны сами заботиться о них. Ошибки ваших людей — это ваши ошибки. Достижения ваших людей — ваши достижения. Вы вправе принимать решения, предварительно получив мое согласие, но нести ответственность тоже будете вы. С того, кто правит, и спрос больше. Вы меня поняли, кир Дарен?

Дар задумался, но затем кивнул и робко улыбнулся конту.

— Спасибо за подарок, кир Алан. Вы позволите Ольту заниматься со мной верховой ездой и фехтованием?

— Я не возражаю, сын. — Алан протянул руку и потрепала парнишку по голове. Он видел, что мальчишкам хочется остаться наедине, чтобы обсудить новости, но было еще одно дело. — Кроме этого, вы еще будете учить грамоту. Семон, подойди сюда, — позвал он старика, ждущего в сторонке. — Это твой наставник, свободный мастер Семон. Пояс он получит завтра.

— Доброй ночи, юный кир, — поклонился старик. — Я буду рад обучить вас всему, что знаю сам, а знаю я немало, поверьте мне. Я много путешествовал и расскажу вам о далеких и изумительных странах, о странных людях, не похожих на нас. Я научу вас читать и слагать вирши, мы узнаем, как выстраивать прекрасные конструкции из чисел. Я покажу вам звезды и расскажу, как они называются. Вы знаете, отчего моряки чтят Рубиновый Глаз? Это очень занимательная история...

Виктория усмехнулась, глядя на восторженные мордашки мальчишек. Они, приоткрыв рты, слушали пожилого раба, интересно рассказывающего о звездах. Она видела, что Семону приятно это внимание и он сам получает истинное удовольствие от своих слов. Им крупно повезло встретить этого старика.

К ней подошли Нанни, Тур и брат Взывающий. Тур низко поклонился, ксен кивнул головой, а Нанни вымученно улыбнулась. Взывающий тут же перебил Семона, нравоучительно заметив, что звезды на небе — не что иное, как многочисленные глаза богов, следящие за людишками. Неисправим. Между ним и Семоном завязался оживленный спор на эту тему, причем чем больше распалялся ксен, размахивая руками, тем спокойнее и тише звучал голос старика. К ним подошли несколько воинов и слуг, с любопытством прислушиваясь к научно — теологическому диспуту. Разговор становился все жарче и жарче, но непохоже было, чтобы спорщики начали ругаться. Наконец брат Турид поставил жирную точку, заявив, что в Песнях Жития есть ответы на все вопросы, а вот не хочет ли мастер Семон посмотреть его библиотеку и химическую лабораторию?

— Нанни, размести мастера Семона недалеко от покоев Дарена. И найди ему нормальную одежду. Еще я привез мастерицу — модистку, определи ее к швеям. Затем жду тебя и Рэя в столовой. Брат Взывающий, ты тоже приходи, — окликнула она ксена, который решительно тащил Семона в сторону храма. Турид в ответ только рукой махнул, слышал, мол. — Дар, передай Райке чтобы отправила Взывающему поднос с едой, а то заболтает твоего наставника, и сам голодным останется, и деда уморит.

Они остались вдвоем. Тур внимательно рассматривал жеребенка, без восторга, но со знанием дела, Виктория следила за ним.

— Как кобылка? — поинтересовался конт, чтобы подтвердить свои догадки.

Мальчик поднял вверх большой палец.

— Тур, ты умеешь ездить верхом?

Он нехотя кивнул.

— А грамоте обучен?

Мальчик поднял на конта глаза, полные печали, вздохнул и кивнул.

— Ты ведь из благородных?

Раб плотно сжал губы так, что они побелели и отвернул голову.

— Родителей казнили?

Кивок.

— Измена?

Отрицательный жест.

— Захват не тех земель? — вспомнила Виктория Найка.

Отрицательный жест.

— Ойна, — промычал Тур.

— Война? Ты не местный?

Тур покачал головой, вздохнул, показал пальцем на кинжал конта, а когда Виктория подала ему его, нацарапал на кусочке утрамбованной земли: «Герцогство Вас'Хантер».

— Ты из герцогства Васхантер, — кивнула Виктория. — И кто был твой отец? Барон?

Мальчик серьезно смотрел на конта, словно решая, стоит ли доверять этому мужчине, не станет ли его жизнь хуже, когда правда откроется. Но, видно, надежда еще не совсем покинула юного раба, и он рискнул.

— Нет? Виконт? Конт?

Тур прикусил губу и обвел кругом начертанное на земле слово «Герцог».

— Значит, ты маркиз?

Виктория не была удивлена, она была взбешена. Если бы ей сейчас попался в руки тот, кто изуродовал мальчишку, кто обрек его на такую страшную участь, она бы разорвала подлеца голыми руками.

Тур отрицательно покачал головой и обвел оба слова. Герцог Вас'Хантер.

— ...у меня в пажах целый герцог, — ошарашено пробормотал конт по — русски, быстро стирая ногой надпись. — Тур, никогда и никому об этом не говори! Ты меня понял?

Если о мальчике узнают правду, он труп.

— С сегодняшнего дня ты поступаешь в мое полное распоряжение. Кроме занятий по общей программе я начну обучать тебя одному редкому наречию, неизвестному в этой части мира. Ты будешь изучать право и законы, дипломатию и торговое дело. Отныне ты будешь моей тенью. В твою программу будет включена верховая езда, фехтование, уроки рукопашного боя, общая физическая подготовка. Придется вспомнить этикет. Тебе необходимо продолжить образование, а мне нужен секретарь. Неболтливый, умный и верный. Тебе нужно время, чтобы подумать?

Тур отрицательно покачал головой. Виктория грустно улыбнулась. Как он похож на её среднего сына. На Саньку. Она все сделает, чтобы этот ребенок был счастлив. Чтобы все дети, живущие в Крови, были счастливы. А еще нужно растить собственные кадры и почему бы не начать с Тура?

— Отлично. Считаю, что ты принят на должность. Я положу тебе один золотой в три десятицы. Деньги будут храниться в отдельном кошельке в моем сейфе. Пока ты не достигнешь совершеннолетия, ты останешься рабом. Как только тебе исполнится четырнадцать лет, ты принесешь мне клятву верности и выкупишь свою свободу, если захочешь. К тому времени ты сможешь скопить нужную сумму. Но о финансовой стороне наших отношений мы еще поговорим. Вопросы?

Вопросов не прозвучало. Тур беззвучно плакал.

— Ты от радости или от горя? — подозрительно спросил Алан, испугавшись, что был резок с ребенком.

Мальчик улыбнулся сквозь слезы и поднял вверх сжатый кулак. В этом мире этот жест означал верность. У Виктории гора с плеч свалилась.

Она обняла Тура за плечи и поцеловала в макушку. И плевать, что подумают немногочисленные снующие по двору слуги. Им обоим это было нужно.

— Марш переодеваться к ужину. Раз ты мой секретарь, то должен присутствовать на таких мероприятиях и выглядеть соответственно.

На миг она вновь почувствовала себя матерью троих сорвиголов. Матерью... хм... или все же отцом?

На ужин собралась большая компания. Так как время уже было позднее, Виктория решила совместить полезное с приятным. Не до этикета сейчас, завтра выручать Берта. Кроме семьи за столом присутствовали оба ксена, Рэй, Нанни, Иверт и Тур. Дарену прислуживал Ольт, бросая на Тура любопытные взгляды. Ох, вопросов сегодня будет. Тур, одетый в новые штаны, рубашку и полусапожки, держался скромно и с достоинством. Он непринужденно пользовался ножом и вилкой, чем вызвал массу удивленных взглядов. Только брат Искореняющий понимающе кивнул головой. Знал, гад! И молчал! Ел паренек очень медленно, отрезая от отбивной малюсенькие кусочки, и глотал он их, похоже, не жуя. Виктории стоило огромного труда подавить в себе жалость. В жалости этот ребенок не нуждался.

Зато для Дара ужин был мучением, он неловко держал столовые приборы и краснел каждые пять минут, когда кто —нибудь обращался к нему с вопросом. Ничего, пообвыкнет.

Разговор шел о предстоящем приеме. Ремонт в зале мастера обещали закончить через два дня. В запасе оставалось еще несколько дней. Незатейливая мебель уже была готова, задержка была за швеями, но Нанни уверила, что женщины справятся в срок. В гостевых комнатах ремонт предполагалось делать после отъезда гостей, а в хозяйские покои можно заносить мебель уже завтра.

— Нанни, завтра ты отправишься в замок Рогана. Хочу, чтобы ты сделала полную ревизию всего, что там есть. Рэй, выдели ей охрану.

— Ре — ви — зия? — поднял голову от тарелки Алвис. — А Нанни, выходит, тот таинственный ре — ви — зор, которым вы пугали своего наместника в Рогане?

Конт широко улыбнулся, откинувшись на спинку кресла. Виктории все еще не хватало словарного запаса и поэтому, иногда, она вставляла русские или чешские слова в свою

речь. Все уже привыкли к манере господина так разговаривать и спокойно переспрашивали, что означает то или иное слово, после чего либо называли местный перевод, либо в обиходе жителей Крови появлялось новое словечко.

— Нанни, ты должна пересчитать все и сличить с книгами учета. И еще, мне нужен толковый человек на роль управляющего хозяйством. Есть у тебя кто на примете?

Женщина, немного подумав, кивнула.

— Малик. И грамоту знает, и честный, и женка его кухарка хорошая.

— Отлично. На месте решишь, сколько ему платить за работу, и сообщишь Туру. С сегодняшнего дня он мой секретарь.

Все согласно закивали, бросая на паренька любопытные взгляды, только брат Взывающий поджал губы и недовольно фыркнул. Явно гадостей надумал. Игуш с легкой улыбкой на губах переводил взгляд с конта на его секретаря. Хотелось бы Виктории знать, о чем он думает? Иверта пригласили как специалиста по Черному Ястребу, но пока разговор шел о насущных делах, он молчал. На лицах остальных же огромными буквами читалось «У конта свои причуды, имеет право». Ольт подмигнул другу и показал оттопыренный большой палец, что не осталось незамеченным Нанни. Она грозно нахмурила брови и метнула в сторону раба предостерегающий взгляд, который он проигнорировал. Нарвался мальчишка на мораль, хихикнула про себя Виктория. Наконец девушки, прислуживающие за столом, подали большой сладкий пирог с яблоками и чай.

— Кир Алан, разрешите сыну удалиться, — подала голос Литина, когда служанки убрали со стола.

— Нанни, ты выглядишь устало, — конт положил ладонь на руку кормилице. — Возьми Светику в помощницы, передай ей все дела, кроме денежных. Я хочу, чтобы ты больше отдыхала. А сейчас проконтролируй, чтобы дети легли спать, и сама ложись. Вы завтра выедете на рассвете. Спокойной ночи. — Он нежно коснулся руки Нанни губами.

— Кир Алан, вы специально отправили Нанни в Роган? — поинтересовался брат Взывающий, когда за управляющей и детьми закрылась дверь. Его вопрос разрушил звенящую тишину, возникшую после невинного поцелуя конта.

— Завтра решится судьба Берта, не хочу, чтобы она изводила себя ожиданиями, — Алан потер виски, голова так и не прошла. Сейчас бы сходить в баню и завалиться спать, но дел слишком много. — Кирена Литина, у меня есть для вас приятные новости. Приближенный разрешил нам развестись. Больше мы не супруги. Ваша мечта осуществилась, дорогая, и вам совершенно не обязательно было для этого меня убивать. Нужно было просто попросить развода, — не удержался конт от ехидства.

— Вы собираетесь меня этим попрекать до самой смерти? — с досадой произнесла контесса. — Я ведь извинилась!

Обалдеть! Как все просто! Отравить, потом извиниться и жить дальше долго и счастливо! Нет, до чего наглая баба!

Рядом тихонько засмеялся игуш.

— Ваши женщины строптивы, как необъезженные кобылицы. Продай свою женщину Черному Ястребу. Он любит объезжать кобылиц.

Литина вспыхнула и открыла рот, чтобы поставить на место хама, но брат Искореняющий поднял руку, заставив ее промолчать.

— Кирена, что вы теперь собираетесь делать? — спросил он. — Вы можете потребовать у бывшего супруга свое приданое и вернуться к отцу. А можете выйти замуж здесь, на фронтире, за любимого человека и с позволения конта Валлид остаться в Крови. Вам решать.

Виктория усталилась на Алвиса. Так её подозрения были верны? Нет, не может быть. Литина вспыхнула, как могут краснеть лишь белокожие толстушки. Сразу вся, ото лба до

глубокого декольте. Конт перевел взгляд на брата Взывающего. Тот сидел с абсолютно ровной спиной, словно в штаны ему вставили доску, и смотрел куда — то в потолок. Да что здесь происходит? Почему молчит Турид? Неужели не решится?

— Я вернусь к отцу, — наконец ответила Литина, пряча взгляд.

— Могу я просить вас об одолжении? — В голове конты щелкало и стучало, он никак не могла ухватить промелькнувшую юркой рыбкой мысль. — Не покидайте нас до приема. Да и потом я не отпущу вас в путешествие без надлежащей охраны. Задержитесь на некоторое время.

Кирена согласно кивнула.

— Я останусь ненадолго. Приятной ночи.

Ксены одновременно осенили Литину щепотью богов. Турид — Ирия, а брат Искореняющий — овалом Вадия.

— Брат Взывающий, проводите свою воспитанницу, — тоном, не терпящим отказа, произнес Алвис. — Ей сейчас нужны слова утешения и поддержки.

Турид склонил голову перед Дланью Наместника и вышел следом за Литиной.

— И что с ним делать? — задал риторический вопрос Алвис, разрушая иллюзию светской беседы. — Вбил себе в голову, что он не достоин. Я же вижу, что их тянет друг к другу.

— Э, какие проблемы? — улыбнулся Иверт. — Просто ваш храмовник еще не знал женщин. Он боится. Я чувствую запах страха. Неужели вы этого не заметили? — Он белозубо улыбнулся. — Болеет, да? Даже твой секретарь уже познал женщину, а старый ксен нет.

— Тур? — конт вопросительно поднял брови. — Когда ты успел? Тебе всего двенадцать лет!

Рэй, за весь вечер не проронивший ни слова, лишь хохотнул, намекая, что уж кто, а конт этому удивляться не должен. Может быть, реципиент и не удивился бы, но Виктория была слегка ошарашена. Мальчишка лишь плечами пожал, склонив голову набок.

— Герцог Вас'Хантер пропал, когда ему было десять лет. В год Белого Тумана. Сейчас ему чуть больше тринадцати, — задумчиво произнес брат Искореняющий. — Орден пытался найти следы наследника герцогства, но не добился успехов. Каково же было мое удивление, когда я увидел вас здесь, Турен Ли Вас'Хантер. Я не сразу признал вас, только когда увидел татуировку у вас на затылке.

Когда Берт обрил рабов наголо, Виктория тоже обратила внимание на изображение крылатого змея, но была уверена, что это клеймо одного из бывших хозяев паренька и не стала его о нем расспрашивать, чтобы не расстраивать лишний раз. А оказалось, что это родовой герб.

— Герцог? Наш Тур герцог? — Рэй выглядел не менее озадаченным, чем конт несколько часов назад.

— Надеюсь, это останется между нами, — холодно произнес конт. — Алвис, ты не выйдешь из этой комнаты, пока не поклянешься, что Орден не узнает о твоей находке.

— Наместник заинтересован в возвращении герцогства Храму. Три года назад мы потеряли выход к морю.

— Я не позволю использовать мальчика в политических играх.

Слишком хорошо она знала, что ждет Тура в этом случае. Алвис снисходительно усмехнулся, всем своим видом давая понять, что с мнением какого — то опального конты никто считаться не собирается. Это взбесило Викторию. А еще осознание своей беспомощности. У нее пока нет сил бороться с Наместником. Пока нет...

Их взгляды встретились, и Виктория почувствовала, как в желудке вспыхнула

обжигающая волна ужаса, выталкивая зарождающуюся льдинку злости. Она хотела отвести взгляд, но не смогла, Искореняющий словно привязал ее к своим глазам. Начала нарастать паника, а вместе с нею и головная боль, в мозгу зазвучал чужой шепот, но сколько она не прислушивалась, не смогла разобрать ни единого слова. Боль стала невыносимой, еще немного, и внутри черепа произойдет небольшой Армагеддон. Сволочь! Он пытается на нее воздействовать. Никак не получалось разозлиться как следует и тогда она собрала в тугий комок страх и попыталась вытолкнуть его вверх в мозг, но боль была настолько сильной, что Виктория не могла сосредоточиться. Разозлиться, нужно разозлиться! «Позволь мне», — шепнул внутренний голос. Конт застонал, только не это! Не хватало еще раз вылететь из тела. «Мы избавимся от него раз и навсегда. Прими себя такую, как ты есть. Иначе он подчинит тебя, будет тобой командовать, вечно стоять за спиной. Он — дьявол!». Виктория хотела рассмеяться на это глупое заверение. Дьявола не существует! Но не смогла, прессинг увеличился, она стала разбирать слова, требующие подчинения, и тогда Виктория решилась. Она открылась навстречу своей первобытной сущности, своему сумасшествию, своему второму Я, сливая оба своих сознания. По телу разлилось тепло, смывая неуверенность и страх. Она вдруг ощутила радость, радость от встречи со старинным другом, которого многие сотни лет считала безнадежно утерянным. Теперь, когда они встретились вновь, ей не страшны никакие враги. Теперь пусть боятся ее.

— Ах ты, сука! — сорвались русские слова с прокушенных до крови губ. — Меня не берет гипноз!

— Что ты творишь, урод! — словно сквозь толщу воды донесся голос Рэя.

Виктория еще успела увидеть, как серебро в глазах Искореняющего сменяется безмерным удивлением и в нем мелькает страх, как Рэй бьет ксена в висок кулаком, а Тур набрасывает на шею Алвиса полотенце и начинает с силой его затягивать. Она увидела медленно летящий к стене стул, на котором секунду назад сидел игуш. Интересно, а где сам зеленоглазый? Алвис пытается что — то сказать, но падает набок, исчезая из поля зрения. Тело конта подхватывают сильные руки и бережно прижимают к груди, на лицо льется холодная вода.

— Иверт, — прошептал Алан, прежде чем окончательно потерять сознание. — В тюрьму уroda.

— Сдвинуть щиты! Опустить копыя! Держать строй! Сто — о-о-ять, дети темного! Дерржать!

Щиты ударили о щиты, издав оглушительный грохот. Лязг оружия, звон, гвалт, вопли. Копья задержали первый ряд нападавших, потяжелели от тел, и копьеносцы отбросили их в стороны. Им на замену пришли мечи.

— Встать! Тарания не любит трусов! Бей! Руби! Смерть!

— Смерть!

Всего несколько секунд защитники сдерживают атаку врага, а затем линия обороны изгибается под яростным натиском и лопается, рассыпаясь на множество разрозненных отрядов. Сражение продолжается, несмотря на то, что защищающихся слишком мало и они устали, каждый второй ранен, но люди не сдаются, зная — пощады не будет. Слева и справа падают тела, пробитые тяжелыми дальнобойными стрелами, но на их место становятся следующие.

Словно валун среди пустыни, стоят, ощерившись пиками и мечами, пятерка воинов, о которую разбиваются волны нападающих. Звезда, прошедшая вместе не одно сражение, опытные ветераны, не боящиеся смерти. Взмах топора, едва уловимое движение на себя, и упругая струя алой крови бьет в лицо бородавтому воину, но он не обращает на это внимание, оборачиваясь вокруг себя уже ловит на древко занесенный для удара сверху кривой меч противника.

— Без пощады!

Воин бросается на помощь другу, сдерживающему двух нападающих. Не успевает. Один из противников принял удар на щит, а в это время второй резким движением отрубает

мужчине голову. Ввысь летит вопль бешенства и ярости. Топор падает на не успевающего подняться врага, рассекает кольчугу и со скрежетом входит в грудь.

— Дерржать! Дерржать!

Оставшихся в живых расстреляли из арбалетов...

Кружат над полем большие черные птицы, ждут, когда люди уйдут, чтобы устроить пир на еще теплых телах. Но защитникам удастся переломить ход событий, и линия фронта постепенно выравнивается.

— Пригнуться!

В бой вступают лучники. И нападающие не выдерживают, откатываются назад. Их командиры знают — стены не устоят, так зачем жертвовать людьми?

— Отлично! Продержались! Доложить о потерях!

— Какая это атака, Алвис? — Высокий воин с наскоро перевязанной левой рукой стягивает с головы шлем. Мокрые от пота светлые волосы падают на глаза, и он нетерпеливым движением отбрасывает их назад. — Седьмая?

— Только что была девятая. — Его собеседник сплевывает кровь. — Славная драка, герцог. Как думаешь, дети успели уйти?

— Надеюсь, Турен их выведет.

Глухой рокот боевых барабанов разносится над залитым кровью полем...

Они продержались еще два дня. Два дня, давая возможность детям уйти за стены ближайшего города. Герцог не знал, что его предали и город сдался на милость его брата...

— ...Не знаю — ю-ю, я ничего не знаю — ю-ю!

Растянутый звездой на столе мужчина выл на одной длинной ноте.

— Брат, подай мне иглы.

— Не надо! Я все скажу! — крик несчастного перешел в хриплые всхлипы. — Мы поймали какого — то мальчишку в степи, говорил, что он маркиз, предлагал выкуп. Да кто ему поверит? Достал он своим нытьем, Кость ему кусок языка отрезал, чтобы заткнулся. Немые рабы ценятся на Юге. Продали на Хвайском рынке. За пять золотых. Не знаю — ю-ю кому — у-у. Пощады — ы-ы!

— Брат Алвис, он уже мертв.

— Поднять знамя! Труби! К бою! Бить без пощады!

— Без пощады! На смерть!

В голове звенело эхо хриплых криков, отдавалось в виски, стучало в груди в унисон сердцу. Виктория все еще переживала тот последний бой у стен белоснежной крепости, закрывающей проход в бухту, где горели корабли...

Она открыла глаза. Её уложили в соседней со столовой комнате на узенькой жесткой кровати. Рядом на стуле спал Рэй, запрокинув голову назад и слегка похрапывая. Свечи на столе уже догорели, и свет давала заглядывающая в распахнутое окно неполная луна.

Она поняла, что произошло. Брат Искореняющий обломал о конта зубки. Виктория злорадно захихикала. Вместо того чтобы забраться к ней в мозги, Алвис открылся сам. И она смогла заполучить кусочек его воспоминаний. Но какой ценой! Болела голова, тошнило, и она не могла пошевелиться. Виктория несколько раз дернула руками, пока поняла, что крепко привязана к кровати. Что это за новости?

— Эй, Рэй!

Старый воин резко подпрыгнул.

— Какого Вадия ты меня привязал?

— Так вы все пытались кого — то убить. Орали и приказывали держать стены. Вот я... — смущенно покаялся капитан, распутывая простыни, которыми привязал чокнутого конта к кровати. — Длань заковали, сунули кляп в зубы и завязали глаза, да кинули в холодную. Потом сами с ним разберетесь, — доложил он, помогая Алану встать. — Сумку его я вам под кровать положил рядом с кинжалом.

— Как вы с ним справились? — удивился конт.

— Так он след за вами отключился. Ну мы с игушем пособили маленько ему принять правильную позу. Ногами по ребрам прошлись.

— Спасибо. Рэй, во сколько едем на встречу с Черным Ястребом?

— Да чего вам — то ехать? Я сам съезжу. Послушаю, что этот уррод скажет, да вам все передам.

— Рэй, не обсуждается!

— На рассвете. Вы поспите еще, я вас разбужу.

А глазки — то бегают, бегают. Ох, что — то ты затеял капитан. Смотри, как бы сам себя не переиграл.

— Ступай, Рэй. Я здесь спать буду.

Виктория дождалась, пока капитан скроется в донжоне, и, выглянув в коридор, поманила пальцем стоящего у дверей воина.

— Скажешь сменщику, чтобы разбудил меня перед рассветом. И капитану об этом ни слова!

После этого она упала на кровать и заснула сном честного человека. В этот раз без сновидений.

Проснулась Виктория от того, что в комнате кто — то был. Не открывая глаз, она медленно опустила руку под подушку, нащупывая ножны с кинжалом. К счастью они там оказались.

— Тссс, Бешеный Алан, — прошептал на ухо Иверт, щекоча шею дыханием. По спине прокатилась горячая волна. — Пора вставать, если тебе нужен твой глупый слуга.

Виктория открыла глаза. Луна спряталась за облака, не давая возможности рассмотреть говорившего, лишь блестели в ночи его глаза. Очень близко, опасно близко. Если немного приподнять голову, можно дотронуться губами до его щеки. Она вдруг забыла, как нужно дышать. Близость игуша волновала.

— Вставай. Я уже разбудил мальчишку и велел седлать коней. Сейчас Тур принесет одежду. А за оружием надо идти самим. Держи, это ключ от холодной. — В руку Виктории ткнулся большой железный предмет на веревке. Она машинально надела его на шею.

Наконец Иверт отошел в сторону, и конт шумно втянул воздух, прислушиваясь к громкому сердцебиению. Виктории казалось, что удары сердца слышны в каждом углу темной комнаты. Какое счастье, что игуш не видит заалевшие уши! Иверт прикрыл ставни, стало совершенно темно. В дверь тихонько заскреблись, она распахнулась, и в комнату проскользнул Тур с кулем под мышкой. Он поклонился и, вывалив одежду на кровать, вновь исчез, чтобы через минуту вернуться с факелом в руке. От него зажег толстые белые свечи в большом подсвечнике. Виктория одобритительно кивнула. Сегодня мальчишка без напоминания оделся во все новое, повязал на голову черную косынку на манер пиратского платка, спрятав под нею татуировку, и даже обул короткие сапожки.

— Доброе утро, Тур, — произнес Алан и ободряюще улыбнулся. — Где Рэй? — спросил он

игуша, при помощи паренька натягивая рубашку и кольчугу.

— Молчун ушел с отрядом рыску назад. — Иверт сидел за столом и жевал вчерашний бутерброд из хлеба и мяса, запивая его водой из баклажки. — Он отвлечет Черного Ястреба. Пока Бешеный Алан боролся с видениями прошлого, мы с капитаном обо всем договорились.

— Почему меня не предупредили? — недовольно буркнул конт, потирая грудь. Кольчуга неприятной тяжестью лежала на плечах. — Рэй ничего мне не сказал.

— Окно было открыто, — многозначительно произнес игуш, протягивая конту огромный бутерброд.

— В замке предатель? — напрягся Алан, осторожно садясь на стул, но все равно при этом позвякивая. Да он в этой кольчуге перебудит полцарства!

Иверт только плечами пожал.

Ели в молчании. Виктория прокручивала в голове события последних дней, прикидывая, что ее люди должны сделать в Крови, пока она будет выручать Берта.

— Тур, запоминай. — Мальчик внимательно посмотрел на господина. — Сумку Искореняющего отнеси в мою спальню и спрячь под подушку. Дверь запири на ключ. Ключ держи при себе. Скажи Санике, что я приказал разбить рабов на группы и составить списки. Пусть опросит людей, к чему у них тяга. Кто хочет работать с животными, кто с землей, кто заниматься ремеслом, а кто пойдет в воины. Поставь детей дежурить у тюрьмы. Пусть докладывают тебе, кто спускался в темницу, как долго там был. Приставь кого — нибудь к брату Взывающему. Дарену передай, что тренировка на сегодня не отменяется. Скажешь Серому, чтобы он вас погонял. Ты тоже к ним присоединишься. Вышивальщицам закажи три пояса. Один для мастера Семона, один для тебя, один голубой с белым. Светике скажи, что на время отсутствия Нанни она отвечает за слуг. И передай, что я спрошу за каждое пятнышко на скатерти. Проведай друиду и узнай, что ей нужно. Мастеру Семону передай, чтобы составил учебный план, согласовал его с братом Взывающим, и вечером жду их обоих в моем кабинете с готовыми предложениями. После того как я с ними поговорю, собери всех мастеров. Скажи, что сегодня я буду слушать отчеты по работам в замке и поле. И узнай, как здоровье рабыни, которой барон Линь ноги покалечил. И еще, — конт на секунду запнулся. — Скажешь Олике, чтобы ждала меня вечером, и попроси Райку испечь пирожков с ягодой. Очень хочется сладкого.

Виктория покосилась на Тура, но секретарь никак не отреагировал на последний приказ конта.

— Все запомнил, или тебе надо записать? — Мальчик отрицательно покачал головой и улыбнулся. — Сможешь? — Тур кивнул. — Отлично. Пока нет Берта, тебе придется побегать. Иверт, идем в оружейную.

Рэя не было, и Виктория с чистой совестью оставила лежать меч на отдельном столике у стены. Зато она выбрала для себя два обоюдоострых кинжала и прихватила перевязь с метательными ножами. Шесть штук черных тяжелых клинков с листовидным лезвием, отделенным от рукоятки рудиментарной гардой. На рукоятке имелись отверстия различного размера. Она попробовала один из них в действии, метнув его в висящий на стене щит, и осталась довольна. Достаточно тяжелые, хорошо сбалансированные, такими ножами можно нанести весьма ощутимые повреждения. Иверт с любовью снял со стены свой яташ, взял лук, засунул в кармашек на поясе кольцо лучника и тетиву в непромокаемом мешочке. Виктория проводила лук ревнивым взглядом, но промолчала, лишь спросив:

— Поможешь мне приобрести такой же?

Иверт с нежностью погладил расписные плечи лука и коротко кивнул.

Пока игуш ходил за лошадьми, Виктория подошла к воину, охраняющему вход в донжон.

— Сколько человек в темнице?

— Двое, кир Алан. В холодной пленный игуш, капитан запретил к нему даже подходить, да в камере Митек — плотник. Дебоширил вчера, так капитан посадил его на два дня, чтобы мозги на место встали.

— Никого не пускать. Еду отнести лишь плотнику. Вернусь, решу, что с ними делать.

Виктория сняла со стены факел и спустилась по ступеням вниз. Двенадцать стертых каменных ступенек. Длинный темный коридор, пыточная, шесть камер по одну сторону, шесть по другую. Вместо дверей железные решетки. В одной из камер на топчане спал мужчина, отвернувшись лицом к стене.

Молодец Рэй, что сохранил арест ксена в тайне, думала она, решительно идя к торцовой тринадцатой камере, расположенной по соседству с пыточной. Здесь была мощная деревянная дверь, усиленная железными полосами. Замок даже не скрипнул, когда конт провернул в нем ключ. Он медленно раскрыл дверь и, оставаясь в коридоре, вытянул руку с факелом вперед.

Чтобы добраться до каменного пола, нужно было спуститься еще на шесть ступеней вниз. Виктория обвела помещение факелом. Сырые стены, покрытые рыжими разводами, маленькая отдушина под высоким потолком, в которую сможет пролезть разве что крыса, но и она забрана решеткой, в углу ведро, прикованное к кольцу в стене цепью, в полу выдолблено углубление, в которое медленно капает вода с потолка. Единственный звук в этом жутковатом месте — ужасный, монотонный, сводящий с ума. У одной из стен — решетка на ножках, напоминающая раму кровати, под которой стоит железный ящик наполненный углями. Рядом свисают со стены кандалные цепи. Воздух холодный и затхлый. Алвис в одних подштанниках в неудобной позе сидел у стены. Колодки, удерживающие шею и руки, не давали возможности расслабиться и сменить положение тела. Ноги Искореняющего Рэй сковал широкими железными кандалами на короткой цепи. Видать, капитан сильно разозлился. Глубоко в рот мужчины впилась деревяшка, в которой Виктория узнала кляп, изобретенный в свое время для болтливой Эльсы. Глаза Алвиса были завязаны какой — то грязной тряпкой. На скуле запеклась кровь, и даже густая татуировка не могла скрыть россыпь синяков, покрывающих тело. Хоть бы они ему ничего не сломали. На мгновение Виктории стало его жалко, но она отогнала от себя неуместную жалость. Перед нею сидел враг. Человек Наместника, пытавшийся убить ее. Но все равно держать его вот так было слишком жестоко.

Алвис повернул голову, прислушиваясь к чужому дыханию. Виктория молчала, по себе зная, как нервирует невидимый молчаливый враг. Она вышла и вернулась назад спустя минуту, неся тонкий соломенный тюфяк и одеяло, позаимствованные в соседней камере. Бросив их на железную решетку, закрепила факел в специальной выемке и сняла со стены ручные кандалы. Затем так же без слов расстегнула колодки, по очереди защелкивая кандалы на оцарапанных запястьях. Алвис с тихим стоном покрутил шеей и принялся растирать руки, при этом звенья цепи издавали неприятный глухой звук. Виктория развязала тесьму на затылке пленного и вытащила кляп у него изо рта.

Алвис сплюнул, погримасничал, восстанавливая кровообращение, вытер рот о плечо и, откашлявшись, просипел:

— Пытать будешь?

— Вода от тебя справа.

Виктория смотрела, как Искореняющий, стоя на коленях, шарит перед собой руками, а затем жадно пьет, почти улегшись на пол. В душе боролась жалость и злость. Ведь они могли стать если не друзьями, то партнерами, а теперь она палач, а ксен узник. Видит Создатель, ей этого не хотелось!

— Алвис, ты дурак.

Ксен запрокинул голову назад и хрипло засмеялся.

— Кир Алан вы пришли сюда, чтобы сказать мне это?

— Кто — то должен тебе открыть глаза. Ты ведь меня совершенно не знаешь, а лезешь на рожон. Поправь меня, если ошибаюсь. Тот метод, которым ты пытался подчинить меня,

является секретом вашего ордена, и вы самоуверенно полагаете, что раз только орден владеет этими знаниями, то развивать их не надо. Открою тебе страшную тайну, ваши знания не секрет. Даже смею предположить, что я знаю значительно больше о возможностях влияния на ум и сознание человека. Ты прешь напролом, как взбесившийся тау, а работать нужно тоньше. Я бы провел параллель с фехтовальщиком, глубокий выпад можно отклонить или принять на блок, а можно самому качнуться в сторону, давая возможность противнику провалиться, потерять равновесие, и в этот момент стремительно его контратаковать. Ты атаковал меня ментальным ударом, не достигнув нужной концентрации воли и психики. Попер нахрапом. Ты либо новичок, либо самоуверенный болван, не использующий предыдущего опыта.

— Кир Алан многие слова, которые вы произносите, мне не знакомы, но я уловил общий смысл. Кто вы? Эти знания передаются от Длани к Длани, и даже Наместник не владеет ими. Конт с фронта просто не может этого знать.

— А бастард короля может? — хмыкнул Алан. — Алвис, зачем ты здесь? Какие цели преследуешь? — постарался он сменить тему.

— Я не могу сказать этого, — спокойно произнес ксен, он нащупал тьюфак и лег на него, позвякивая цепями. — Никакие пытки не смогут заставить меня выдать эту тайну. Однако вы должны знать, кир Алан, не вы основная причина моего присутствия на этих землях. Но, признаюсь, именно вы, сами того не ведая, находитесь в центре событий. За годы регентства Наместник сделал много для усиления нашего государства. Ему удалось сплотить дворянство, укрепить границы, принять законы, направленные на улучшение жизни мастеровых. Но Наместник — не Ирий, ему уже сто шестнадцать лет. Еще лет двадцать, и он сменит золотую мантию Наместника на белую мантию Учителя.

Виктория замерла, поразившись названной цифре. Она как — то не интересовалась сроком жизни местного населения. Как бонус приняла лишнюю пару ребер и большой рост, зубы, которые меняются в течение жизни, ускоренную регенерацию и довольно — таки крепкие кости. Но чтобы люди жили по двести лет!

— Какая средняя продолжительность жизни на континенте? — не удержался конт от вопроса.

— Крестьяне и рабы живут лет до ста двадцати, благородные дольше, служители Ирия и Вадия доживают до двухсот лет. Одному из Учителей сейчас почти триста лет. — Если Алвиса и удивил вопрос конта, то в его голосе этого не слышалось.

А сколько месяцев в году, хотела спросить Виктория, но вовремя прикусила язык. Садиться за парту вместе с Дареном. Однозначно!

— Вы ведь в курсе, что после смерти вашего настоящего отца, Айро Второго, наследников не осталось. Один престарелый бездетный герцог да дальний родственник по прадеду, трехлетний скудоумный виконт Леар, в котором текла лишь десятая доля королевской крови. Но даже так его бы короновали, если бы...

— Если бы что?

— Если бы нашли корону Королей. — Алвис улыбнулся, но тут же скривился, когда из трещин в уголках губ потекла кровь. — Сначала думали, что корона утонула вместе с королем, но потом выяснилось, что она пропала значительно раньше. Обстановка в стране в то время была весьма напряженная, и Храм счел не целесообразным вызывать недовольство народа нарушением главной традиции королевства. На трон сел регент Леар Первый, а за троном встал Наместник. Но сейчас пришло время женить регента и наконец — то дать стране истинного короля, которого можно будет короновать короной его матери. После долгих переговоров выбор пал на принцессу Алею, младшую дочь короля Севана. В стране очень сильны традиции, а по ним и по древним законам правит тот, чья кровь чище. Прабабка принцессы Алеи была родной сестрой вашей прабабки. Кровь принцессы чище крови Леара, а значит, как только она родит наследника, Храм коронует мальчика, и до его совершеннолетия королева Алея станет регентом при новом короле.

— Но ведь Наместник сам выбрал эту девушку.

— Под давлением дворянского собрания. Не всем нравится нынешнее положение дел. Многие семьи рвутся к власти. В стране идет борьба за влияние на будущую королеву. Но не стоит забывать, что не все соседи довольны этим выбором. Наместнику предлагали дочерей более достойные короли, но он выбрал небольшое и слабое государство. Если сегодня регента убьют, то начнется война за трон.

Ясно. Политика, чтоб ее. Каждый хочет урвать кусочек счастья. Кто земли, кто власти, кто влияния.

— Странно, что до сих пор мне никто не предложил возглавить оппозицию. Даже обидно, — иронично произнес Алан, снимая со стены цепь.

— О вас никто не знает, кроме Храма, вашей кормилицы и вашего капитана. Ваш приемный отец и орден Искоряющих в свое время очень постарались, чтобы никто не узнал о сыне последнего короля, — совершенно серьезно произнес ксен.

— И мы возвращаемся к началу. Зачем я тебе нужен? — Алан протянул цепь между решеткой импровизированного лежака и ручными кандалами, скрепив оба конца ржавым замком, поднятым с пола, тем самым ограничивая движения ксена. Алвис пару раз дернул руками, но промолчал.

— Я приму решение, когда буду точно знать, что вы решили претендовать на корону.

— Да на кой она мне нужна! — воскликнул конт Валлид. — Ты не сказал мне ничего интересного, Алвис. Я вернусь вечером, принесу тебе еды, и мы продолжим беседу.

— Это не моя тайна, кир Алан. Но я выполню задание и, если придется убить вас, сделаю это без сомнений.

— Я знаю, — кивнул конт. — Алвис, ты мне нравишься. Я бы предпочел видеть тебя в друзьях. Но если ты станешь моим врагом, то берегись.

— Я это запомню, кир Алан, — без тени иронии произнес ксен, перед тем как Виктория вставила ему в зубы кляп.

Конт набросил на лежащего одеяло и вдруг быстро заговорил на неизвестном брату Искоряющему языке. Виктория едва сдерживала себя. Больше всего ей хотелось упасть на колени, уткнуться головой в одеяло и разрыдаться. Выбор! Чертов выбор!

— Дьявол бы тебя побрал, Алвис, дьявол бы побрал! Ты вынуждаешь меня поступить против совести! Я не могу оставить за спиной такого опасного врага, как ты! Просто не имею право рисковать сыном и Туром! Что будет с мальчишками, не стань меня? И никогда себе не прощу того, что сделаю с тобой! Молю тебя, воспользуйся той лазейкой, что я тебе оставляю!

Виктория зло смахнула слезинку, скатившуюся по левой щеке, наклонилась и поцеловала ксена в лоб. Поцеловала как мать, как жена, как женщина, на секунду забыв о том, кто она сейчас.

— Прощай, Алвис.

Алвис вздрогнул, на мгновение ему показалось, что кто — то могущественный, пролетев мимо, обдал лежащего ледяным ветром. Никогда в жизни он не был так растерян, казалось, сам Вадий только что коснулся его холодными губами. Ксен дождался, когда дверь темницы захлопнется, и впервые за последние годы воззвал не к своему покровителю, а к его светлому брату. «Ирий Всемогуший, охрани от такого врага и дай сил сбежать...»

Игуш ждал конта в густой тени высокого раскидистого дерева рядом со скалой, с легкой руки Рэя сменившей название с Красной на скалу Конта. На поводу он держал двух лошадей. Свою рыжую кобылу и невысокого крепкого мерина.

— Твой Уголь не годится для путешествий по горам. А мы пойдем нашими тропами.

Виктория ухватила за луку седла и только тогда заметила, что все еще сжимает в руке ключ от камеры Искоряющего. Она размахнулась и со злостью зашвырнула его в

кусты.

— Что с Рукой? — спросил игуш, когда они покинули стены Крови.

Говорить на эту тему не хотелось совершенно. Она приняла трудное решение и не сомневалась в его правильности. Но отчего на душе так паскудно? Конт поднял голову, подставляя лицо под невидимый свет гаснувшей луны. Только четверо знают о том, кто заперт в холодной... только четверо.

— Я только что выбросил ключ, похоронив Алвиса заживо в каменном мешке.

Иверт молча ехал рядом. Виктория спросила, не поворачивая головы:

— Считаешь, это жестоко?

— Почему ты не зарезал его, Бешеный Алан? — Игуш развернулся и теперь внимательно всматривался в лицо собеседника.

— Не смог. Смерть необратима, а я хочу, чтобы у него был шанс. Если Вадий спасет его, то кто я такой, чтобы оспаривать его решение?

— А ты оставил ему этот шанс?

— Да.

Да! Черт побери! Она не смогла не дать Алвису возможности выбраться. Не смогла хладнокровно убить его. Скорее всего, она об этом еще не раз пожалеет, но пусть у них обоих будет маленький шанс.

— Разве честь не велит тебе убить врага?

— Нет великой чести в убийстве пленного, но есть честь в милосердии.

— Иногда мне кажется, что вы с ним настолько похожи, что вас сожгут на одном погребальном костре. Иметь такого врага, как Рука, почетно. Победа над таким врагом принесет славу. А сделать такого врага своим другом — достойно легенд. Ты принял верное решение, Бешеный Алан, и я рад, что наши тропы сошлись в трудный для нас обоих день.

Они некоторое время ехали молча, пока Виктория не решилась спросить:

— Ты любил Эльку?

Горец на ходу свесился с лошади и вырвал длинную тонкую травинку с желтой кисточкой на конце. Покрутил ее в руке и лишь потом ответил.

— Она была моей женщиной недолго. Всего пять десятиц. Я поругался с отцом и ушел из племени. Отец взял третьей женой младшую сестру матери, не спросив согласия старших жен, а это нарушение закона предков. Мы наговорили друг другу много горячих слов. Эльку я встретил, когда она гнала коров домой. Она смеялась.

Виктория смотрела на игуша, а он смотрел вдаль. Дорога до Сонного дерева была широкой, и они ехали рядом. Так близко, что могли бы взяться за руки. Конт тряхнул головой, отгоняя глупые мысли. Она мужчина, и негоже так думать о других мужчинах!

— Быстро все случилось. Мне нужен был дом, а ей защитник. Только я не смог ее защитить.

— Ты не виноват.

— Виноват. Я не спас ее. Моя вина. Я мужчина, а значит должен защищать свою женщину. И не имеет никакого значения, люблю я ее или живу с ней из — за долга. Беря женщину, игуш берет ответственность за нее и за ее детей. Мужчина для своей женщины — отец, муж, сын и вождь. Я жив, а она ушла к предкам. Моя вина. А ты? Ты любил мать своего сына?

Конт задумался. Любил ли он Эльку? Он ее хотел и получил. Была ли это любовь или

навязчивая идея, кто знает. Возможно, по — другому любить он не умел? Тогда, наверное, он любил Эльку. Извращенной, деспотичной, эгоистичной любовью. Как умел.

— Я не знаю, — вздохнул конт.

— Но ты любишь мальчишку. Я вижу. Все видят. Береги его. Он пока слаб, но он как тесто. В умелых руках из него можно вылепить прекрасного воина.

— Я постараюсь. Ты ведь с ним общаешься?

Иверт пожал плечами.

— Зачем? У него есть отец.

— А если бы я не признал его? Ты бы бросил Дарена?

Иверт посмотрел на конта как на сумасшедшего.

— Не оскорбляй меня, Бешеный Алан. Игуши не оставляют детей своих женщин. Дети — бесценный дар предков. А если духи привели тебя к женщине с ребенком, то не имеет значения, кто его отец — горец или чужак.

— Извини. Я ничего не знаю о ваших обычаях, поэтому спрашиваю. — Он поднял вверх руку.

— Если ребенок сирота, всегда найдется тот, кто воспитает его. В отличие от вас, равнинников, у нас не продают детей в рабство.

Дальше они ехали молча. Каждый думал о своем.

Наступил рассвет, когда они выехали к последнему холму, за которым стояло одинокое дерево, цветущее по весне большими синими цветами, источающими приторно — сладкий аромат. Плоды этого дерева вызвали сонливость, за что оно и получило у местных свое название — Сонное дерево. Еще издали Виктория услышала раскатистый голос Рэя. Иверт проворно соскочил с лошади, показав знаками, чтобы конт следовал его примеру и, взяв кобылу под уздцы, свернул с дороги в лес.

Узкая тропа неуклонно поднималась вверх, и через час Виктория почувствовала желание сделать привал, но она пересилила себя, упрямо шагая вперед, и постепенно тело конта втянулось в ритм, заданный игушем, и перестало замечать усталость. Несколько раз Иверт сходил с тропы, и они продирались сквозь заросли папоротника и невысокого мягкого кустарника, покрытого тонкими красными листьями. Позади остались густая хвойная роща, лесные полянки и лужайки, залитые утренним светом и покрытые невзрачными цветами. Чем выше они поднимались, тем оживленнее становился лес. В кронах высоких деревьев с серебристыми листьями мелькали рыжие белки, перепрыгивая с ветки на ветку, они провожали людей недовольными криками «чики — чак!», несколько раз Виктория слышала тихий вой, а однажды ей под ноги выкатился лохматый зверек размером с бурундука. От неожиданности она громко выругалась, но зверь сам ошалел от встречи с незнакомцами и, взвизгнув, задал стрекача в ближайшие кусты.

— Великий лес, — улыбнулся Иверт. — Здесь оставим коней и твою кольчугу. Много шума.

Конт только кивнул в ответ. Всю дорогу Виктория прокручивала в голове разговор с Алвисом и свои действия. Правильно ли она поступила? И что делать, если Длань не догадается воспользоваться оставленной ему лазейкой? Идти на попятный нельзя. Что ты за владетель, если меняешь свои приказы по несколько раз на дню? Тогда придется убить ксена. Она знала, что это верное решение, но не могла отдать однозначный приказ. Умом понимала, что такой враг, как Алвис, не остановится, пока не выполнит задание, а душой не могла принять собственное жестокое решение. Как просто, когда приказы отдает кто — то другой. Еще не давало покоя предстоящее похищение Берта. Вдруг Рэй не сможет задержать Черного Ястреба надолго? Вдруг их ожидает засада? Вдруг Иверт ведет ее прямо в лапы к врагам?

«Так, стоп! — скомандовала она себе. — Определись, пожалуйста, доверяешь ты Иверту

или нет? — Виктория посмотрела на идущего впереди мужчину и сама себе ответила. — Сейчас я ему доверяю, иначе все бессмысленно». Она постаралась переключить внимание на окружающий мир, оглянулась вокруг, глубоко вздохнула свежий прохладный воздух, пахнувший легкой горечью. Этот запах давали многочисленные высокие желтые цветы с соцветиями — зонтиками. Над ними с тихим гулом кружили дикие пчелы, деловито облетая цветок за цветком. Взгляд задержался на ладной фигуре игуша. Горец двигался по лесу бесшумно, словно призрак. Наверное, так ходят по своим таинственным дубравам сказочные эльфы, не тревожа ни одной ветки. Романтика. Природа, солнце и интересный мужчина рядом. Виктория про себя фыркнула. Ага, два интересных мужчины в древнем лесу, один из которых и не мужчина вовсе. Правда, и женщиной его назвать весьма сложно. Она улыбнулась. Ну и что? У каждого из нас есть свой недостаток! Настроение улучшилось, и Виктория отчетливо осознала, что все будет хорошо. Они спасут Берта, так или иначе разберутся с Алвисом, и когда — нибудь она примет это тело! А раз так, то не стоит ни о чем волноваться! Жизнь прекрасна, мир вокруг восхитителен, а Иверт дьявольски соблазнительный мужчина! И пошли все дурные мысли к черту!

Может быть, на нее повлияла первозданная красота древнего леса, может быть, впервые за последние дни у нее выдалось время спокойно подумать, а может быть, это было результатом слияния двух половинок ее души, но горький комок в районе солнечного сплетения наконец — то распался на множество острых колючек и исчез. А на его месте появилось трепещущее пламя уверенности. Уверенности в том, что ей удастся прожить достойную жизнь в этом мире, жизнь без оглядки на чужое мнение, жизнь, которую она выберет для себя сама.

Они вышли на большую поляну, сплошь заросшую цветами самых невообразимых расцветок, но стоило Иверту ступить на этот роскошный ковер, как цветы взмыли в небо, превратившись в тысячу бабочек различных размеров.

Виктория замерла на краю поляны, замороженная зрелищем. Изящный Иверт стоял словно в калейдоскопе из кружащихся разноцветных лоскутков. Красивый, притягательный и такой недостижимый...

Лошадей оставили у резвого ручейка, текущего в неглубокой трещине в земле.

— Гремучая река. — Иверт перекинул за спину колчан со стрелами.

— Где? — не поняла Виктория, наклоняясь к ручью. Вода в нем была ледяная, но вкусная.

— Ты пьешь из Гремучей реки. Здесь она еще новорожденный ребенок, но на равнину спускается нетерпеливым шумным подростком, а на встречу с морем приходит загадочная томная красавица.

Поэты эти горцы.

— Эти земли принадлежат племени Черного Ястреба. Наши предки пришли сюда, когда Великий лес был всего лишь небольшой рощей серебристов, а Гремучая река только рождалась в недрах вечного льда. Игуши всегда жили в этих горах. А потом пришли вы, начали строить поселения, выжигать леса, ставить на реке мельницы. С первыми поселенцами мы не воевали. Это были в основном беглые рабы и сервы. Они не лезли в горы, ставили свои деревни на равнине. Но потом ваш король решил, что эти земли принадлежат ему, и сюда пришли ксены, а за ними воины и бароны. Тогда пролилась первая кровь. Вам стало мало земли внизу, вам захотелось подняться выше к солнцу. Выросли замки и крепости. Ваш король поделил наши земли между своими людьми. Но горы не любят чужаков. А горцы никогда не примут захватчиков.

Они шли звериными тропами. Несколько раз Иверт показывал конту замаскированные ловушки, а один раз бросил в сторону камень, и земля обрушилась, представляя взгляду глубокую волчью яму, дно которой было утыкано острыми кольями, словно ежик колючками.

И вдруг лес закончился. Перед ними лежала небольшая низина, на склоне которой расположилось укрепленное горное поселение, которое Виктория тут же окрестила аулом.

Они лежали за камнями, прикрывшись ветками, и наблюдали сверху за жизнью аула. Каменные дома, в основном двухэтажные, располагались уступами на горном склоне и вдоль отвесной стены, что давало им хорошую защиту при неожиданном нападении. Почти все окна смотрели на юг. Игуши умели извлекать пользу от солнечного света. По каменистым дорожкам сновали женщины, одетые в цветные длинные платья, бегали козы, мальчишки гнали небольшое стадо овец. Виктория с любопытством вертела головой.

— Где все мужчины? — Она легонько коснулась руки игуша.

Он в ответ оскалился и указал пальцем на стоящий в отдалении замызганный шатер. Возле входа в шатер сидел... негр? Иверт поманил конта пальцем и бесшумно отполз назад.

— Воинов нет. Только засада на главной дороге и патруль вдоль границ, но мы проскочили со стороны Высокого Облака. Нас не заметили.

— А где воины?

— Молчун должен затеять свару и дать нам возможность выкрасть твоего парня. Смотри туда, Бешеный Алан.

Вниз по склону уходила кривая дорога, как раз такой ширины, чтобы по ней проехала телега. Она мелькала между деревьями, то выныривая из густой серебристой зелени крон, то вновь теряясь в ней, и полностью пряталась где — то в роще гигантских серебристых. На одном из видимых участков появился отряд всадников и вновь исчез за следующим поворотом.

— Они спешат принять участие в драке, — довольно улыбнулся Иверт. — Многие молодые и глупые воины захотят отомстить Молчуну за недавнее поражение. Пока Черный Ястреб будет говорить с капитаном, мы украдем слугу и уйдем, как пришли.

— А почему мы не выслушали предложение Ястреба? — Ее давно волновал этот вопрос. Рэй вновь принял решение самостоятельно, но об этом они еще с капитаном поговорят.

— Сегодня не будет предложений. Будет торг. Ястреб будет выяснять, насколько дорог тебе этот слуга. Если за ним не стоит кто — то из ваших, переговоры будут длительные. Я знаю наши обычаи.

— А если за ним стоит кто — то «из наших»?

— Тогда Ястреб постарается узнать, что такого ценного в Берте и с кем выгоднее иметь дело. Но тогда я не дал бы за твоего человека и лошадиный череп.

— Ты знаешь, где его держат?

— Думаю, там. — Иверт ткнул пальцем в шатер. — Видишь, идет женщина с миской и ведром? В ведре помой, а в миске еда. Пленник там.

Прячась за камнями, они подобрались к тыльной стороне шатра. Он оказался сваленным из овечьей шерсти, очень грязным, кишасим насекомыми и вонял прокисшим молоком. Иверт дождался, пока женщина с ведром уйдет, и осторожно проделал в стене дырку. Пока он прижавшись глазом рассматривал внутреннее содержание шатра, Виктория крутила головой, прислушиваясь к окружающим звукам. Наконец Иверт осторожно просунул кинжал в дыру и медленно провел вниз, расширяя разрез. Раздался металлический звук, а следом за ним тихое пение:

— Никого нет, кроме двух дураков. Оська здесь один. Заходите гости, мы вас вином угостим.

— Оська, ты чего распелся? — словно из — под земли послышался глухой голос Берта.

Виктория счастливо улыбнулась. Она сама не замечала, как волновалась все эти дни о своем непутевом слуге. Да и чувство вины словно заноза постоянно свербело где — то в районе сердца. Вновь зазвенела цепь. Иверт нахмурился и осторожно заглянул в прорезь, Виктория приготовила метательный нож. Но угрозы не оказалось, если не

считать угрозой запах помойки, ударивший в нос. Иверт осторожно забрался внутрь, и тот час раздался звон, грохот и громкое сопение.

— Тихо! — грозно прошипел игуш.

— От тебя грохоту больше, чем от меня! — возмущенно ответил ему тоненький хриплый голосок.

— Оська, что происходит? — В голосе Берта чувствовались страх и напряжение.

— Пришел чужой горец и тычет в меня железкой, — наябедничал невидимый Оська. Виктория осторожно пролезла в дыру, решив, что раз спокойно разговаривают, значит, не опасны. — А еще пришел бородатый и черный. Здоровый!

Виктория быстро осмотрелась. Шатер закрывал щель в земле, куда, судя по запаху, сливались не только помои. У одной из стен возвышалась бочка с зеленоватой водой. Недалеко от входа стоял деревянный топчан с ворохом тряпья. Рядом с ним был вбит в землю железный штырь изогнутый петлей. Он служил якорем для толстой цепи. На другом конце цепи находилось прикованное за ногу существо, называющее себя Оськой. Ростом чуть ниже полутора метров, худенькое, с длинными руками и ногами, эбонитовой кожей, носом крючком и круглыми синими глазами. Но взгляд притягивали волосы человека. Огненно — красные. Не рыжие, не золотые, а именно красные. Курчавые красные волосы на чернокожей голове с синими глазами давали поразительный эффект иллюзии, нереальности появления такого существа в природе. На нем было надето рваное облегающее трико непонятного цвета.

— Ты что, никогда островитян не видел? — спросил Оська. Он подхватил цепь на руку и изящно поклонился, почти касаясь крючковатым носом пола. — Позвольте представиться — шут Оська. Попал в плен к морским людям и был проигран в камешки одному из вождей игушей. А потом еще одному, и еще. В итоге я теперь страж, сижу здесь на цепи и караулю белообрисого из помойки.

— Покарауль лучше улицу, — кинул Алан, понимая, что островитянин Оська им не враг.

Иверт тем временем склонился над щелью, силясь что —нибудь рассмотреть.

— Берт! — позвал конт кривясь от вони. — Ты там?

Откуда — то сбоку раздался вскрик, а следом за ним голос Берта.

— Кир Алан, это вы? Или у меня опять бред начинается?

— Выйди на свет!

— Не могу! Здесь небольшая пещера и приступок. Я на нем сижу. Если спущусь вниз, утону в...

— В говне! — закончил за Берта шут. — Вы бы поспешили, пока никому не приспичило, — хихикнул он.

— Иди сюда! — позвал его Иверт, пытаясь выдернуть штырь, на котором висела цепь, из земли. У него ничего не получилось.

Они с контом переглянулись и, ухватившись за петлю, потянули вверх. Железяка нехотя, но поддавалась усилиям двух мужчин, и Иверт смог снять цепь. Алан Валлид вздохнул с облегчением.

Цепи едва хватило, чтобы Берт смог за нее уцепиться. Оська двумя руками обхватил торчащий из земли камень, смешно оттопырив ногу, а Алан и Иверт в четыре руки подтянули Берта наружу.

— Да уж... — все что смог сказать конт Валлид, увидев слугу.

Босой, в рваной тряпке, когда — то бывшей женским платьем, с заплывшим глазом и изодранными до крови руками Берт представлял отвратительное зрелище. Он долго щурился, хотя вокруг царил полумрак.

— Уходим, — Иверт уже выглядывал в прорезь.

— Кир Алан, прошу вас! — Берт стянул с себя платье, обнажая худое тело с синяками и, не дожидаясь разрешения, залез в бочку с головой. Он с остервенением начал тереть себя руками.

— Не время! — прошипел Иверт. — Если не успеем уйти, они пустят по нашему следу тау.

— А Оська? Нельзя бросать Оську! — Шут стоял в проходе, прижимая к себе цепь, словно это была драгоценность.

— Хозяин, возьмите его. — Берт быстро натягивал на себя какие — то обноски из кучи валяющейся в углу.

— Он далеко не уйдет с этой цепью. Она весит больше карлика. — Иверт, успевший покинуть шатер, просунул в разрез лицо.

— Сам ты карлик, — возмутился Оська. — Я взрослый люд!

— Берт, поможешь ему. Уходим, уходим! — Конт решительно указал ножом на дыру, за которой тихо ругался горец.

До лесной тропы добрались без приключений. Виктория, замыкающая их небольшую колонну, постоянно напряженно оглядывалась, ожидая погони. Но было тихо. Иверт хотел поджечь шатер, чтобы отвлечь от себя внимание, но конт был против, рассчитывая, что исчезновение пленников заметят значительно позже, чем могли бы увидев огонь. Неприятность произошла, когда до спасительной тени деревьев оставалось не более пяти метров. Они как раз поднялись на пригорок и, прячась за камнями, короткими перебежками устремились к лесу, когда их заметили дети и подняли крик. Иверт подхватил на руки Оську, прижимающего к груди цепь, и огромными прыжками понесся к лесу, конт и Берт бежали следом. Прежде чем нырнуть за деревья, Виктория оглянулась. К шатру, где держали пленников, бежали женщины, вооруженные кривыми мечами, со всех сторон спешили люди, и она была неприятно удивлена, когда увидела нескольких верховых мужчин. Дети возбужденно размахивали руками, показывая в их сторону. Виктория выругалась и нырнула под кров сребролистов.

Иверт опустил шута на землю и попытался камнем сбить браслет с его ноги.

— Думаешь, я не пробовал? Он запаян, — угрюмо сообщил Оська.

— Эта цепь весит как шут, — недовольно произнес игуш, отбрасывая камень. Он полез в маленькую сумку на поясе и достал из нее комок тряпок. Когда горец развернул его, по поляне потек резкий запах. — Натрите подошвы. Это отобьет нюх у тау.

Берт был босым, его ступни кровоточили. Глядя на это, конт стянул с плеч верхнюю рубаху, быстро порезал ее на полосы и замотал слуге ноги, изрядно пропитав тряпки смесью.

— Идите за мной, с тропы не сходить! — Иверт посадил островитянина на спину и побежал вниз.

Беглецы шли ходко и совершенно не по той тропе, по которой поднимались сюда. Два раза они пересекали широкие ручьи, а один раз поднимались в гору. Конт и игуш по очереди несли Оську, хотя тот и шипел, что может идти сам, но коротенькие ножки шута не успевали за длинноногими попутчиками. Первый привал сделали, когда упал Берт.

— Простите меня, кир Алан, — повинился парень, когда конт присел возле него. — Я думал, выдержу.

— Уже недалеко, — прислушиваясь к шуму леса, произнес Иверт, подавая Берту баклажку с водой. — Мы сделали крюк, сейчас вернемся на тропу.

Все тяжело дышали, по спине тек липкий пот, на который слетались полчища звенящих кровососов, добавляя «приятных» ощущений.

Сумерки в лесу наступают быстро и в то же время незаметно. К лошадям они вышли, когда солнечные лучи перестали проникать сквозь густую крону деревьев. Иверт, шедший впереди, вдруг резко остановился и поднял руку. Оська соскользнул с его спины и, присев, затаился. Все замерли, прислушиваясь. Рядом треснула ветка. Рефлексы сработали быстрее мысли, метательный нож полетел в сторону звука, следом туда же улетела стрела.

— Спасибо, сын, за достойную встречу.

Из — за дерева вышел Гривастый Волк собственной персоной. Иверт положил на тетиву вторую стрелу, Виктория сняла с пояса кинжалы, а Оська перехватил цепь двумя руками, выпустив наружу метровый конец.

— Рэй Молчун просил встретить вас, — поднял руки вверх глава племени.

После этих слов Иверт опустил лук.

— Ты ему веришь? — Алан не отрывал взгляд от рук вождя.

— У него долг перед Молчуном, — спокойно ответил Иверт, направляясь к своей кобыле.

Количество коней на полянке увеличилось, сами же горцы с белозубыми улыбками бесшумно появились из — за деревьев, и Виктория поняла, что если бы их хотели убить, то спокойно перестреляли бы еще на подходе.

— У нас вражда с Черным Ястребом. А враг моего врага — мой друг.

Они спустились с гор и теперь ехали рядом с Волком. Пожилой горец бросал косые взгляды на сына, но Иверт делал вид, что они незнакомы. Берт сидел у него за спиной и, похоже, спал. Оська же сразу нашел общий язык с молодыми воинами и без умолку болтал, сидя впереди одного из игушей. Со стороны их компании постоянно раздавался смех. Горцы вели себя свободно, не остерегаясь, что их могут услышать, словно находились на своей земле, а не во владениях враждебного племени.

— Мы хорошо потрепали Ястреба, — продолжил разговор Волк. — Он требовал за твоего слугу его мать. Когда Молчун это услышал, он взбесился. Таким злым видел его только когда мы дрались за женщину. Славные были времена. Мы были молоды, кровь бурлила, семя рвалось наружу, девы раскрывали свои объятия.

— А сейчас? — весело спросил конт.

Вместо ответа вождь громко рассмеялся. Виктория наслаждалась общением. Как давно она вот так запросто ни с кем не разговаривала. И как же это приятно — просто поболтать ни о чем. В теле ныла каждая косточка, но в душе орали сумасшедшие коты. Оська затянул незамысловатую, но задорную песенку из серии «что вижу, то пою», в которой прошелся по Ястребу и его глупым воинам. Наградой ему был дружный смех, даже Иверт улыбнулся. Вдали показалась Кровь.

— Здесь мы расстанемся, Бешеный Алан. — Вождь смотрел открыто и заинтересовано. — Я должен тебе за сына. Жду в гости на второй день новой луны. Горцы умеют быть благодарными.

— Я приду, — кивнул конт.

— Присмотри за моим малышом, — подмигнул Волк, и небольшой отряд игушей с гиканьем и свистом унесся в сгущающуюся темноту.

Оська перебрался на коня конта, и через минуту они догнали уехавшего вперед Иверта.

— Почему ты не вернулся домой? — поинтересовался Алан.

— Уйду, когда отдам тебе долг, — последовал лаконичный ответ.

Виктория про себя довольно замурлыкала. «И пусть нельзя, но все равно приятно!» — подумала она.

Их ждали. Двор был полон людей — Взывающий, дети, воины, слуги. Берта сразу же

подхватили и понесли в мыльню. Женщины охали и ахали, некоторые плакали, глядя на исхудалого, избитого первого красавчика замка. Зато Оська произвел фурор среди местного населения. Но надо отдать должное шуту, он чувствовал себя среди людей, как воробей на зернохранилище. Малыш встал в позу, перекинув через плечо цепь, словно это была парчовая тога и, отвесив любопытным поклон, представился:

— Оська! Шут кира Алана Бешеного!

Вот так! Поставил перед фактом. А нужен вам шут, конт Валлид, или нет, никого не интересует. Виктория усмехнулась и, поманив Рэя за собой, приказала одному из слуг, с открытым ртом глазеющих на островитянина:

— Отведи шута на кузню, пусть с него снимут железо, затем в мыльню, и найди ему одежду.

Они с капитаном отошли в сторону.

— Потери?

— Пятеро раненных, трое убитых. Кабы не Волк, хуже было бы. Этот гад засаду устроил.

— Что он хотел?

— Нанни.

— Зачем она ему?

— Сказал, давно на нее глаз положил, женой, мол, взять хочет. Брешет, урод! — Рэй стукнул кулаком по ладони. — Мы потом пленного поспрашивали, говорит, за Нанни хорошие деньги предлагали. Они и на Кровь пошли из — за нее.

— Ты отправил в Роган людей? — заволновался конт. Возможно, Ястреб не один желающий заполнить кормилицу.

— Сразу. Десятка от Сонного дерева ушла.

— Рэй, отчего ты такой хмурый? — Виктория уже хорошо изучила своего наставника и видела, что есть еще что — то, о чем Рэю очень не хочется говорить.

— Алвис ушел. — Капитан отвел взгляд, словно это он выпустил ксена.

От него осязаемо пахло чувством вины. Или это ей только кажется?

— Ну и Вадий с ним! Ушел так ушел! Я знал, что он уйдет, Рэй, не вини себя.

— Не в этом дело. Я тоже знал, что нам не удержать Длань.

— Тогда в чем дело? — Они подошли к мыльне, и Виктория вдруг почувствовала, как чешется грязное тело и отросшая борода. Ей нестерпимо захотелось помыться. И побриться. И поесть. И выпить. И лечь.

— Помогли ему, — хмуро произнес Рэй. — Сбежать помогли, — со вздохом добавил он. — Ольт выпустил.

ГЛАВА 12

Без тени нет света, без света нет тьмы.

За рассветом приходит закат, добро и зло едины.

Разве зло — волчица, убивающая на пропитание детям?

И добро ли отец, избивающий отрока,

чтобы поучить его житейской мудрости?

Люди учатся, заблуждаются, находят пути.

Ирий помогает контролировать тьму духа,

а Вадий не дает угаснуть жажде людской к жизни.

В мыльне никого не было, и конт устало опустился на лавку в раздевалке, откинувшись спиной на деревянный шкаф. Вытянул гудящие ноги и прикрыл глаза. Немного посидеть, помыться, перекусить и поспешить в кабинет, где уже собрались мастера. А еще нужно встретиться с рабами, допросить Ольта и вынести приговор, послать гонца с хорошими известиями в Роган к Нанни, обсудить с Семоном и братом Туридом программу обучения детей, расспросить Берта и пообщаться со своим новым шутком. Только пару минут передохнет...

...В парилке было жарко и влажно. На верхней полке, под самым потолком, лежал на спине Иверт. Виктория отчего — то смутилась и хотела незаметно выскользнуть в моечную, но горец повернул голову и приветливо махнул рукой, легко соскальзывая на пол. Его тело блестело от пота, и Виктория сразу же почувствовала сильное желание дотронуться до него. Провести кончиками пальцев по шее, спуститься на грудь... Иверт кивнул на лавку, предлагая конту лечь, а сам начал придирчиво выбирать веник из кучи замоченных в небольшой деревянной кадке. Она не стала ждать повторного приглашения и улеглась на живот, чувствуя, как по телу пробегает волна возбуждения, концентрируясь внизу живота. Иверт поддал пара и легко провел по спине горячими ветками, обдавая тело ароматом сушеных трав. Он работал веником плавно, как веером, едва прикасаясь к телу. Несколько раз прошел по ногам, ягодицам, спине — от ног до головы и обратно, гоня горячий ветерок и только после этого хлестнул с протяжкой по покрасневшей спине.

Виктория всегда любила баню и теперь наслаждалась, с каждым ударом веника чувствуя, как на смену усталости приходит нетерпеливое предчувствие.

— Вставай, — скомандовал Иверт, и последний раз взмахнул, разгоняя над распаренным телом горячий воздух.

Забросив веник в кадку, горец потянулся к стоящему в углу ведру с холодной водой.

Виктория запаниковала, встать и обливаться не хотелось. Нет, облиться ледяной водой она как раз очень хотела, но подняться на ноги, значит оказаться в опасной близости от игуша, а вдруг он сможет прочесть в ее взгляде желание? Вдруг она сама не устоит, поддастся блеску зеленых глаз? Она тихонечко застонала, уткнувшись лицом в сложенные руки. Хотелось придумать причину, чтобы отправить Иверта вон. И вообще, где остальные? Где Берт? Слуги? Рабы? Почему никого нет?

Горец усмехнулся, легко подхватил распаренное тело и поставил на ноги. Желание затопило разум, смыв все другие чувства — страх, стеснение, неуверенность. Это была безоговорочная капитуляция. Душа замерла в ожидании и предвкушении. Иверт слегка улыбнулся, приблизившись так близко, что их тела соприкоснулись, бережно обнял её за плечи и талию, прижимая к себе. Зеленые глаза оказались напротив серых. Странно. Виктория была уверена, что она ниже. Он смотрел с иронией и нежностью, и она чувствовала себя счастливой. Хрупкой, влюбленной и беззаботно молодой женщиной, оказавшейся в объятиях желанного мужчины. По телу прошла дрожь, оставляя после себя пустоту в животе, заставляя сердце стучать громче и быстрее, разливаясь сладостным томлением. Она положила руки на плечи Иверта, он в ответ на этот жест

слегка наклонился и поцеловал ее в губы. Сначала нежно, осторожно, словно боясь, что она оттолкнет его, но постепенно поцелуй становился все настойчивее и настойчивее...

Виктория услышала хриплый стон и вдруг поняла, что это ее голос. Мужской голос. Воспоминание упало, словно гранитная гробовая плита. В паху появилась боль, а следом пришел стыд. От него начали гореть щеки и уши, а на глазах выступили слезы. Никогда еще Виктория не чувствовала себя так униженно. Как бы там ни было, а Иверт видел в ней мужчину. Мужчину, который реагировал на другого мужчину! Он видел реакцию этого бесстыдного и откровенного тела! Видел, как она его хочет, и это вызывало в ее душе бурю противоречивых эмоций. Осознавать это было мучительно больно и в тоже время непристойно возбуждающе. Иверт заметил перемену в ее настроение, он нежно провел кончиками пальцев по щеке и шепнул:

— Мне все равно...

...Конт вздрогнул и открыл глаза. Сердце колотилось как после пробежки, дыхание было прерывистым, в паху пульсировало, тело еще не отошло от оргазма, отзываясь легкой дрожью. Алан убрал ладонь от паха и облегченно то ли всхлипнул, то ли вздохнул. Это был всего лишь сон, и во сне с ним произошел конфуз, как любил говорить муж Виктории в ее прошлой жизни. Но... Черт! Черт! Черт! Она поспешно стянула с себя штаны. Что подумают о конте прачки? «Да то же самое, что думают, когда стирают хозяйские простыни, — ответила она сама себе. — Не о том ты сейчас думаешь, конт Валлид. Ты лучше подумай, что будешь делать, когда „конфуз“ случится на людях? Как будешь смотреть в глаза Иверту, если он заметит твою нездоровую реакцию на его присутствие?» А такое вполне может произойти. Виктория представила себе довольную физиономию Взывающего, прознай он о любви кира Алана к мужчинам. А ведь совсем недавно конт обвинял в этом брата Турида. Позор! Нет, с этим надо что — то делать. Эти дни были напряженными, и тело выматывалось до состояния бревна, но ведь когда — то наступит и спокойная жизнь, и организму потребует то, что положено здоровому двадцатичетырехлетнему мужчине. Он потребует секса. И чтобы потом не было неприятных неожиданностей, лучше взять гормоны под контроль.

— Хозяин. — В раздевалку заглянул смазливый парень раб. — Пожалуйста мыться. Все готово.

Вот и первый звоночек. Раньше Виктория не обращала на это внимание, не до того было, но теперь вспомнила, что последнее время вокруг нее крутятся только симпатичные молодые парни. Сразу в памяти всплыли и косые взгляды служанок, и шепотки за спиной, и то, что к ней перестала заходить Олика, а Светика прекратила строить глазки. Когда это началось? До или после того как она выставила невест, пришедших отдать право первой ночи? Неужели слухи уже поползли по Крови? Алан в бессильной ярости швырнул в стену сапог. Оттягивать неизбежное больше нельзя. Сегодня же нужно разобраться с собой. Конт тяжело вздохнул, стянул через голову рубаху и, бросив вещи в угол, пошел в моечную, на ходу обматывая бедра полотенцем.

Реальная моечная в отличие от приснившейся была полна народу. Берт обливал Оську водой из шайки, а маленький островитянин лежал на лавке, свесив руки, и тихо повизгивал от удовольствия. Воины мылись шумно, подначивая друг друга и громко хохоча над незамысловатыми шутками. Иверт вышел из парной и с возгласом опрокинул на себя бадью ледяной воды. Виктория окинула всех подозрительным взглядом, но никто не смотрел в сторону голого конта и не тыкал пальцем. Раб усадил господина на низкую скамейку и, намылив мочалку, принялся натирать Алану спину. К ним подошел Берт.

— Ты очень похудел. — Конт окинул слугу взглядом.

— Были бы кости. — Берт чуть улыбнулся.

Раб принес таз с теплой мыльной водой, поставил его на пол и начал мыть ноги конта. Виктория когда — то отдыхала в Турции и посещала хамам, о котором у нее остались самые незабываемые впечатления, сейчас у нее были точно такие же ощущения. Сидишь расслабленно, а кто — то за тобой ухаживает. Мелочь, но как приятно. Берт бросил на раба задумчивый взгляд, что не укрылось от внимания Виктории, она теперь подмечала такие вещи.

— Что не так? — без обиняков поинтересовался конт.

— Раньше вас всегда мыли девушки.

— Но здесь полно голых мужиков.

— Раньше вас это не останавливало.

Разговоры притихли, или ей это кажется? Черт, да так до паранойи недалеко.

— Раньше, — конт выделил голосом это слово, — мой доверенный слуга не попадал в плен и следил за тем, кто и как прислуживает его господину. А теперь за мной присматривают все кому не лень, — с ехидцей сообщил он Берту. — Надеюсь, ты достаточно здоров, чтобы приступить к своим прямым обязанностям, а не делать намеки, за которые можешь попасть на конюшню.

— Простите, господин, забылся, — Берт покаянно опустил на колено, склонив голову. — Я готов приступить к своим обязанностям. Позвольте вопрос? — Конт кивнул. — Вы специально отпускаете бороду, кир Алан?

Виктория не сдержала довольной улыбки. А жизнь то налаживается!

Первым в кухню ворвался огненный вихрь Оська, наделав изрядный переполох своим появлением. Не привыкли еще местные к маленькому черному островитянину. Он сунул нос во все котлы, заглянул в печь, ущипнул за попу одну из кухарок, стащил со стола пирожок и уткнулся носом в белый передник возникшей на его пути грозной Райки с большой деревянной ложкой в руке.

— Сиятельная королева! — Шут схватил руку кухарки и громко чмокнул. — Прими великого меня в свою свиту! Клянусь съесть все, что ты приготовишь, вылизывать тарелки и просить добавки! А можно мне молочка?

— Отчего это тетка Райка королева? — со смехом спросил кто — то из молодых, ставя перед Оськой кружку с молоком.

— А как же иначе? — Шут уже забрался на стул за накрытым столом и теперь, болтая короткими ножками, грыз пирожок. — Кухня её владения, вы её подданные, а она владычица котлов и половников — ваша королева!

— И не поспоришь. Добрый вечер, девушки, — на пороге стоял выбритый улыбающийся конт. — Смотрите, кого я вам привел.

Из — за его широкой спины выглянул Берт. Стряпухи завизжали, бросились обнимать довольного парня, тискать, не забывая причитать, какой он стал худой. Так продолжалось несколько минут, пока Райка грозным окриком не прекратила это безобразие.

Алан сел за стол, напротив шута, уминающего уже третий пирожок с ягодой. Райка тотчас поставила перед ним тарелку супа, над которой поднимался ароматный пар. Виктория с шумом втянула ноздрями воздух и выпала из реальности.

С сожалением отодвинув в сторону деревянное блюдо с пирожками, конт откинулся на стену, вдоль которой стояла скамья. Приятная тяжесть в желудке сменилась сонливостью, казалось, ляг он сейчас, и сможет проспать сутки. Рядом сидел закормленный девушками Берт, и, глядя на него, конт видел себя. Такой же затуманенный ослотившийся взгляд, рассеянная улыбка и слегка глупое выражение лица.

— Берт, бери Оську и идите спать, — смилостивился Алан. — Один! — грозно добавил он, увидев, как одна из молодых кокетливо стрельнула глазками на слугу. — И не забудь, что я обещал тебе. Женю, если испортишь еще хоть одну девку!

— Конт говорит, чтобы ты не смел засовывать свою палочку, пока он не вставит своё бревно, — перевел Оська и засунул за обе щеки по сливе, сразу став похожим на лупоглазую лохматую сову.

Повисла тишина. Женщины испуганно смотрели на конта, Берт напрягся, только Оська беззаботно жевал сливы, не обращая внимания на воцарившийся вокруг испуг.

— Шут, ты абсолютно прав, — улыбнулся конт, вставая. — Берт, завтра разбудишь меня на рассвете, и приготовь одежду для тренировок. Тур введет тебя в курс дел, он теперь мой секретарь. Спасибо за ужин, красавицы. На завтрак хочу вареные яйца и сыр с травами, завернутый в горячие тонкие лепешки. Райка, надо поговорить, — он указал на улицу.

— Ты составила список блюд для праздника? — Кухарка кивнула. — Это называется «меню». Запоминай.

— Тур все записал.

Здесь все было в порядке. Райка отобрала десяток парней и девушек для обслуживания праздника, униформа для них уже шилась и швеи обещали справиться через несколько дней. Тур взял на себя обучение податчиков, как здесь называли официантов, и сегодня они учились правильно ходить с подносами в руках, на радость свободным от дежурств воинам. Как рассказала Райка, мужики восприняли это как изрядное развлечение, не стесняясь в выражениях комментируя все действо. Тур против зрителей не возражал, пояснив, что таким образом податчики учатся не обращать внимания на грубость клиентов. Юный герцог оказался неплохим психологом.

— Как тебе Тур? — задал напоследок вопрос конт.

Райка ответила не сразу.

— Вы правильно сделали, что приблизили его к себе. Я видела многих благородных, кир Алан, но я не хочу знать, кто на самом деле наш Тур. Этот мальчишка с первого дня появления в Крови держался со всеми приветливо, но никого не подпускал близко. Он не такой, как все. В нем есть сила. Хотела бы я, чтобы Дарен стал когда —нибудь таким же.

— Кстати, где Дар? Почему он меня не встречал?

— Вы не знаете? — удивилась стряпуха. — Брат Взывающий назначил ему две рыски взывания к Вадию. От восхода луны.

— За что? — нахмурился конт.

— Не знаю, кир Алан, да только наш ксен справедлив и никогда не наказывает, если вины нет.

В храме горели свечи, пахло ночными цветами и медом. Дарен сидел напротив изображения Вадия. Виктория видела только его затылок с куцым хвостиком черных вьющихся волос. Худенькие плечики мальчика были опущены, вся его поза говорила о смирении и раскаянии. Рядом сидел брат Взывающий. Он негромко читал текст Жития, делая остановки после каждого предложения, пока Дар повторял за ним. Мальчишка сам читать не умел, и ксен взывал вместе с ним. И охота ему торчать в храме две рыски? Виктория покачала головой и тихонько вышла, бросив напоследок взгляд на портрет Вадия. Отблеск многочисленных свечей мерцал в бисерных глазах, и ей показалось, что темный бог весело подмигнул любопытному конту.

Саника уже ждал возле барака, где жили рабы. Рядом с ним стоял Тур. Он внимательно осмотрел конту и только после этого поклонился. Виктория махнула рукой.

— Пояса готовы? — Тур вручил ей три пояса, один из них очень выделялся из того, что она видела раньше. В нем преобладали синий и белые цвета, а голубого была всего одна нить. Виктория поняла, что это пояс самого Тура. Пояс свободного человека, главы собственного рода. Она свернула его и спрятала за пазуху, в очередной раз подумав, что нужно сказать швеям, чтобышили на одежду карманов. — Все сделали?

Тур кивнул, протягивая бумагу. Аккуратные округлые буквы, ровные строки. Алан так писать еще не умел. В прошлой жизни у Виктории тоже был «докторский» почерк, разобрать который могли немногие. Она сама иногда с трудом понимала, что написала несколько дней назад. А еще эта студенческая привычка к сокращениям не добавляла текстам ясности. Конт быстро пробежал глазами список, самая многочисленная группа была означена как «воины», там же Виктория нашла и имя Саники.

— Ты согласен с выбором людей? — спросил конт у раба.

Раб подумал, прежде чем ответить.

— Только с детьми не уверен. Мальчишки все записались в воины, но не думаю, что это правильно. И еще Неженка. Он тоже захотел стать воином, да только какой из него воин? Он же как девушка...

— Это кто?

— Он вам сегодня в бане прислуживал. — Саника отвел взгляд, а Тур презрительно скривился.

Виктория начала закипать. И эти туда же! Неужели поведение конта настолько изменилось?

— Чья была инициатива приставить ко мне этого... — Кроме мата в голове ничего не крутилось. — Этого сладкого мальчика? Твоя или Тура?

Оба молчали, отводя взгляды. Чтоб вас через колено да с подвывертом, с тоской подумала Виктория, вспоминая свой дневной сон. А так ли они неправы?

— Собери людей. Тур, пригласи мастеров.

Площадка перед баракom заполнилась людьми, кроме мастеров, стоящих отдельно, послушать конта пришли слуги и свободные воины. Виктория не возражала. Саника распределил людей по группам, поставив их отдельно друг от друга. Виктория заметила, что Неженка держится чуть в стороне от всех, как раньше держался Тур. Но герцог сам сторонился людей, не желая ни с кем сходится близко, а этого парня игнорировали свои же.

Ну что же, начнем маленькую революцию в отдельно взятом графстве.

— Я думаю, все уже знают, что случилось в Рогане. — Конт обвел людей пронизательным взглядом и понял, что знают. Приказа молчать не было, и воины не стали делать из этого секрет. — Отлично. После того как мы подавили бунт и присоединили к нашим владениям земли баронства, я много думал о рабстве и решил, что у каждого человека должен быть выбор. Теперь каждый из вас может выкупить у меня свою свободу. Каждый! Кроме преступников, осужденных Храмом. Через десятицу, после того как мастера определят ваши навыки, старание, умения, — конт кивнул внимательно слушающим мастерам, — вы начнете получать за свою работу деньги. Тогда же я определю цену каждого из вас. Из заработанных вами денег будет удерживаться только стоимость питания. За стенами Крови завтра начнется строительство вески, в которую переедут первые получившие свободу рабы. После освобождения вы останетесь на моих землях в качестве моих подданных. Возможно, кто — то из вас достигнет уровня мастера и захочет основать свой цех, я поддержу и препятствий чинить не буду. Чем больше будут зарабатывать мои люди, тем богаче буду я. Вопросы?

— А если свободный захочет взять жену из рабов? — спросил Саника.

— Статус не изменится. Она так и останется рабыней. Если в таком браке родится ребенок, его свобода будет определяться по отцу.

— Кир Алан, — обратился к конту мастер землевод. Виктория ободряюще улыбнулась. Нравился он ей. — Это вы может и хорошо придумали, да только всем одинаково платить нельзя. Надобно по работе смотреть. Баба в поле и егерь в лесу, оно ведь разные работы, а в куче одной стоят. — Он указал рукой на многочисленную группу рабов, записавшуюся в землеводы.

— Поэтому я и даю всем мастерам десять дней, чтобы присмотрелись к людям, поняли, кто чего стоит. Может быть у вас возникнут еще какие — нибудь идеи. Рассмотрю любые предложения. А через десять дней положите мне на стол списки. И еще. Если вы думаете, что будет легко, то я вас разочарую. Если есть поощрение, то будет и наказание. За каждую провинность буду удерживать из довольствия монеты или отправлять на общественные работы. Например — чистить нужники. И это касается всех! Воинов, рабов и слуг.

— А если кто не захочет свободы? — выкрикнул кто — то из толпы рабов.

— Останется рабом, — пожал конт плечами. — Свобода выбора. Саника, лови! — он кинул рабу голубой пояс. — Повесь его на видном месте в бараке. Этот пояс получит первый освобожденный из рабства. Вместе с ним победителю достанется дом, надел земли и золотой на обзаведение. — К Санике со всех сторон потянулись руки, словно обычный одноцветный пояс был соткан из золота. — Все, кто желает стать воином, завтра на рассвете должны быть на новой площадке. Там устроим испытание, кто его не пройдет, присоединится к другим группам. — Алан обвел взглядом рабов и увидел стоящего позади всех Семона в новой рубахе и штанах. Он улыбался и слегка кивал, словно ведя сам с собой неслышную беседу. — Мастер Смон, — позвал конт. — Подойди.

Толпа расступилась, пропуская старика вперед. Бывший раб неспешно подошел к конту и низко поклонился. Виктория обняла его за худые плечи и развернула лицом к мастерам.

— Хочу познакомить вас с мастером Смоном. Учителем. Художником. Путешественником и очень интересным человеком. Мастер, прими от меня этот подарок, — и Виктория протянула старику новый цветной пояс.

Смон с достоинством принял его, поцеловал и низко поклонился. В глазах старика стояли слезы.

— Я буду служить вашему роду до смерти, кир Алан. Но позвольте ли вы в этот волнительный момент попросить вас о небольшом одолжении? — Конт кивнул. — Я бы хотел взять в ученики одного несчастного мальчика.

— Кого?

Смон повернулся и поманил в себе Неженку.

— Он еще прославит ваше имя, кир Алан. Редкого таланта юноша. Редкого! Нельзя губить такие руки мозолями от меча.

— В чем же его талант? — с интересом спросил конт Валлид, уже догадываясь об ответе.

— Он живописец! И, если не будет лениться, через десять лет его картины будут украшать самые богатые дома!

Оставив мастеров дальше разбираться с людьми, конт, поманив Тура, направился в кабинет. Мальчишка задумчиво шел рядом.

— Не одобряешь? — спросил Алан по — русски и тут же повторил эти слова на местном языке. Наедине они только так и разговаривали. Фраза на русском языке и сразу перевод.

— Одобряю, — кивнул Тур. — Я тепей гнаю, што такое габство. Юдям нушна надешта.

— Думаю, что мы опробуем систему на Крови, и если она окажется жизнеспособной, попробуем внедрить ее на всей территории моих владений. Многое придется менять в процессе.

Тур согласно кивнул.

— Во скоко вы очениваече мою шизнь?

— Твоего герцогства вполне хватит.

Рэй ждал их в кабинете, сидя спиной к двери. Капитан поднял голову и, встав, низко поклонился. Выглядел он неважно. Мешки под глазами, припухшие веки, полопавшиеся сосуды, отчего белки, казалось, растрескались. И взгляд тау, утачившего из кипящего бульона кусок мяса и пойманного на месте преступления. Виноватый, но не раскаявшийся взгляд.

— Тур, оставь нас, — глухо произнес он.

— С каких это пор капитан замковой стражи командует в доме своего господина? — холодно произнес конт. — Тур мой секретарь, а это означает, что я ему доверяю. Как ты доверяешь Иверту. И мне бы очень хотелось услышать причину, по которой ты не сомневаешься в его верности и чести. Сегодня я задумался, отчего сын нашего возможного врага спокойно передвигается по территории замка, участвует в планировании боевых операций, распоряжается моими людьми? Кто дал ему право стовариваться за моей спиной с моим капитаном и принимать решения, о которых меня даже не ставят в известность? У нас с тобой уже был разговор на эту тему, но ты, видно, забыл. Я прощаю в мелочах, Рэй, но никогда не прощу предательства и самоуправства. Когда ты собирался рассказать мне о вашем плане?

Рэй сопел носом, опустив голову, а затем, опустившись на колени и тяжело вздохнув, произнес:

— Виновен. Признаю. По всем пунктам виновен, хоть и не со зла. Думал, сами справимся, чего вас дергать. Вы после столкновения с ксеном едва дышали. Жалко мне вас, кир Алан. Я же вас вот такусеньким помню. — Он развел руки, и Виктория поняла, что в младенчестве Алан Валлид был не больше новорожденного котенка. — Мы же вас с Нанни и подняли. А Иверту Урагану верю как себе. Не предаст он. Долг крови на их роду перед Валлид лежит. Спас как — то ваш батюшка Волка от смерти неминуемой, и бабу его с дитенком спас. Пока не вернут, будут служить верой и правдой. Строго у них с этим, проклянут предки весь род, коли нарушат. Поэтому в честности сына Сарха Гривастого Волка нет сомнения. Я как думал, он за Бертом сходит, а мы пока Ястреба отвлечем. А вышло все не так, как задумали. Иверт вас с собой потянул. Сказал, что негоже господину за спинами воинов прятаться. А я, дурак... все вас дитем считаю... Значок капитана Серому сдам, а сам под арест пойду.

Виктория молчала. Как мать она понимала Рэя, относящегося к конту как к ребенку, но если она хочет править, нельзя проявлять слабину.

— Двое суток без еды в холодной, штраф три золотых и сбрить бороду.

— А бороду зачем? — удивленно спросил капитан. Тур, внимательно прислушивающийся к разговору, тоже вопросительно поднял брови.

— Она тебя старит.

— Это жестоко, — по — стариковски прокряхтел Рэй, поднимаясь с пола и оглаживая бороду. — Кир Алан, а может, трое суток ареста, и бороду оставим? Я же без бороды, как голый. Унизительно это.

— Рэй, я ведь могу придумать более унизительное наказание...

— Куда уж более?

— О! Привязать тебя у позорного столба и дать твоим воинам гнилые овощи, чтобы они в меткости потренировались. Или заставить орать «Я старый глупый пень и больше никогда не буду обманывать кира Алана», или вместо тюрьмы отправить на сутки в яму с помоями, или...

— Я понял! — Рэй поднял вверх руки. — Я сбрею бороду!

Виктория про себя улыбнулась, прекрасно понимая, что ей еще не раз придется столкнуться с желанием Рэя защитить воспитанника, но больше она ему спускать не собиралась.

— Рэй, ты ведь понимаешь, что в следующий раз я расценю такой поступок как предательство и повешу тебя на замковых воротах? — Капитан вздрогнул, на мгновение встретившись с контом взглядом. Очень холодным и жестким взглядом. — А теперь рассказывай, как ушел Алвис.

— Мы с Туром знали, что удержать Длань в плену невозможно. Парень сталкивался с Алвисом, когда был маркизом, а я тоже много слышал об умениях служителя Вадиа. Мы думали кинуть его в холодную, пока вы не очнетесь. Я надеялся, что вы попробуете с ним договориться и дадите ему шанс. Когда в ваших должниках ходит сам Рука, это дает кое — какие преимущества. Вот и взял себе маску злого капитана, а вам оставил роль

спасителя. И попросил Ольта присмотреть за вами. Но я и подумать не мог, что вы сделаете этот шанс настолько малым. Это ведь вы не закрыли цепь на ключ, а лишь соединили звенья дужками замка?

— Судя по тому, что Алвиса в подвале нет, он сумел воспользоваться даже этим призрачным шансом, — криво усмехнулся Алан.

Классический прием плохой и хороший полицейский. А Рэй не такой простачек, каким хочет казаться. Все его, казалось бы, эмоциональные спонтанные поступки тщательно выверены и продуманы. Какие еще секреты хранит этот богатырь с простодушным лицом?

Виктория слушала рассказ Рэя с восхищением. Такой наглости от брата Искореняющего даже она не ожидала. Конечно, Рэй сам всего этого не видел, но сопоставив факты и знания о Длани он сделал, скорее всего, верные выводы. Когда конт ушел, Алвис без особого труда разъединил цепь, ограничивающую ручные кандалы, после чего стащил с глаз повязку и вытащил кляп. Потом он, банально, вывернул левый большой палец из сустава и освободил руки. Тут и подоспел Ольт. Мальчишка не сдержал интереса, увидев, как конт вышел из тюрьмы и что — то забросил в кусты. Первоначально раб собирался отдать находку Рэю, но затем решил, что просто замок испортился, и кир Алан выбросил ненужный ключ. Ольт попытался забыть о ключе, однако через несколько часов любопытство пересилило. В свое время любознательный паренек облазил Кровь и прекрасно знал, где в стене находятся отдушины, ведущие в камеры. А еще он слышал разговор контя и стражника, и понимал, что плотник не может заинтересовать такого важного человека, как кир Алан, а кроме этого он знал, что никаких игушей в Крови нет, потому что сам подметал полы в тюрьме после нападения Ястреба на замок. И все камеры были свободны. А значит, таинственный узник сидит в холодной. Он подкрался к отдушине и шепотом спросил «Кто там?», не рассчитывая на ответ. Просто чтобы убедиться, что там никого нет. Но там кто — то был. И этот кто — то пообещал мальчишке — рабу десять золотых за любую обувь. «Здесь очень холодно, — жалостливо сообщил голос. — Ничего больше не надо, просто приоткрой дверь и брось в щель, — шептал он. — А потом вернись к отдушине, и я тебе расскажу, где лежат деньги. А завтра, после того как найдешь золото, приноси одеяло, и я дам тебе еще десять золотых». Ольт долго сомневался в честности голоса, но затем решил, что ничего не случится, если он попробует. За десять золотых можно было безбедно жить несколько лет и, может быть, ему удастся выкупить свою свободу. Он стащил лапти у кого — то из рабов и, дождавшись, когда стражник отвлечется, юркнул в подвал. Ольт открыл дверь и, не удержавшись, заглянул внутрь, а дальше он ничего не помнит.

Так как только четверо знали, кто же на самом деле заперт в холодной, никто не удивился, когда брат Искореняющий вышел из подвала, пряча руки в широких рукавах сутаны. Он сообщил удивленному стражнику, что наставлял на путь истины дебошира — плотника, после чего мелкими шажками направился к воротам в сопровождении Ольта. Воина на воротах поразила лишь обувь ксена. На нем были потертые лапти, и они при ходьбе позвякивали.

— Алвис не смог снять с ног кандалы, — усмехнулся Алан. — А его сутана висела в соседней камере. Спрятать под нею цепи и травмированную руку было легко. Что произошло дальше?

— Тур видел, как Длань покидает Кровь, но счел правильным не вмешиваться. Когда я вернулся, посадил Ольта под замок. Дарен попытался его освободить, за что был наказан братом Туридом. Я сказал ксену, что Ольт выпустил пленника — игуша. А еще, — Рэй выложил на стол клочок желтоватой бумаги, — это Алвис вам оставил.

Виктория поднесла бумагу к свече.

«Кир Алан, я вас прощаю. Сберегите мои вещи».

— Каков наглец! — Конт широко улыбнулся и тотчас нахмурился. — Рэй, приведи Ольта и Дарена.

Конт смотрел на сына, и под его тяжелым взглядом мальчик все сильнее вжимал голову в плечи.

— Дарен, — грустно произнес Алан. — Ты помнишь, я говорил тебе об ответственности за своих людей? — Паренек кивнул, не поднимая глаз. — Я говорил, что проступок твоего слуги — это твой проступок. Что отвечать за него придется тебе. Ты помнишь об этом?

— Да, кир Алан, — едва слышно ответил Дарен, а Ольт шмыгнул носом.

— Ольт совершил предательство по отношению ко мне и к тебе. Он не подумал о последствиях, поступил эмоционально и глупо. Он выпустил из тюрьмы нашего врага, когда тот пообещал ему десять золотых. А в следующий раз он подольет тебе яд за меньшую сумму. Тебе нужен такой слуга? — Дар молчал. — Если бы он был взрослым, я бы приказал его повесить. Ты это понимаешь? — Мальчик кивнул. — В чем ты ошибся?

— Я слишком ему доверился, подумал, что мы друзья. Что он не будет иметь от меня тайн, относился к нему как к другу, а не как к слуге, я забыл, что у владельца не бывает друзей. Я не замечал, что он не слушает меня.

— Ты не прав, даже у короля могут быть друзья, но людям, облеченным властью, приходится более тщательно следить за своим окружением. Я хочу, чтобы этот случай был последним в твоей жизни, и чтобы ты больше никогда не повторял своих ошибок. Ты должен быть строгим, но справедливым со своими людьми. Помни, предательство слуги ложится позором на плечи его хозяина. Розги.

Виктория повернулась к Рэю. На лице богатыря жалость боролась со справедливостью.

— Розги, — кивнул он, соглашаясь с приговором конта.

Виктория перевела взгляд на Тура. Герцог хмуро смотрел на Ольта, но по его лицу невозможно было прочесть, о чем он думает.

— Тур?

Секретарь вздрогнул и кивнул, а потом чуть — чуть приподнял уголки губ, означая улыбку и, подойдя к Дарену, тронул его за плечо. Когда будущий виконт поднял голову, бывший маркиз задрал рубаху и показал шрам на боку.

— Кнут. Отец удаил один газ за шлугу, убешавшего на ечку без спгоса. А я не снал. Шгам это штобы не жабыть. Дворянин должен снать, што делают его люти.

— Кир Дарен, вам ясно, за что я вас наказываю?

У Виктории сердце заходило в немом крике, но она старательно давила в себе эмоции. Этому мальчику придется выживать среди гадюк, и если он сейчас не научится правильно подбирать себе окружение, если не научится твердости и ответственности, то за его жизнь никто и сломанной подковы не даст. Такие как Ольт будут всегда верховодить, и в итоге будущий конт Валлид имеет все шансы стать чьей — нибудь марионеткой. Дарен благодарно посмотрел на Тура и кивнул.

— Я все понял, кир Алан, — твердо ответил он.

— Какое наказание ты определишь для Ольта?

— Пусть его отправят в Роган. И пусть все знают, что он продал своего... друга.

— Да будет так. Это справедливо.

Ольт плакал, вытирая нос рукавом рубашки.

Конт потер глаза, откладывая в сторону исписанные листы бумаги. Неужели закончил? «Воинский устав». Конечно, придется его дополнять и менять, после того как Рэй отсидит двое суток ареста, они еще обсудят детали. Но скелет Виктория набросала. Она задумчиво повертела в руку перо. Хотелось еще написать «Закон», регулирующий рабовладение, но скоро рассвет и впереди испытания воинов. Не мешало бы немного поспать. Хоть пару часов. Конт затушил свечи и растянулся здесь же, в кабинете, на длинном, покрытом шкурой сундуке. Последней мыслью было: «Нужно поставить в кабинете кровать». Об Олике, которая ждала конта в его спальне он даже не вспомнил.

Берт широко зевнул и улыбнулся стражнику, несшему службу в коридоре, куда выходили двери хозяйских покоев. Воин в ответ отодвинулся в сторону, давая возможность парню зажечь от факела свечи, и осторожно похлопал его по плечу.

— Рад видеть тебя живым, Берт. Страшно было в плену?

— Страшно, — кивнул слуга, передергивая плечами. — Я же не воин, чтобы не бояться.

— Да всем известно, что ты бабник. Был бы бойцом, так глупо не подставился бы, — хохотнул воин. — На конта небось не надеялся?

— Нет. Не думал, что господин ради меня рисковать станет, — честно признался Берт, подходя к двери, ведущей в спальню конта.

— Мало кто думал, — согласился воин. — Зато теперь воины за него в реку Забвения полезут. Наш конт своих не бросает, — весомо повторил он слова Алана.

Берт постучал и потянул дверь на себя.

— Кир Алан! — Из темноты комнаты не раздалось ни звука. — А Кусь где? — удивился Берт. — Обычно она спит у порога.

— Я всего рыску назад заступил на пост, не видал, — пожал плечами воин, но, положив ладонь на рукоять меча, отодвинул слугу в сторону, первым заглядывая в спальню.

На большой кровати кто — то спал, рассыпав по подушке светлые волосы и вытянув из — под одеяла стройную белую ножку. Пахло свежеструганными досками, вином, жареным мясом и ночными цветами.

— Я так и знал! — раздался сзади голос брата Турида. Берт даже вздрогнул, ксен умел подкрадываться незаметно. — Знал, что конт не будет ждать отбытия бывшей супруги из замка, а сразу потянет к себе любовницу! Приличия не для него!

Олика приподняла над подушкой голову, увидела три фигуры с интересом рассматривающих ее и сделала то, что сделала бы спросонья любая девушка — нырнула под одеяло с головой.

— Ух, ты! — Между ногами столпившихся в дверях мужчин в комнату просочился Оська, цветом кожи сливаясь с окружающим мраком. — А где Алан — балан?

Он шустро забрался на кровать и полез под меховое покрывало. Моментально раздался визг, взметнулось вверх одеяло, Оська свалился на пол, потянув его за собой и, не поднимаясь на ноги, вместе с одеялом выполз за дверь.

— Конта там нет! Как говорит наш ученый Семон, там только арифметика прячется, сплошные окружности и изгибы, — с этими словами шут вприпрыжку рванул по коридору в сторону лестницы.

Берт поспешил за ним, а воин, посмеиваясь, вернулся на пост. Брат Турид поднял одеяло и, набросив его на визжащую девушку, прикрывающуюся подушкой, захлопнул дверь. Затем внимательным цепким взглядом осмотрел комнату. После ремонта он еще не был в покоях конта. Обшитые деревом теплых оттенков стены делали комнату зрительно меньше, но в тоже время уютнее. Деревянный пол, новая добротная мебель, оббитая темно — синей тканью, ковер на полу. Скромно и изыскано. И очень непривычно. Ксен подошел к столу, выдвинул ящики, заглянул на полки в шкафу, даже приподнял подушки, но, к его разочарованию, ничего интересного не нашел.

— Оденсья, — бросил он служанке, следящей за его действиями из — под одеяла, и вышел.

Девушки столкнулись, когда Олика, на ходу заплетая косу, выскользнула из спальни Алана. Светика с тазом в руках так и замерла посреди коридора, с возмущением глядя на довольную служанку. А та приостановилась, томно потянулась, притворно зевнула и, снисходительно глядя на Светику, кивнула.

— А что ты делала в спальне хозяина? — прямолинейная весчанка и не думала молчать.

— Некоторые рождены, чтобы спать в постели господина, а некоторые сиволлапые дурехи только и годны, чтобы тазы с водою по утрам таскать.

Олика перебросила за спину косу и, повиливая бедрами, направилась к лестнице. Она уже скрылась за поворотом, а Светика все еще придумывала обидный ответ этой гулящей выскочке!

— Твою...

Приятно просыпаться от запаха сваренного кофе, когда солнечный зайчик ласково пробегает по смеженным векам, или когда твоей щеки касаются любимые губы, но до чего неприятно просыпаться от ледяной воды, водопадом льющейся на лицо и грудь под захлебывающийся вой тау!

— Зато вон как быстро вскочил! — радостно сообщил голос шута кому — то невидимому. — И умываться уже не надо.

За дверью заходила лаем Кусь. Конт нащупал рубашку, промокнул ею лицо и открыл глаза. Первое желание было ухватить Оську за красную шевелюру и натывать довольной мордахой в таз с водой, стоящий на табурете возле стола. Алан быстро натянул сапоги и вскочил на ноги, чтобы воплотить в жизнь свой план. В левую пятку, словно иголка впила, конт айкнул и, прыгая на одной ноге, стянул сапог. После энергичного встряхивания на пол с легким звоном выпал тонкий гвоздь. Оська сосредоточенно извлекал из сумки брата Искореняющего маленькие бутылочки, и казалось, совершенно не следил за контом, но стоило тому замахнуться, как темнокожий островитянин юркнул под стол, выскочил с другой стороны, увернулся от летящего ему вслед сапога и застыл за спиной Берта, показывая оттуда мокрому конту язык. Ну как на такого можно долго сердиться?

— Убью!

— Глянь, как бодро бегают, а ты говорил, что Алан — малан устал! — Шут дернул Берта за рубаху.

— Ты где сумку взял? — Конт схватил протянутое слугой полотенце и начал вытирать мокрые волосы.

— Под подушкой, — ответил Оська, забираясь на стул. — Пока все на твою визглю глазели, я ее спас.

— Кого спас? — не понял конт.

— Эту одинокую несчастную маленькую зеленую торбочку со знаком Искореняющего на дне. Спас из подушечного плена. — Шут поднял вверх палец. — Оська не спит, не ест, заботится о своем хозяине, а хозяин только и делает, что обещает убить бедного шута! Стыдно!

— Каюсь. В следующий раз даже обещать не буду, пришибу сразу! Что в сумке?

— Бедный какой — то ксен тебе попался. Всего семь маленьких бутылочек с разноцветными полосками на крышках. Наместник, — он поставил вперед самую большую. — Приближенные, — чуть позади встали два сосуда с красными крышками. — Учителя, — рядом с каждым «приближенным» пристроилось по две разнокалиберных пузырька. — И Длань, — Оська вытащил из сумки круглый стеклянный шарик и запустил его по столу в выстроенные словно кегли бутылочки. Они со звоном разлетелись.

Виктория вздрогнула, ожидая звука бьющегося стекла.

— Слеза гор, — стукнул ногтем по «наместнику» Оська. — Не бьется.

Он побросал все в сумку, но, прежде чем кинуть туда самую большую бутылочку, вытащил из нее пробку и понюхал.

— Что в ней? — поинтересовался конт, при помощи Берта облачаясь в тренировочный костюм — черные широкие штаны, такую же рубаху без рукавов и кожаные тапочки на толстой подошве.

Лицо Оськи расплылось в хитрющей улыбке, но он не успел ответить, в дверь постучали, она открылась, в комнату ворвалась Кусь, и сразу стало тесно. Следом на пороге появился брат Взывающий с чашкой в руке. Над ней курился парок, наполняя комнату ароматом луговых трав. Ксен отпил глоток и поставил чашку на пустой стол.

— Доброе утро, кир Алан. Мы с мастером Семоном составили план обучения грамоте детей и взрослых, кто пожелает, и я бы хотел его с вами обсудить до утреннего взывания. — Он положил на стол расчерченный на колонки и заполненный лист бумаги.

— Я посмотрю после завтрака, — кивнул конт, но ксен и не подумал уходить.

— Я считаю, что одной рыски в три дня для изучения Жития покровителей нашего мира слишком мало! — начал Турид.

Но Виктория, зная въедливого и пристающего ксена, пресекла его возмущенную речь.

— Брат Взывающий, ты набрал Слушающих? — Ксен кивнул. — Вот они пусть изучают Житие более подробно, а остальным достаточно дать лишь основы. Иначе если каждый из нас будет знать Житие как ксен, то зачем нам будут нужны ксены?

Боковым зрением Виктория заметила, как Оська пронес руку над чашкой Взывающего и сунул последний пузырек в сумку, при этом на его лице было такое плутоватое выражение, что она испугалась за Турида. Виктория даже хотела грозно прикрикнуть на неугомонного шута, но когда наконец — то смогла отделаться от ксена, Оськи уже в кабинете не было. Сумка Искореняющего лежала на стуле, задвинутом под стол. Конт спрятал её в сундук и запер его на ключ. Направляясь на тренировочную площадку, Виктория подумала, что шуточка Оськи может стоить ксену добродетели, но спустя минуту она об этом забыла, потому что ее догнал Смон. Старик поздоровался и, испросив разрешения сопровождать конту, пошел рядом, Алану пришлось замедлить шаг, чтобы подстроиться под неторопливый и степенный ход учителя.

— Хочу вам сообщить, что кир Дарен стойчески перенес порку. Я, как его воспитатель, присутствовал при наказании. Очень достойный молодой человек. Очень! Но я бы хотел поговорить с вами о втором мальчике, о том, из — за кого мой ученик пострадал. Я разговаривал с ним. Он искренне раскаивается в содеянном. Кир Алан, у этого ребенка не было любящих родителей, которые могли бы ему объяснить, что такое верность и честь.

— Наказание вынес Дар, и не мне его отменять, — не глядя на старика произнес конт.

— Это верное решение, но прошу вас, дайте ему шанс.

— Разве сохранив рабу жизнь, я не дал ему шанс?

— Я прошу вас позволить Ольту поговорить с киром Дареном. Негоже ему уходить из замка с таким тяжелым камнем на сердце.

Виктория подумала и согласилась. Возможно, этот разговор поможет обоим мальчишкам.

— Но только в твоём присутствии.

— Благодарю вас кир, Алан. Я передал вашему секретарю план обучения кира Дарена на этот сезон. Очень интересный у вас секретарь, и татуировка у него занимательная — летающий морской змей. Мудрость, скорость, хитрость, — улыбнулся Смон. — Когда — то я путешествовал по герцогству Вас'Хантера. — Он пожевал губы. — Я бы с удовольствием позанимался и с Туреном Ли.

— Я буду рад, — кивнул конт. Он и сам хотел об этом просить мастера. — Но ты ведь понимаешь, что твои догадки должны остаться при тебе. Еще не время миру знать, что наследник Вас' Хантеров жив.

— Конечно, кир Алан, я все понимаю, — укоризненно и, как показалось Виктории, даже с легкой обидой произнес старик. — Я разработаю для вашего секретаря отдельную программу. С вашего одобрения мне бы хотелось включить в обучение обоих мальчиков кроме уроков живописи и уроки музыки.

— Музыки? — удивился конт. — Мастер, разве в Крови есть музыканты?

— В Крови нет, но в Рогане имеются. Бывший капитан считал себя человеком утонченным и уговорил баронессу купить танцовщицу и хор. Я слышал, вы собираетесь давать прием, так почему бы вам не привезти сюда музыкантов?

Это была отличная идея, и Виктория ухватилась за нее. Она не один раз думала, чем удивить гостей и сожалела, что у нее слишком мало времени, чтобы организовать театр.

— Берт, — не оглядываясь позвал конт. Он знал, что слуга идет следом. — Передай воинам, которые повезут Ольта, чтобы привезли сюда не только Нанни, но и музыкантов. И пусть захватят все книги, что найдут в Рогане. Мастер, — обратился он вновь к учителю, — брат Взывающий не сильно тебе докучает?

— Что вы! — всплеснул руками старик. — Очень любознательный молодой человек. И весьма недурственный химик. Увлекается только очень сильно, но это пройдет вместе с молодостью.

Виктория хмыкнула, для Семона даже Рэй был молодым повесой. Она про себя поблагодарила богов этого мира за встречу с этим уникальным человеком. Ей вообще везло на интересных людей. Один Алвис стоил десятка. Интересно, где ксен сейчас? Без него как — то даже скучно.

ГЛАВА 13

Воин должен быть опрятен и дисциплинирован.

Воин должен выполнять приказы командира

беспрекословно, точно в срок.

Воин должен стойко переносить трудности военной службы,

постоянно совершенствуя свою выучку и боевое мастерство.

Воин должен содержать оружие в чистоте.

На площадке конта ждала стройная шеренга бойцов гарнизона и толпа рабов, пожелавших вступить на путь воина. Чуть в сторонке стояли Дарен и Тур с ворохом бумаг в руках, рядом на перевернутой колоде восседал Оська. Мальчики о чем — то тихо переговаривались, но, увидев Алана, замолчали и синхронно поклонились. Оська вскочил на колоду и с самым серьезным видом повторил поклон, стоя на одной ноге, при этом умудрившись не упасть. По ряду воинов прокатился смешок. К конту подошел Серый с бляхой капитана на груди.

— Кир Алан, мы готовы.

— Отлично. — Виктория повернулась к воинам. — Перед вами полоса препятствий, коротко ПП...

— ПП значит — Пришел Покойник, — тут же прокомментировал Оська, и отчего — то Виктория была уверена, что именно это название и приживется. — И что с этой покойницей полосой нужно сделать?

— Её просто нужно пройти, — радостно улыбнулся конт. Очень радостно. Странно только, что воины и претенденты не разделили его радости. — Сегодня разрешаю использовать любое оружие для поражения цели. Оська, ты какую — нибудь песенку знаешь? — Алан не глядя протянул руку, и Берт вложил в нее перевязь с метательными ножами.

— Я шут! — гордо заявил Оська. — Петь песенки моя работа.

— Тогда пой как можно громче.

И раз... Перепрыгнуть траншею и сразу же упасть, по — пластунски преодолевая расстояние между каменистой землей и беспорядочно натянутыми веревками. Вот тут Виктория пожалела, что не надела перчатки. Зато на шестиметровое бревно, установленное в полутора метрах над землей, конт влетел играючи, пробежал по нему, спрыгнул на землю, перепрыгнул плетенный из веток палисад. Не останавливаясь, с разбегу перевалился через двухметровый забор, про себя отметив, что в этом мире препятствие нужно делать на несколько досок выше, все же средний рост местных жителей колебался где — то от метра девяносто до двух, а Виктория при строительстве полосы ориентировалась на земные стандарты. Лесенка, вкопанные в землю пни различной высоты, метровая траншея, сразу за ней — два круглых щита. На мгновение остановиться, выхватить ножи, бросок. Оба ножа попали в цель. Не в центр, но и не мимо, что радует. Широкая, не менее двух метров, канава, вместо воды на дне колышется грязь, через нее переброшены две жерди. Это самый сложный отрезок. Еще один нож уходит в цель. Трехметровая лестница — стремянка, спускающаяся в огромную квадратную емкость с ледяной водой, извилистый окоп и, наконец, последнее препятствие — ряд кустарника, который конт преодолел «рыбкой» с перекатом и выходом в стойку.

... И сто пятьдесят два...

Плохо! В норму ты не уложился, господин конт Валлид. Надо больше тренироваться.

— Оська, стоп! — Конт неспешно подошел к воинам. Берт протянул ему мокрое полотенце. — Сколько успел спеть?

— Три куплета, — отрапортовал шут. — Только дошел до момента, когда морская дева предложила шаману себя в жены. Если бы ты бежал медленнее, я бы успел пропеть про их первую ночь, когда шаман долго искал у жены под хвостом...

— Еще пропоешь, — усмехнулся конт. — Возьмем за норму четыре куплета Оськиной песенки. Кто не уложится, может распрощаться с мечтой о службе до следующего испытания.

— А если кто из воинов не успеет? — поинтересовался Серый, заменивший на посту капитана Рэя, отбывающего арест.

— Будет бегать, пока не станет успевать, — жестко ответил конт. — Мне не нужно стадо беременных коров, мне нужен боеспособный отряд. С сегодняшнего дня я буду тренироваться вместе с вами, а поэтому поблажек не ждите. Первая двойка рабов на линию! Оська, запевай.

Сзади засмеялся Берт. Конт все же отомстил Оське за утреннюю экстремальную побудку. Петь ему придется сегодня долго.

Маленький шут весело блеснул синими глазищами, вскочил на колоду и затянул:

Однажды плыл шаман в ночи на лодке с дырочкой

И вдруг услышал тихий смех, а следом громкий вой.

Ой — ой, видения. Боится он воды.

Объелся на ночь он грибов,

О, Темный дух, спаси!

Из бездны дева поднялась и тихо говорит:

Возьми в любимые меня, иначе будет ...бздых.

Ах — ай, видения. Боится он воды.

Объелся на ночь он грибов,

Кричи иль не кричи!

Шаман увидел у нее два шара впереди,

Глаза полезли из орбит, ведь он еще мужик!

Ой — ой, видения. Боится он воды.

Объелся на ночь он грибов,

О, Темный, помоги!

И тут же замуж ее взял, про хвост совсем забыв,

А после долго он искал, куда засунуть... дрын.

Вокруг захохотали. Песенка, похоже, состояла из массы куплетов, и Оська мог петь ее до бесконечности долго.

Спустя рыску все рабы прошли полосу препятствий. Не уложились по времени только трое. Но конт подозревал расстроенных парней и предложил им пройти испытание еще раз через три дня. Только предупредил, что время прохождения ПП будет сокращено на один куплет. Парни согласились. Собственно, все это Виктория затеяла ради одного раба. Высокого, широкоплечего, но не очень поворотливого парубка. Такому дай в руки щит и «утреннюю звезду», и можно смело выпускать против троих. Да и в сшибке такие воины на вес золота. Правда, представление о средневековом бое было у Виктории киношное. Она это прекрасно понимала и не собиралась принимать никаких решений, не посоветовавшись с опытным Рэем. В конце концов, глуп тот руководитель, который

стремится все сделать сам. Главное в любом успешном деле — это команда. И Виктория не собиралась изобретать ничего нового.

Тем временем пришла очередь воинов проходить ПП. Серый хмуро толкнул короткую речь.

— Вадием клянусь, тот, кто не уложится в назначенное господином время, будет дежурить на стенах до последнего волоса на голове! Вы у меня на землю не ступите! — напутствовал он бойцов «добрым» словом.

Конт занял позицию возле забора, облокотившись на него и сложив руки на груди, он внимательно наблюдал за прохождением воинами полосы препятствий. Рядом с ним стояли Тур и Дар. Чуть в сторонке — Берт, Саника и Серый.

Хотелось бы Серому знать, о чем думает кир Алан. Воин покосился на лист бумаги в руках секретаря. Он был разделен на столбцы — в первый мальчишка вносил прозвища мужчин, проходящих испытания, а в остальные ставил непонятные для плохо образованного заместителя капитана символы. Конт, не отрывая взгляда от площадки, иногда бросал странные слова. «Е. СБ. Рэ. Вопрос. Ст.» и Тур ставил крестики напротив прозвищ, но в разные столбцы. Изредка конт задавал капитану или Санике вопросы, есть ли у воинов семьи, дети, родители? Кто из них обучен грамоте, кто каким оружием владеет лучше, кто пользуется авторитетом среди людей.

Серый незаметно следил за Аланом и рассуждал:

...После болезни конт еще плохо говорит, иногда запинаясь или долго вспоминает слова, но ворожея сказала, что это со временем пройдет. Так бывает после сотрясения головы. А его здорово ведмедь помял, до сих пор все удивлены, что выжил. Вот сейчас он хмурится, а только что улыбался. Станный он стал, недаром народ по углам шепчется, что кончина старого конты изменила Алана. Много бают о скоротечной смерти Сани Валлид. Говорят, что они с сыном не поделили дочь барона Хвата, что пред смертью старик проклял Алана мужским бесилием, и теперь конт сторонится женщин. Рыжая Эльса еще до того как Нанни выгнала ее из замка рассказывала, что сама видела, как дух старого конты прилетал в храм и каялся, а потом влетел в окно спальни кира Алана. Бабы говорят, что он забрал у сына и унес во Тьму то, что сам любил больше всего — слабость к женщинам, вспыльчивость, жестокость. Чтобы его сын стал мудрым правителем. Да только его ли это сын? ...

Серый пришел в Кровь за десятидневку до рождения Алана, и он прекрасно помнит, что отец ребенка даже не подошел к кровати с новорожденным. Молодой боец в тот день стоял часовым у двери в спальню госпожи. Он помнит, как прибежала Нанни с ворохом тряпок, приказала наносить горячей воды, потом появился хмурый Рэй в сопровождении нескольких служанок, но он пробыл у госпожи недолго, вышел и простоял у двери рядом с безусым еще Серым, пока все не закончилось. А отец ребенка так и не пришел. Узнав о начавшихся родах, он уехал на охоту. Первый раз ему показали младенца через десятницу, и опять Серый нес караул у кабинета конты. Он слышал, как кир Сани шипел плачущей супруге: «Лучше бы вам было утонуть вместе с вашим любовником, чем так позорить мой род! Постарайтесь, чтобы ублюдок не попадался мне на глаза». С этими словами конт выскочил из кабинета, громко хлопнув дверью. И буквально сразу прибежал перепуганный Рэй, он зашел в комнату, и Серый услышал сдавленные рыдания кирены Ксаны и тихий голос капитана. Тогда он еще решил, что Рэй слишком близок с госпожой, но, увидев впервые черноглазого и черноволосого Алана, понял, что отцом виконта был кто — то из мирийцев. Иногда в порты прибрежных земель заходили легкие корабли из Мирии и стройные смуглые моряки далекой страны вскружили головы не одной женщине. Сложив немногочисленные слухи, которые гуляли по замку, Серый только уверился в своих подозрениях, о которых никогда никому не говорил и говорить не собирался. Кирена Ксана была женщиной необыкновенной красоты, в нее были влюблены почти все мужчины Крови, и он никогда не посмеет порочить память о ней. К сожалению, от матери Алан унаследовал только форму глаз.

Серый про себя пожелал кирене Ксане светлого посмертия и вернулся к созерцанию тренировок.

Виктория искоса следила за воином и заметила задумчивые взгляды, которые он на нее бросал. Очень подвижное и эмоциональное лицо. Серый хмурился, когда кто —нибудь из

его отряда оступался или падал, и громким шепотом выражал свои мысли. Виктории он напоминал спортивного болельщика. Сжатые кулаки, тихие маты, подбадривающие крики и угрозы сгноить «неуклюжих выкидышей бешеной крысы» на стенах.

— Серый, возьми меч и встреть этих увальней сразу за последним препятствием. Кого бы дать тебе в пару? — Виктория оглянулась.

— Я с удовольствием разомнусь, — раздался голос, при звуках которого тепло затопило желудок.

Иверт и Серый бодро побежали в конец полосы, прихватив с собой по паре деревянных мечей. А к конту подошел мастер Семон. Виктория заметила Ольта с котомкой в руках, оставшегося стоять в стороне.

— Доброе утро, кiry. Кир Дарен, прошу, выслушайте вашего слугу.

— Бывшего слугу, — буркнул Дар, но нехотя пошел за мастером.

Виктория сделала вид, что увлечена учебным боем. Бойцы, дошедшие до финиша, пытались пройти через заслон из Серого и Иверта, а к первому рубежу уже выходила следующая двойка. Виктория заметила, что техника боя у игуша и капитана совершенно различная. Иверт больше двигался, его меч мелькал со всех сторон одновременно, а Серый практически не сходил с места, нанося скупые, но сильные удары. Однако в паре эти двое успешно противостояли уже тройке бойцов. Четвертый сидел у ограды. Он был условно — убит и теперь кривился, рассматривая наливающийся синяк на руке.

— Берт, пошли кого — nibудь за водой, — не отрываясь от интересного зрелища, попросил конт.

— Я принесу, — Саника легко перепрыгнув через забор, побежал в замок.

Оська уже слегка охрип, но продолжал петь. В очередном куплете шаман забрался на гору и пытался разжечь костер при помощи молнии. Естественно, там тоже была грудастая красотка. В этот раз без хвоста, но зато ее кожа была из лавы, и шаману пришлось искать способ потушить пожар у себя в штанах нетрадиционным методом — ведром холодной воды. Каждый куплет Оськиной песенки встречался дружным хохотом. Шут был доволен и старался из всех сил.

В руку конта ткнулась мокрым носом Кузь. Виктория погладила суку по прижатым к загривку иглам. Сейчас они были не страшны, но во время боя тау поднимали их вверх, и это делало животных во много раз опаснее.

— Где ты бегала, подруга? — ласково спросил конт, целуя любимицу в мокрый нос. И отчего раньше эти животные казались Виктории безобразно — страшными?

Кузь положила большую голову на вытянутые лапы и благодарно заурчала. Если не видеть ее вытянутой зубастой пасти можно решить что это кошка. Кошка с внешностью крокодила.

— Здравствуйте, кир Дарен

— Здравствуй, Ольт.

— А я вот уезжаю, — Ольт замялся.

Дарен старательно смотрел в землю, было заметно, что этот разговор тяготит его.

— Я хотел сказать, что мне стыдно за свой поступок. Я не подумал, что те... что вас за него могут наказать. Простите меня.

— Ольт, ты дурак, да? Дурак? Или думаешь, мать меня не порола? Думаешь, я из — за этого обиделся? Если бы ты мне сказал, может, я бы отговорил тебя, и ты бы не был теперь предателем! А ты... ты не умеешь дружить. Я тебе доверял, делился с тобой секретами, а ты просто забыл обо мне. Ты один полез в темницу! А если бы он убил тебя? Как бы я себя чувствовал, не защитив друга? Ты ведь даже не думал об этом, я знаю. Потому что если бы думал, то позвал бы меня тоже. Мы бы вместе справились с тем...

гадом. — Рядом кашлянул мастер Семон и мальчишка на мгновение смущенно замолчал. — Ты предал меня. — Ольт встрепнулся и открыл рот в желании возразить, но Дар не дал ему сказать. — Я думал, мы будем всегда вместе. Как кир Алан и Берт. Я думал, что буду защищать тебя, а ты помогать мне, но тебе никто не нужен. Рэй сказал, что у тебя никогда не будет друзей, но всегда будет компания. — Дарен наконец — то посмотрел в лицо Ольту.

— Это не так! — запальчиво воскликнул раб, собираясь отстаивать свою точку зрения.

— Боги нас судят по поступкам, а не по словам, — произнес Дарен фразу из Песни Жития. — Рэй сказал, что твой поступок запятнал мою честь, потому что господин отвечает за своих слуг. Он сказал, что рядом со мной должен быть такой человек, который всегда будет об этом помнить. А еще он сказал, что у дворян не бывает друзей, есть только слуги и партнеры. Я ему не верил, а теперь верю. Ты все испортил!

Ольт порывался что — то сказать, но Дарен не стал слушать, он развернулся и ушел к отцу. Его щеки пылали, он сердито смотрел перед собой, но голову держал гордо.

— Тебе есть о чем подумать, мальчик мой, — произнес мастер Семон, кладя руку на плечо понурившегося Ольта.

— Он ведь никогда меня не простит, да?

— Все зависит от тебя, дружок.

— Как я могу ему что — то объяснить, если он меня не слушает?

— А ты не говори, ты делай. Дарен правильно тебе сказал, поступки говорят за нас.

— Я не хочу, чтобы он думал обо мне так. Я не предатель!

К ним подъехал воин, который должен был отвезти Ольта в Роган.

— Пора, пацан.

Когда Ольт уже забрался на коня и уселся впереди воина, к ним подошел Тур. Он протянул Ольту сверток, ободряюще кивнул и, махнув рукой, ушел. Только за развилкой Висяка Ольт развернул подарок. Это оказалась рубашка, та самая, которую они покупали вместе с Дареном на ярмарке. Дар ее так ни разу и не надел. Ольт шмыгнул носом и разревелся.

— Не вой, — крепче прижал его к себе воин. — Натворил дел — отвечай.

— Я не из — за этого, — шмыгнул носом раб. — Он прав, я просто дурак. Но я докажу ему, что мне можно доверять, — прошептал он себе под нос.

Из — за тучи выглянуло солнце, и Ольт, который не умел долго предаваться унынию, робко ему улыбнулся. Он совершил глупость, но ему дали шанс все исправить, и он исправит! Он станет воином и будет защищать Дара. Сейчас он в это верил, а раз так, то и печалиться не о чем.

Саника принес кружку вина, и Виктория с тоской подумала, что пить рано утром натошак не очень хорошая идея. Если только один глоток. Солнце уже выскользнуло из — за гор, заливая мир вокруг чуть розоватым светом. Даже облака, вечно закрывающие далекие пики казались пушистой розовой ватой. Набирающее силу утреннее солнце постепенно освещало вековое спокойствие могучих лесов, лишь в ложбинках ущелий еще стелился туман. Через несколько часов теплый ветер перегонит редкие облака через перевалы гор, туда где их встретит море и небо над Кровью станет удивительно синим. Жаль что она не художник. Такой пейзаж прекрасно бы вписался на стену в спальне Литины. Она поднесла ко рту кружку и тут вспомнила, у них ведь теперь есть художник! Настоящий гений, судя по восхищению Семона. Надо посмотреть, что этот гений умеет, а то вдруг он приверженец кубизма?

— Тур, включи в план встречу с нашим художником. Пусть принесет свои работы.

— Не вздумай пить, Бешеный Алан!

Виктория даже вздрогнула от неожиданности. К ним подошел Иверт и, забрав кружку из рук удивленного конта, поставил ее на землю. Кусь тотчас открыла глаза. Принюхалась и несколько раз с интересом лакнула из кружки. Прислушалась к ощущениям, фыркнула и опять улеглась. Вино ей явно не пришлось по вкусу.

— Ты хотел учиться нашему бою на яташах. Сегодня и начнем, — белозубо улыбнулся Иверт, стягивая с плеч мокрую рубаху. — Сейчас возьмем мечи и отправимся на площадку для поединков.

Виктория поняла, что она зачаровано плянется на блестящий от пота торс Иверта и быстро отвела взгляд. Не хватало еще, чтобы окружающие заметили интерес конта к мужчине. Но как приятно ощущать разливающуюся по телу теплую волну предвкушения. Она никогда не признается Иверту в своих чувствах, но ведь никто не запретит ей мечтать. Просто хранить глубоко, глубоко в сердце маленький теплый огонек, лелеять его и пестовать, никогда никому не показывая и не надеясь, что из него разгорится костер. Она не может себе позволить подбрасывать дрова надежды в это юное пламя, потому что костер сожжет ее, уничтожит, превратит душу в пепел. Но маленький огонек согреет, отодвинет одиночество и не даст сердцу покрыться коркой льда. А дальше кто знает, как будет? Может со временем она примет это тело?

Виктория улыбнулась. Что — то ее потянуло на романтику.

— Серый, бери всех и марш — бросок.

— Марш — бросок?

— Бегом с оружием, как можно дальше и обратно, — хищно улыбнулся конт. Со стороны сидящих на земле воинов раздался стон. — А недовольные будут копать ров — от забора и до заката!

— Слышали уроды? Подъем! Построились! — Серый кровожадно улыбнулся. — Это вы правильно придумали кир Алан. Давно пора растрясти сало с задниц, а то, как горцы притихли так бойцы забывать начали с какой стороны за меч держаться.

Ну, это он преувеличил. Рэй ежедневно гоняет воинов на тренировки с оружием. А вот общей физподготовкой и строевой здесь заниматься не принято, но ничего она это исправит.

— Эй, конт, — к ним припрыгал на одной ножке Оська. — А еще не все прошли полосу покойника.

— И кто же остался, шут?

— Я и горец.

— Но вы не в отряде.

— Это кто сказал? Я, например, очень даже в отряде. Кто поднимал воинский дух, распевая бравые марши? Да без моей поддержки половина бы даже до ямы не доползла! А игуш тоже хочет в твоё войско, да только попроситься стесняется.

— Укоротить бы тебе язык, — без улыбки произнес Иверт. — Ну что же карлик, пари?

— На щелбан! — быстро выкрикнул Оська и показал язык.

— На хороший пинок под зад, — серьезно произнес Иверт натягивая рубаху. — Усложним условия, шут. Каждая мишень должна быть поражена. Бешеный Алан, командуй.

— Эй, конт, одолжи мне свои ножички, — Оська ткнул пальцем в перевязь с метательными ножами.

Иверт закинул за спину свой лук.

Ради этого зрелища Серый даже задержал выступление своих людей. Воины выстроились вокруг, громкими криками поддерживая соревнующихся. Виктория

отметила, что большинство болеет за маленького шута и, хотя к горцу в Крови относились нейтрально, особой любви он не снискал. Впрочем, Иверта это совершенно не волновало. У него был долг крови перед Аланом, а на остальное ему было плевать.

Оська кривлялся и приплясывал на месте, горец был спокоен и собран. Конт громко крикнул:

— Пошел!

Маленькому и юркому шуту удалось выйти вперед на «паутинке». Он змеей проскользнул под натянутыми веревками, смешно оттопырив зад, выскочил с обратной стороны, и прежде чем метнуть в мишень ножи, успел повернуться и показать Иверту язык. Метал шут с двух рук. В две разные мишени. Оба раза попал почти в центр. Горец в меткости ему не уступал, хотя мишени для стрел находились значительно дальше. Обе стрелы легли ровненько в центр щитов. Оська замешкался на бревне, зато нагнал Иверта на первом окопе, который спокойно перепрыгнул. Все с интересом ждали, как коротышка шут будет перелезать через стену. Но и здесь он не растерялся, подтащил один из пней к деревянной стенке и при его помощи перебрался на другую сторону, чем вызвал дружный рев десятка луженых глоток.

Виктория только головой покачала, когда Оська пришел к финишу всего на два шага позади горца. Принимая во внимание разницу в длине их ног...

— Ну что, я достоин стать командиром твоего отряда? — потирая зад после осязательного пенделя которым наградил проигравшего Иверт, поинтересовался он у конта.

— Достойн, — серьезно кивнул Алан. — Оська, ты полон сюрпризов. Где ты наловчился так метать ножи?

— Я шут. А шуту положено многое уметь! — гордо заявил островитянин, всматриваясь в сторону ворот. — Ну, я, пожалуй, пойду. — С этими словами он сорвался с места и рванул к замку, всего на несколько секунд разминувшись с прибежавшим плотником.

— Кир Алан! — закричал мужик, не добегая до конта несколько метров. — Идите скорее в Кровь. Там с нашим ксеном что — то неладное творится! Заперся в своей комнате с двумя девками, как бы не быть беде!

— Оська! — заорал конт, подозревая причину такого поведения ксена. Но причина только наподдала и спустя мгновение скрылась в воротной калитке.

Серый повел воинов на пробежку, а конт со своей маленькой свитой поспешил в замок. Следом за ним лениво шел игуш в сопровождении Кусь. Тау выглядела устало, что совершенно было ей несвойственно, но никто не обратил на это внимания.

Плотник чуть задержался, его разморило от пробежки, захотелось немного отдохнуть на солнышке. Он сел на перевернутый чурбан, взгляд мужчины привлекла кружка с вином, стоящая на земле. Мужик поднял ее, втянул тонкий аромат вина широкими ноздрями, довольно крикнул, чай, только господину такое вино наливают, и с удовольствием выпил напиток одним длинным глотком, запрокинув голову вверх.

У двери в покои ксена волновалась толпа. Увидев владельца, люди притихли.

— У вас нет работы? — грозно поинтересовался конт.

Этого хватило, чтобы все быстро разошлись по своим делам.

— Берт, прикажи накрывать завтрак.

Виктория поднялась на крыльцо и дернула за ручку. Обычно двери покоев Турида были открыты — к нему постоянно бегали за советами и благословениями. Но в этот раз все оказалось заперто. Конт забарабанил по двери кулаками.

— Брат Взывающий, открой своему господину! — заорал он. — Иначе высажу дверь!

Раздался визг, грохот, словно по помещению кто — то бегал, сшибая мебель.

— Я все рано войду! — к кулакам Алан добавил удары ногой.

Дверь приоткрылась, и в щель выскользнули две девушки, одну из них конт прекрасно знал, это была Олика, а вторая юница когда — то помогала ему принимать ванну. Она, увидев конт, залилась румянцем и чуть не разрыдалась под строгим взглядом, Олика же напротив, гордо выпятив грудь, произнесла с обидой:

— Доброе утро, кир Алан. А я вас вчера ждала, как вы и велели.

— Марш отсюда! — прошипел Алан и вошел в комнату, захлопнув за собой дверь.

Ксен стоял на коленях перед портретом Вадия и с остервенением лупил себя плеткой. Обнаженные худые плечи покрывали кровавые полосы, яркими пятнами выделяющиеся на бледной коже.

Постель была сброшена на пол, на столе стояли тарелки с остатками еды, перевернутые стулья, дверца шкафа распахнута. Виктория подняла стул, поставила его посреди комнаты и уселась, положив ногу на ногу. Ксен на мгновение замер и, не поворачиваясь, глухо произнес:

— Оставьте меня одного, кир Алан.

— Даже не подумаю. Я тоже люблю БДСМ, не станешь же ты лишать меня удовольствия понаблюдать за тобой.

— Я осквернил тело, принадлежащее Ирию, — даже не заметив незнакомое слово, горько прошептал Турид.

— Теперь оно принадлежит Вадю, — безразлично произнес конт, едва сдерживая смех.

Нет, Виктория понимала, что сейчас чувствует Турид, но сдержаться не могла. У нее было слишком развито воображение. Первый раз — и сразу с двумя такими горячими штучками. Она представила, как девушки в четыре руки ласкают ксена, а у того на лице расцветает глупая улыбка. А может, он сопротивлялся, убегал, а они догоняли его, сшибая мебель? «У меня казарменный юмор, — подумала она. — Вот я и становлюсь настоящим мужчиной».

— Знаешь, брат Взывающий, я твердо убежден, что после всего, что случилось, тебе нужно повеситься. Хочешь, прикажу принести веревку? И даже выбью из — под тебя стул.

Ну да, конт добрый. А что, кто — то сомневается?

— Не издевайтесь. — Ксен тяжело поднялся на ноги.

Полосы на спине набухли каплями крови. Виктория заметила множество тонких белых шрамов, покрывающих тело Взывающего. А еще она заметила, как топорщится полотенце, закрывающее бедра мужчины. Значит, зелье еще действует? Ничего себе побочный эффект! Да его можно патентовать и продавать как «Виагру».

— Турид, зачем ты это делаешь?

Ксен устало присел на край кровати, свесил руки с колен, сгорбился и сразу стал похож на побитую собаку. Несчастный, одинокий, растерянный мужчина. И тут же Виктория забыла об их противостоянии, о его шпионской деятельности, о неприятном характере ксена. Русскую душу невозможно истребить никаким переселением в иной мир. Сирые и убогие всегда вызывают жалость.

— Вы хотите меня исповедовать? — скривился ксен.

— Нет, просто хочу понять. Я вижу, что ты нравишься Литине и она тебе нравится. Я это чувствую. Так какого Вадия ты все еще упорствуешь?

— Я недостойн.

— Твою...! — Виктория зло отшвырнула стул. Как же ее бесят такие мужики! — Он, видите ли, недостойн! Выходит, что и она недостойна? Недостойна стать матерью, родив

от любимого мужчины? А вот быть замужем за моральным уродом она достойна! Недостойна быть счастливой, прожить жизнь рядом с тем, кого любит? Зато достойна получать синяки и быть неоднократно изнасилованной пьяным мужем! Конечно! Наш святой ксен будет и дальше истязать плоть и разум, упиваясь своими муками! А его любимую женщину в это время отдадут еще раз замуж за старого похотливого купчишку или упекут в монастырь. Потому что она только этого и достойна!

Под конец Виктория почти орала мешая русские слова с местными. Ей хотелось схватить Турида за плечи и хорошенько встряхнуть, и только сочащиеся кровью раны останавливали конта от этого действия.

— Да, — наконец спокойно произнес Алан, он поднял упавший стул и направился к двери. — Ты недостойн кирены Литины. Ты трус, спрятавшийся от ответственности. А она заслужила мужчину, который сможет дать ей настоящую семью. Семью, которой никогда не было у тебя, Взывающий. — Конт взялся за ручку. — Семья — это подарок, который Ирий дал человеку после сотворения. Это первое, что он подарил нам. А ты добровольно отказываешься от его даров.

Это было последним гвоздем в крышку гроба Взывающего. Он вздрогнул и поднял на конта прозрачные глаза, наполненные отчаянием.

— Я не могу теперь. Со мной приключилась постыдная болезнь. Видно, Вадий послал мне испытания.

— Придурок, — нежно произнес конт, глядя на ксена почти с любовью. Такой он сейчас был беззащитный и несчастный, совершенно не похожий на язвительного и вредного правдолюбца, что Виктория просто умилялась. — Это шут подлил тебе в травяной чай зелье, от которого у мужчин случается, ээээ... большая мужская сила! Но я просил бы тебя не заставлять его взывать к Вадю, потому что, боюсь, утром мы встретим в храме пьяных богов, проигравших нашему шуту свое царство.

Ксен лупал глазами, безмолвно открывая рот. Какая прелестная картина — брат Взывающий не знает что сказать!

— Так что мне передать Литине?

Виктория не собиралась останавливаться на полпути. Когда еще появится такой шанс отомстить бывшей, пытавшейся ее убить, и ксену, попортившему конту Валлид немало крови.

— Ты просишь у меня ее руки?

Сбитый с толку, ошарашенный напором конта, дезориентированный рухнувшей на него информацией ксен кивнул.

— Ирий сказал: «Дети и построение города увековечивают имя, но главное того и другого считается безукоризненная жена», — довольно закончил Алан фразой из Библии.

— Когда это он такое сказал? — тут же уточнил въедливый ксен.

Но конт уже распахнул дверь и, ухватив Оську за ухо, втянул его в комнату, следом вплыла испуганная Летина. Алан захлопнул дверь и стал к ней спиной, предотвращая возможность побега.

— Кирена, — конт поклонился бывшей жене и повернулся к шуту. — Оська, что ты здесь делаешь?

— Так ксен наш раненный, а так как он не дает женщинам себя трогать, — шут хихикнул двоякости своих слов, — а всех подходящих мужиков ваше злейшество отправило бегать, я привел хозяйку. У нее ручки белые, нежные, взгляд кроток, мысли благочестивы. Нашему ксену нечего ее бояться, — Оська бочком двигался в сторону окна. — А что, не надо было? Так мы с киреной пойдем. Там королева Райка завтрак приготовила.

Виктория улыбнулась. Оська был великолепным психологом и неисправимым плутом.

— Кирена Литина, брат Взывающий только что просил у меня вашей руки, и я дал согласие.

— На каком основании вы распоряжаетесь моей жизнью? — слегка побледнела Литина. Оська шустро подставил ей стул, и женщина на него тяжело опустилась, нервно теребя кончик косы.

— Как владетель этих мест и, в отсутствии вашего батюшки, ваш опекун, баронесса Ситко.

— Опекун? — Литина смотрела на бывшего мужа со страхом.

— А на каких еще основаниях вы проживаете в моем замке? — Конт протянул руку в сторону шута.

Неужели она ошиблась в Оське, и маленький шут не предусмотрел этот момент?

Оська шмыгнул носом и полез за пазуху. В ладонь Алана лег тяжелый золотой пятиугольник с изображением скрещенных ключей — символ его власти.

— Напомни мне приказать сменить замки в сейфе, — бросил конт ни капли не смущенному шуту и повернулся к бывшей жене. — Или вы не хотите замуж за брата Турида?

Последовала немая сцена. Ксен сидел, чуть подавшись вперед, и смотрел на сжатые в кулаки руки, Литина замерла, вперив взгляд в портрет Ирия, словно ждала от него ответа. Даже Оська проникся торжественностью момента и притих, сидя на столе и болтая ножкой.

— Я согласна.

Не давая этим двоим опомниться, конт заставил их поклясться в верности друг другу и ему, конту, на гербе Валлид. При этом Виктория совершенно не была уверена в правомерности своих действий, но ксен промолчал, а она сделала вид, что так и надо. После чего Алан назначил свадьбу на первый день нового года и сбежал, оставив жениха и невесту свыкаться с новым статусом, а заодно снимать с ксена последствия Оськиной шутки.

Выйдя на крыльцо, они с шутом хлопнули ладонями.

— Получилось! — Виктория широко улыбалась. — Ты молодец, шут!

— Еще бы! Я великий стратег и...

— Пакостник.

— Ой, а что это с Кусь?

Тау лежала на дорожке без признаков жизни. Вывалившийся язык, невидящие желтые глаза и едва заметное дыхание. Виктория упала перед нею на колени, а Оська побежал искать друиду. Кусь была теплой, и Виктория надеялась, что они успеют спасти животное.

— Милая, что с тобой? — Конт погладил морду своей верной подруги, а затем прижал ухо к боку в попытке услышать сердцебиение. Сердце едва билось, очень редко, но билось.

Алан подхватил суку на руки. Тяжелая, зараза! В кабинете он сгрузил ее на стол, а вскоре пришел Оська в сопровождение друиды. Давно они не виделись. Ворожея выглядела неважно — похудевшая, осунувшаяся, постаревшая. Она шла, опираясь на плечо девочки — рабыни, которая прислуживала ей в Крови.

— Мне жаль, что я потревожил тебя, — искренне произнес конт. — Ты еще очень слаба. Но прошу, посмотри, что с нею?

— Не так уж я и слаба, — недовольно сообщила друида. — Что она ела?

— Она пила контовское вино, — тут же влез Оська.

— Принеси остатки.

Друида склонилась над столом, принялась, помяла тау бока, оттянула кожу на загривке, заглянула в пасть.

— Ясно. Смотри сюда, — поманила она к себе девочку. — Видишь, белые пятна на языке? Какое растение дает такой след?

— Горачка сонливая.

— Молодец. Конт, ты пил вино?

Виктория задумалась, она собиралась выпить, но ей постоянно что — то мешало. А потом пришел Иверт и отобрал у нее кружку. Выходит, он спас ей жизнь?

— Нет. А что это?

— Это напиток вечного сна. Настойка горачки в вине дает такой эффект. Выпивший ее засыпает на неопределенный срок. Но действие проявляется не сразу. Человек может еще ходить, работать, что — то пить и есть, поэтому бывает сложно определить, чем именно отравился несчастный. А потом человек или умирает во сне от жажды, или просыпается, как ни в чем не бывало. Ученица?

— Одна семечка на кружку вина помогает при бессоннице и снимает боли после родов. Собрать ее надо перед рассветом в пятый день от полной луны.

— Выходит, этот напиток должны были приготовить заранее? — Конт задумчиво гладил Кусь.

— Настой готовится две десятицы, но храниться может годами.

Виктория выглянула в коридор.

— Когда появится Саника, ко мне!

Вернулся Оська в сопровождении Берта. Возле пустой кружки они нашли спящего мертвым сном плотника. За ним уже пошли рабы с носилками, чтобы перенести в Кровь.

Виктория распорядилась положить Кусь и плотника в одной из комнат пристройки, а сама отправилась в столовую, где ее уже ждали Тур и Дарен. Дар выглядел испуганным, а Тур озабоченным. Виктория посмотрела на стол и с тоской подумала, что любое из блюд может быть отравленным. Пока она не найдет «доброжелателя», спокойно спать ей не придется. Да чтоб вас всех! Чем же вам так насолил конт Валлид? Впрочем, это был вопрос риторический. Насолить реципиент мог многим.

На кухне Берт тоже развил бурную деятельность, он отливал из каждого бочонка вино в маленькие стаканчики и выставлял их на стол перед Семоном и ворожеей. Пожилой учитель капал в каждый стакан по несколько капелек из маленького матового пузырька и внимательно наблюдал за цветом вина. В одном стаканчике цвет изменился на мутно — коричневый.

— Номер семь, — крикнула ученица ворожей.

Райка схватилась за сердце.

— Как же так, — она села за стол, и одна из девушек подала ей стакан с водой. — Я же сама лично налила вино сегодня утром для кира Алана из этого бочонка. Это же «Золото долины»! Лучшее легкое вино на фронтире. Мы его берегли к празднику.

— У тебя записано, кто его продал? — Берт тоже был напряжен, как и все присутствующие.

— Маричка, подай книгу прихода, а ты, Берт, глянь на дне бочонка номер и дату.

Райка быстро пролистывала страницы, наконец, она нашла то, что искала и медленно

отодвинула книгу в сторону ворожей. Друида прочитала, что там написано, и они с кухаркой понимающе переглянулись.

— Что там, тетка Райка? — подала голос одна из молодых.

— Вам знать не надо, — буркнула Райка и, подхватив книгу, отправилась к конту. — Берт, убери бочонок в сторонку.

— Значит, вино прислал в подарок мой друг барон Линь сразу после смерти моего отца. С поздравлениями. — Виктория ходила по кабинету, заложив руки за спину.

— Вы без памяти лежали, вот мы его в погреб и поставили, да только сегодня я о нем вспомнила. Саника сказал, что вам послабее надо. А «Золото долины» считается легким вином. Я его к самой стене поставила, раб лучину искал.

Виктория думала недолго.

— Значит так, делаем вид, что ничего не произошло, и бережем вино для приема. А там понаблюдаем за моим любезным другом. Что это за крики?

С улицы послышался шум, в дверь стукнули, в кабинет влетел мальчишка раб.

— Там игуши! Звезда! Требуют конта и какого — то Урагана, — выпалил он.

Иверт уже встречал гостей. Во двор Крови въехала пятерка игушей, один из них соскочил с рыжей лошади и, слегка кивнув конту, обратился к Иверту:

— Богатой добычи, Ураган. Мы приехали за тобой. Завтра приезжают смотреть твою сестру, как наследник и второй в роду ты обязан присутствовать. — Игуш повернулся к конту. — Старх Гривастый Волк шлет тебе приглашение на смотрины своей дочери, Бешеный Алан.

— Это большая честь, — тихонько шепнул Седмон на ухо конту. Старик всегда был в гуще событий, вот и сейчас он первым пришел посмотреть и поздороваться с неожиданными гостями. — Своим отказом вы можете обрести врага.

Иверт повернулся к конту и вопросительно поднял брови. Его зеленые глаза весело блестели.

— Соглашайся, Бешеный Алан, — усмехнулся он. — У меня красивые сестры и братья. Может, и ты себе кого — нибудь присмотришь.

Как она может ему отказать? Да и любопытно, как живут родственники зеленоглазого. А еще нужно воспользоваться моментом, пока Рэй сидит в тюрьме. Иначе ее поездка превратится в поход. Без сопровождения отряда мечников Рэй ее за стены замка не выпустит.

Выехали через рыску. Серый пытался всучить конту хотя бы десяток бойцов, но старший «звезды» оскорбился и схватился за меч, заявив, что его род гарантирует безопасность своего гостя.

Они скакали больше часа, и Виктория поняла, что до сих пор она ни разу не ездила верхом. Все, что было до этого, было легкой конной прогулкой. Игуши просто не умели ездить медленно. Сразу за воротами они пустили лошадей в галоп. Пока черный жеребец конта не отставал от быстроногих лошадей горцев, но что будет в горах?

Селение Старха было больше, чем селение Черного Ястреба, но очень на него похоже. Такие же двухэтажные каменные дома, расположенные террасами, такие же кривые улочки, соединенные между собой вырубленными в скалах ступенями. Они прибыли, когда солнце уже садилось за горизонт и горцы разошлись по домам. Отряд проехал по пустынным улицам и остановился у большого дома, в окна которого вместо стекол были вставлены цветные витражи. Старх Гривастый Волк встречал их на пороге. Высокий, стройный, улыбчивый, в цветастом халате, подпоясанным широким поясом, за который были заткнуты два кривых кинжала, он был похож на голливудского актера. Виктория поймала себя на мысли, что прожив в этом мире уже почти месяц, она до сих пор не воспринимает реальность серьезно. Ей до сих пор кажется, что переиди она какую — то

границу и окажется вновь на Земле в привычном и родном двадцать первом веке. Это было плохо. Иверт легко спрыгнул с лошади, словно не провел в седле несколько часов и, став на одно колено, коснулся рукой земли, приветствуя отца.

— Мой дом рад видеть тебя, сын мой. И тебя, Бешеный Алан. Сегодня отдыхай. Завтра будем говорить о делах.

С этими словами игуши ушли, а конта поманил за собой зеленоглазый юноша, очень похожий на Иверта. Они вошли в небольшую пристройку, посреди которой находился каменный бассейн, заполненный чуть мутноватой водой. Здесь конта встретили две девушки. Они с тихим смехом стащили с него одежду и показали знаками, что надо лечь на каменную скамью. Затем юноша принес две миски с ароматной мыльной пеной. Виктория плюнула на условности и позволила девушкам делать с ее телом все что угодно. Она закрыла глаза и представила себе, что это спа — салон, а вокруг нее суетятся две очаровательные массажистки. Девушки хихикали и щебетали на непонятном гортанном языке. Они обе были одеты в цветастые платья до пола с длинными рукавами. Каштановые волосы заплетены во множество тугих косичек, чуть раскосые зеленые глаза, курносые носики и одинаковые родинки над губками выдавали в них сестер. Девушки намылили тело конта, избегая прикасаться к особо пикантным местам, облили его горячей водой, а затем в четыре руки промассировали каждый сантиметр уставших мышц. В тот момент, когда Виктории предложили перебраться в бассейн, она почувствовала себя заново родившейся. Вода чуть пахла тухлыми яйцами, но была приятной температуры, и конт, откинувшись на край, задремал. Разбудило его легкое касание к плечу. Алан открыл глаза, возле бассейна стоял давешний юноша с простыней в руках. Он помог конту вытереться и облачиться в стеганный цветной халат и мягкие меховые шлепанцы. Затем парень знаками пригласил Алана следовать за ним.

Они прошли через двор, и Виктория ощутила запах козьего молока и ржанных лепешек, вошли в дом, поднялись на второй этаж, и юноша с поклоном распахнул перед контом двери его временных покоев.

Комната была небольшая, хватало всего трех больших свечей, чтобы полностью осветить ее. Стены покрывали цветные полосатые ковры, на полу ковров было больше, поверх них лежало покрывало, сшитое из нескольких волчьих шкур и накрытое легкой простыней, и целых пять подушек! Виктория поблагодарила юношу кивком головы и с наслаждением развалилась на шкурах. Какое удовольствие после бани и массажа вытянуть конечности и наконец — то провалиться в сон. Вот только хозяйева позабыли накормить гостя, но, может, у них не принято кушать на ночь?

Дверь тихонько отворилась, и в комнату проскользнула девушка с подносом в руках, по помещению разлился приятный аромат печеного мяса. Стройная, с подведенными зелеными глазами, густыми черными ресницами, пухлыми губками, она неувовимо напоминала Старха. На девушке было надето темно — зеленое шелковое платье, подпоясанное цветным поясом, свои меховые тапочки она сбросила у порога, и конт заметил, что ногти на ногах девушки выкрашены в красный цвет. Это было очень необычно, до сих пор Виктории не приходилось видеть, чтобы женщина красили ногти. Девушка поставила поднос на пол и присела рядом, белозубо улыбаясь чуть удивленному конту. Следом за ней в комнату зашел Иверт. Он был слегка пьян и широко улыбался.

— Бешеный Алан, познакомься, это моя младшая сестра, Зира Рыжая Ласка. Сегодня она согреет твою постель.

— Зачем? — Конт попытался отбиться от сомнительной чести. — Не надо таких жертв, я устал и хочу отдохнуть.

— Это честь, предложить такому гостю, как ты, жену или дочь. Если тебе не нравится Зира, я могу позвать другую сестру или младшую жену отца.

Виктория про себя выматерилась. И что делать? Она посмотрела на Зиру. Симпатичная, и не похоже, что бы ее напрягала эта дурацкая ситуация.

— Может, позвать Ибога?

— Это кто? — буркнул конт, подозревая, что ответ ему не понравится.

— Мой брат от средней жены. Он привел тебя сюда.

Только не это! Неужели он догадался? Пусть лучше будет Зира. Панически запрыгали в голове мысли. Виктория хмуро глянула на игуша. Ей показалось, или во взгляде Иверта мелькнул смех? Да он просто издевается! Шутник! У нее, можно сказать, предстрессовая ситуация, а ему смешно! Хотя действительно было бы смешно, если бы происходило не с нею.

— Не надо, — выдавил Алан из себя, проклиная горцев с их дурацкими обычаями и заодно Вадия, справедливо считая, что сейчас этот черноглазый божок подло хихикает, наблюдая за мытарствами новоиспеченного конта. Погоди, встретимся в следующий раз! — Меня устраивает Зира.

Иверт что — то быстро сказал сестре и, поклонившись, исчез, плотно прикрыв за собой дверь.

Твою мать!

Виктория лихорадочно соображала. Мысли судорожно перескакивали с одной проблемы на другую. Она задавала себе вопросы и сама на них отвечала, ведя бессмысленный и бессвязный монолог.

С чем это связано? Это обычай такой дурацкий или проверка? Может быть, Иверт наслушался сплетен о мужской слабости конта и решил убедиться в их достоверности? Хотя, помнится, он рассказывал, что детей горцы принимают независимо от того, кто их отец. Корни этот терпимости уходят к этому обычаю? И как быть? Как, как? Быть мужиком! Ты же мечтала когда — то оказаться на месте самца, вот и сбылась мечта идиотки. Намного легче стала жизнь? Счастье так и падает в руки? Со всех сторон предлагают власть и почет? Устилают путь коврами дорожками, и манна небесная падает прямо в рот только из — за того, что у тебя теперь есть лишняя деталька? Не зря древние говорили: «Бойтесь своих желаний, они могут исполниться».

Виктория злилась на себя, на богов, на вселенную, на Иверта и даже на Алвиса, хотя он к данной ситуации никакого отношения не имел. Ага, не имел! Если бы не происки Искореняющих, она бы не познакомилась с Ивертом и не попала бы в эту дурацкую ситуацию! Попала бы, просто в другом месте и в другое время, возражала она сама себе, но легче от этого не становилось.

Виктория посмотрела на девушку. Зира с улыбкой протянула конту серебряный кубок, украшенный чеканкой. Правильно! Надо выпить! Вино оказалось сладкое и крепкое. Настоящий портвейн. Впервые в этом мире Виктория пробовала крепленое вино. Она залпом выпила все до последней капли и протянула девушке кубок. Зира тихо рассмеялась, указывая рукой на блюдо с мясом. Виктория отрицательно помотала головой, показывая на кувшин. После второго кубка в голове слегка зашумело и проблема перестала казаться безнадежной. «Я мужчина, как бы это меня не расстраивало, а нужно смотреть правде в глаза. Уже месяц, как я писаю стоя, — думала Виктория, вгрызаясь в мясо и щедро запивая его вином. — Лишиться этого тела я смогу лишь умерев, а умирать мне совершенно не хочется. Особенно сейчас, когда я избавилась от жены. Зира очень симпатичная, и пахнет от нее приятно, так почему бы не попробовать? Считай, что это просто эксперимент. Тебе ведь любопытно, как это происходит у мужчин? — она нервно захихикала. — А теперь забудь, что ты женщина. Ты Алан Валлид! Вспомни, чему тебя учили. У тебя есть надежный партнер, всемогущий и безграничный, который прислушивается к рождающимся в глубинах мозга мыслям, который умеет создавать образы — это твое подсознание. Включи визуализацию. Если ты сумеешь в своем воображении нарисовать себя Аланом, если сможешь переступить через психологический барьер, его удастся преодолеть и твоему физическому телу». Виктория представила, как она уходит в темноту, а наружу выходит Алан Валлид, такой, каким она хочет его видеть. Уверенный в себе, сильный, соблазнительный мужчина. Это оказалось легко, все же вино было непривычно крепким...

Зира взяла в руки музыкальный инструмент, стилизованный под животное с длинными, закинутыми назад рогами. Между спиной и рогами были натянуты струны. Девушка прикрыла глаза и тихо запела, подыгрывая себе. Алан обратил внимание на ее руки — длинные пальцы с миндалевидными ногтями украшали многочисленные серебряные колечки. Серебро здесь явно было в почете. Девушка пела, а конт цедил вино, удобно

устроившись на подушках и прислушиваясь к себе. Крепленое вино на голодный желудок сработало катализатором, и Алан опьянел. Душевное состояние от «жуткая паника» перешло в «где наша не пропадала». Появилось чувство комфорта и расслабленности, усталость отступила, а вместо нее по телу разлилось тепло, настроение поползло вверх, в движениях потерялась конкретика. Конт почувствовал себя более раскованно, мысли потекли лениво и тягуче, с пьяной неточностью фиксируя события и делая ложные выводы. Нужно было бы остановиться и отставить в сторону вино, но он не хотел. Легкое опьянение давало ложную уверенность, поэтому, когда Ласка наклонилась и осторожно поцеловала конту в губы, Алан ей ответил. Но девушка дразнясь, отстранилась, и легко поднявшись на ноги, отступила на несколько шагов. Она на мгновение замерла, а затем, тихонько напевая, начала танцевать. При этом двигалась только верхняя часть ее тела, а маленькие босые ножки лишь притоптывали в такт мелодии. Ее чувственные руки плавно и грациозно извивались над головой, и конт заворочено следил за их движениями. Зира лукаво посматривала на мужчину. Она казалась такой открытой, не закомплексованной, искренней, что в какой — то момент конт понял, что танец приносит ей истинную радость, удовольствие от каждого движения. Но когда девушка развязала пояс и легкое платье соскользнуло на пол, Алан запаниковал. Ему нравилась Рыжая Ласка, ему понравился танец, но... Но тело не реагировало! В душе поднялась пьяная обида. Это было несправедливо! Ему стоило большого труда выжать из себя женщину, и такой облом! Ведь сейчас не было Виктории, а был конт Алан Валлид, так отчего его не возбуждает это стройное смуглое тело без единого волоска? Эти зовущие зеленые глаза, так похожие... Не думать! Не сравнивать! Не паниковать! Легко сказать, но сложно сделать. От недавней расслабленности не осталось и следа. Все тщательно выстроенные барьеры, планы, все мысли, образы и слова вылетели из головы. В мозгу билась лишь одна глупая мысль: «Девушка молчать не будет, и Иверт обо всем догадается».

Зира улыбнулась и шагнула к ложу. Мужчина залпом допил вино и отбросил кубок. Спокойно. Это же милая девушка, а не монстр. Обними ее. Но руки не слушались. Ласка наклонилась над Аланом и аккуратно развязала пояс халата, при этом она поймала его взгляд, и конт не посмел отвести глаз. Нежные и опытные пальчики нырнули под халат, едва касаясь кожи, пробежали по груди, заскользили вдоль живота... Зира явно знала, что надо делать. Алан прислушался к ощущениям. Прикосновения женских рук не вызывали такого отторжения, как раньше. Да и тело отозвалось на ласки, не сразу, но отозвалось, словно, как и мужчина, вспоминало, как это делается. Девушка села Алану на живот, наклонилась, касаясь конту грудью, осторожно поцеловала прикрытые глаза и задудала свечи.

Хотелось курить и спать. Стереотипы. Можно было бы выпить, но вина больше не было. Хмель выветрился из головы, осталась лишь тяжесть и неприятный привкус во рту. Зира убежала, на прощание поцеловав Алана в лоб и что — то нежно проворковав. Самое время уйти в гости к Морфею, но слишком много мыслей, чтобы спокойно заснуть. Итак, что мы имеем в итоге? Конт показал себя неважным любовником. Девушка все сделала сама, а он большую часть времени пролежал бревном, то пялясь в потолок, то, закрыв глаза, анализируя свои ощущения. Самое сложное было — это руки. Алан просто не знал, куда их девать, и только в конце он смог избавиться от навязчивых мыслей и полностью отдаться чувствам опьяняющего экстаза, туманящего сознание и вызывающего болезненно короткое ощущение счастья. Всего несколько секунд полной гармонии и слияния с партнершей. Очень короткий миг, но очень сильный по эмоциональному накалу, и, если сравнивать с тем, что он еще помнил из прошлой жизни, то ощущения совершенно другие, более стремительные, более полные, более насыщенные и, как оказалось, совершенно не зависящие от психологического фактора. А если бы это был любимый человек? Как бы было тогда?

Жаль, что нельзя ни с кем поделиться своими впечатлениями. Алан усмехнулся, поворачиваясь на бок и натягивая на голову одеяло. Последняя его мысль была: «Ты потерял невинность, конт Алан Валлид».

Виктории снилась друида. Они сидели на вершине скалы, любясь на закат. Внизу расстилалась долина, упирающаяся в море, проход между скалами закрывала белая крепость, вокруг которой разросся небольшой городок.

— Герцогство Вас'Хантер, — произнесла ворожея. — Скоро твой путь пройдет по его дорогам.

— Мне туда не нужно.

Виктория с интересом следила, как на горизонте появляется и растет маленькая точка паруса. В бухту заходил корабль. Во сне он был виден очень отчетливо. Небольшое двухмачтовое парусное судно, на передней мачте крепились рейковые паруса, а на задней — трапезиевидные. Сам корабль издали казался легким и очень маневренным.

— Кто знает, какие дороги тебя ждут, Виктория.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Я все про тебя знаю. И даже знаю, что произошло сегодня ночью, — без улыбки произнесла травница. Ее бледно — зеленые глаза вдруг изменили цвет на синий, морщины разгладились, исчезла седина. — Не могу сказать, что довольна развитием событий. Но это выбор твоей души.

— Ты просто не представляешь, как сложно быть женщиной в мужском теле.

— Ты можешь это изменить.

— Как?

— Просто умри и родись вновь.

— Я не хочу умирать.

— Помни, ты всегда можешь сделать выбор.

Виктория отрыла рот, чтобы расспросить травницу о выборе, но в этот момент кто — то настойчиво потряс ее за плечо. На грани сна и яви она еще услышала затихающий вопрос друиды:

— Где твой оберег, конт? Он тебе поможет...

В лицо брызнули водой.

Какого черта?

Виктория наконец — то открыла глаза, полежала, прислушиваясь к ощущениям. Голову словно сжали раскаленным обручем, боль пульсировала в висках и отдавалась в затылок при каждом движении. Ну и зачем было столько пить? Ведь все равно не помогло! Нахлынули воспоминания, и сегодня утром все ночные действия конты стали казаться бесстыдно — неправильными. Позор! Герой — любовник! Что о тебе подумала Зира? О! А вот это уже чисто мужские мысли. Алан застонал, натягивая на голову одеяло.

За окном орали птицы. И чего расшумелись? Митинг у них, что ли?

— Одевайся, отец ждет нас на завтрак. Гости уже съехались.

Иверт выглядел до неприличия хорошо. Бодрый, улыбающийся и довольный донельзя. Он кинул на постель вычищенную одежду.

— Я хотел до завтрака показать тебе несколько приемов. Ты все еще хочешь учиться нашему бою?

— Хочу, но не сегодня. — Мне бы цитрамончика. — Ты что, не пил вчера?

— Мы не пьем сладкое вино. Это только для гостей. — Игуш белозубо улыбнулся. — От него утром голова похожа на пустую бочку.

— Ну спасибо, друг, — пробурчал конт, натягивая штаны.

— Я не думал, что ты выпьешь весь кувшин, — пожал плечами Иверт. — Не замечал, чтобы ты раньше много пил.

— Раньше всякие игуши не подкладывали мне в постель своих младших сестер, — недовольно бухтел Алан, выходя следом за Ивертом на улицу. — Зачем вы это делаете?

— Кровь требует, — пожал плечами Иверт, вручая конту кривой меч горцев. — Нас мало, а дети от сильных воинов приносят свежую кровь в племя. Если не отдавать своих женщин в другие племена или не брать мужчин со стороны, дети рождаются слабыми. Много мертвых детей. Это плохо.

— А как Зирин муж отнесся к тому, что она провела со мной ночь? — Махать мечом совершенно не хотелось, и Алан оттягивал неизбежную муку.

— У нее нет мужа, — широко улыбнулся Иверт. — А если бы был, то я бы просил у него разрешение.

— Но она не... — Алан растерялся, насколько он успел узнать, в этом мире девичья честь ценилась достаточно высоко.

— Конечно, нет, — Иверт иронично смотрел на удивленного конта. — Алан, женщины рождены для мужчин. Она должна всегда быть желанной. Нет большего позора для женщины, чем когда муж ее не хочет. Искусству доставлять удовольствие мужчине учат с детства. А в день своего совершеннолетия она становится женщиной. Девушка сама выбирает себе партнера на первую ночь из старших мужчин рода.

Виктория ошарашено смотрела на безмятежного Иверта. Как он может спокойно об этом говорить? Игуш, наверное, что — то увидел в ее лице, потому что рассмеялся и хлопнул по плечу.

— Бешеный Алан, неужели ты считаешь, что мы заставляем наших женщин силой? Этот ритуал проводится столько лет, сколько живет наш народ, и еще ни разу никого не насиловали. Всегда приходит время, когда юная дева сама приходит к главе рода с просьбой назначить день.

— А во сколько лет у вас наступает совершеннолетие? — не удержалась Виктория.

— Проходит четыре года с тех пор, как девочка бросает первую кровь, эти годы старшие женщины обучают ее своим секретам и умению вести хозяйство, и только тогда ей предлагают вступить во взрослую жизнь.

— Но почему со старшим мужчиной? — это Виктории было понять сложно.

— Потому что первый раз должен быть с опытным мужчиной, с тем, кто обладает умением и не причинит боли. Разве ты не знаешь, что от первого раза зависит, какой будет твоя жена? Холодной и пугливой или радостной и горячей? Не думай, что игушки забиты, как ваши селянки. Наши женщины на людях кротки и покладисты, но не верь им. На самом деле жены правят своими мужьями, — рассмеялся Иверт. — Поэтому я до сих пор хожу холостой.

А ведь во многом горцы правы, это намного лучше, чем право первой ночи, и не конту лезть со своим уставом в их монастырь.

Иверт показал, как нужно правильно держать яташ, и заставил конта выучить несколько связок и блоков. За их тренировкой следила дюжина детишек, среди которых было и несколько светловолосых. Они дружно хохотали, когда у конта не получалось то или иное движение. Как объяснил Иверт, сейчас Алан изучал блоки, которым обучают пятилетних детей. Ну что поделаться, когда — то надо начинать, философски решила Виктория, размахивая мечом. Шаг, замах, разворот, укол, шаг в сторону, опять замах... и так много раз подряд. Когда спина конта стала мокрой от пота, игуш посчитал, что достаточно. Алан смотрел на него зверем, но затем понял, что головная боль прошла и сменил гнев на милость.

Старх ждал их сидя под раскидистым деревом, усеянным мелкими ягодами. Рядом с ним сидел на скамье крепкий пожилой седоволосый мужчина с пронизательными темно — карими глазами. Пояс незнакомца говорил, что это вождь и глава рода.

— Бешеный Алан, познакомься с вождем самого большого племени в этих горах. Это Гихард Ведмедь, мой друг и отец моей второй жены. Он привез своих воинов на смотрины, — представил незнакомца Старх.

— Я слышал о неприступной Крови и Бешеном Алане и рад увидеть твое лицо, — говорил

Гихард с сильным акцентом, но улыбался дружелюбно и немного снисходительно. — Я не думал, что ты так молод. Черный Ястреб очень зол на тебя, ты украл его добычу.

— Я забрал то, что принадлежит мне, — холодно ответил Алан. — А шута прихватил в качестве приятного дополнения. — Как бонус за хорошо выполненную работу, подумала про себя Виктория. Рядом фыркнул Иверт. Ну да, шут — еще та головная боль.

— Земли Ведмедя простираются от моря до Трех скал, — пояснил Иверт. — У нас с ним военный союз, скрепленный браком вождя с его дочерью. Если сегодня сестра выберет себе мужа из воинов Гихарда, этот союз станет еще крепче.

— Против кого дружите? — поинтересовался конт.

Старх громогласно рассмеялся и громко хлопнул друга по спине. Виктория поморщилась. Как у него от такого удара хребет не переломился?

— Я говорил, что с ним можно разговаривать! Он хороший воин.

— О чем это ты? — подозрительно спросил конт Валлид.

— Земли племени Ведмедя захватил барон Линь, — пояснил Иверт.

— Он их захватил, или ему их подарил король, который даже не слышал о племени Гихарда? — уточнил Алан.

— Какое это имеет значение? — импульсивно воскликнул Гихард, взмахивая кубком и расплескивая вино вокруг себя. — Мои люди больше не могут выходить в море. Только возле замка Линя есть удобный проход к открытой воде, во всех остальных местах скалы. Всегда наше племя славилось своими рыбаками и ловцами раковин, но вот уже семь лет, как мы вынуждены только мечтать о большой воде.

— У барона всего тридцать человек в отряде, — нахмурился конт. — Если твое племя так многочисленно, как вы говорите, почему ты не отвоюешь свои земли?

— Думаешь, я трус? — вскочил на ноги горец, выхватывая кинжал. Но конт даже не шевельнулся, и Гихард, сопя, сел на место. — Мы пробовали, но эту..., — слово которое произнес горец она не знала, — поддерживают люди моря. Они приходят по большой воде и останавливаются в замке барона. Его отряд совсем не так мал, как он говорит. От пяти до семи десятков постоянно находятся в замке Линь. Наши разведчики видели, что туда свозят много оружия.

— Барон к чему — то готовится, — тихо произнес Иверт. Конт согласно кивнул.

— А еще там видели звезду Искореняющих, — добавил Старх, серьезно глядя в глаза Алану.

Значит, ее догадки верны. Появление Линя сразу следом за Алвисом, бой с разбойниками, когда конт чуть не угодил в ловушку, встреча барона с ксеном на ярмарке и множество мелких деталей сложились в мозаику. В ней не хватало еще нескольких фрагментов, но общий рисунок уже просматривался.

— Если Ведмедь не может сокрушить барона, то, может быть, стоит объединить усилия? — осторожно произнес конт. Это был намек на военный союз, но многое в нем смущало Викторию. Например, дележ земель после победы. Выход к морю нужен был и ей, и отдавать его просто так Ведмедю очень не хотелось.

Вожди переглянулись и, судя по довольству, промелькнувшему во взгляде Старха — именно этих слов они и ждали.

— Ты хочешь присоединиться к нам? — Гихард снисходительно поглядывал на конт.

— Нет, я предлагаю вам присоединиться ко мне, — Алан ответил такой же снисходительной усмешкой. — У меня с бароном личные счеты, и наша стычка состоится в любом случае. После победы я присоединю его земли к своим, как присоединил земли барона Рогана. И только от твоего решения, Гихард Ведмедь, зависит, будет ли у твоего племени на столах свежая рыба.

— А почему ты уверен, что сможешь устоять против нас? — Гихард откинулся на спинку скамьи и с прищуром следил за мелькающими по лицу конта тенями.

— Мой род не станет выступать против Бешеного Алана, на нас долг крови, — ни к кому не обращаясь, сообщил Старх.

— Я помню, — кивнул вождь Ведмедей. — Но даже так моих сил хватит, чтобы потом победить Валлид.

Иверт рассмеялся, он похлопал удивленного Гихарда по спине и махнул конту.

— Подаришь мне шкуру этого Ведмеда. Я прибью ее над дверью.

Старх наслаждался, он, как довольный и сытый кот, следил за всеми одновременно, выжидая момент, когда можно будет выступить в роли объединяющего фактора и таким образом получить немного больше выгоды.

— Я присоединюсь к тебе, Алан. У меня свои счета к барону.

Гихард задумчиво жевал губу, поглядывая на всех исподлобья.

— Мне нужно подумать, — наконец буркнул он.

Старх в традиционных черных одеждах восседал во главе длинного стола, накрытого прямо посреди улицы. Слева от него посадили Алана, справа Иверта, рядом с Ивертом сидело еще трое молодых мужчин — его младшие братья. Гихард Ведмедь сидел напротив вместе со своими воинами. Пятеро молодых парней пожирали глазами сидящую в окружении сестер и матерей невесту, да и остальные девушки не были лишены внимания. Виктория присмотрелась к женщинам. Красивые. Даже бабушка Иверта выглядела моложаво и держалась с достоинством. Как они умудрялись выглядеть так хорошо, оставалось для Виктории загадкой. Ведь слуг в доме не было, как и рабов. Рабов игуши не держали, хотя сами не гнушались торговать людьми. На вопрос конта почему так, Старх ответил: «Зачем мне слуги и рабы, когда у меня три жены и двенадцать детей?». Они и выполняли всю работу по дому, а мужчины следили за хозяйством.

Звучали тосты, женщины хвалили невесту, воспевая ее достоинства. И хозяйка она отменная, и поет, и танцует, и шьет, и с оружием умеет управляться, а как хороша она в постели! Девушка краснела, но при этом бросала в сторону потенциальных женихов заинтересованные взгляды. Затем слово взяли мужчины, и пошло по новому кругу, какие замечательные женихи почтили своим присутствием этот праздник. Правда, хвалили только троих. Как шепнул Алану Иверт, значит, двоим невеста не приглянулась. Зира сидела напротив, и конт периодически ловил на себе ее взгляды. Он улыбался девушке и даже несколько раз подмигнул, чем вызвал тихие смешки и перешептывания. Виктория поймала себя на мысли, что сегодня она ни разу не подумала об Иверте, как о возлюбленном. Нет, он продолжал ей нравиться, и даже очень сильно, но сердце больше не колотилось как бешенное в его присутствии. Может быть, ей удастся смириться с этим телом?

Застолье длилось недолго, после него прибывшие юноши и братья невесты оседлав лошадей выехали в поле, где затеяли довольно жесткую игру. Две команды должны были пронести тяжелый чурбан от одного края поля ко второму. Чурбан можно было перекидывать друг другу, но нельзя было ронять. Пока одна команда пыталась проскочить, вторая изо всех сил ей в этом мешала. Приемы, которые применяли игроки против соперников, назвать гуманными было нельзя. Ржание лошадей, крики болельщиков, азарт, падения и травмы. Все что поняла Виктория из правил — лошадей калечить нельзя, а вот игроков можно. Одного из парней Гихарда унесли без признаков жизни, Иверт получил глубокий разрез на руке, а юный Ибог едва не лишился глаза. При этом все были очень довольны и радостно хвастали перед девушками своими ранами. После этого поединка невеста определилась с выбором жениха. Она выплела из косы белую ленту и повязала ее на руку парню с кровоподтеком на пол лица. Это радостное событие было встречено криками и очередным застольем. В этот раз все садились где хотели, не соблюдая никакой иерархии. Возле Алана оказалась Зира, ее бедро касалось ноги конта и по телу растекалось приятное тепло. Девушка что — то говорила, но Алан ее не понимал. И все равно было приятно и спокойно, словно он

вернулся к родным людям после долгого отсутствия. Отчего так? Может быть от того что сейчас не надо принимать решения, не надо притворяться, не надо думать о завтрашнем дне? Здесь и сейчас Виктория была сама собой. И это было очень приятно.

Уезжали когда солнце начало клониться к горизонту. Конт уж забрался в седло, когда подошли Гихард и Старх. Оба трезвы и серьезны.

— Мы принимаем твое предложение Бешеный Алан, — без предисловий сообщил Гихард. — Ураган рассказал нам о тебе и о том, что ты меняешь в Крови. Только нам нужны гарантии. Если бы ты взял в жены одну из наших дочерей...

— А может быть достаточно того, что рядом со мной находится сын одного из вас? — перебил Алан старого горца. — Если я решусь на предательство, он просто меня прирежет.

Иверт что — то громко сказал, вожди переглянулись и рассмеялись.

— Алан, достаточно твоего слова. Но брак скрепил бы наш союз.

— Я подумаю, — недовольно буркнул конт. Что за дурная манера закреплять союзы браками? Они что договора еще не изобрели? — Через два дня в Крови будет прием. Я приглашаю вас на него. Там и оговорим детали.

Горцы согласно склонили головы. К ним подошла Зира, она протянула конту сверток, который он с улыбкой принял.

— Что там?

— Хлеб, который сестра испекла для тебя, — ухмыльнулся Иверт. — Если женщине понравилась ночь, проведенная с мужчиной, она его утром кормит. Такой обычай. Но из — за праздника сестре не удалось накормить тебя завтраком. Видать, Рыжая осталась довольна, хотя и решила, что ты до сегодняшней ночи был девственником, — бессовестно заржал Иверт, уворачиваясь от ноги конта.

— Скажи ей, что она самая красивая девушка на фронтире и я ей очень благодарен.

Иверт перевел, Алан наклонился и осторожно поцеловал Зиру в щеку. Вокруг засвистели и заулюлюкали многочисленные провожающие, изрядно подогретые вином. Устроили здесь шоу, не дадут с девушкой попрощаться. Виктория прислушалась к себе. Кто она теперь? Виктория или все же больше Алан? На этот вопрос придется еще ответить.

ГЛАВА 14

И пришел великий дух Тарания к братьям,
И просил он покровительства над воинами,
И дали боги ему это.
С тех пор с именем Тарании идут воины в бой,
И радуется Вадий их смертям,
и скорбит Ирий о потерях.

Нанни в сопровождении телеги с артистами и десятка воинов они встретили у перекрестка Висяка. Как поняла Виктория, к этому перекрестку сходились все дороги, ведущие в Кровь. Увидев семерых всадников, воины крепости моментально ощерились мечами и арбалетами, окружив запряженную белым мерином двуколку, в которой сидела кормилица.

— Не стрелять! — раздался зычный голос. — Это конт Валлид.

Однако оружие воины не опустили, пока кавалькада не подъехала ближе. Алан приветственно кивнул своим людям, спешил, привязал Угля к повозке и забрался в двуколку к улыбающейся Нанни.

— Ох, кир Алан, как вы похудели! — всплеснула руками кормилица, когда конт втиснулся на узкое сиденье и дал отмашку вознице.

Виктория рассмеялась. Милая, заботливая и такая родная Нанни.

— Ты меня не видела всего несколько дней. — Конт нежно поцеловал кормилицу запястье и прижал ее ладошку к щеке. От женщины пахло чем — то горьковато сладким. — Нанни, мне так одиноко.

Слова вырвались сами. Виктории вдруг захотелось, чтобы ее приласкали, пожалели, выслушали и просто поцеловали в макушку. Нанни давала ей ощущение дома, тепла и родных рук. Неосознанная защитная реакция на одиночество. Как в детстве, когда вечерами она забиралась к маме под одеяло и шепотом рассказывала ей на ухо свои детские страхи, а мама гладила ее по спине и говорила, что никому не позволит обидеть ее маленькую смелую девочку. А потом так же поступали ее дети, делаясь своими фантазиями и страхами. Монстры за занавесками, зубные врачи, драчун Валька из сто пятой квартиры, девочка, которая «нравилась ужасно», инопланетяне, высасывающие мозги... чего только не придумывали ее мальчишки, а она, как когда — то ее мама, целовала их в макушки и обещала, что защитит. И вот теперь Виктория снова чувствовала себя маленькой испуганной девочкой, очень нуждающейся в словах «все будет хорошо». Больше всего ей не хватало друга, того, с кем можно разговаривать откровенно, не притворяясь тем, кем на самом деле ты не являешься. Ну не считать же другом свою шизофрению, проявляющуюся в редких разговорах с Вадием. Хотя сейчас она была бы рада и ей.

Нанни тихонько вздохнула и погладила конту по заросшей щетиной скуле.

— Бедный мой мальчик. На вас столько навалилось за последнее время.

От этих простых слов, от этого простого жеста вдруг стало легче на душе.

— Жениться вам надо.

Виктория фыркнула.

— Нанни, хоть ты не начинай! Я был на смотринах в племени Гривастого Волка.

— Старый пройдоха небось подложил вам свою жену? — недовольно произнесла Нанни. — Вашему батюшке он каждый раз подкладывал своих жен. Развратные нахалки!

— А что, у отца могут быть дети в племени?

— Не знаю и знать не хочу! — отрезала Нанни.

Ревнует. Хотя и прошло много лет, а ревность сохранилась, и теперь она перекинулась на младшего Валлид.

— Надеюсь, вы выгнали развратницу из своей комнаты?

— Ах, Нанни, ну как можно? — Конт озорно блеснул глазами. — Вот думаю, может мне жениться на сестре Иверта, чтобы скрепить наш военный союз?

— Кир Алан, — от возмущения Нанни не могла подобрать слов. — Вы же королевских кровей! — прошипела она, бросая быстрый взгляд по сторонам. Но подслушать их никто не мог. Стук копыт и деревянных колес, оббитых несколькими слоями войлока, создавали шум, за которым они и друг друга слышали с трудом. — Да за вас любая герцогиня пойдет! Может теперь, после смерти вашего батюшки, Наместник опалу снимет?

— Не снимет. Нанни, где корона Королей?

Виктория почувствовала, как вздрогнула кормилица, она испуганно смотрела на конта, приоткрыв рот.

— Кто вам сказал? — прошептала бледная и напряженная женщина.

— За тобой устроили охоту. Кто — то, подозреваю, что храмовники, предложили горцам за твою голову большие деньги. Берта они украли в расчете выманить тебя из Крови. Нанни, если ты что — то знаешь, то лучше расскажи.

Виктория следила за переменами, происходящими с ее домоправительницей. За секунду исчезла мягкая пышка, а появилась жесткая, уверенная в себе женщина. Холодный цепкий взгляд, сжатые в замок руки, расправленные плечи. Не удивительно, что ее слово пользовалось в Крови непререкаемым авторитетом.

— Я поклялась вашей матери в момент ее смерти, что эту тайну унесу с собой в могилу. Если я нарушу клятву, Вадий вечно будет мучить дух кирены Ксаны.

— Но это глупо! — воскликнул Алан, для которого все эти боги были не более чем плодом воображения. — Мы сможем использовать эти знания! Если у нас будет корона, мы сможем торговаться с храмом!

— Умоляю! Кир Алан! Вы не представляете, на что способен Наместник! Заклинаю вас памятью о вашей матери, которая погибла, чтобы вас спасти, никогда не ищите эту проклятую корону! Из — за нее погиб ваш отец, из — за нее вы оказались в этой дыре! Если вы ее возьмете, вы тоже умрете!

— Погоди, разве мой отец не утонул?

— Утонул! Ха! Айро Второй мог бы переплыть реку Забвения! Его убили, как только стало известно, что кирена Ксана беременна. Он любил вашу мать и был счастлив. Айрон доверял Наместнику и сообщил ему радостную новость первому, он сказал, что если родится сын, то именно его назначит своим приемником! Сына от любимой женщины, а не от принцессы, на которой его планировал женить Храм. Ваша мать выторговала вашу жизнь в обмен на корону Королей.

— Неужели орден Искореняющих не смог бы заставить беременную женщину сказать правду?

— Арестовать дочь одного из влиятельных аристократов? Это могло бы вызвать ненужные волнения среди знати. Ваш дед был весьма популярной личностью в то время. Жаль, что он умер несколько лет назад.

— Так мать не побоялась торговаться с Храмом?

— Она поклялась, что если вам сохранят жизнь, она вернет корону Наместнику в день

вашего совершеннолетия, и поклялась, что вы никогда не узнаете, кто ваш настоящий отец. Но ее убили раньше.

— Убили? Но мне говорили, что она сама...

— Кирена Ксана никогда не наложила бы на себя руки. Никогда! Не смейте думать, что ваша мать бросила вас.

Они замолчали. Виктория хмуро переваривала услышанное. Глядя на Нанни, она поняла, что ничто не заставит ее рассказать правду. Нанни слишком любит своего воспитанника, чтобы подвергать его опасности. А судя по ее рассказам, корона — смертельная опасность для конта. Но ведь ей совершенно не нужен трон. Интересно, конечно, посмотреть на мир, побывать в столице, познакомиться с Наместником, но не более того. Понятная и простая жизнь фронта устраивала Викторию полностью. Ей просто хотелось, чтобы их оставили в покое.

— Нанни...

— Простите, кир Алан. Я готова понести наказание за свою непочтительность, но я скорее умру, чем скажу вам, где спрятана эта проклятая корона.

— Если тебя захватят храмовники...

— Я знаю. Но я поклялась.

Больше они к этой теме не возвращались.

Виктория расспрашивала кормилицу о поездке, о ее впечатлениях о замке, об Ольте.

Неожиданностью стало известие о смерти юного барона Рогана, он умер в тот же день, как конт покинул замок. Захлебнулся молоком. Виктория сразу вспомнила многозначительные переглядывания между Найком и Алвисом и решила обязательно задать наместнику Рогана парочку вопросов.

Ревизия выявила большую недостачу. Деньги, выделяемые на содержание отряда стражи, уходили лично капитану в карман. Но поля были засеяны, в озере, которое располагалось на территории баронства, водилась рыба, и Найк с оптимизмом смотрел в будущее. Он развил бурную деятельность, за эти дни набрал людей и довел количество воинов до тридцати пяти человек. Нанни везла с собой отчет наместника, в котором он просил разрешения продавать лес, построить мыльню и привлекать к воинской службе рабов. Вместе с Нанни в Кровь ехали и музыканты. Трое худых мужчин в замызганных серых одеждах и хрупкая девочка — подросток с глазами старухи. Они тряслись в громяхающей позе отряда телеге. Там же были навалены бочки, коробки, свертки. На вопрос, что это, управляющая ответила, что она кое — что прихватила из Рогана. Там, мол, все равно валялось, а в Крови пригодится. Виктория не стала расспрашивать. Ее волновал Ольт, но когда она спросила о мальчишке, Нанни не преминула напомнить конту, сколько раз она предупреждала, что это недостойная Дарена компания. Слишком нагл и самоуверен.

— Нанни, ты не права. Ольт хороший мальчик, просто он, эээ... — конт махал в воздухе рукой, не зная, как сказать непосредственный. — ...Активный, быстрый, мало думает, но он добрый. Помню, как он защищал Тура, когда мы впервые столкнулись.

— Это не от того, что он умен, — поджала губы Нанни.

Мальчишке пришлось тяжело. Найк выполнил приказ Дарена буквально. Перед всеми слугами и рабами он зачитал, за что наказан юный раб, затем велел ему носить до вечера дощечку с надписью «предатель». Паренька определили на работу в хлев в пару к слабоумному мужику. С ним никто не разговаривает, рабы его сторонятся, а слуги смотрят свысока. Никто не любит неудачников. А переход из разряда личных слуг в разряд свинарей, по общему мнению, не говорит о большом уме. Нанни разговаривала с парнем перед отъездом и пообещала ему спросить у конта разрешения тренироваться с воинами. Виктория выслушала кормилицу с каменным лицом, хотя в душе у нее рыдала жалость. Она даст такое разрешение. И поговорит с Дареном.

Перед Кровью горцы со свистом и улюлюканьем покинули их небольшой отряд, на

прощание пожелав всем доброй охоты.

— Открыть ворота! Хозяин в замке!

Их встречали. Барон Кайрат Линь, в обнимку с потасканной грудастой дамочкой, стоял рядом со здоровым гладковыбритым лысым мужиком, смутно знакомым. На поясе лысого висел полуторник, мужчина скрестил на груди руки с вздувшимися бицепсами и, нахмутив белесые брови, смотрел на конта сердитым взглядом. Чуть позади тихо беседовали два ксена. Один из них был Турид, а вот второго рассмотреть Виктории не удалось. На его голову был наброшен капюшон бесформенного балахона. На крыльце кухни, словно солдат на посту, возвышалась Райка с очень недовольным выражением лица. Ее злой взгляд буравил спину барона. Виктория обратила внимание, что к коновязи у ворот привязано семь лошадей, а насчитала она четверых гостей — Кайрата, ксена, лысого и дамочку. Значит, где — то еще трое.

— Алан, дружище! — радостно воскликнул барон, направляясь навстречу конту, но остановился, не доходя несколько шагов, напорвшись на ряд ощерившихся мечами воинов.

Конт не спеша помог Нанни выбраться из коляски и только после этого тихо скомандовал:

— Убрать оружие, но не расходиться.

— Райка! — заорал он. — Вина моему другу барону Линю!

Райка понятливо кивнула и исчезла в кухне.

— Какими судьбами, кир Кайрат?

— Мы ехали из Сосенок, там сегодня была большая ярмарка. У Сонного дерева повстречали брата Искореняющего. Он вез в Кровь письмо. Вокруг беспокойно, вот мы и решили проводить ксена, а заодно заехать к тебе в гости. Говорят, ты был на смотринах? И как, присмотрел себе горную козочку? — барон довольно — таки сильно ткнул конта кулаком в плечо и весело хохотнул.

Алан изобразил на лице светскую улыбку. Интересно, почему их не встречает Рэй? Срок заключения у капитана уже истек, и его отсутствие вызывало в душе неясную тревогу. Рядом замер Иверт, Виктория ощущала тепло его тела, и это придавало уверенности.

— Найди Рэя, — тихо попросила она.

Игуш посмотрел на конта с недоумением, а затем громко расхохотался, привлекая к себе всеобщее внимание. Турид тот час поджал губы и что — то горячо зашептал собеседнику, размахивая руками. Явно ябедничает.

— Ураган, хватит ржать, как кобылка кира Дарена! — лысый великан, до сих пор молча наблюдающий за встречей «верных друзей», направился к ним, обтирая о штаны толстую кривую морковку. По этой морковке конт и узнал своего капитана. — Добрый вечер, кир Алан.

— Рэй?

Виктория растерянно смотрела на воина. Он очень четко исполнил приказ конта и сбрил все! Не только бороду и усы, но и густые волнистые волосы, о которых она тот час пожалела. Ой, мамочка, что же ей скажет Райка! Пожалуй, стоит воздержаться от посещения кухни. И как назло, сразу же забурчало в животе.

— Зачем ты сбрил волосы?

— Вы же приказали, — пожал плечами великан, откусывая от моркови большой кусок. — И знаете, кир Алан, вы были правы. Так намного удобнее.

К ним подбежал Берт, на ходу завязывая пояс. Он низко поклонился конту, при этом косясь на Нанни.

— Ужин накрыт, господин. Позвольте мне сказать вам несколько слов наедине. Это касается вашего сына...

Они отошли в сторонку и Берт что — то быстро зашептал. Конт, внимательно его выслушав, улыбнулся и кивнул.

— Иди и поздоровайся с матерью. Кир Кайрат, приглашаю выпить со мной того вина, что ты прислал мне когда я болел.

— Неужели «Золото долины»? — барон радостно потер руки, устремляясь за контом. — Не думал, что ты его до сих пор не откупорил.

Его дама растерянно похлопала глазами, но приглашения так и не дождалась.

Странно он себя ведет. Насколько удалось выяснить Виктории, от настойки нет противоядия. Неужели они ошиблись?

— Иверт, Рэй, присоединяйтесь.

Проходя мимо ксенов, конт бросил внимательный взгляд на Искореняющего, но тот еще ниже опустил голову, не давая не единого шанса рассмотреть, кто скрывается под капюшоном. И чего она нервничает? Не может быть, чтобы Алвис рискнул появиться в Крови после всего что было.

В столовой был накрыт стол и стояло четыре стула. За каждым стулом застыли слуги в синих передниках. Виктория про себя усмехнулась. Вот сейчас и проверим, как официанты усвоили уроки. Если Рэй и Иверт и были удивлены, то виду не подали. Зато барон Линь следил за происходящим с нескрываемым интересом. Конт подошел к столу и непринужденно присел на стул, дождавшись, когда слуга его подвинет. Остальные последовали его примеру.

— Ну что же, выпьем за твое здоровье, друг! — барон нетерпеливо потянулся к кувшину.

Алан укоризненно на него посмотрел и махнул слуге. Стоящий за спинкой стула барона парень с улыбкой налил вино в высокий кубок и, наклонившись к уху Кайрата, поинтересовался:

— Кир Кайрат, что желаете откусать? Рекомендую баранину под травяным соусом, она сегодня очень нежна.

Линь от удивления только кивнул головой. Виктория про себя хохотала, небрежно указав своему официанту на мясо и запеченные овощи, она произнесла:

— Не очень много, любезный, я не хочу наесться на ночь.

Следом за контом и остальные сделали свой выбор. Да, официанты вышколены отлично. Осталось мелочь — вышколить так же местную знать. А то вон, ест руками и ложкой, словно никогда не видел в глаза вилку. Ну и что, что она двузубая, но ведь вилка же! Кстати, надо поговорить с кузнецом и уточнить, как там продвигается ее заказ.

Кайрат смотрел на конта с нескрываемым удивлением, а Алан непринужденно и легко орудовал вилкой и ножом. Уж это умение Виктории привили с детства. Отец никогда не садился за стол, если он не был полностью сервирован.

— За дружбу! — Конт поднял кубок.

Три взгляда не отрываясь следили, как Кайрат с удовольствием допивает вино.

— Все же это лучшее вино на фронтире, — произнес барон, подставляя кубок слуге и с удовольствием наблюдая, как в него льется янтарная жидкость.

Конт переглянулся с Ивертом и отпил из своего бокала. Хорошо, что Райка смогла найти еще два неучтенных бочонка этого вина. После того как Алана едва не отравили, она устроила настоящий обыск и обнаружила в кабинете отца маленький погребок, в котором стояли в ряд небольшие бочонки с вином. Семон их все проверил, и теперь Виктория безбоязненно пила вкуснейшее на фронтире легкое вино. Именно об этом ей

шептал на улице Берт. Вино напоминало «Сангрию» — слабое, с привкусом меда. Действительно очень вкусное. Глядя на хозяина и остальные гости потянулись к кубкам. Постепенно разговор перекинулся на события, произошедшие в Рогане. Кайрат интересовался всем — кто поднял бунт, кого конт казнил, не будет ли продавать рабов, и если будет, то по какой цене? Виктория сделала неприятный вывод: барон знал не меньше, чем она, а может даже больше. Ему уже было известно о смерти младенца, и теперь он спрашивал, не хочет ли конт продать замок и земли. Затем разговор плавно перешел на предстоящий прием. Барон был дружелюбен и весел, а конт задумчив и серьезен.

Виктория думала. Если Линь прислал чистое вино, а судя по его поведению, так оно и есть, то значит, его отравили уже здесь, в Крови. Когда? Сразу по прибытию или вчера непосредственно перед тем, как налить конту? Но если вчера, это могли сделать только кухарки или Саника. Райке она верила как самой себе, а вот Саника и девушки...

Видно, такие же выводы сделал и Рэй, потому что он исчез еще до того, как конт пошел провожать «друга».

А еще не давал покоя Виктории брат Искореняющий, и именно к нему она направилась, когда Линь наконец — то собрался уезжать.

— Что привело тебя в Кровь, брат? — обратился конт к сидящему на высоком рыжем жеребце ксену.

— Я привез письмо для брата Турида, — голос из — под капюшона звучал глухо и незнакомо.

— Я хочу видеть твое лицо. — Боковым зрением конт заметил, как в раскрытые ворота выезжают воины барона и его пассия, ксен тоже развернул коня, но Алан ухватил лошадь под узды, не давая ей двигаться. — Открой лицо, брат.

Ксен наклонился и протянул конту какой — то предмет, Алан машинально его взял. Тяжелый.

— Берегите спину, кир Алан, — тихо произнес ксен и сильно ударил коня пятками.

Конт, чертыхаясь по — русски, отскочил в сторону, чтобы не быть снесенным рванувшим вперед жеребцом. Вот наглая сволочь! Он в сердцах швырнул на землю скрученные в клубок ножные кандалы.

«Нет, Алвис великолепен, — восхищенно подумала Виктория, провожая взглядом удаляющегося всадника. — Как жаль, что мы по разные стороны баррикад».

— Турид! — От вопля конт завыли тау.

Да, уж глотка у нее нынче луженная. Может, попробовать петь? Неясно, как там со слухом, но с громкостью все в полном порядке.

— Кир Алан, дети, между прочим, спят, а вы орете. Учитесь смирению и сдержанности, и Ирий будет к вам благосклонен.

— Письмо, которое тебе привез брат Искореняющий, — конт выбросил вперед руку в жесте, не терпящем возражения.

Видно, что — то в лице Алана дало понять Туриду, что сейчас лучше не пререкаться. Он молча протянул сложенный вчетверо листок.

«Повелеваю прибыть в столицу для получения нового назначения. Ваш приемник уже в пути. Брак с баронессой Литиной Ситко разрешаю. Приближенный к стопам его».

Какая оперативность. До столицы больше десятницы пути, а письмо пришло через несколько дней после помолвки. Конт задумчиво крутил в руках бумагу.

— Что еще говорил Алвис?

— Это был брат Алвис?

Врать Турид не умел, и Виктория не сомневалась в его искреннем удивлении. Он действительно не знал, кто скрывается под капюшоном сутаны. Для служителя ордена Искореняющих прятать лицо было нормой. Кому охота, чтобы его родные знали, какими неблагоприятными делами занимается их сын, брат или отец. Виктория прислушалась к своим ощущениям. Кроме восхищения наглостью Искореняющего в душе поднималась волна азарта. Этот раунд остался за Алвисом, но следующий ход она постарается выиграть.

— Хозяин, — раздался робкий голос.

За разговорами и делами Виктория совершенно забыла об артистах, прибывших с Нанни.

— Берт! — Слуга вынырнул из тени за спиной конта. — Вели Санике накормить и разместить артистов. Завтра я с ними пообщаюсь. А затем...

— Я здесь, хозяин.

Саника появился в кругу света совершенно бесшумно и замер, вперив в танцовщицу недоверчивый взгляд.

— Ты? — он бросился к ней и схватил за руку. — Ты!

Девушка испуганно вздрогнула, выдернула руку и спряталась за спину одного из музыкантов. Саника тяжело вздохнул.

— Извини. Я обознался, — разочарованно буркнул он. — Идите за мной.

— Стоп.

Виктория остановилась напротив девушки. До сих пор у нее не было возможности рассмотреть свой «ансамбль песни и пляски». Да, несомненное сходство есть. Только эта лет на десять моложе.

— Это не она, — вздохнул конт, поворачиваясь к рабу. — Но очень похожа.

В этот раз Саника не успел притушить ненависть во взгляде. Ненависть и звериную тоску. Виктория задумчиво посмотрела вслед удаляющимся рабам и повернулась к Берту. С Саникой она разберется позже.

— Какие новости?

— Дарен свалился с лошади и вывихнул руку, но лекарка говорит, ничего страшного, — начал перечислять Берт. — Кирена Литина вышивает ваш портрет, друида просила, чтобы вы к ней зашли. Плотник умер.

— Кусь?

— Еще спит, но дышит. Оська ей в горло вставил ветку олисы, она внутри пустая, и так ее поит. Как плотник помер, он перебрался на его место в комнату, не отходит от Кусь. Жалко ее. Такая верная.

— А плотника, значит, не жаль? — хмуро спросил Алан.

— А его чего жалеть? Дух человека попадает к реке Забвения и отправляется на встречу с богами, а животные умирают навсегда. Нет у них своих богов. Поэтому их жалче.

И не поспоришь.

— Семья у плотника осталась?

— Жена прачкой у нас работает, и двое детишек. Дочки.

— Скажи Нанни, чтобы выдала им три золотых.

— Кир Алан, хватит им и серебра! Да они за такие деньги...

— Берт! Я никогда не оставляю своих людей. По золотому в приданое дочкам и золотой

на жизнь вдове. Я у Райки. Приведи туда Санику.

Санику привел Рэй. Точнее, принес на плече и сбросил под ноги конту, при этом так зыркнул на кухарок, что те забились в угол и притихли, испуганно глядя на разъяренного капитана.

— Рэй, ты его не убил?

Виктория устала. Устала морально, ей не хотелось ничего выяснять, ни с кем разговаривать, ничего не хотелось знать. А еще больше не хотелось принимать решения, а ведь придется.

— Живой, — буркнул Рэй. — Это он вино отравил. Больше никому. Я поспрашивал у рабов, говорят, наш Саника очень хорошо разбирается в травах. Он у них за лекаря был. Если кому что болит, всегда к нему обращались. Травки заваривал, ягодки сушил. Сам их и собирал, когда в поле работал.

— Он долго в погребе сидел. Говорит, что бочонок с вином был заставлен другими бочками. Мог за это время и подлить чего, — тихо произнесла Райка с какой — то тоской в голосе.

— Тетка Райка, а ведь пробка из бочки легко вышла, вспомните. Обычно топориком подковыриваем, а тут раз — и выскочила, — взволновано сообщила одна из молодых. — Словно открывал уже кто. Ой, бабоньки, неужто раб — отравитель?

— Саника, — Виктория сглотнула ком в горле и прокашлялась. Говорить было тяжело. — Почему?

— Я поклялся, что отомщу за нее, — спокойно произнес раб, поднимаясь на ноги. — Ненавижу тебя за то, что ты с нею сделал. Ненавижу и не верю тебе. Не верю твоему притворству, твоей неожиданной доброте и справедливости. Знаю, что теперь умру, жалею только, что тебя раньше не убил.

— Бывает, — произнес Алан.

Виктория знала, что не все в Крови верят новому конту. Кто — то, как Саника, не смог смириться с потерей, кто — то ждет подвоха, кто — то считает хозяина чокнутым. Всем не угодить.

— Меня ты можешь ненавидеть сколько тебе угодно, но убивать моих людей я не могу позволить. Умер невинный человек, Саника.

— Я не хотел, — раб опустил голову.

— А ты подумал, что будет с остальными рабами, когда меня не станет? Ты подумал, что моя смерть вернет все вспять? Вас продадут. Может быть, такому хозяину, как барон Линь, а может быть, такому, как был барон Рогана. Все то, что я делаю для рабов, будет забыто. У людей не останется шанса на свободу. Жажда мести сделала из тебя глупца.

— Саника, а если бы мы все попробовали из этого бочонка? — тихо произнесла Райка. — По немного, но отпили бы. Это же «Золотая долина», вино — мечта. А если бы подали вино к столу, Дарену? Оно легкое, и его дают детям. О чем ты думал?

Этот тихий, полный боли и жалости голос сорвал с раба маску напускного безразличия. Он закрыл лицо руками, упал на колени и завыл. Громко, страшно, с надрывом. Следом за ним захлюпали носами и женщины. А на Викторию накатил волна апатии. Спать и не о чем не думать. Завтра, она все решит завтра.

— Повесить? — отвернувшись от раба, спросил Рэй.

— Будет суд. А пока запри его в темнице и проследи, чтобы он не смог убить себя.

Виктория, не обращая внимания на тихий плач кухарок, вышла с кухни и отправилась к друиде. В ночном небе мелькали летучие мыши, было тихо и прохладно. Она на секунду задержалась во дворе, глубоко втянула воздух, пахнувший цветами, лошаадьми и свежим хлебом. Где — то в седельных сумках лежит каравай, который испекла для конта Зира.

Какими мелкими теперь казались ее переживания из — за прошедшей ночи. Что же делать с Саникой? Такое нельзя прощать. Это покушение на жизнь владельца, благородного, хозяина. Рабов убивают за меньшее. Как же он ненавидит Алана Валлид, если решился на это? А как бы поступила она? Смогла бы смириться со своей ненавистью? С жаждой мести? На этот вопрос ответа не было. Но если бы она решила устранить конту, то поступила бы хитрее. Это же был жест отчаявшегося человека, а не хладнокровного убийцы. Мест и ненависть никогда еще не были хорошими советчиками. Но убивать Санику не хотелось. О боги, что же делать? Как поступить? Прощать нельзя, а убивать не хочется. Кто бы дал совет? Может, поговорить с Туридом? Да, надо посоветоваться с ксеном.

Друида не спала. Она сидела в своей комнатухе перед столом и что — то перебирала. Виктория остановилась на пороге. Многочисленные свечи освещали худую, осунувшуюся женщину, совершенно не похожую на ту, которая месяц назад зашивала рану конту. Ворожея старела буквально на глазах. Она подняла взгляд и слегка улыбнулась.

— Плохо выглядишь. — Конт зашел, огляделся и сел на кровать, потому что единственный стул занимала хозяйка комнаты. — Что с тобой происходит, ворожея?

— Он еще спрашивает, — возмущенно всплеснула руками женщина. — Где твой оберег, конт?

— Где — то лежит, — безразлично пожал плечами Алан. — Он тебе нужен?

— Оберег, заговоренный силой двух богов, где — то лежит! — ворожея покачала головой. — Ты глупец, конт? Ради таких оберегов опустошаются казны, а у тебя он где — то лежит!

— Я о нем не просил. — Алан начинал злиться. — Зачем он мне?

— Ты на самом деле не помнишь или притворяешься? — недоверчиво произнесла травница.

— Когда не знаешь да еще забудешь, очень сложно вспомнить, — буркнул Валлид себе под нос, а громко ответил: — Я не знаю.

— Земля, взятая в месте, где оставил след и частицу себя заговоренный, скрепленная кровью ворожей и ее наговором, создает мощнейшую связь между духом оберегаемого, местом, откуда взят след, и ворожеей. Где бы ты ни был, оберег хранит тебя, потому что ты должен вернуться. Земля к земле, пот к поту, кровь к крови. Он тянет домой твой дух, а дух тянет тело. Знаешь, конт, — друида слегка улыбнулась, — я ведь не слепая, да и глупой никогда не была. Я наблюдаю за тобой, за людьми вокруг тебя. Меня радует то, что ты делаешь для рабов. Ворожей всегда были против рабства. — Она легонько прихлопнула ладонью по столу. — Человек должен быть свободен! Ты сможешь это изменить. Я верю. Поэтому, посоветовавшись с другими из нашего братства, я привязала тебя к Крови. Мы не хотим, чтобы ты ушел отсюда и сгинул в глупых войнах с горцами. Прости.

— За что? — Виктория слушала вполуха, ее мысли были далеко.

— Если ты надолго покинешь дом, тебе будет худо.

— Ерунда, пока худо только тебе.

— Это странно. Я трачу энергию своего тела, чтобы соединить твой дух и оберег. Даже если ты его не носишь, он не должен так меня изматывать! Я точно знаю, что все сделала правильно. Но стоило мне отъехать от Крови, как я потеряла силы. Если бы меня не нашел Искореняющий, то мои кости уже бы грызли звери. Я ничего не понимаю!

— Ты привязывала дух Алана Валлид, сына конту Сани? — Виктория уже догадалась, в чем проблема, просто хотела уточнить детали. Дождавшись кивка друиды, она широко зевнула. — Этот оберег работать не будет. У тебя просто не хватает сил, чтобы дотянуться до того места, где сейчас находится душа Алана. Твои жизненные силы уходят в пустоту. Если будешь продолжать — умрешь.

А еще есть родной сын Сани Валлид. И имя его Берг, его душа, возможно, тоже попала

под действие оберега. Слишком много узлов в роду Валлид, о которых никто не знает.

— Что ты хочешь сказать, конт? — друида подозрительно сощурила глаза. — Я же вижу, что ты человек. Ты не анчута, ты не оживленный темной ворожкой мертвец. Ты обычный человек, такой как я. Твое тело...

— Ты взяла следы моего тела, но привязала оберег к духу прежнего Алана. А он умер. Умер окончательно и безвозвратно. Теперь в этом теле другая душа.

— Ду — ша?

— Дух, душа, какая разница?

Она слишком устала, чтобы следить за своей речью. Да и сложно вести беседу, когда значения некоторых слов нужно додумывать.

Ворожея внимательно смотрела на конт. Виктория не стала ничего больше говорить, пусть думает, что хочет, и поступает, как хочет. Она ее предупредила. Если не внемлет, значит умрет. Не стоило друиде решать за конт. «Человек должен быть свободен!» Ха! Сказала та, что без спроса привязала конту к определенному месту, ограничив его свободу. Вот и поплатилась. Не удивительно, что Викторию так ломало, когда она надевала этот оберег. По — видимому, он пытался притянуть в тело душу реципиента, а может, и душу Берта. А вдруг это бы удалось? Кошмар! Хватит с нее персонального глюка в виде богов, не хватало еще борьбы за тело с душой Алана Валлид первого.

— Ты помнишь, что с тобой произошло после смерти? — спросила друида, не мигая глядя на мужчину, который растянулся поверх одеяла и прикрыл глаза.

— Смутно, — подумав, ответил конт.

— Значит, ты не Алан? — задумчиво произнесла друида. — Это многое объясняет.

— Посмотри на меня, ворожея. Черты моего лица изменились? У меня поменялся цвет глаз? Или, быть может, мой характер стал хуже, чем был?

— Нет, — хмыкнула женщина.

— Значит, я — конт Алан Валлид. Просто поумневший. И давай пока к этой теме не возвращаться.

— Я рада, что ты поумнел, и рада, что ты с нами, конт. Если ты не станешь прежним, я буду молчать.

— Отлично. Ты знаешь, что отравителем оказался Саника?

— Я подозревала это. Его ненависть пожирает его дух.

— Я не хочу его убивать.

— Отдай его мне.

— Тебе? — Конт рывком сел на кровать. — Зачем он тебе?

— Что значит, зачем? — с притворным негодованием произнесла друида. — Между прочим, я еще не настолько стара, чтобы не интересоваться мужчинами. И он хороший травник. Мало кто может правильно приготовить настойку вечного сна. Чтобы она работала, нужно знать некоторые секреты. Его обучал кто — то из братства, а мне нужен помощник.

Виктория задумалась. Этот вариант ее устраивал.

— Если он выживет после наказания, я отдам его тебе. Но учти, я не собираюсь освобождать его от обязанностей.

— Ничего, на меня будет работать ночами. Вот и не останется времени на дурные мысли, — усмехнулась друида. — Шел бы ты конт спать. И принеси мне завтра оберег, я его...

Слово было незнакомое, но Виктория перевела его как «дезактивирую». А что еще можно сделать с ненужным оберегом, убивающим свою создательницу?

— Спокойной ночи, друида.

Она уже взялась за дверную ручку, когда ворожея заговорила.

— Ты знаешь, отчего мы никогда не называем своих имен? Оттого, что наши имена имеют власть над словом. Ими мы запечатываем наши обереги, ими скрепляем наши наговоры. Но доверие должно быть обоюдным. Мое имя Снежка.

А вот это Виктория оценила.

— Красивое имя. Спокойной ночи, Снежка.

— Спокойной ночи, кир Алан конт Валлид.

Окна храма светились, и Виктория свернула к нему. Брат Взывающий зажигал красные свечи у портрета Вадию. Поминальные. Он покосился на конта, но промолчал. Виктория тоже не была расположена разговаривать, она застыла напротив черноглазого бога. На портрете он ехидно улыбался, в отличие от своего строгого и серьезного брата.

«Привет, Вадий. Веселишься? Подтолкнул Санику на безумный поступок и теперь смотришь, как я буду выкручиваться? Неужели думаешь, у меня не хватит жестокости отправить его на виселицу, чтобы другим неповадно было? Запросто, но разбрасываться ценными кадрами ради твоего удовольствия я не намерена. Шиш тебе, а не душу этого идиота! И не надейся! Чем лыбиться, лучше бы подсказал что умное. Черт, с кем я разговариваю? С картинкой! Виктория, ты точно сошла с ума».

Ей почудился тихий смех, она резко оглянулась, но увидела только Турида, склонившего голову у портрета Светлого. Ксен беззвучно шевелил губами, прикрыв глаза. Виктория перевела взгляд на Ирия, может быть он натолкнет ее на мысль? И этот молчит.

— Просите совета, как поступить с Саникой? — не открывая глаз, спросил ксен. — Я исповедовал глупца. Он готов к смерти. Но разве смерть — это наказание за содеянное? Чувство вины и ожидание смерти гораздо хуже.

Ксен открыл глаза и посмотрел на конта. Открытый честный взгляд уставшего человека.

— Осталась вдовица с двумя детками, — вздохнул Алан.

— Ваше золото не даст ей пропасть. Через десятницу к ней начнут свататься. За эту женщину не переживайте, она теперь богачка по меркам весчан.

— Брат Взывающий, друида просит Санику для себя, я пришел за советом, но Ирий мне не отвечает.

— Не у того брата, вы просите совета, кир Алан, — мягко улыбнулся ксен. — Есть у меня одна идея...

«Спасибо, братья, — искренне поблагодарила Виктория, выходя из храма. — Ваш служитель передал мне ответ».

По пути к себе она заглянула к Дарену. Мальчишка спал лежа на спине и вытянув руки вдоль тела. Словно солдатик. На соседней кровати свернулся калачиком Тур. Его комната еще не была готова, Иверт перебрался на третий этаж в гостевые покои, и пока Тур ночевал здесь. Виктория подняла свалившееся одеяло и накрыла герцога. Постояла, с нежностью глядя на мальчишек и вспоминая своих сыновей.

— Приятных снов, мои мальчики. Во всех мирах, пусть вам снятся только хорошие сны.

Дар открыл глаза, посмотрел на закрывающуюся дверь и, перевернувшись на бок, сонно прошептал:

— Спокойной ночи, папа.

— Чего рыгочим? — Рэй потряс перед строем листами бумаги. — Вот здесь у меня Устав,

подписанный нашим контом. И тут четко сказано — воин должен вид иметь опрятный! Так что завтра чтоб я не видел ни одной бороды! И патлы свои приведите в нормальный вид!

— Но капитан! — раздался голос из задних рядов.

— Я капитан! — гаркнул Рэй. — Будете знать, уроды, как над капитаном ржать! А теперь бегом марш! Вокруг площадки! Десять кругов! А потом я вам сюрприз приготовил на полосе покойника. Вы у меня надолго забудете, как зубы скалить!

Раздался громкий стон и топот множества пар ног. Рэй довольно оскалился, вытащил из — за пазухи морковь, свистом подозвал своего жеребца и, вскочив в седло, пристроился в хвост колонны.

— Тот, кто прибежит последний, будет первым проходить полосу покойника!

Со стороны развилки Висяка появились бегущие люди. Рэй, прищурившись, рассмотрел конта в сопровождении Берта и двух мальчишек. Все по пояс раздетые, с красными потными лицами.

— Бежим! — заорал капитан, заметив, что некоторые из воинов решили устроить себе перерыв, остановившись, чтобы приветствовать хозяина Крови. — Берите пример с кира Алана. Вперед!

— А сам чего не бежишь? — поинтересовался конт.

— Боюсь, как бы лысину солнцем не напекло, — съехидничал Рэй, поглаживая себя по голове. — Не забудьте, что сегодня мы с вами работаем с мечом. И что это вы, кир Алан, без охраны бегаєте?

Виктория застонала. Час назад ее поднял Иверт, безапелляционно заявив, что солнце уже вот — вот взойдет и пора брать в руки яташ. Пришлось выбираться из теплой постели и идти будить мальчишек.

Все утро Виктория посвятила тренировкам. Занятие с Ивертом, стрельба из лука, пробежка, рукопашный бой, полоса препятствий, а там и Рэй подоспел. Да не один, а с Яростью под мышкой. Пришлось брать меч в руки и «вспоминать» разминочный комплекс. Перекусив на ходу и наскоро ополоснувшись, Виктория отправила Тура и Дарена к Семону на занятия, а сама в сопровождении Берта побежала принимать работу у плотников. Ее уже ждали мастера и Нанни со Светикой. Берт тут же заговорщицки подмигнул девушке. Она зарделась и спряталась за спину управляющей, но оттуда бросала на него заинтересованные взгляды. Виктория с любопытством на нее посмотрела. Общение с Зирой что — то изменило в душе, и теперь она стала обращать внимание на местных женщин. Кто как выглядит, во что одет, как себя ведет. Виктория начала замечать томные взгляды, которые бросали на конта украдкой молодницы, тихие вздохи и кокетливые жесты. Оказывается, конт весьма популярная личность. И если раньше ее это раздражало, то теперь вызывало легкий интерес. Она вживалась в придуманную роль и, хотя до сих пор считала себя женщиной, но все чаще думала о себе как о мужчине. От этого было немного грустно, словно теряла что — то очень личное, высказывающее тонкой струйкой дыма в маленькие трещинки, покрывающие кокон, в котором она спрятала свою душу.

Светика опустила голову вниз и начала теребить пояс на платье, бросая быстрые взгляды из — под челки. Берт же не стесняясь, пожирал девуцу глазами, изредка многозначительно облизывая губы. Им казалось, что их перемигивания никто не замечает. Правдива поговорка: «Влюбленные не замечают никого вокруг, зато их видят все». А Виктория вдруг почувствовала ревность. Самую настоящую ревность! Почему эти двое могут любить друг друга, а она лишена даже этого? Стало горько и обидно, захотелось стереть глупую улыбку с лица Берта. Абсолютно иррациональная злость холодным червяком зашевелилась где — то в желудке. Виктория сжала кулаки и глубоко вдохнула. Успокойся! Это просто тоска по человеческому теплу. Пройдет. Но как тяжело каждый раз возвращаться в холодную пустую постель! Сейчас, когда Кусь боролась за свою жизнь, Виктория ощущала это еще сильнее.

— Светика, этот бабник к тебе приставал? — грозно спросил конт пунцовую девушку.

— Ой, кир Алан, вы только на него не ругайтесь, — служанка смущенно уставилась в пол.

— Берт! Если ты ее испортил, женю! — зарычал Алан, поворачиваясь к слуге.

— Светика не такая! — Берт сделал честные глаза. — Я помню, что вы мне сказали, когда с Эльсой поймали.

— Не забывай, иначе быть тебе женатому, — потряс конт кулаком перед голубыми невинными глазами. — Светика под моей личной опекой, и я тебя за нее на лоскуты порву!

Он отвернулся от ошарашенного таким напором парня и не заметил, как довольная девушка показала слуге язык. В глазах Берта мелькнуло разочарование, которое не укрылось от взгляда Нанни.

— Мы тебе подберем солидного и надежного жениха, а не этого гуляку, — прошептала она, обращаясь к служанке. — Мой сын еще долго будет под каждую юбку заглядывать. Ты девушка серьезная, зачем тебе гулящий муж?

— Он такой краси — и-вый! — зашептала в ответ Светика и, бросив на Берта кокетливый взгляд, перекинула косу на грудь.

Виктория, которая прекрасно слышала эти перешептывания, про себя усмехнулась. Молодец Нанни, очень деликатно отваживает от Берта потенциальных невест, выставляя напоказ недостатки сына. Да только вряд ли девица поверит ей. Вон как на братишку смотрит. Надо серьезно поговорить с Бертом, а то ведь придется женить, а у контаного совершенно другие планы.

Мастер Рыгор распахнул двойные двери и застыл в ожидании.

Зал приемов преобразился. Светлые деревянные полы, в тон им резные панели, стены над ними затянуты голубой тканью в тонкую синюю полоску, кованая люстра на сорок свечей, такие же кованые держатели для факелов. Диванчики и стулья обиты тканью, выполненной в зеркальном отражении к стенам — синей в голубые полосы. Между диванами маленькие столики. На возвышенности стоит длинный обеденный стол, покрытый голубой скатертью и сервированный светлой посудой. На стене позади хозяйского кресла растянут вымпел с изображением двух скрещенных мечей. Герб Валлид. Стены украшены вышивками в богатых рамках и несколькими картинами, которые Виктория до этого не видела. Неплохие пейзажи. Стена вокруг большого очага побелена в почти белый цвет.

— Берт, пригласи сюда нашего художника.

Виктория задумчиво смотрела на стену. Чего — то не хватает. Перед глазами встала татуировка, покрывающая тело Искореняющего. Виноградная лоза. Именно! Когда Берт привел застенчивого юношу, похожего на девушку, она уже знала, что хочет увидеть.

Работой мастеров конт остался доволен и выразил это очень просто — денежной премией. Стоит ли говорить, что этот жест вызвал радость у работников и негодование у Нанни? Управляющая пообещала конту, что если он и дальше будет раздавать серебро, то через год они всем замком пойдут просить милостыню. Алана это заявление развеселило и, чмокнув Нанни в щеку, он пообещал впредь быть более экономным. И отчего кормилица ему не поверила? Глаза у контаного в тот момент были очень честными.

На закате все жители Крови собрались во дворе вокруг невысокого помоста, на котором была установлена узкая скамья. Женщины перешептывались, мужики хмуро стояли кучками, изредка перебрасываясь короткими фразами. Конт, одетый во все черное, с мечом на поясе и золотым знаком владетеля на груди, стоял на помосте, заложив руки за спину. Высокий, широкоплечий, с убранными в хвост смоляными волосами, с казавшимися черными в свете уходящего солнца глазами, он был похож на Вадия. О чем он думал, понять было невозможно. Иногда цепкий взгляд темных глаз пробежал по толпе, и люди ежились под этим взглядом.

Двое воинов привели Санику. Они велели ему стать на колени и сами замерли по бокам, обнажив мечи. Конт бросил на раба быстрый взгляд и повернулся к застывшим людям.

— Я собрал вас на суд владетеля Крови. — По толпе пробежал шепоток. Рэй, стоящий рядом с контом, грозно цыкнул. — Этот раб, — конт махнул рукой в сторону коленопреклоненного Санике, — пытался отравить меня, но погиб невинный человек. После него осталась вдова и двое детей. За такое преступление положена смерть. — Со стороны воинов послышались одобрительные крики. Рэй из — за спины конта показал кулак. — Мы все доверяли Санике. Мы видели, как он болеет за каждого раба, как старается облегчить вам существование. Мы с вами надеялись, что сможем сделать нашу жизнь лучше, дадим каждому рабу шанс стать свободным, построим поселение, сыграем первые свадьбы, увидим первых детишек. Но один человек своей ненавистью перечеркнул все наши надежды. Вы понимаете, что бы произошло, если бы ему удалось меня отравить? Вы знаете, что ждет рабов за бунт. Тех, кто бы остался жив — продали! И никто не знает, куда бы вы попали — в каменоломни или в бордель. Так какое наказание я должен вынести для убийцы?

Идеология — наше все! Она постаралась своей речью внушить людям определенные мысли. Виктория говорила в основном для рабов. Она видела, как меняются лица, когда люди начинали осознавать, какое несчастье могло бы их постигнуть, удайся рабу задуманное. Раздались крики: «Смерть!» Конт повернулся к Санике.

— О чем ты думал? Я ведь могу приказать повесить каждого второго, а тебя заставлю смотреть на это, — жестко произнес Алан. — Ты ведь знаешь мою репутацию. Ты будешь жить, а они умрут!

Кто — то вскрикнул, заплакали женщины. И вдруг из толпы рабов раздался хриплый голосок:

— Пощадите его! Он больше не будет!

Конт резко повернулся на голос. Девчушка лет тринадцати, та, что ездила с ними на ярмарку, и за которой ухлестывал Ольт. Как же ее звали? Босая, заплаканная. Рядом с нею стоял хмурый Тур.

— Простите его, он отработает!

— Отдайте его вдове! Пусть на нее работает!

— Повесить!

В основном раздавались женские голоса. Мужики хмуро молчали, понимая, что такое прощать нельзя. Сквозь толпу протиснулся брат Турид. Конт ему кивнул и повернулся к Санике.

— Что скажешь?

— А что говорить? — спокойно ответил ему мужчина. — Виновен. Не знаю, что на меня нашло. Ненавидел вас, кир Алан, и сейчас ненавижу, но ведь не хотел убивать, не совсем ведь дурак, вижу, что вы для людей делаете. А как за вином полез, словно туман в голове. Весь пузырек и опрокинул. Можно просить? — Конт кивнул. — Не убивайте никого, меня только.

Кто — то еще что — то кричал, кто — то говорил, но постепенно люди замолчали, в напряжении ожидая ответ конта. Алан задумчиво смотрел на Санiku.

— Я считал и до сих пор считаю, что именно ты должен возглавлять рабов Крови. Именно ты должен быть посредником между мною и ими.

Чтобы произнести эту речь Виктории пришлось выучить несколько новых слов. И чего ей стоило объяснить Нанни, что именно она хочет выразить!

— Но я не могу оставить безнаказанным убийство. Правосудие должно быть для всех. Любой из вас должен знать, что его смерть будет отомщена, а его семья не будет брошена! Десять ударов кнутом. Здесь и сейчас.

Толпа ахнула. Десять ударов в умелых руках палача — это смерть. Вперед выступил ксен, на руку которого опиралась друида. Сегодня она выглядела лучше. С самого утра Тур занес ей злосчастный оберег конта, который валялся под кроватью.

— Просим снисхождения! Три удара и суд Вадия! — выкрикнул брат Взывающий.

Под тихий гул голосов ксен решительно полез на помост. Конт протянул руку ворожее, помогая ей подняться и стать рядом.

— Эта служительница Темного, — скривившись, словно он лимона наелся, ткнул пальцем в друиду Взывающий, — желает взять этого мужчину в свой дом! Вы все знаете, что Вадий исполняет желания своих верных служанок. Ворожеи всегда поклонялись темному лику! Кто оспорит право друиды на этого мужчину?

Никто из женщин не посмел признаться в симпатии к темному богу. Все напряженно вслушивались в слова ксена. Не каждый день приходится присутствовать на суде Вадия. Как бы там ни было, а немногие ставили Темного выше его брата и имели смелость в этом признаться. Покровителем ордена Взывающих был Ирий, но ксены могли обращаться к обоим богам. Просто считалось, что бог — покровитель даст больше чем его брат.

— А как мы узнаем волю Вадия? — поинтересовался конт, следя за Саникой. Глаза раба удивленно расширились, в них мелькнул интерес, когда он услышал о суде темного бога, но больше ни один мускул не дернулся на спокойном лице.

— Два кубка. В одном чистое вино, во втором вино с ядом горной гадюки.

Рэй, словно волшебник, выхватил откуда — то со стороны поднос с двумя кружками.

— Если выпьет чистое вино, значит Вадий одобряет выбор темной жрицы.

Рулетка. У каждого народа есть что — то похожее. Саника не раздумывая протянул руку к правой кружке. На мгновение ладонь замерла, не донеся напиток до губ, но затем мужчина зажмурился и решительно выпил вино. И только по стуку глиняного дна о поднос Виктория поняла, что рука раба дрогнула. Капитан моментально выплеснул содержимое второй кружки на землю.

Громко вскрикнула женщина, кто — то тихо выругался низким мужским голосом. Все замерли в ожидании. Виктория исподволь следила за людьми. Ни у кого на лице не было злости или злорадства. Были безразличные лица, были сердитые, но в основном на лицах житейской Крови явно читалось сочувствие. Девочка, которая первая попросила за Санiku, тихо плакала, уткнувшись Туру в плечо. Рядом с ними стоял Дар. Серьезный и немного напуганный. Берт одной рукой обнимал Светику, а она, зажмурившись, ухватила его за пояс и что — то тихо шептала. Райка стояла рядом с Нанни, и внешне обе выглядели спокойно. Их больше волновала парочка Берт — Светика. Обе женщины бросали на них очень недовольные взгляды, и Виктория подумала, что вечером влюбленные огребут по полной программе.

— Мы услышали волю твою! — Брат Взывающий осенил себя кругом Вадия. Следом за ним все на площади повторили этот жест.

— Да будет так! — Конт спрыгнул с помоста.

Тем временем палач положил Санiku на скамью, привязал ему руки и, всунув в зубы деревяшку, повернулся к конту.

— Как бить прикажете? Без пощады или чтоб выжил?

— Он еще должен отработать свою вину, — буркнул конт.

Помнила Виктория из истории, что опытный палач мог одним ударом рассечь спину до позвоночника. Это было страшно. Палач кивнул и приступил к своим прямым обязанностям. Свистнул кнут и на спину раба опустился жесткий ремень сыромятной кожи с узлами и железным крюком — когтем на конце, на помост упали алые капли.

Алан с каменным лицом отстоял до конца экзекуции. А потом полночи Виктории снилась окровавленная спина с раскрытыми старыми шрамами. Она просыпалась, ходила по комнате, грызла кулаки, чтобы не орать, пила вино и вновь засыпала. И опять перед глазами мелькали окровавленные тела, рыдающие девушки, отрубленные конечности и хохочущий мужчина с черными безумными глазами. А утром её разбудил громкий

отрывистый вой тау, открылась дверь, и на кровать запрыгнула Кусь. Сука полезла лизаться, не давая конту проснуться окончательно. Сразу стало тесно. Следом за нею в комнату заглянул довольный Оська.

— А там гости прибыли! Важные! — он надул щеки, выпятил живот и прошелся по комнате. — Нанни повела их в гостевые покои, а Берт — бараберт тащит сюда парадный мун — дир. Где ты, конт, новые слова находишь? Растись, как цветочки? — Шут сунул нос в вазу с цветами, словно там прятались новые слова, ничего не обнаружив кроме воды, он дернул Кусь за хвост, но тау только лениво рыкнула в ответ. Довольно сощурившись, сука, положив голову на колени любимого хозяина, получала свою долю ласк. Оська слегка обиделся на такое безразличие, но продолжил вываливать новости. — А Рэй бегают и всем раздает тумачи. И тебе раздаст за то, что ты ножны от Ярости бросил в кабинете. Райка испекла пирожки с ягодой, но поставила возле них злую девку с черпаком, — наябедничал он, потирая зад. Видать, свежи были воспоминания о черпаке. — А Берт сегодня ночью к Светике ходил, а там в засаде сидела Нанни с венником. Как он бежал! Ладно, ты одевайся, а я пойду друзей проведаю.

Оська свистнул Кусь, и они испарились. Из коридора раздался восторженный вопль Дара, ругань стража и отрывистое тьяканье Акелы. Ясно, куда отправился неугомонный шут. Пришел Берт с ворохом одежды и тазом воды. Пока Алан одевался, он бубнил и не преминул раз пять напомнить Берту об угрозе женитьбы, поэтому, когда конт вышел из комнаты, парень вздохнул с заметным облегчением.

Прежде чем выйти к ранним гостям, конт зашел к друиду. Ворожей в комнате не оказалось, но на ее кровати лицом вниз лежал Саника. Его спину покрывал толстый слой зеленой мази. Он повернул на шум голову и попытался встать при появлении хозяина.

— Лежи. — Конт пододвинул стул и уселся так, чтобы видеть лицо раба. — Нам надо решить, что делать дальше. Есть три пути. Ты остаешься в Крови и продолжаешь заниматься тем же, чем и раньше, помимо этого помогаешь травнице и обучаешься ее ремеслу. Второй путь — ты отправляешься в Роган, думаю, наместник Найк найдет тебе применение. Третий — тебя продают. Какой вариант выбираешь?

— Хозяин, в кубках ведь не было яда?

— Я не привык разбрасываться ценными кадрами. — Алан сам не заметил, как перешел на русский.

— Что?

— Друида не будет с нами вечно. Мне нужен собственный лекарь. Если ты предпочтешь остаться в Крови, тебе придется научиться врачеванию. Воинов у меня хватает, а лекарей нет.

— Но вы отдали меня ей, и если она уйдет...

— Пусть тебя это не волнует. Мы с ворожей сможем договориться, — перебил конт раба. — Какой вариант ты выбираешь?

— Я останусь в Крови. И...спасибо, хозяин.

Конт кивнул, встал и вышел. В коридоре он столкнулся с друидой. Женщина улыбнулась.

— Что он решил?

— Научи его мастерству. Но прежде излечи его душу.

Семон рассказывал, что в этом мире друиды врачевали не только тело, но и могли влиять на дух человека, они были не только травниками, но наставниками и психологами. Именно поэтому на фронтире, где не хватало Взывающих, храмовники терпимо относились к их братству. Виктория очень надеялась, что Снежка сможет найти с рабом общий язык.

Ворожея смотрела вслед конту, пока он не вышел на улицу, затем вернулась в комнату.

— Саника, расскажи мне, за что ты ненавидишь конту?

Светика и Олика ждали конта в кабинете. Девушки кидали друг на друга неприязненные взгляды. Бывшая любовница реципиента еще несколько раз пыталась проникнуть в спальню конта, но постоянно получала или вежливое указание на дверь, или очередное задание. Виктория выработала собственную тактику борьбы с назойливой девушкой. Каждый раз конт с восторгом и комплиментами встречал Олику и тут же давал ей какое — нибудь поручение. Пока девушка бегала, выполняя его, Алан успевал счастливо заснуть, заперев дверь и приказав стражнику никого не пускать. А утром он удивленно говорил расстроенной служанке: «Дорогая, что же ты так долго? Я вчера тебя так и не дождался». Олика чувствовала подвох, но ничего с этим поделать не могла. Зато именно ее конт назначил старшей над обслуживающим персоналом — горничными и податчиками, как упорно здесь называли официантов, подняв, таким образом, ее общественный статус. Новое слово, новая форма одежды, новые обязанности и прибавка к жалованию вызвали зависть у менее удачливых служанок. По Крови ходили слухи, что Олика добилась благосклонности только благодаря своему положению любовницы, и девушка подогревала эти слухи, делая многозначительные намеки и загадочно улыбаясь. Правда, сама она об отношениях с хозяином никому не рассказывала, поэтому обвинить ее во лжи никто бы не смог. Вот и теперь она свысока поглядывала на Светику. Та тоже исподтишка рассматривала соперницу. Высокая стройная блондинка с голубыми глазами, в строгом черном платье с белоснежным отложным воротником и кружевной наколкой, обрамляющей собранные в пучок волосы, Олика выглядела благородной, а не служанкой. Светика это понимала и расстраивалась еще сильнее. Она, конечно, пообтесалась за эти три десятилетия, но все равно рядом с Нанни или Оликой чувствовала себя сиволапой весчанкой с грязными руками. А еще на ней было простое синее платье, что тоже не добавляло уверенности в себе. Скорее бы пришел господин.

В кабинет влетел Тур, кивнул девушками и, достав из — за пазухи ключ, полез в сундук. На стол лег ворох бумаг, несколько перьев, в плоску полились чернила. Олика удивленно приподняла тонкую бровь. Светика свысока глянула на соперницу. Ха! Для нее такое поведение мальчишки — раба не было удивительным. Уж она — то, как помощница управляющей, знает, что конт доверяет своему секретарю и не такие секреты! Самооценка девушки сразу значительно поднялась, а когда в кабинет зашел Берт и чмокнул ее в щеку, она вообще взлетела до небес.

— Привет, красавицы, — пробасил от двери Рэй. — Олика, тебя с киреной спутать можно! Хороша! Да такую кралю только за купца замуж отдавать. Эх, был бы я моложе...

Девушка гордо глянула на Светику, а у той настроение опять поползло вниз.

— Ты лучше, — шепнул ей Берт.

«Да только конт этого не замечает, — вздохнула про себя девушка. — А может, замечает, да молчит. Вона вчерась немножко взревновал. Иначе чего же он на Берта орал?»

Алан стремительно вошел в кабинет и сразу с порога начал отдавать приказы.

— Олика, покажись.

Девушка встала и медленно повернулась вокруг. Хороша, зараза. Виктория понимала реципиента. Олика была красива даже по меркам Земли. Куда до нее всем этим силиконовым мисс. А черное полуоблегающее платье делало ее фигурку еще соблазнительней. Только вот не хватало кое — каких деталей...

— Берт, бегом к Нанни, пусть даст серебряные серьги с голубыми свисающими камнями. — Слуга выбежал из кабинета. — Для остальных форма готова? — Олика серьезно кивнула. — Готовь людей, через полрыски будет торжественный завтрак в честь нашего первого гостя. Заодно проверим, чему вы научились. Не подведи меня. Светика, — обратился конт ко второй девушке. — Гостей разместили? Кто припер... прибыл?

Тур протянул конту лист бумаги, исписанный аккуратными округлыми буквами. Вверху стояло имя «Маркиз Генри Раман».

— Маркиза с женой поселили в угловой комнате, где раньше игуш жил, а его пока переселили во флигель, рядом с казармой, — начала загибать пальцы Светика. — Маркизеток разместили рядом с родителями...

Тур сдавленно захрюкал.

— Не маркизеток, а кирен, — автоматически поправил конт, вчитываясь в досье первого гостя.

— Ага, кирен. Двух. Согласно про — то — кола. Ну, как вы на бумажке написали. Маркизов и контов, значицца, наверх в башню, а баронов вниз в пристройку. Только старенький маркиз — то, как он пьяный наверх забираться будет?

Олика фыркнула, Рэй едва сдерживал улыбку, Тур опустил голову и сделал вид, что ничего не слышит, а конт не выдержал и рассмеялась.

— Ой, — покраснела Светика, — я опять что — то не то сказала?

— Как — nibудь заберется, — усмехнулся Алан, возвращаясь к бумагам. — Значит, маркиз Генри Раман с семьей... и одна из его дочерей есть в списке невест, что мне прислал Приближенный. Неудивительно, что маркиз прибыл за сутки до приема. Видать, хочет застолбить местечко в первой тройке. — Он поднял глаза на притихших девушек, с интересом прислушивающихся к его рассуждениям. — Светика, ты еще здесь? Марш накрывать столы к завтраку. Белые скатерти и синюю посуду. Не забудь букеты с цветами и полотенца для рук. Да проследи, чтобы гости не заблудились. Ксена предупреди и кирену Литину! — крикнул он вслед выбежавшей Светике.

Берт принес серьги, и конт самолично вддел их в ушки довольной Олики.

— Если главный прием пройдет идеально, подарю тебе эти серьги. Ступай. — Дождавшись, пока за девушкой закроется дверь, Алан повернулся к Рэю. — Рассказывай.

— Земли маркиза находятся южнее владений кира Кайрата. Вы же знаете, что владения король делил так, чтобы ни у кого не было общих границ. Просто брал и отрезал кусок земли. А там, как удержишь...

Угу, чтоб не объединялись. Здесь живут те, кого уничтожить было нельзя, но и держать рядом опасно. Разбросанные далеко друг от друга владения делали их хозяев легкой добычей горцев. Ограничение в количестве воинов гарнизона тоже не способствовало выживанию. А еще, владетелям было запрещено покидать свои замки, без разрешения сюзерена или Наместника, более чем на трое суток. Именно поэтому в гости к конту съездутся только ближайшие соседи. Король надеялся, что в борьбе за существование опальная знать забудет о заговорах. Храм не был так самоуверен, и поэтому ксены выполняли роль шпионов и соглядатаев. Обо всем, что творится в этих землях, храмовники узнавали из донесений братьев. А вот если братья становились на сторону заговорщиков? Ведь не просто так здесь появился Длань?

Тем временем Рэй продолжал:

— ...Сам маркиз — воин не из последних. В войне с Таргуном он возглавлял наш штаб и выиграл битву при Белой реке, за что король Айро Второй наградил его Золотой кистью. Имел звание полного генерала. В опалу попал после дуэли с герцогом Ширеном, на которой его убил. Говорят, что герцог был внебрачным сыном одного из Приближенных. Одинаково хорошо рубится обеими руками. До сих пор считается лучшим фехтовальщиком фронта. Легендарная личность. Вашего отца терпеть не мог еще со времен жизни в столице. Они даже на дуэли дрались. Зато кирену Ксану боготворил. Последний раз был в Крови на ее погребении. Прибыл с отрядом из десяти воинов. Все ветераны, воевавшие с маркизом еще в ту пору, когда он командовал нашей армией. Как вы и приказали, отряд размещен в поле за стеной.

Это распоряжение было первым, которое отдала Виктория при подготовке к приему. Ни одного чужого воина на территории замка.

— Тур?

— Я о нем мало знаю. Он пגיעжал к нам в кгепость, но я был слишком мал.

С тех пор как Тур перестал стесняться разговаривать в присутствии конта, его речь стала вполне сносной. Просто не давались некоторые звуки. Попробуйте произнести «з» или «р» без кончика языка. Но Виктория уже не обращала внимания на такие мелочи.

Просто мальчик с дефектами речи.

Маркиз оказался сухопарым мужчиной лет шестидесяти одетым во все черное. Подтянутым, седоволосым, с цепким внимательным взглядом и резкими движениями. Он долго всматривался в лицо Алана Валлида, словно пытался найти в нем знакомые черты, а затем разочарованно произнес:

— Вы совершенно не похожи на свою мать, кир Алан. Зато я отчетливо вижу в вас черты вашего отца.

И что это было? Намек? Сейчас проверим.

— Со стороны виднее, кир Генри, — улыбнулся конт, приглашая гостей к столу. — Мне сложно об этом судить.

— Тогда поверьте мне на слово, я неплохо его знал. Надеюсь, мозги вы унаследовали от кирены Ксаны, — без улыбки буркнул маркиз, отправляясь к своему месту.

Слишком прямолинеен. Неудивительно, что с таким характером он оказался здесь. Типичный вояка! Все остальное время маркиз молчал, внимательно прислушиваясь к разговору и изредка отвечая на вопросы, когда к нему кто — либо обращался.

Зато его жена и обе дочери болтали без умолку.

Маркиза и юные кирены лишь слегка уступали Литине в объемах, и Виктория с тоской и нежностью вспомнила Зиру. Иверт еще вчера вечером уехал в сопровождении пятерки воинов встречать Волка и Ведмеда, и она передала с ним для девушки подарок. Серебряный подвес в виде цветка с розовым камнем в сердцевине. Просто так, на память... Все же это был ее первый раз в этом теле, и за этот первый раз ей было немного стыдно. Вот дурная натура! Считать себя женщиной, но при этом желать нравиться всем как мужчина. И смех и грех! Виктория перевела взгляд на дочерей маркиза, одна из которых была потенциальной невестой конт. Которая? В розовом или голубом? А кто его знает? Не интересуется! Девушки были копиями отца, но если крупный нос с горбинкой и тонкие губы придавали мужчине некую аристократичность, то на женских лицах смотрелись, мягко говоря, несимпатично. Зато конту удалось поразить гостей «изысканными манерами и куртуазным обращением». Дамы млели от расточаемых хозяином комплиментов. Дамы собирались ввести такие же правила и у себя в замке. Дамы были в восторге, их поразило все. Сервировка стола, застывшие за каждым стулом официанты в новенькой, с иголочки, униформе — белый верх, темный низ и длинные синие передники — Олика, стоящая у двери и зорко следящая, чтобы никто из гостей ни в чем не нуждался. По ее кивку наливалось вино, подавались блюда, накладывалось горячее.

— Я еще никогда не пробовала таких кушаний! — воскликнула маркиза, когда слуга положил ей на тарелку маленькие канапе, скрепленные тонкими палочками. Кусочки обжаренного хлеба, курицы, сыра и овоща похожего на огурец.

Самым трудоемким было изготовление «шпажек». Их вытачивали из щепок дети. Они же первыми и опробовали новое блюдо, но не оценили. Как сказал один из мальчишек — рабов: «Лучше кусок хлеба и мяса». Зато гостей удивили, вон с каким выражением лиц маркиза и «маркизетки» следят за тем, как Литина, аккуратно взяв «шпажку» за кончик, подносит канапе ко рту. Дамы тот час последовали ее примеру. Маркиз только крикнул и указал слуге на блюдо с мясом.

— Баловство это все, — буркнул он. — Еда настоящих мужчин — это мясо, мясо и мясо!

Виктория про себя хихикала. Гости пытались держаться непринужденно, словно каждый день сживали за таким столом, но по бросаемым на хозяев настороженным взглядам, по неловким движениям, по скованности она видела, что такой завтрак для них внове. Только маркиз не заморачивался такими мелочами и ел, как привык. Что руками, что ножом, напрочь игнорируя вилку. Но когда он попытался вытереть руки о скатерть, а слуга, заметив это, подал ему влажное полотенце, на лице старого воина мелькнуло что — то похожее на смущение. Да уж... и это человек, который был вхож к королю. Что же тогда говорить об остальных? Только сейчас Виктория поняла, что перемудрила с приемом и надо срочно упрощать меню. «Эх, далеки вы Виктория

Викторовна от реалий местной жизни. Оторвались от народа» — сыронизировала она про себя.

— Я покину вас. — Алан отдал слуге скомканное полотенце и, дождавшись, пока ему отодвинут кресло, встал из — за стола. — Дела не будут ждать. Отдыхайте. До вечера. Дарен!

Дар с облегчением вскочил, с грохотом двигая стул. Литина неодобрительно посмотрела на мальчика, но промолчала. У нее на коленях лежал крольчонок, и женщина скармливала ему кусочек какого — то зеленого овоща, периодически бросая на бывшего мужа задумчивые взгляды.

Маркиз решительно встал следом.

— Я не баба, чтобы сидеть за столом по несколько рысок.

Ну, не баба, значит не баба. Только что с тобой делать?

— Дарен, переодеваться — и на полосу препятствий. Тура захвати. Кир Генри, не желает посмотреть на тренировки моих воинов?

— Я сам хотел вас об этом просить. Интересное сооружение видел, когда подъезжали к замку, хотелось бы знать о его предназначении.

— Это «полоса покойника», как окрестил ее мой шут, — усмехнулся конт. — С огромным интересом выслушаю ваше мнение, и, может быть, вы, как более опытный воин, подскажете мне еще что — нибудь.

Тонкая лесть еще никому не вредила. Вон как довольно улыбнулся старый вояка. Хорошо бы поучиться у него, потому что её знания о средневековых армиях начинали и заканчивались на рыцарях крестоносцах.

Они проходили мимо пристройки к храму, в которой расположилась замковая школа, и Виктория услышала громкие крики. Похоже, что брат Взывающий и мастер Семон что — то очень серьезно не поделили. Конт решительно повернул к храму. Маркиз с интересом последовал за ним.

— Нет, это ты заблуждаешься, брат Турид! Солнечный диск не может стоять на месте! Он движется вместе с небом по спирали!

— Ничего подобного, мастер Семон. Наши Учителя давно доказали, что солнечный диск стоит на месте, а вот звезды вертятся вокруг него! Иначе отчего в месяц Белого Паука Волчий хвост находится совсем не там, где он бывает в месяц Огненной Рыбы?

— Великий ученый Аль...

— Вы еще подеритесь, горячие финские парни.

— Что? — оба спорщика повернулись в сторону вошедших.

— Кир Алан, смотрите, — тут же привлёк Семон вновь прибывших в судьи. — Вот я сделал подобие, чтобы показать детям...

На столе стоял примитивный глобус. Глиняный шар покрытый разноцветными узорами. Интересно. Голубое — это море, коричневое — наверное, горы, а зеленое — леса. Всего было три континента. Два больших и один маленький.

— А где мы?

— Вот здесь, — ткнул пальцем в маленький континент ксен. — Остальное зарисовано с древних карт. Но сейчас мы утратили умение строить корабли, которые могли бы путешествовать между землями.

— И о чем спор?

Ксен взял свечу и начал медленно обносить ее вокруг глобуса.

— Вот! Солнечный диск плывет по небесам и освещает каждый день одну сторону, где он светит — становится тепло и светло! Или вот так, — он опустил свечу вниз и начал поднимать ее вокруг глобуса по спирали.

— А вот великий ученый Альде...

— Я думаю, вы оба неправы. Солнце стоит на месте. Держи так, — Алан поднял руку ксена на уровень груди. — А ...кстати, а как называется наш мир? Что — то я забыл...

— Точно так же, как и то, по чему мы ходим, — улыбнулся наставник Дарена.

Местные называли землю — замеля. Так что, выходит, что планета Замеля? Вот и не верь после этого в множественность миров.

— Так вот, Замеля вертится вокруг своей оси. Ось — это если проткнуть шарик вот здесь и здесь через середину. Замеля крутится быстро и от этого наступает день и ночь, — Виктория медленно повернула глобус возле свечи. — Но кроме этого Замеля оборачивается вокруг солнечного диска, и тогда наступает смена циклов. Отворачивается от солнца — выпадает снег, поворачивается к солнцу — становится тепло.

— А лунный диск?

— А луна вращается вокруг Замели.

— Кир Алан, этого не может быть! Наши Учителя...

— А вы постройте образец, проведите, э — э-э, опыты. А потом решите, кто из нас прав. Я ведь тоже не знаю, просто когда болел много об этом размышлял. Но вы ученые, вот и думайте. Как считаете, кир Генри?

— Не может этого быть! — воскликнул мастер Семон.

Ксен задумчиво повернул глобус вокруг свечи. В его глазах вспыхнул интерес.

— Конечно, утверждение спорное, но если конт окажется прав..., — он с азартом потер руки. — Мастер, а если мы сделаем купол с рисунком звезд, а вот сюда посадим маленькую фигурку человека и возьмем свечу ярче...

Виктория с удовольствием бы к ним присоединилась. И дала бы еще несколько подсказок. О цикличности приливов и отливов, о влиянии фаз луны... Но не сейчас.

Маркиз безразлично махнул рукой, увлекая конта на улицу, ему это было неинтересно.

Зато полоса препятствий произвела на бывшего генерала впечатление. А еще большее впечатление на него произвели похабные песенки Оськи, под которые воины проходили «полосу покойника». Шут сидел на заборчике и проникновенно горлопанил об очередных приключениях шамана. В этот раз того отчего — то занесло в лес с таинственными духами нетрадиционной ориентации. Воины, прошедшие полосу сидели вокруг Оськи и ржали при каждом новом куплете. Шут довольно шурился и раскланивался. Соскучился по вниманию. Все эти дни он провозился с Кусь, почти не выходя на улицу, и теперь наверстывал упущенное, давая бесплатный концерт.

— Встать! Конт на площадке! — заорал Рэй.

Бойцы моментально выстроились в шеренгу, Оська тоже пристроился с краю и, задрав нос вверх, изо всех сил тарачил на конта глазища, изображая рвение и усердие. Шут. Что с него взять.

— Сколько у вас воинов? — спросил маркиз.

Виктория на мгновение задумалась. Сказать правду или соврать? Кто знает, что у этого мужчины на уме. Но что — то ей подсказывало, что с маркизом можно дружить. Может быть, пресловутая женская интуиция? Она подозвала Рэя. Воины продолжили тренировку под командованием Серого, а они вернулись в Кровь.

— Сорок шесть ветеранов и почти тридцать молодых, — сообщил капитан маркизу, когда

конт повторил вопрос. — Кир Алан их называет «салаги».

— Нарушаете королевский эдикт, — задумчиво произнес Раман.

— Нет. В эдикте сказано «не более пятидесяти человек». Человек, маркиз. Салаги — это в основном рабы. А по «Уложению об имуществе дворянина» рабы — это не люди. Это вещь, — кротко улыбнулся Алан.

Не зря Виктория сидела с Семоном над книгами привезенными из Рогана.

Маркиз понимающе кивнул головой.

— Как просто, но никто до этого не додумался. Я рад, что мозги вам достались от кирены Ксаны, а не от вашего добренького отца.

— Кир Сани не был добреньким, — заметил Алан.

— Не притворяйтесь глупее, чем вы есть на самом деле, — нетерпеливо махнул рукой кир Генри. — Я говорю о вашем настоящем отце, а не об этом...

Виктория старательно запомнила новые для нее слова. Надо потом у Рэя расспросить, что они означают, но, судя по восторгу в глазах великана, что — то очень интересное.

— Значит, к холодам вы сможете выставить восемьдесят человек?

— Больше ста. В моем замке Рогана тоже тренируется больше тридцати воинов, и мой человек обещал довести их число до пятидесяти. Только, боюсь, к холодам мы не успеем. Но через цикл я планирую иметь двести бойцов.

Маркиз глянул на собеседника с уважением.

— А вы знаете, кир Алан, что ваш замок уязвим? Я бы напал со стороны вон той скалы, — он ткнул пальцем в Красную скалу.

— Позвольте, я вам кое — что покажу, — вкрадчиво предложил Алан, предвкушая реакцию маркиза на местный аналог канатной дороги.

— Вы заключили договор о военном союзе с двумя племенами горцев? А что послужит гарантом?

Они сидели на скале, на камне конта, и любовались видом долины. Виктория просчитала все верно, маркиз не смог удержаться от соблазна испытать спуск на скалу собственноручно.

Совсем недавно на этом самом месте едва не оборвалась жизнь новоявленного конта. Именно здесь они сошлись с Алвисом в первом поединке на ножах, и здесь он спас ей жизни. Отсюда рухнул камень на голову незадачливой попаданки, и до сих пор она не знает, кто его сбросил. Барон Линь? Но зачем? Интересно, где Длань сейчас? Какие коварные планы вынашивает? Виктории его не хватало, иногда она ловила себя на мысли, что без Алвиса жизнь стала похожа на обезжиренный йогурт. Искоряющий заставлял ее держать себя в тонусе.

— В обычаях горцев закреплять такие союзы браками. Вам не предлагали?

— Еще как предлагали, — усмехнулся Алан, вспоминая поездку в гости. — Но я только что развелся, и женитьба в мои планы не входит.

— Я так и понял, поэтому даже не буду предлагать свою дочь в качестве контессы Валлид. Хотя породниться с королем было бы очень заманчиво.

— Я пока еще не король и не собираюсь им становиться.

— Вам придется это сделать, чтобы спасти страну, — вздохнул маркиз. — Какой красивый вид. Никогда не обращали внимания, что небо здесь находится очень близко? Кажется, протяни руку — и дотронешься до облаков. Я поддерживаю связь со столицей и знаю, что недовольство правлением регента нарастает. Все чаще звучат слова о смене династии. Мол, раз корона Королей пропала вместе с последним королем, значит такова

воля богов. Это знак нам свыше, что род Айро должен уйти, а на трон может претендовать тот, кто достоин. И каждый древний род считает достойным только своих представителей. Но даже не это опасно. В народе появился слухок о сыне последнего короля. Говорят, что Айро Второго убили храмовники, а его сына спасла кормилица и спрятала в лесах среди друидов. И что ребенок вырос, собирает войско и скоро придет за своим тронном. И принесет корону Королей. По ней его и узнают. Люди образованные, конечно, в это не верят, хотя многие из тех, кто знал короля лично, допускают, что после него мог остаться бастард. Подозрительно то, что Наместник хранит молчание. Не опровергая и не подтверждая эти слухи. Некоторые партии сейчас усиленно ищут наследника. Сами понимаете, тот, кто найдет его первым, получит преимущества перед другими родами. Но знаете, что самое интересное? Похоже, что слухи исходят из Храма. Мы считаем, что Наместник теряет влияние.

— Мы?

— Я и мои друзья. Мы тоже ищем истинного наследника. Я знал вашу мать, знал и уважал ее. Их роман с королем происходил на виду у всего двора, и ее быстрое исчезновение после смерти Его Величества навело меня на некоторые мысли и выводы. Как оказалось, правильные. Вы очень похожи на отца, кир Алан. Я помню Айро в вашем возрасте. Одно лицо. А если у вас имеется родинка в виде звезды... — маркиз выжидательно замолчал.

— Имеется, — буркнул конт и, стянув сапог, задрал вверх штанину.

Была не была! Ей нужен кто — то опытный, кто — то, знающий политический расклад, тот, кто сможет научить и объяснить. Так почему бы этим человеком не стать маркизу Генри Раман?

— Я нашел вас, сир, — маркиз легко опустился на одно колено. — Примите ли вы мои клятвы?

— А это обязательно? — с тоской протянул Алан.

— Обязательно, Ваше Величество.

— Я еще не король, — недовольно произнес конт, натягивая сапог.

— Вы им станете, — твердо заявил Генри. — А мы поможем вам вернуть трон.

— А что вы хотите взамен?

Виктория прекрасно знала, что никто никогда не станет рисковать жизнью просто так.

— Процветания королевства.

— И?

— Я воин, а не дипломат, кир Алан, — маркиз был серьезен. — Я хочу вернуть свое честное имя. А посты, должности и прочее меня не интересуют.

— А ваших друзей? — никак не успокаивался Алан.

— Вы сами спросите их, когда придет время. Я приношу вам клятву только от своего имени.

— Хорошо, маркиз, но только заодно поклянитесь, что пока вы сохраните свою находку в тайне ото всех. Даже от своих единомышленников. Я должен знать, какие счета мне предъявят за помощь.

— Умен и осторожен. Прекрасные качества для правителя.

У! Взвыла про себя Виктория. Да они что, сговорились? Именно здесь, на этом камне, когда — то ей привиделся глюк в виде Вадия, который тоже намекал на корону. Может быть, это камень выдает эманации, заражающие легкой степенью безумства?

Но клятву маркиза она все же приняла, философски рассудив, что от судьбы не уйдешь и лучше встретить ее пакости во всеоружии в компании если не друзей, то хотя бы

сочувствующих.

А на следующий день разверзся ад. Все началось с того, что гости отчего — то решили приехать одновременно. Утром. Рано. Хотя прием был назначен на вечер.

Виктория проснулась с головной болью. До позднего вечера она слушала воспоминания маркиза и Рэя об их военном прошлом, изрядно сдобренные вином, поэтому не выпалась и была не в духе. Досталось всем. Берту за то, что принес не ту одежду; Кусь за то, что прыгает на кровать, когда конт еще спит; Светике за пятно на простыне; Рэю за громкий голос, а Туру за тихий. Дежуривший у двери воин получил два наряда на стене за плохо начищенный шлем, который еще и лежал на полу, а не красовался на голове мужчины. Остальные, услышав рычащий голос хозяина, успели спрятаться.

Крики, ржание лошадей, вой тау, ругань, драки между воинами различных отрядов за палатки, которые им поставили за стенами Крови, многочисленные барышни с требованиями: мыльни, рабов, швей, прачек... Не удивительно, что на кухню конт явился злой как черт и громким голосом потребовал, чтобы ему срочно дали чего — нибудь от головной боли иначе он за себя не отвечает. Райка моментально водрузила перед мрачным господином кружку с вином и кружку с рассолом. А ее помощницы уже наливали горячий бульон, нарезали мясо, выставляли любимые контовские пироги с ягодой, сыры, колбасы. Как гимн обжорству в центр стола легла запеченная курица. Алан окинул хмурым взглядом это изобилие и потянулся к кружке с вином, но передумал и жадно присосался к рассолу.

— Чтоб я еще когда — нибудь сел пить с этими вояками...

Райка пододвинула ему тарелку с бульоном.

— Сейчас Берт принесет от друиды травок, заварим и вам полегчает. А этому паразиту Рэю я еще всыплю! Чтоб думал, с кем пьет! В него ведро вина влей, все нипочем будет, а вы у нас не такой.

Конт ничего не ответил, не потому что сказать было нечего, а потому что рот был занят. Пирожки у Райки были восхитительны. Недаром Оська прописался на кухне. Но спокойно посидеть ему не дали. Прибежал мальчишка — раб — топить или не топить баню? Затем на кухню заскочила Светика, которую Нанни отправила узнать, можно ли занять комнату рядом с его спальней для юных баронесс Ви — кто — то-там, а то девушки настаивают на соседстве с контом, мол, одна из них назначена ему в невесты. Когда Светика об этом говорила, лицо ее пылало праведным гневом. На их конт претендуют «какие — то баронесски»! Ревнует, что ли? Затем прибежал Тур со списком прибывших, пару раз в кухню заглядывал Рэй с требованием поторопиться и надеть наконец — то меч, но был послан далеко и надолго. Вереница людей не заканчивалась, словно без конт ни один вопрос решиться не мог. Но раньше ведь справлялись!

...Можно ли лошадей оставить в поле? Нужно?

...Куда складывать подарки? А живые?

...А там прибыла звезда горцев, так их за стенами оставить или пустить? Нет, они без вождей. Разведчики и охрана. Ага, значит за стенами. Чего к конту пришел, а не к Рэю? Так капитан с баронами в оружейную пошли. Что передать? Яйца отрежете? Ага!

...Господин! Господин! Мы построили образец Замели и звездного неба! Это потрясет основы! Брат Турид уже пишет в Орден о нашем открытии. Вас не упоминать? Но... Хорошо, как прикажете. Конечно, это заслуга только брата Взывающего...

...Кир Алан, я приказала подать перекус в комнаты через рыску...

...Кирена Литина просила передать, чтобы вы не волновались. Заботу о женщинах она возьмет на себя. Но что делать с баронами? Куда послать? А это где? Вы сами покажете?

...Кир Алан, на скалу отправлен полный десяток. Остальных поставили на стены и ворота, как вы и приказали. Чужим воинам вино выдать? Покрепче и похуже? Райка знает?

И — как апофеоз — счастливый голос Оськи:

— А там белый тау маркиза на Кусь залез! Без разрешения, между прочим! Я хотел его хворостинной, так он еще и рычит! Если родится белый щеночек, можно я его себе возьму?

Среди всего этого дурдома спокойное улыбающееся лицо барона Линя казалось почти что родным. В итоге, плюнув на все и оставив Рэя и Нанни разбираться с гостями, конт, прихватив маркиза, Линя и еще двоих прибывших в гости баронов устроился под сенью большого дерева, росшего у донжона. Компанию им составили бочонок красного вина и пирожки. Ну что поделать, любит конт Валлид сладкое! Постепенно к ним присоединились и остальные гости мужского рода. Всего прибыло восемь семейств. Пока дамы прихорашивались, мужчины в ожидании бани вели ленивые разговоры об охоте, видах на урожай, ценах на лошадей и молоденьких рабынь, хвастали новыми приобретениями, договаривались о купле — продаже и, конечно, трепались о женщинах, а еще отцы «девиц на выданье» наперебой расхваливали холостому конту своих дочерей. Ничего нового. Короче, развлекались, как могли, пока вино не закончилось. К тому времени протопили баню, и развеселая мужская компания плавно переместилась в мыльню, где и продолжила пьянку.

Виктория с трудом пришла в себя. Это же надо так набраться. Никогда больше! Никогда! Чтобы от вина было так плохо, это сколько же его надо выпить? Голова, бедная голова. И тело болит, словно по нему прошло стадо слонов. Руки поднять невозможно. Состояние, такое как было, когда она впервые очнулась в этом теле. Даже глаза не может открыть. Дежавю. И в памяти провалы. Какой сегодня день? Что она помнит? Прошедшие дни слились в сплошной цветной калейдоскоп из которого память выхватывала только яркие эпизоды...

... — Кир Генри маркиз Раман с семьей!

— Кир Кайрат барон Линь!

— Кирена Восиля вдова конта Морколава с дочерью!

Лица, запахи, кокетливые взгляды, томные вздохи, восторженные возгласы, комплименты, хохот, сальные шуточки и среди расфуфыренных дам — стройная зеленоглазая Зира в закрытом темно — сером платье. На груди, на тонкой нити жемчуга, мерцает кулон, подаренный контом. Старх весело скалится, махая рукой. Рядом с Гихардом Ведмедем стоит симпатичная девушка — его младшая дочь. Как успел шепнуть Иверт, дочерей привезли в надежде, что конт оставит их в качестве жен, чтобы скрепить союз. Нет уж! Дудки! Алан Валлид не отходил от своей бывшей жены, оказывая ей всяческие знаки внимания, и спать они ушли вместе. Особо любопытные могли видеть, как за контом и Литиной захлопнулась дверь ее опочивальни. Спал конт, правда, на полу у раскрытого окна, в обнимку с довольной Кусь, но ведь никто этого не видел! Хорошо, что ксен, увлеченный новым открытием, появился лишь для представления гостям виконта Дарена Валлид.

...Немного испуганный Дар в белоснежной рубашке, узких черных брюках с серыми лампасами и изящным кинжалом на поясе целует золотой герб Валлид и громко произносит присягу на верность роду, после чего брат Взывающий объявляет его виконтом Валлид, старшим наследником рода, и вручает бумаги, подтверждающие его титул. Играет бодрая мелодия, мало похожая на торжественный гимн, но вполне уместная для этого момента. Музыкантов Виктория приказала спрятать за ширмой и теперь с удовольствием смотрела на восторженных гостей. Похоже, что после этого приема конт прослышет эксцентричным господином.

...Восхищенные и удивленные взгляды, когда в зал начали вносить блюда, украшенные вырезанными из овощей фигурками. Виктория потратила полдня, обучая молодиц с кухни этой незатейливой премудрости, а кузнец потратил не один час на изготовления специальных приспособлений. Улыбающееся лицо Рэя, когда перед ним поставили блюдо, на котором лежал морковный воин в каске из половинки яйца и с помидорным щитом. Виктория сама вырезала эту фигурку в подарок своему няньке.

...Чинное и неспешное начало застолья сменилось шумом и гамом и вот уже конт приглашает Литину танцевать. Судя по лицам гостей, танцевать здесь не принято. Литина в бирюзовом платье на удивление легко двигается. Это конт заметил еще на репетиции. Она прекрасно чувствует музыку и получает от простых движений истинное

удовольствие. Три шага в одну сторону, три в другую, поворот. Главное, попасть в такт музыки. Очень незатейливо, но даже такой танец необычен для местных. Первыми к ним присоединяются Иверт и Зира. И Виктория чувствует укол ревности. При этом ей трудно понять, кого из них она ревнует. Очень странное чувство.

...Случайная встреча. Громкий шепот Кайрата, прижавшего Олику возле окна.

— Ты же знаешь, что я вдовец. Если сделаешь это для меня, возьму к себе в замок. Зачем тебе Алан, я ведь лучше. Пошли мне весточку...

Он запускает руку ей под подол, и Виктория незаметно уходит назад, чтобы не подсматривать. Олика тихо смеется, а значит все в порядке. Главное — не забыть приставить к ней слежку.

...Тур в изысканном костюме и смущенный Дар стоят у камина, а рядом с ним топчутся несколько девочек примерно их возраста и мальчик лет пяти. Они оживленно о чем — то болтают, игнорируя взрослых, снующих по залу. К ногам Дарена жметесь рыжий щен. Кто пустил в зал Акелу? О, одна из девочек уж очень настойчиво тащит куда — то Тура. Парня могут увести...

— Тур, у меня есть дочь. После приема я собираюсь съездить за нею. Если ее мать не будет возражать, я заберу девочку в замок. Ей сейчас около десяти лет. Нанни настоятельно советует мне обручить вас. Как ты на это смотришь? Думаешь, я пьян? Ладно, сначала на нее посмотрим. Запланируй поездку.

...Приезд Найка, а вместе с ним в Кровь прибыл Ольт. Серьезный, подтянутый, сдержанный. И только в глазах все те же веселые чертики. Он официально, по форме, подал прошение о зачислении его в отряд воинов и потом, потупив взгляд, попросил разрешения вернуться в Кровь. Алан Валлид такое разрешение дал. После сезона холодов. Мальчишка робко спросил, можно ли ему поздравить кира Дарена с вступлением в род? Виктория издала следила, как он подошел к сыну и, низко поклонившись, что — то сказал. Как на лице Дара промелькнула целая гамма чувств, от недоверия до радости. Он ответил, теребя ножны с кинжалом, Ольт опустил голову. Но спустя несколько минут мальчишки уже что — то азартно друг другу рассказывали.

...Гости разъехались. Остались лишь горцы и маркиз. Сложные переговоры о союзе. Условия, гарантии, обязательства. Сообщение Ведмеда, что из замка барона Линь ушли наемники, осталась только дружина. Значит, пока ждать нападения не стоит. И упорное желание вождей игушей всучить конту хоть одну из девушек. Не хочет конт для себя, так, быть может, для сына присмотрим? Виктория применила все свои умения и дипломатию, чтобы отговориться от такой чести. Иверт остается с Крови как залог их дружбы. Этого достаточно. Зеленые насмешливые глаза и легкий поклон в знак согласия. Тепло, разливающиеся в груди, и горечь от осознания, что никогда эти глаза не будут смотреть на нее с любовью. Зира, сидящая в седле как амазонка, ее нежный, едва коснувшийся щеки поцелуй. За эти дни они не сказали друг другу ни слова. Ком сожаления в груди, что конт не может ответить ей взаимностью. А рядом стоит Иверт, и Виктория чувствует его всей кожей...

Поездка в Рубежи за дочкой.

Стоп! Они отправились втроем. Конт с сыном и Тур, в сопровождении пятерки охраны. Но до вески не доехали...

Падает едущий впереди воин, стрела попала ему в лицо, вторая в грудь. И кожаный доспех не помог. Виктория приказывает одному из охранников уводить мальчишек и сама разворачивает Угля в сторону замка, и все... больше ничего не помнит.

Твою ...! Где же она? Что с мальчиками?

Раздался звук открываемой двери, и на конта полилась ледяная вода. Да так и утопить можно!

— Зачем вы его так сильно избили? — Недовольный незнакомый голос.

Так вот почему болит тело и голова. Это не последствия пьянки, это последствия обработки ногами. Она вспомнила, как старательно закрывала голову руками, подтянув

колени к локтям. Судя по ощущениям, кости целы. Но отчего невозможно поднять руки? Привязаны?

— Этот... дрался, словно в него дух Вадия вошел. Двоих наших голыми руками убил. Вот парни и осерчали, — ответил второй мужчина.

Что — то в его речи было неправильным. Акцент? И что он такое говорит? Она убила двоих? Голыми руками? А пусть не лезут! Не помнит. Ничего не помнит.

— Вы упустили мальчишек и одного из воинов конта, — первый голос сочился ядом.

Спасибо, говнюк, за прекрасные новости!

— Мы морские люди, а не земляные черви, — огрызнулся второй. — Надо было посылать людов барона.

— Я им не доверяю. Развяжите его. Кир Алан вы меня слышите?

Слышит, слышит. Вот только не видит. Кто — то ухватил конта за плечи и дернул вперед, помогая сесть. Виктория зашипела от боли. Мужские руки сорвали с глаз повязку. Ксен. Судя по хламиде — Искореняющий. Какие прекрасные перспективы вырисовываются. А вот второй очень интересная личность. И где — то она его видела. Вот только где... И тут Виктория вспомнила, где она видела это лицо. В зеркале! Напротив конта стоял, облокотившись о стену, Алан Валлид собственной персоной. Виктория с интересом присмотрелась. Нет, не двойник. Хотя сходство, несомненно, имеется. Но ростом ниже и в плечах уже, да и ноги кривые. Глаза светло — серые, а у нее почти черные.

И лицо слишком простецкое, нет в нем утонченного аристократизма, присущего Алану Валлид. Но для тех, кто никогда не видел настоящего бастарда короля — вполне, вполне. Так, судя по антуражу, это пыточная, а значит будут задавать сложные вопросы. Забыть, что она Виктория! Он — Алан!

— Так это сын Айро, которого прятали в лесах у друидов? Волосы крашенные, сразу заметно, — произнес конт, растирая руки. Впрочем, это ей заметно, а для мужчин может быть и нет.

— Вы хорошо осведомлены, — в голосе ксена звучало разочарование. — Но раз вы так хорошо все знаете, то, может быть, сообщите, где находится корона Королей?

Виктория обвела взглядом камеру. Типичная пыточная. Победнее чем та, что имеется в её замке. Но ей и этого хватит. В жаровне тлели угли, а на них лежал железный прут. Рядом на столике разложены инструменты, не вызывающие в душе ничего, кроме неприятного трепета. В потолок вбит крюк. Сидел конт на длинном столе с фиксаторами для рук и ног. «Здесь меня и похоронят, — с тоской подумала Виктория. — Знала бы, где эта чертовя корона, сказала бы».

— Если бы я знал, уже устроил бы торги и продал ее тому, кто даст больше, — искренне ответил конт.

— Тогда у нас есть к вам другое предложение, — вкрадчиво начал ксен.

— Излагай.

— Как ты разговариваешь с Приближенным?

Мир взорвался сотней кровавых осколков. Голова от удара откинулась назад, шея подозрительно хрустнула, прежде чем затылок впечатался в твердую столешницу. Хана глазу, была последняя мысль, прежде чем сознание уплыло в неизвестном направлении.

Повторное пробуждение было неприятным. Глаз не открывался, голова болела, а тело словно через центрифугу пропустили.

— Вы рискуете с двойником.

Этот голос конт узнал. Дорогой друг Кайрат. Значит она в замке Линь, в плену у барона. Выходит, что горцы ошиблись и наемники не ушли далеко. Или Ведмедь играет на два

фронта.

«Но так глупо подставиться! Сдалась тебе эта дочка! Ведь знала что ситуация сложная, что бастарда ищут и ищут корону. Нужно было окопаться и сидеть за стенами Крови, продолжая наращивать силы и заниматься реорганизацией своей маленькой армии, а не шлаться по округе с горсткой людей. Сама ведь поступила бы точно так же. Перестреляла всех из засады. А о детях ты подумала? Алан нужен, его бы не тронули, а Дарен, Тур? Виктория, тебе не кажется, что ты отупела в этом мире? Неужели мозги реципиента берут вверх? Где твой расчет, логика, осторожность, выдержка? Где хваленая интуиция? Ты совершенно не похожа на себя прежнюю. Если выберусь из этой заварушки, обещаю измениться!».

— Он слишком неуравновешен, — продолжил разговор Кайрат.

— Зато он управляет. И нам стоило больших денег найти человека с такими данными.

Ксен. Неужели и правда Приближенный? Плохо, очень плохо.

— Управляем, пока не найдет способ раздобыть сойхо здесь.

— Эту смесь готовят только на островах, а за ее распространение у нас в королевстве отправляют в рудники. Так что не волнуйся, он будет на поводке до тех пор, пока у нас будет эта гадость.

О, так «братишка» еще и наркоман. Неудивительно, что он такой бешеный. И зачем он им такой нужен?

— А без него никак? — спросил Кайрат, словно прочел мысли конта.

— Ты же знаешь, у него есть родимое пятно такой формы, как нам нужно. Если не найдем корону, это послужит доказательством. Буди своего друга.

— Вы меня решили утопить? — отфыркиваясь, просипел конт. — Добрый день, друг мой Кайрат. Хочу тебе сразу сказать, я тебя убью. Так что пиши завещание.

Барон, в отличие от моряка, оказался более сдержанным. Он только угрюмо глянул на жаровню.

— Кир Алан, не хотите ли стать королем? — продолжил прерванный обмороком разговор ксен.

— Зачем? — последовал неожиданный ответ.

— Что значит, зачем?

— Зачем мне становиться королем? Я прекрасно себя чувствую без короны.

— Ради спасения королевства! — последовал пафосный ответ.

Виктория с восторгом слушала ксена. Оказывается, и Наместник, и оба Приближенных спят и видят, как бы убить дикого, но симпатичного бастарда, а на трон посадить династию из захудалого соседнего королевства, хотя в их родной стране есть достойные люди. В стране процветает махровым цветом все, что может им процветать. Начиная от лживого Храма, обворовывающего своих прихожан, и заканчивая соседями, которые с попустительства Наместника растаскивают страну на кусочки. И вот группа товарищей, возглавляемая будущим Приближенным или, может быть, даже Наместником, озабочена сохранением целостности и процветания родного королевства. А если конт волнуется, что ему придется править, то зря! Править он не будет! Он будет символом, путеводной звездой, памятником самому себе, а править будет группа товарищей. Конечно, речь ксена звучала более завуалировано, но Виктория поняла ее именно так.

— А деньги? — перебил конт Искореняющего. — Перевороты всегда стоили очень дорого. Откуда деньги?

— Пусть вас это не волнует, — попробовал ухмыльнуться от вопроса ксен. — Есть люди, которых заботит будущее страны!

— Мне было бы легче принимать решение, если бы я знал их имена.

Ксен на мгновение задумался, но потом, видно, решил, что выйдет отсюда конт их марионеткой, либо его вынесут трупом.

— Герцог Вас' Хантер. Его род идет от древних королей, он тоже имеет права на трон. Но герцог великодушен, его устроит, если править будут его внуки. Вы женитесь на дочери герцога. Красивая молодая кирена пятнадцати лет.

У конта зло сощурился единственный глаз. Все распланировали, гады! Кайрату — деньги и амнистию для его рода, этому хлыщу — Храм, герцогу — плащ серого кардинала, а королю — малолетку.

— Герцог мертв.

— Мертв его брат — самозванец, а истинный герцог озабочен процветанием соседнего государства...

Виктория его уже не слушала. Никогда она не станет сотрудничать с тем, кто обрек Тура на такую участь. Как все банально! Столько шума из — за трона? Зачем он им? Зачем им власть? Ответственность? Заботы?

— Он не согласится, — раздался голос Кайрата. — Он знает, где корона, и сам хочет сесть на трон. Попытки вам тоже не помогут. Он не боится боли. Когда — то мы напились и спустились в пыточную поиграть с одной дерзкой рабыней. Так вот, он взялся голой рукой за раскаленный прут и при этом хохотал. А потом попросил меня избить его деревянной палкой. Сказал, что хочет попробовать, что ощущают люди подвешенные на крюке. Его это только возбудило...

— И я тебя использовал? А ты и не сопротивлялся? — не удержался Алан, не думая о последствиях.

В этот раз она успела увидеть, как прут летит прямо в лицо, и подставила руки. Запястья обожгло. Черт! Как же больно!

— Барон! Неужели вы не видите, что он вас провоцирует?

— Тварь! — прошипел Кайрат, бросая прут на угли.

«Неужели угадала? Да нет! Этого не может быть! У реципиента никогда не было таких мыслей! А если были? Ужас! Надеюсь, барон умрет раньше, чем успеет об этом рассказать».

— Каков ваш ответ, кир Алан?

— Да пошел ты, — ответил конт по — русски.

— Где корона? Мы точно знаем, что ваша кормилица вынесла её из королевской резиденции за день до смерти короля.

— Не в курсе.

Виктория перешла на русский язык, на случай, если вдруг не сможет молчать. Если не случится чуда, то она здесь и умрет. Как — то легко душа приняла эту новость. Не было страха. Смерть — это всего лишь переход из одного состояния в другое.

— Он не скажет, — повторил Кайрат. — Я знаю того, кто сможет нам помочь. Он захочет денег, но он сумеет заставить Алана делать то, что вам надо. Или заставит его говорить.

— Кто это?

— Брат Катес.

— Он здесь, на фронтире? Найди его. Мы не знакомы, но я слышал о нем, как о специалисте и истинном борце с анчутами. Говорят, Длань тоже здесь?

— Никогда не встречал. А вот с братом Катесом работать уже приходилось. Да и Алана

он знает.

— Найди его, — повторил ксен.

— А что делать с этим?

— Отдай его «братику». Из — за него я лишил нашего друга утренней дозы, и он теперь зол, как стая диких тау. Только предварительно свяжи конта и предупреди Айро Третьего, чтобы не убивал нашего гостя.

В этот раз конта били двое, били ногами, обутыми в сапоги с железными накладками, а когда мужчина потерял сознание, его просто заперли в камере. Без воды, без еды, и даже не проверив, жив он или нет.

Через двое суток дверь открылась, и в нее вошли ксены в сопровождении двух амбалов. Один из братьев был старый знакомец, а вот второго Алан рассмотреть не смог. Много ли увидишь, лежа на полу в позе зародыша, да еще одним глазом. Тело превратилось в один большой синяк. Язык распух от жажды, а одежда пропиталась кровью и мочой. Сознание то уходило, то возвращалось, и каждый раз, проваливаясь в небытие, Виктория мечтала не вернуться. Апатия захлестнула мозг. Она была готова умереть и смирилась со смертью.

— Разденьте его и положите на стол, — раздался тихий знакомый голос. — И напоите.

Твою ...! Вот теперь Виктории стало по — настоящему страшно.

— Брат Катес, может быть привязать узника?

— Не стоит, брат.

Алан жадно пил воду, обливаясь, давясь. Он боялся, что у него отберут ковшик с протухшей, но такой желанной водой, поэтому едва не захлебывался, спеша напиться.

Амбалы кинули его на стол и замерли у двери. Ксен склонился над лежащим мужчиной. Из — под капюшона раздался голос:

— Кир Алан, мне жаль, но ваш «брат» умер. Сегодня. Так обидно. Стоило мне приехать, чтобы помочь ему занять трон, как он решил свести счеты с жизнью и повесился в своей комнате. Говорят, у него была больная психика. Такая трагедия для страны. Теперь у нас надежда только на ваше послушание и сотрудничество. Вы ничего не хотите мне сказать?

— Я узнал тебя. Да пошел ты, урод!

— Надеюсь, через несколько дней вы передумаете.

В чувственных пальцах ксена мелькнула тонкая длинная игла.

Никогда еще Виктория так не кричала. Ни в этом теле, ни в том. Схватки, роды, зубная боль, почечные колики — все это казалось мелочью по сравнению с раздирающий тело непрекращающейся болью. Каждая клетка тела кричала вместе с нею, каждый капилляр готов был взорваться изнутри. Казалось, кожа плавилась, обжигая мышцы, хотелось сорвать её и выдрать из себя эту боль. Но она не могла поднять руку, не могла шевельнуть пальцами, могла лишь кричать, захлебываясь кашлем и слезами.

— Вы не передумали? — почти нежно спросил брат Катес, складывая иголки в деревянную резную коробочку.

— Д-да по — ш-шел т-ты, — выстучали зубы.

— Как скажите, кир Алан. Я приду завтра.

С этими словами он вышел из камеры.

— Подвесить его до завтра, — распорядился будущий Приближенный, выходя следом.

Амбалы не церемонясь связали дрожащему конту руки и, перекинув веревку через крюк,

вбитый в потолок, натянули ее так, что Алану приходилось вытягиваться вверх, чтобы не вырвать руки из плечевых суставов.

Катес не обманул. Он приходил ежедневно в одно и то же время. Виктория научилась распознавать его мягкие шаги, его манеру открывать дверь. Она с ужасом и нетерпением ждала прихода брата Катеса. Ужас охватывал тело от мыслей о предстоящей боли, а нетерпение было вызвано мучительной жаждой. Только перед пытками конту давали воду. В минуты, когда разум возвращался, Виктория сравнивала себя с собакой Павлова. Если она задержится здесь надолго, она будет хотеть этой боли. Потому что знает, что без нее не сможет утолить жажду.

А когда не было Катеса с его иголками, приходил Кайрат. Он не позволял конту спать, используя раскаленный прут, вместо будильника.

— Висим?

Из темного угла вышел босой мужчина в синих джинсах и белой майке — алкоголичке. Виктория приподняла голову. Господи, как же больно.

— Почему ты всегда приходишь, когда я плохо соображаю?

— Я прихожу, когда тебе грозит смертельная опасность, — улыбнулся незнакомец, непринужденно запрыгивая на пыточный стол. — Я ведь просил тебя, Алан, будь осторожен. Озаботься своей безопасностью. Но тебе просто не терпится вернуться в наш мертвый мир.

— Кто ты? Дьявол?

— Вы люди любите все упрощать. Ангелы и Демоны. Бог и Дьявол, Добро и Зло... В прошлый раз мы решили, что я Вадий. Можешь меня так и дальше называть.

— Зачем ты здесь?

— Если оперировать вашими примитивными знаниями, чтобы подхватить душу, зачем же еще? Понимаешь, учет должен быть во всем. Одна душа покинула тело, одна душа пришла в хранилище.

— Значит, я умираю?

— Умрешь, если не согласишься на сотрудничество с заговорщиками. А ты не согласишься. Через сутки тебя сожгут на костре как анчуту. Ты уже давно раздражаешь Орден Искореняющих, если бы не заступничество Длани, тебя бы судили и уничтожили еще в тот день, когда ты вышел из спальни. Орден не устраивает такой конт — умный, сдержанный, умеющий идти на компромиссы. Конт, сумевший договориться с горцами, которого интересуется дипломатия, мироустройство и совершенно не интересуют охота, пьянки, женщины...

— Не знаешь, по чьей вине меня не интересуют женщины? — попытался сыронизировать Алан, но получилось тихо и невыразительно.

— Ну прости, — весело покаялся Вадий. — Не думал, что для тебя это будет так сложно. Так вот, такой конт может докопаться до истины и потребовать то, что принадлежит ему по праву крови. А не все в Храме желают терять влияние. Они еще не знают, что ты знаешь, — скаламбурил гость.

— Но Наместник...

— Наместник понимает, что сильный король на троне — процветание государства. Он стареет и хочет оставить страну в надежных руках. В руках сильного мужчины, — хихикнул Вадий. — Знал бы он, что наследник и не наследник, а наследница, — было видно, что этот факт очень веселит странного гостя. — Он специально отправил в Кровь Алвиса, чтобы тот присмотрелся к бастарду. Нет, он пока не планирует уходить на покой. О, этот старикан все просчитал! Женитьба Алана на принцессе небольшого королевства, рождение сына. И пока сир будет прохладиться на охотах и в чужих постелях, Наместник воспитает такого правителя, как ему надо. Затем с Аланом произойдет несчастный случай, как произошел с твоим отцом, и на троне окажется

воспитанник храма. Наместник не дурак, он создал сильную преданную команду, и даже если он уйдет, королю сложно будет все испортить. Однако, он не предполагал, что найдутся храмовники возжелавшие занять его место. Кто же знал, что конт Валлид так резко изменится? Да еще так бездарно подставится и умрет в ближайшие сутки?

— Поправь меня, если я неправ. Наместник и заговорщики уготовили для бастарда одинаковую судьбу, только с разными женами? И цели они преследуют одинаковые, с той лишь разницей, что стоять за троном будут разные люди?

— Ты прав. Никто не отличается оригинальностью, — развел руки Вадий.

— Что будет с остальными?

— На трон попытаются возвести твоего двойника. Отыщется еще один. Корону так и не найдут, и по стране поползут слухи о подмене. Кто — то их будет усердно распускать. В Храме раскол. Грядет гражданская война. Здесь, на фронтире, горцы воспользуются смутой и вырежут почти все поселения. Клан Гривастого Волка встанет на защиту Крови и погибнет вместе с твоими людьми. Трупы Рэя и Волка будут сожжены на одном костре. «Кровь» залиют кровью. Выживших продадут в рабство, а твоего сына подарят в гарем. Тура вернут его дяде за некоторые преференции в торговле. Он будет очень рад и посадит мальчишку на цепь в клетке на центральной площади. В назидании другим бунтовщикам. Юный герцог умрет от голода. Алвис погибнет, защищая Наместника. Его просто задавят количеством.

— Иверт? — прохрипел Алан, ощущая горький ком под ложечкой

— Горцы очень изобретательны, и смерть твоего возлюбленного будет страшной. Но тебе уже будет все равно. Душа ничего не помнит о прошлых жизнях.

Виктория смотрела на Вадия через узкую щель заплывшего глаза. Второй глаз то ли вытек, то ли был залит засохшей кровью, но раскрыть его она не могла. Она верила черноглазому незнакомцу. Он не лгал. Так все и будет. Ее мальчишки умрут. Умрут все, кого она успела полюбить в этом мире. Те, кто ей верил, кто принял нового конту со всеми его причудами. И она ничего не может с этим поделать. Ничего!

— Интересно, почему я помню свою прошлую жизнь?

Мужчина склонил набок голову и задорно улыбнулся. Виктория поняла, что ему просто было весело наблюдать за ее мучениями. Забавно, как ей самой когда — то было забавно следить за щенком, пытающимся ухватить себя за хвост.

— Нет, нет! Ты не прав! — улыбнулся Вадий. — Я твой творец, твой отец. Это я перенес твоё сознание и твою душу в это тело. Я дал тебе второй шанс и теперь хочу получить за это благодарность. Я предлагаю сделку.

— Благодарность? — Алан попытался засмеяться, но из сорванного криком горла раздался лишь каркающий хрип. — За что мне тебя благодарить, Темный? За любовь, которой никогда не быть взаимной? За съедающую душу тоску по утерянной семье? За нежность к своим нынешним детям, которую приходится прятать? За то, что ты обрек меня на вечное одиночество? На непрекращающуюся борьбу тела и разума? За что мне благодарить тебя, урод? За смерти близких?

— Сын мой, не стоит выражаться, — Вадий явно издевался.

— Да пошел ты! Это мой разум и мои видения! Не хватало еще, чтобы мой собственный глюк учил меня как с ним разговаривать. Исчезни, дай умереть спокойно!

Раздался громкий полный боли женский крик, который не могли приглушить даже стены. Виктория дернулась, потянула руки вниз, обдирая обожжённые запястья о грубые веревки, но безрезультатно. Ей показалось, что сердце занялось огнем и пеплом осыпалось между ребер. Она узнала этот голос.

— Если ты не галлюцинация, то помоги ей, — прошептал конт, отчаянно цепляясь за надежду и одновременно не веря, что это может оказаться правдой.

— Это не в моей компетенции. Физическое вмешательство недопустимо, — с сочувствием

произнес Вадий. — Ей уже не помочь. Но я обещаю позаботиться о ее душе.

— Так как ты позаботился о моей?

— Нет, — серьезно ответил гость. — Ты — случай уникальный. И, признаюсь, в моей практике единственный удачный. Обычно эксперименты заканчивались смертью в первые дни. Кто — то сходил с ума, кто — то не мог приспособиться, кто — то начинал, как вы говорите «качать права». Мужчины были слишком самонадеянны, но совершенно не гибки. Они считали, что их знания помогут выжить и лезли напролом. Женщины более приспособляемы к изменениям, они умеют подстраиваться под обстоятельства, лицемерить и выжидать, но они слишком хрупки, и очень зависят от решений принимаемых мужчинами, тогда я решил попробовать переселить женскую душу в сильное мужское тело. И ты почти оправдал мои надежды.

— Экспериментатор чертов, — процедил Алан. — Тогда дай мне шанс отомстить.

— Сделка?

— Что я могу отдать, кроме души?

— Твоя душа принадлежит мне. Когда ты умрешь, она ко мне вернется, — небрежно махнул рукой Вадий. — Я попрошу о сущей безделице, а взамен гарантирую тебе жизнь и возможность мести.

Как расплывчато. Гарантирую жизнь. Но какую жизнь? Можно прожить десятки лет на цепи или в выгребной яме, можно жить калеккой или нищим...

— А ты молодец, — с гордостью отца за свое чадо похвалил Вадий. — Не растерял остатки мозгов.

Возле двери вспыхнул свет, она открылась, и сквозь нее прошел молодой золотоволосый мужчина в белоснежном костюме, чем — то неуловимо похожий на Вадия. В руках он нес черную папку.

— Вавилова Виктория Викторовна? Произошла чудовищная ошибка, ваша душа должна была направиться в Небеса, но вместо этого оказалась, — он скривился, — в этом теле. Я пришел исправить это недоразумение и забрать вас с собой. Приношу вам извинения.

За стеной кричала женщина. А Виктория даже не могла заткнуть уши! Она еще раз дернулась в путах и хрипло рассмеялась, обвиснув на веревках. Сумасшествие все же настигло ее. Здравствуй, шиза! Привет, чокнутое будущее! Как вовремя! Тело конта тряслось в сиплом безумном смехе, гости безэмоционально следили за ним, ожидая окончания истерики. Когда смех перешел в тихое бульканье, блондин спокойно продолжил:

— Виктория, сегодня сорок дней с момента твоего переноса. Сорок дней — переломный период. Еще все можно переиграть. Твою душу вернут туда, откуда мы ее изъяли, и когда придет время, ты опять родишься в теле младенца, ничего не помня о своих предыдущих реинкарнациях.

А может, не галлюцинация? Может, это правда? Хотелось верить, что есть шанс что — то изменить, не допустить смертей близких. Вернуться в Кровь, обнять Дарена и Тура — мальчишек, заменивших ей сыновей, оставшихся в прошлой жизни.

— А мои люди?

— Встречные. Попутчики. Кем они могли стать для тебя за эти дни? Ты даже не успела узнать их. Ты попала в этот мир по ошибке. Это не твоя судьба, не твой мир, не твоя война. Если пойдешь со мной, то встретишься с семьей. С мужем, сыновьями, внуками. Пока вы будете в мире очищения, вы сможете общаться.

— А это запрещенный прием, Ксю! Как же выбор? — вступил в разговор Вадий.

— Она должна знать, что ее ждет! — парировал златовласый.

— Ты явился в мой мир без приглашения и ...

— Я явился исправить твою ошибку!

— У нас был договор, брат!

— Стоп! Я сошла с ума? — Алан потряс головой и моментально об этом пожалел. Боль пронзила шею и прошла по всему позвоночнику засев где — то в левом бедре. — Вы существуете, или это только плод моего воображения? Вадий, кто этот золотой?

— Ну, раз я Вадий, то он, по всей вероятности, Ирий, — весело ответил черноглазый.

— Но какое отношение вы имеете к Земле? К нашему Раю и Аду?

— Все не так примитивно, как думают люди. Но у тебя пока нет доступа к этой информации, — с мягкой улыбкой произнес Ирий. — Знания убивают неподготовленных, но, возможно, наступит день, когда они тебе откроются. Что ты решила?

— Почему ты обращаешься ко мне как к женщине, а он — как к мужчине?

Оба (бога?) как — то смущенно переглянулись и проигнорировали этот вопрос.

Виктория уже все решила. Умереть она всегда успеет, а значит, этот Светлый может идти к демонам! Болтаться неизвестно где в ожидании смерти родных? Худшего он предложить не мог. Опять закричала женщина, на этот раз тише, и этот крик решил все.

— Сделка?

Черноглазый легко соскочил со стола и подошел к висящему конту. От него слегка пахло серой. Значит, правда? Галлюцинации ведь не пахнут? Или бывают ароматизированные глюки? Хотелось плакать и смеяться. Сердце сжалось в тугой ком и забыло, как нужно стучать.

— Я делаю так, что тебя спасут, а ты за это примешь власть, — из голоса Вадия исчезли шутливые нотки. Он звучал глухо и безжизненно.

— Не понял насчет власти, — просипел конт, чувствуя, как начинает кружиться голова.

— Корону. Брат хочет, чтобы ты заняла трон и повергла Храм.

— Я не говорил о Храме, — стремительно повернулся к Ирию Темный. — Это твоя цель — привести в этот мир единого бога.

— Тебе никогда не возвратиться в Небеса, брат!

— Заткнитесь! — Валлид с трудом удерживал себя от обморока. — Я согласен. Но еще одно. Ты убережешь из моего сознания женское начало. Я не хочу больше разбиваться на осколки и собирать себя заново.

— А может быть, ты хочешь стать женщиной? — Лицо Ирия в полумраке камеры светилось добротой и участием. — Прими мое предложение, и я помогу тебе переродиться в женском теле.

Заманчиво. Как заманчиво. Влюбляться без оглядки на предрассудки. Иметь детей. Плакать, когда хорошо и когда плохо. Позволять себе слабости. Вновь ощущать себя целостной. Неделимой. Но что будет с ее людьми? Стоит ли это смерти Дарена и Тура?

— Вадий?

Она отвернулась от синих, наполненных состраданием глаз. Отвернулась, потому что больше всего ей сейчас хотелось согласиться с предложением Ирия. Позволить ему забрать душу туда, где нет этой нестерпимой боли и неопределенности. Туда, где не надо ежедневно бороться за жизнь и существование, туда, где нет искалеченных рабов и предателей — друзей, туда, где она сможет быть счастлива...

— Я могу это сделать, но не просто так. Это будет вторая сделка, — Вадий довольно улыбнулся.

— Не верь ему, — тихо произнес Светлый. — Тебе не нужно просить моего брата об этом

одолжении. Ты сама можешь все сделать. Душа бесполо, она легко подстраивается под тело. Когда пройдет сорок дней, процесс станет необратим. Если ты прекратишь сопротивляться, душа примет тело, и постепенно ты станешь тем, кем себя ощущаешь. Просто реши для себя, кто ты — мужчина или женщина? И никогда не забывай об этом. Твой враг — твой разум.

— Он мужчина, — холодно произнес Вадий. — Мужчина с женской душой.

— Я мужчина, — шепотом повторила Виктория губами Алана, чувствуя, как по лицу текут горячие слезы. Защищали ссадины. Но она не думала больше о боли, она оплакивала свою любовь, от которой только что отказалась. — Спасибо, Ирий, за то, что сказал.

— Ты проиграл, брат, — довольно произнес Вадий и рассмеялся. — Ты проиграл! А теперь уходи, тебе больше нечего здесь делать, Светлый.

Ирий кротно улыбнулся Вадию и вдруг, моментально переместившись, прижал указательный палец ко лбу конта.

— Ты еще не выиграл, брат. Все может измениться. До встречи, Виктория. Не думай, что ты сделала выбор, он тебе еще предстоит. Не ошибись.

С этими словами он вышел за дверь. Силуэт стражника даже не пошевелился, словно мимо него никто только что не проходил.

Стоило Ирию покинуть камеру, как воспоминания хлынули потоком.

...Трепет в груди от взгляда высокого кареглазого мужчины, смущение, когда он протянул букет; прогулка по городу; поцелуи в подъезде; вещи, разбросанные от коридора до спальни, необузданная сжигающая страсть; предсвадебное волнение и глубокое всепоглощающее счастье, когда ей на грудь положили первенца. Счастливая улыбка мужа, нежность и любовь. Вторая беременность, перечеркнувшая карьеру, о чем она никогда не жалела. Второй сын и заинтересованный взгляд старшего... Третья точно будет девочка... смех мужа, двое мальчишек с любопытством тыкающих пальцами в маленький синеглазый сверток. Умиротворение и счастье... Женское счастье... Ты можешь все это вернуть, испытать заново, стоит только позвать Ирия...

Зачем? Зачем он напомнил об этом сейчас, когда она сделала выбор?

Вадий осуждающе покачал головой.

— Ты наденешь корону Королей, а я гарантирую тебе сегодня освобождение. Сделка?

— Только сегодня? — Разбитые губы слушались все хуже и хуже.

— Ты платишь, я работаю, — белозубо усмехнулся Темный. — Принимаешь условия?

— Принимаю. Сделка.

Она сделала выбор, о котором еще не раз пожалеет, но если есть шанс спасти своих людей, она им воспользуется!

— Земной час. Не более. Твои люди уже штурмуют ворота, — с улыбкой сообщил Вадий. — Тебе нужно продержаться всего час.

— Ты знал! — Надо же быть такой идиоткой! Ведь помнила, что нельзя верить дьяволу! — Ты обманул меня!

— Разве? Ты останешься жив, как я и обещал. Я свое обещание выполнил, выполни и ты свое, кир Алан Валлид.

Вадий подошел к конту и крепко ухватил его за левое запястье, чуть ниже ожогов. Зашипело, завоняло горелым мясом и серой. Боль на месте, куда прижался палец Темного стала невыносимой, Алан вскрикнул, с таким трудом удерживаемое сознание стремительно заволакивала тьма.

— Вот и все. Ты станешь королем, а я буду рядом.

— Хрена... — успели прошептать разбитые губы, прежде чем мужчина провалился в долгожданное беспамятство.

Вадий еще некоторое время постоял, прислушиваясь, а затем, не утруждая себя выходом в дверь, просто истаял.

Сознание вернулось рывком, а вместе с ним пришла боль. Казалось, куда уж сильнее, но пока мозг был в отключке, ноги не держали истерзанное тело, и вся тяжесть пришлась на руки. Ощущение, словно в суставах просверлили дыры и залили их расплавленным свинцом. Единственный глаз опух еще сильнее, и теперь она видела лишь тонкую полосу света. Интересно, сколько времени прошло? И то, что было до этого — бред измученного разума или правда? Были здесь местные боги, или это опять разыгралась ее шизофрения? Раздались звуки, которые невозможно было не узнать — звуки приближающегося боя, Виктории показалась, что она слышит бас Рэя. Она попыталась закричать, но вместо крика из горла вырвался кашель. Женщина с надеждой прислушалась. С лязгом упал засов, дверь с грохотом распахнулась, и в комнату кто — то вбежал, тяжело дыша. Виктория попыталась рассмотреть вошедшего, но увидела лишь мелькнувшую тень.

— Сдохни! — раздался злой голос Кайрата Линя.

Ну вот и все. Глюк свое обещание не выполнил. Слух обострился до предела, она еще услышала свист клинка, рассекающего воздух, непроизвольно подалась назад, насколько позволяли веревки, но удара так и не последовало. Вместо этого раздался звук падения тела.

— Не дергайтесь. Сейчас я вас сниму.

Черт! От этого голоса захотелось заорать, но она сдержалась, только глухо и громко забилось сердце в груди. Послышался звук пододвигаемого стула, а затем веревки перестали тянуть руки вверх. Конт не устоял на ногах, рухнул на мокрый и скользкий пол, сильно ударившись лицом, и тихонько заскулил. Боль в плечах стала невыносима.

— Сейчас будет легче.

Алвис начал сильно надавливать в определенных точках, параллельно растирая тело и восстанавливая кровообращение.

— Я убью тебя, — прошипел конт.

— Попробуете, — согласился ксен.

— Гад ты, так меня отделал.

Искореняющий тихонько рассмеялся.

— Если бы у меня было время, я бы научил вас смирению через боль. Принимать ее как часть себя, не сопротивляться ей, покоряться ее власти. Боль расслабляет, освобождает разум, снимает напряжение и вину. Она учит терпению, выдержке и покорности, делает нас сильнее. Вы бы научились любить ее.

— Ты сумасшедший мазохист, — прохрипел конт, в то время как ксен продолжал разминать его тело.

— Несколько лет постоянной боли многому учат, — философски согласился ксен. — Длantly не становятся за один год. Это путь боли и смирения. Все, что умею, я испытал на себе. Что означает слово мазохист?

— Любитель боли.

— Она часть меня. Попробуйте встать. Я помогу.

Алвис ухватил контя подмышки и рывком поднял на ноги, закидывая руку себе на плечи. Алан покачнулся, но на ногах устоял.

— Осторожно, здесь валяется ваш друг, не наступите.

— Мертв? — Алан попытался рассмотреть темное пятно на полу.

— Я же не зверь, — возмутился ксен, конт на это заявление только скептически хмыкнул. — Не могу же я лишить вас удовольствия самому убить барона. Он ранен, но жив. Просто без сознания. Ложитесь на стол.

— Нет! — непроизвольно вырвался хриплый возглас. Слишком свежи были воспоминания о лежании на этом столе. Алан нащупал руками скамью и при помощи ксена осторожно сел на неё.

— Кир Алан, — укоризненно произнес Алвис. Даже не видя Искореняющего, можно было прекрасно представить, как он качает головой. — Если бы я ставил вам ВСЕ иглы в болевые точки, вы бы согласились на любые наши предложения. Я же пытался вас подлечить.

— Поэтому я так орал, что сорвал голос, — просипел конт.

— Я не мог рисковать.

— Сколько же игл стояло в болевых точках? — Алану действительно это было интересно.

— Две. Остальные лечили, а не приносили вам страдание. Поднимите голову, я промою глаза.

Две. Всего две. И конт уже готов был согласиться.

— Покажешь мне эти точки, и тогда я, может быть, прощу тебя. Что с Нанни?

— Ей следовало рассказать о короне, но она твердила лишь, что ничего не знает, что ей велели отдать сверток незнакомому человеку. Может быть, так оно и было. Мне жаль, но ваша кормилица ушла к Вадию. Перед тем как умереть, она произнесла одно слово — «чупачурик». Вы знаете, что это?

— Нет.

«Нанни, Нанни. Ну почему ты не рассказала им правду? Зачем ты пожертвовала собой ради куска железа? Или ты что — то знала? Предвидела? Что ты обещала моей матери? Как же Рэй не уберег тебя?». Викторию захлестнула апатия. Хотелось лечь, свернуться калачиком и тихонько повыть. Хотелось остаться наедине со своим горем, но сил на эмоции не было.

Ксен снял с себя сутану и набросил ее на конт.

— Ты ведь тоже пришел в Кровь из — за короны? Это ты натравил на Берта горцев, чтобы обменять его затем на Нанни.

— Нет. Турид сообщил своему Приближенному, что контесса пытается избавиться от мужа, но пока безуспешно. Я пришел в Кровь, чтобы убить бастарда последнего короля, и едва не совершил ошибку, когда приказал своему человеку сбросить на вас камень со скалы. Кровь перешла бы Берту. Несколько лет назад конт Сани прислал Приближенному ордену Взывающих письмо, в котором подтверждал свое отцовство и указывал на Альберта как на наследника. Его вынудили признать вас сыном, но он нашел способ отомстить Наместнику, у которого очень натянутые отношения с этим Приближенным. Хорошо, что есть верные люди в канцелярии главы Взывающих, и письмо попало к нам в руки. Уже тогда мы знали, что где — то на фронтире зреет заговор, и думали, что именно вы стоите во главе его. Но увидев вас, плохо разговаривающего, растерянного, ничего не помнящего, я решил не спешить. А когда вы бросились спасать двух мальчишек — рабов, я изменил планы. Мне показалось правильным использовать вас, чтобы выйти на заговорщиков. Что касается похищения вашего слуги, это была инициатива ватажника, но когда это произошло, я планировал повернуть ситуацию в свою пользу. Кто же знал, что вы лично полезете выручать слугу? Несколько раз в Крови я пытался разговаривать с Нанни, но всякий раз кто — нибудь вмешивался. То друида, то Рэй, то вы. Мне не удалось применить к ней своего воздействия. А затем вы просто выкинули меня из замка.

— Ты сам сбежал.

— Мне показалось, что вам этого хотелось, — мягко произнес ксен.

— Ты мог спасти ее, но вместо этого убил. Передай своему хозяину, что скоро я приду за тем, что принадлежит мне по праву. И пусть он уже сейчас начинает молить Вадия о легкой смерти. Нанни я ему не прощу.

Конт смотрел на тонкую полоску света, движущуюся по полу, и не заметил, как торжествующе блеснули огненным всполохом карие глаза ксена.

— Наместнику приходится думать о многих вещах. Ради благополучия государства он не пощадит никого. Что такое смерть одного, против спасения жизни многих?

Виктории было плевать на слова. Правдивы они или бессмысленны, какое это имеет значение, если Нанни мертва? Искореняющие убили дорогого ей человека, а этого она Ордену не простит. Никогда.

— Алвис, я не держу на тебя зла. Ты всего лишь тау, а тау не бьют за верность хозяину.

Рука ксена, аккуратно промачивающая мокрой тряпкой глаза конта, замерла, а затем он медленно, словно обдумывая каждое слово произнес:

— Тау кусает лишь по приказу хозяина, я же имею собственную волю. Я клинок. Обоюдоострый клинок, который может спасать, а может карать. Я служу не Наместнику, я служу Храму.

Угу. Интересно, Наместник тоже так считает?

— Как вы взяли Нанни? — Виктория решила сменить тему. И хотя ей было больно об этом говорить, она должна знать правду.

— Я передал через служанку, что готов обменять её на вас. Кстати, в Крови есть человек заговорщиков. Знаете кто?

— Олика.

— Ваша кормилица пришла добровольно, никому не сказав ни слова, потому что Олика убедила ее, что иначе вас казнят. Нанни была уверена, что сможет спасти своего воспитанника. Когда вы догадались, что ваша любовница служит не только вам и брату Туриду?

— Я слышал их разговор с бароном, а когда висел на крюке, у меня было много времени, чтобы подумать и сделать нужные выводы. Сначала я думал на Санику, он меня ненавидит, потом на Иверта, мне казалось странным, что он застрял в замке.

— Иверт, — Ксен запнулся, словно передумал говорить, а конт был слишком уставшим, чтобы заметить это. — Попробуйте открыть глаза. Только осторожно.

Один глаз приоткрылся, а вот второй так и остался закрытым. Но даже от этого небольшого усилия закружилась голова, и к горлу подкатила тошнота. Все признаки сотрясения мозга.

— Потерпите немного, — в голосе Алвиса слышалась тревога. — Скоро все закончится.

На полу в луже подсохшей крови лежал барон Линь. Он так и не выпустил из руки меч.

— Несколько ксенов и наемников успели уйти, но я предупредил Рея, чтобы он отправил часть ваших людей перекрыть подступы к морю. Нам нужно перехватить их до того как они сядут на корабль. Заговорщики в столице не должны знать о провале их миссии здесь. Мне придется уехать, чтобы закончить расследование. Я до сих пор не знаю, кто оплачивал мои услуги, — широко усмехнулся Искореняющий. — Королю Мирии этого не надо. У нас нет общих границ, да и ему сейчас не до интриг. У них третий год засуха, весчанские и рабские бунты, ропщет знать, недовольная повышением налогов, пятеро сыновей пытаются разделить страну на герцогства, чтобы каждому досталось по куску земли. Трон под Викентом Седьмым раскален добела, а сам он одной ногой стоит на берегу реки Забвения.

— Они не знают, что ты Длань. — Алан вспомнил подслушанный разговор. — Я знаю, кто поддерживает мирийцев. И у меня к нему тоже счета.

— Кто?

— Герцог Вас'Хантер. Я собираюсь навестить его.

— У вас ведь есть дочери? И возможно, еще будут.

Неужели он намекает на Зиру? Что — то знает?

— Хотите познакомиться с семьей возможного зятя? — с легким намеком на улыбку поинтересовался ксен. — Я буду ждать вас там в десятый день месяца Белого Паука. Постоялый двор «Лисья нора». — Он помолчал. — Отец Турена Ли был моим другом.

Он затих. Молчал и конт, старательно удерживая сознание. А что говорить? У каждого из них свой путь. И, возможно, придет день, когда они сойдутся в бою на смерть. И тогда каждый из них, не глядя на симпатии, постарается убить соперника. Виктория знала, что такой день настанет, и она будет к нему готова. А сейчас, сейчас она чувствовала лишь полное эмоциональное опустошение. Смерть Нанни, неожиданное освобождение, сделка с Вадием...

— Что это? — Ксен осторожно взял конта за левую руку. — Сегодня утром этого не было!

И что там с рукой? Она склонила голову, чтобы было удобнее, и присмотрелась к аккуратному отпечатку большого пальца, выжженному на запястье. Только вместо привычного рисунка Виктория увидела четкий профиль рогатой морды. Козлиная голова. Шутник! Тавро выглядело так, словно его сделали давно, а не час назад. Черт! Значит, не привиделось? Значит, Ирий давал ей шанс уйти? Все изменить, начать сначала, а она выбрала эту боль, безысходность, ненависть. Она могла все перечеркнуть, забыть, исчезнуть, а вместо этого...

— Это знак Вадия. Мы с ним заключили сделку, — тоскливо просипел конт, едва сдерживаясь, чтобы не завывать в голос. Был шанс! И она его упустила! Она выбрала для себя судьбу! Выбрала жизнь в мужском теле!

— Знак Вадия? Кто вы?

— Помнишь, я говорил, что расскажу тебе, если ты станешь моим другом. Но пока ты им не стал.

Шум в коридоре избавил конта от необходимости продолжать разговор. Дверь распахнулась, и в нее одновременно попытались войти двое — Иверт и Рэй. Но пока они толкались в дверях, между ног Рэя проскользнула худенькая мальчишеская фигурка.

— Папа!

— Кто виконта сюда пустил? — заорал Рэй, обращаясь к кому — то в коридоре, в то время как Иверт уже стоял рядом с ксеном, направив ему в шею острие яташа.

К черту Ирия с его предложениями! К черту Вадия! Это просто нервы расшалились. Горячая обжигающая волна, словно наждак прошла по душе, смывая любые сомнения. Дар впервые назвал конта папой. И хотя это было непривычно, Виктория почувствовала такую нежность, такую всепоглощающую любовь, что забыла о своих сомнениях, о неделе, проведенной в плену, о сделке с Темным. Ничего не существовало для нее сейчас, кроме испуганных карих глаз полных слез.

— Папа...

Дарен обхватил конта двумя руками, прижался к ожогу на груди и расплакался. Тихо, беззвучно, но Виктория чувствовала, как горячие слезы сына понижают в раны, вызывая жжение и боль. Она радовалась этой боли и не хотела, чтобы она прекращалась. Эта боль помогла её душе возродиться, она даровала уверенность и надежду. Теперь ничто не сможет разлучить их с сыном, и, может быть, когда — нибудь в их маленькой семье появится еще один любимый человек. Сейчас она понимала слова Алвиса.

— Все позади. Со мной все в порядке. Я тебя люблю и никогда не оставлю. Не плачь.

В коридоре столпились воины, они выкрикивали слова ободрения и приветствия, и Виктория с удивлением поняла, что конта любят. В камеру протиснулся Тур. Он тоже был в кольчуге и шлеме, как и Дарен. На поясе висел кинжал. Увидев конта, мальчишка неловко улыбнулся и поклонился. Виктория улыбнулась в ответ.

— Ну все, тихо! — буркнул Рэй, смахивая «соринку» с глаз и переключился на подростков. — Виконт! Тур! Кто вам позволил покидать укрытие? Где ваша охрана? На стенах сгною! — бушевал капитан, потрясая в сторону коридора кулаками. Кто — то из воинов попытался оправдаться, мол, как их удержишь, но в ответ получил пять дежурств на скале и замолчал. — Я где сказал сидеть? Вы мне что обещали, когда просились в поход? Вернемся в Кровь, заставлю отжиматься по сто раз! Вы у меня узнаете, что такое дисциплина! Я не посмотрю, что вы благородные! А ну отпустите кира Алана, он едва сидит, а вы на нем повисли! Не видите, как господин изранен, а вы его еще больше царапаете своим железом!

Мальчишки смущенно отступили. Рэй. Заботливая нянька. Шумный только очень. И как он посмел притащить сюда детей. Получит! Голова кружится все сильнее, как бы в обморок не грохнуться.

— Ураган, убери меч. Алвис нам не враг.

Зеленые глаза встретились с графитовыми и уже не отпустили. Иверт, не отводя глаз, опустил на одно колено. Разве сможет конт забыть эти глаза? Сможет. Он заключил сделку.

— Бешеный Алан, я опять опоздал. Мой долг крови вырос. Примешь ли ты мои клятвы?

— Иверт. — Хорошо, что конт сорвал голос, и никто не услышал скользящую в нем нежность. — Не надо клятв. Просто будь рядом. Мы победили?

— С нами пришли люди маркиза Рамана, а Ураган привел объединенный отряд из воинов Волка и Ведмеда. Чистая победа, кир Алан. Ждем вестей с моря. Люди маркиза должны захватить корабль и беглецов, — ответил Рэй, глядя на конта с состраданием. — Сынок барона сдался, мы его заперли до вашего суда. Жену кир Кайрат еще год назад похоронил. Пленных загнали в камеры. Много морского люда, в основном наемники. Сдались сразу. Эти уроды воюют пока им платят. Рабов и слуг закрыли в сарае. Только кухарки работают, но и те под присмотром.

— Берт?

— Он возле Нанни, — отвернулся Рэй и тяжело вздохнул. — Что делать с пленными?

— Брат Алвис, займись, — приказал конт и Искореняющий согласно кивнул. — Барона повесить.

— Это смерть для простолюдина, нельзя благородного, — начал Рэй, но Алан так на него глянул своим одним глазом, что воин замолчал.

— Повесить! С остальными разберитесь са...

Видят боги, она держалась. Держалась изо всех сил, стараясь не замечать боли, не обращать внимания на истощение, на жажду и голод. Она не могла себе позволить расслабиться пока существовала хоть малейшая опасность. Но теперь, теперь они в безопасности. Все позади. И организм не выдержал. Тьма заволочла с таким трудом удерживаемое сознание. Не договорив, конт начал заваливаться на бок. Испуганно вскрикнул Дар, Иверт и Рэй одновременно бросились к падающему телу, но первым успел горец. Он подхватил конта на руки, словно ребенка, при этом импульсивно высказался на горном наречии. Алвис усмехнулся, он прекрасно знал язык игушей.

— Что он сказал? — шепотом спросил Дар.

— Что прежде чем умереть, твой отец должен дать имя своему ребенку.

— Но у меня есть имя, — растерянно пробормотал паренек.

— Сестра Иверта носит дитя от твоего отца, — пояснил ксен.

Дар похлопал глазами и беспомощно повернулся к Туру за поддержкой. Он не знал, как реагировать на это известие. Секретарь Алана Валлид поднял вверх большой палец в жесте, которому научил их конт.

— Если это будет девочка, я на ней женюсь, — тщательно проговорил он.

«Пусть это будет девочка, — подумал про себя Дарен, — хотя брат тоже неплохо».

Конец первого тома.